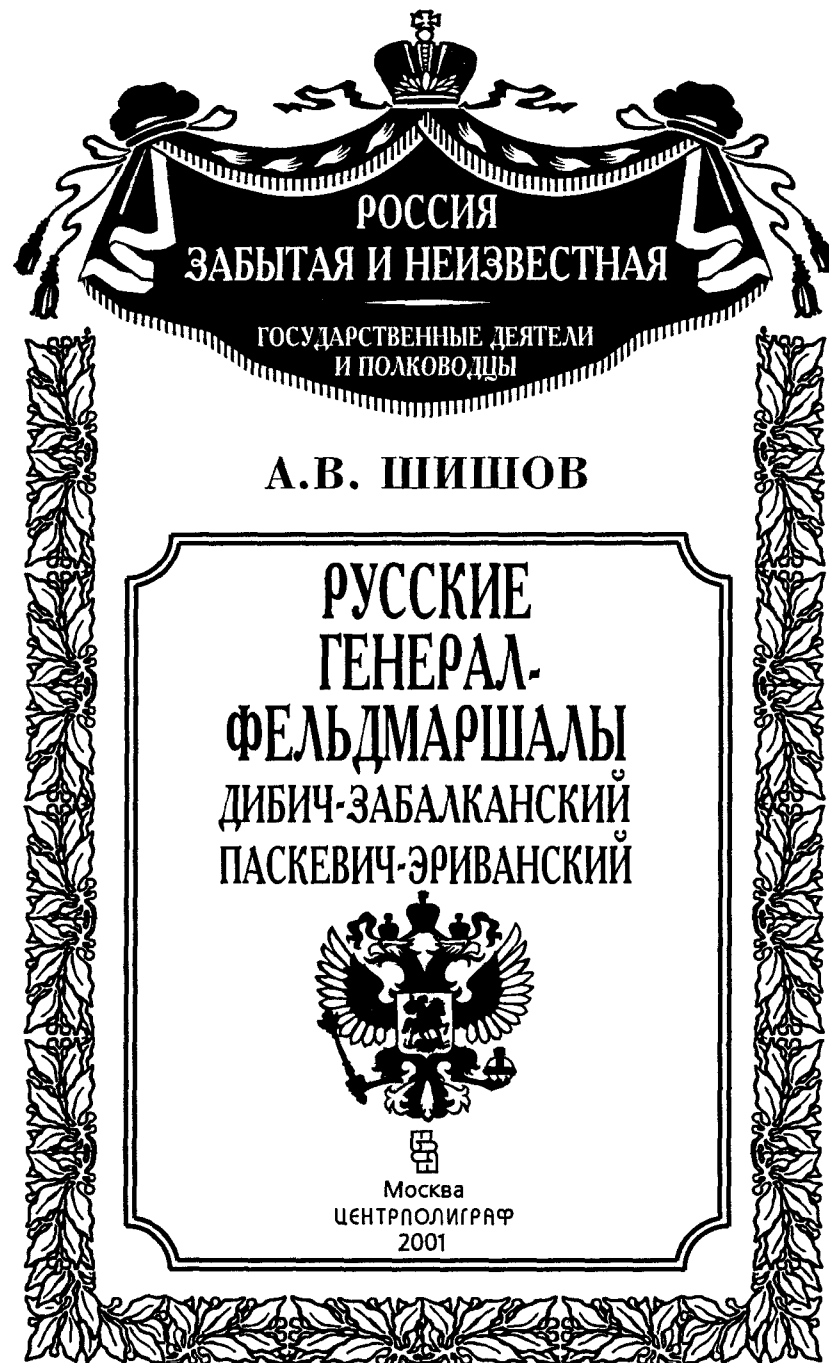

А. В. ШИШОВ

РУССКИЕ
ГЕНЕРАЛ-
ФЕЛЬДМАРШАЛЫ
ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ
ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

А.В. ШИШОВ

РУССКИЕ
ГЕНЕРАЛ-
ФЕЛЬДМАРШАЛЫ
ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ
ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2001

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

*Художественное оформление
художника И.А. Озерова*

Шишов А.В.

Ш55 Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 494 с.

ISBN 5-227-01286-5

Книга рассказывает о жизни, государственной и полководческой деятельности двух выдающихся полководцев России — Ивана Ивановича Дибича и Ивана Федоровича Паскевича. Два генерал-фельдмаршала эпохи Императора Николая I, два полных кавалера ордена Святого Георгия всех четырех степеней, они внесли неоценимый вклад в дело безопасности южных и западных рубежей России, обогатили сокровищницу военного искусства невиданными до той поры походами, сражениями, штурмами, военными и дипломатическими победами.

Знаменитые в свое время на весь мир, ныне они почти забыты. Книга восстанавливает историческую справедливость и помогает современному читателю вспомнить и зримо представить себе личности этих незаурядных в российской истории полководцев, из деятельности которых можно извлечь еще много полезных уроков.

Книга адресована массовому читателю.

ББК 63.3(2)47-8

© А.В. Шишов, 2001
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01286-5

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории государства Российского во все эпохи всегда блистали воинским искусством и победами большие полководцы. На ратном поприще они творили могущество своего Отечества, прославляли его, оберегали державность и границы России. Народная память всегда была благодарна великим военным вождям, особенно тем, кто полководческую даровитость соединял в собственной судьбе с талантом государственного мужа.

К числу таких военных вождей-государственников, вне всякого сомнения, относятся два самых прославленных полководца эпохи царствования Императора Николая I Павловича, то есть первой половины XIX столетия. Это два генерал-фельдмаршала — Иван Иванович Дибич-Забалканский и Иван Федорович Паскевич-Эриванский, князь Варшавский. Как предводителей русской армии, их смело можно поставить вслед за военным гением генералиссимусом А.В. Суворовым-Рымникским, князем Италийским, генерал-фельдмаршалами М.И. Голенищевым-Кутузовым, князем Смоленским, и П.А. Румянцевым-Задунайским...

В старой России было выверенное историей мерило полководческой славы — императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденный Екатериной II Великой в 1769 году. Он давался исключительно за личные заслуги на поле брани. За 149 лет существования этой награды только четыре человека обладали орденами Святого Георгия всех его четырех степеней. Это были воители М.И. Голенищев-Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, И.И. Дибич и И.Ф. Паскевич. Русский военный гений Александр Васильевич Суворов обладал Ге-

оргиями только трех высших степеней, поскольку сразу был награжден орденом 3-й степени, минуя низшую, 4-ю степень.

Но полководцам Императора Николая I не повезло в отечественной истории после 1917 года. Им, героям Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов русской армии против наполеоновской Франции, выигравшим для России русско-турецкую войну 1828—1829 годов, русско-персидскую войну 1826—1828 годов, было поставлено в вину очень многое. Это участие в подавлении Польского восстания 1830—1831 годов и Венгерской революции в 1849 году, командование царскими войсками в Кавказской войне против «свободолюбивых» горцев и, наконец, то, что они оказались с декабристами по разные стороны баррикад.

Так из истории России и прежде всего из ее ратной летописи были «вымараны» почти на целое столетие имена двух действительно больших, неординарных полководцев. Причем людей с несомненно знатными победами, выигранными войнами, блиставших своим талантом на поле брани и мудростью государственных деятелей на самых высоких должностях николаевской империи.

В этой книге рассказывается о полководческой судьбе генерал-фельдмаршалов И.И. Дибича-Забалканского и И.Ф. Паскевича-Эриванского. Материал написан на основе многолетних архивных изысканий автора, с обращением к документам и письменным источникам той эпохи. Цель этого труда — вернуть отечественной истории имена этих двух прославленных военных вождей и отдать должное их заслугам перед российским Отечеством.

И еще об одной частности. Для поддержания исторического колорита иноязычные географические названия, правописание которых изменилось с течением времени, используются в книге в старом виде, который может расходиться с их современным обликом, как отличаются, например, старые *Цхенис-Цкале*, *Исти-су*, *Арпа-чай* от нынешних *Цхенисцкали*, *Истису*, *Арпачей*.

Алексей Шишов,
военный историк и писатель

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ

ГРАФ

ИВАН ИВАНОВИЧ

ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ

СИЛЕЗСКИЕ ИСТОКИ

Не в столь далекие от нашего времени исторические эпохи, когда войны шли одна за другой, предметом особой гордости дворянства любой страны являлась родословная. А точнее — ее «военная» часть. Она и воспитывала, и наставляла молодое поколение, поскольку воевать и служить в армиях и на флотах приходилось почти всем.

Гордился своей родословной и барон Ганс Эренфрид фон Дибич-Норден, отец героя нашего повествования, принадлежавший к древней дворянской фамилии Силезии. Там в самом большом немецком княжестве Глогау находились его родовые имения, там род Дибичей уходил корнями в далекие века европейского средневековья, в историю силезского рыцарства.

Из глогауских хроник видно, что члены этой дворянской фамилии еще в начале XIII века отличались храбростью в военных походах войск Силезии. Дибичи сражались в начале XV столетия под герцогскими знаменами с орденовыми рыцарями в Пруссии, а в следующем, XVI веке храбро воевали в войсках Священной Римской империи против турок-османов, которые подступали к ее столице городу Вене и захватили большую часть христианской Венгрии.

Сам Ганс-Эренфрид фон Дибич-старший мог быть доволен собственной военной карьерой. Он участвовал в Семилетней войне в должности одного из адъютантов воинственного прусского короля-полководца Фридриха II Великого. Сражаться ему приходилось и против австрийских, и против русских, и про-

тив французских войск. Следует отметить, что король Пруссии ценил офицерские достоинства своего адъютанта, который не оставлял его даже после самых тяжелых военных поражений от русской армии.

Когда у Дибича-старшего 1 мая 1785 года в родовом поместье Грослейпе родился еще один сын, отец позаботился о его воспитании. Оно «состоялось» в устоявшихся традициях служивого немецкого дворянства. Иоганн-Карл-Антон должен был идти по стопам старших в баронском глогауском роду: стать военным человеком, служить ревностно (кому судьба укажет), воевать храбро. В общем — не ронять рыцарскую честь и достоинства древа силезских баронов.

С юных лет Дибич-младший отличался резвостью, быстрым умом, счастливой памятью, тягой к наукам. Разумеется, ко всем военным, которые он предпочитал всем другим. Уже в четыре года Иоганн-Карл-Антон удивлял окружающих своими познаниями. Подобно Александру Суворову и Михаилу Голенищеву-Кутузову, главным наставником будущего полководца Российской империи являлся нежный родитель.

Отец обучал сына таким наукам, как география, военная история, математика, обучал и знанию родового древа. Надо отметить, что такое домашнее обучение не только в немецких дворянских семьях давало неплохие результаты. Фон Дибич любил много рассказывать о войнах, особенно о тех, в которых ему приходилось участвовать лично. Тем самым барон возбуждал во внимательном слушавшем его мальчике богатое воображение.

Так через отцовское воспитание военная служба для Иоганна-Карла-Антон Дибича стала детской мечтой. Впрочем, довольно легко достигавшейся в ту эпоху, когда в Европе, как казалось, войны возникали одна из одной и все армии континента, за исключением одной-единственной, русской, являлись преимущественно наемными от рядовых солдат до главнокомандующих.

В 1797 году заботливый отец помещает двенадцатилетнего сына в Берлинский кадетский корпус. На этом детство того закончилось. Вскоре даровитый Дибич-младший производится в унтер-офицеры за «отличные успехи и примерную нравствен-

ность». Корпусное начальство довольно быстро обратило на преуспевающего буквально во всем кадета внимание и единодушно предрекло — прусская королевская армия должна была пополниться блестящим офицером. Но этого офицера получила все же Россия.

Россия обязана будущим полководцем генерал-фельдмаршалом Дибичем-Забалканским Императору Павлу I. Он благоклонно принял фон Ганса-Эренфрида Дибича-старшего на службу в русскую армию в чине подполковника по его просьбе. Причина смотрится одна: продолжение службы в армии Прусского королевства виделось без перспективы, жалование оставляло желать много лучшего. Российская же воинская служба давала и то и другое. Об этом в германских землях знали еще со времен Царя Алексея Михайловича, отца первого всероссийского Императора Петра I Алексеевича Великого.

Сначала Дибич-старший состоял в инспекции Тульского оружейного завода, главного поставщика ручного огнестрельного оружия для русской армии. Затем он был назначен в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. То есть, говоря современным языком, стал офицером-генштабистом и дошел до генеральского чина. В России Ганса-Эренфрида теперь величали Иваном Ивановичем.

Между тем барон Ганс фон Дибич, желая собрать вокруг себя свое семейство, просил покровительствовавшего ему самодержца Павла I содействовать переходу на русскую военную службу и его сыновей. Что и было сделано без бюрократических проволочек. Один из сыновей, Вильгельм, дослужился в России до полковника. Сложнее дело складывалось с самой большой надеждой глогауского дворянского рода — с берлинским кадетом. С ним в прусской королевской армии упорно не хотели расставаться.

Император Павел I лично обратился по этому поводу к прусскому королю. Монарх Пруссии тоже не хотел отпустить даровитого Дибича-младшего, поскольку был наслышан о его успехах и надеждах Берлинского кадетского корпуса на блестящую военную карьеру Дибича в прусской армии. Однако российскому Государю отказать в просьбе было невозможно.

ЗНАКОМСТВО С НОВЫМ ОТЕЧЕСТВОМ

Уволенный с прусской королевской службы далеко не сразу, с чином портупей-прапорщика, юный барон Дибич-младший увидел свое второе Отечество лишь в самом начале 1801 года. По прибытии в Россию Иоганн-Карл-Антон до конца своей жизни стал именоваться Иваном Ивановичем.

Директор Берлинского кадетского корпуса генерал Рюхель со всей прямотой изъявил королю сожаление, что Пруссия и ее доблестная королевская армия лишились молодого человека, подававшего столь очевидные надежды. К тому же выходец из древнего дворянского рода, чьи представители из века в век прославляли немецкое оружие.

Отцовская протекция давала Дибичу-младшему прекрасную возможность сделать хороший старт на русской военной службе: Ему предоставили право вступить в любой столичный гвардейский полк. По совету отца он избрал лейб-гвардии Семеновский, один из родоначальников российской гвардии, старейших и самых прославленных полков в русской армии. Офицерами-семеновцами являлись в своем большинстве представители российской аристократии, выходцы из знатных военных фамилий. В списках офицерского состава полка значились и многие Великие Князья из династии Романовых.

Портупей-прапорщик Дибич-младший принимается в лейб-гвардии Семеновский полк 23 августа 1801 года в чине прапорщика на семнадцатом году от рождения. Такой возраст для начинающего офицера был обычным явлением для той эпохи, а в русской армии подобное являлось правилом.

В шумном Санкт-Петербурге, в кругу полковых товарищей из числа знатных фамилий, посещавших блестящие столичные общества, молодой Дибич сразу же повел себя совсем иначе. Записанный в ряды русской армии, как и отец, Иваном Ивановичем, он довольно решительно отказался от светских удовольствий. И деятельно, со всей прусской ревностью занялся повседневной военной службой. Или, как тогда говорили, — «фрунтовой» службой. Тяготы младшего гвардейского офицера (обер-офицера) барон фон Дибич переносил легко, и его очень скоро заметили старшие начальники.

Одним из достоинств недавнего берлинского кадета сразу стало то, что он с большим старанием взялся за изучение русского языка и быстро освоил его. Уже довольно скоро выходец из Пруссии свободно общался с однополчанами на их родном языке.

Отец продолжил «домашний курс» обучения любимого сына, держа его при этом в поразительной для окружающих строгости. Генерал-майор И.И. Дибич-старший умело сочетал приятное с полезным. К тому времени он стал воспитателем принца Евгения Вюртембергского, прибывшего в начале февраля 1801 года в Санкт-Петербург. Причина его приезда на берега Невы состояла в том, что этот небольшой германский королевский двор породнился с российским императорским.

Тринадцатилетний племянник Императрицы Марии Федоровны, бывшей принцессы Вюртембергской, приходился двоюродным братом ее сыновьям — Великим Князьям Александру, Константину и Николаю. Скорее всего, через принца Евгения барон фон Дибич-младший (или Дибич 2-й) стал хорошо известен царевичам. Между ними установились дружественные отношения, которые во все последующее время ничем не омрачались. Уже одно это было большой заявкой гвардейца-семеновца на будущее.

А тем временем Иван Иванович Дибич-старший, как заботливый воспитатель, наставлял принца Евгения Вюртембергского вкупе с преуспевающим по службе сыном правилам поведения при царском дворе: «Никому не верьте там. Они лживы, как кошки...»

Будущему генерал-фельдмаршалу пришлось испытать на себе все странности Императора Павла I, проявившиеся в полном преклонении перед прусскими порядками. Император денно и ночью насаждал их в русской армии, по-своему заботясь о повышении ее боевой силы. Однако такие государевы труды почти во всем приводили только к самым нежелательным результатам.

Павел I отстраняет от военной службы русского военного генерала Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Когда же австрийский двор, терпевший одно военное поражение за другим от армий революционной Франции, обращается за помо-

щью к Императору России, тот самым лестным рескриптом возвращает полководца в ряды русской армии. Победно завершившиеся Итальянский и Швейцарский походы делают Суворова генералиссимусом и князем Италийским. Но по возвращении из Европы, даже не доехав до Санкт-Петербурга, Суворов вновь попадает в царскую опалу.

Ярый поклонник прусской военной машины, Павел безжалостно изгоняет из рядов русской армии всех несогласных с его взглядами на военное искусство офицеров и генералов.

Государь Павел I запрещает военным ношение очков, и тем, кто не мог обойтись без очков, приходилось оставлять военную службу. Барон Дибич-младший от рождения был росту самого малого и в результате был переведен из гвардии в полевую армию за «...неприличную и уныние во фронте наводящую фигуру». Правда, такой перевод-наказание за малый рост длился самое непродолжительное время.

Принц Евгений Вюртембергский вел личный дневник. В его изложении крайне интересны речи, которые произносил молодой гвардейский офицер Иван Дибич 2-й среди людей своего круга. Записи принца относятся к тому времени, когда Дибич-младший, преуспевавший на русской военной службе, уже имел звание капитана:

«Император тиран — таков был приблизительный смысл его речей; но, конечно, он и вполнину не столь дурен, как его выдают, чтобы возбудить ненависть и стремление к самообороне и чтобы таким путем совсем от него освободиться. После того как это произойдет, одни надеются получить милости и почет благодаря вступлению на трон старшего Великого Князя, другие — готовят Павлу I судьбу Петра III и надеются добыть честь и славу от Марии Федоровны; есть еще интриганы, которые охотнее всего бросили бы в море всю Императорскую семью и сели бы на их место».

Если верить данному дневниковому пересказу, то капитан лейб-гвардии Дибич-младший не верил в успех заговора бывших екатерининских сановников против Императора. И потому не мог принадлежать к числу заговорщиков, хотя, как хорошо известно, у него имелось немало личных причин быть недовольным правящим монархом.

Но в соответствии с присягой офицер барон Дибич, как и будущий генерал-фельдмаршал граф Дибич-Забалканский, верно служил российскому престолу, а значит, и государству Российскому. Капитану лейб-гвардии Семеновского полка вскоре довелось доказать это на войне.

ПЕРВЫЕ ОТЛИЧИЯ И ПЕРВЫЕ НАГРАДЫ

В 1805 году началась русско-австро-французская война, одна из длинной серии войн европейских монархий против Франции. Она стала первым испытанием на воинскую зрелость для гвардейского офицера, жаждавшего, как и его товарищи-однополчане, отличиться на поле брани и чести.

20 ноября произошло знаменитое в военной истории Аустерлицкое сражение. В ходе его император-полководец Наполеон I нанес поражение союзной русско-австрийской армии, придерживавшейся, увы, уже устаревшей линейной тактики. И более того, союзники действовали по крайне неудачному плану на генеральное сражение, составленному австрийским генералом Ф. Вейротером. Наполеон в последующем постоянно вспоминал о своем «солнце» Аустерлица.

Русская гвардия в ходе начавшейся битвы прикрывала городок Аустерлиц. Форсировав вброд реку Раусниц, гвардейцы выдержали удар кавалерии прославленного Иохима Мюрата, но затем были вынуждены отойти под натиском неприятеля. Наполеон стремился любой ценой разбить союзную армию, постоянно наращивая атакующие усилия французской армии. Бой под стенами Аустерлица принял самый ожесточенный характер.

Русские и сами бесстрашно атаковали позиции французских войск. При этом им приходилось раз за разом отбивать удары вражеской кавалерии, настойчиво пытавшейся расстроить их ряды. Дибич, для которого Аустерлиц стал первым в жизни сражением, сражался в первых рядах семеновцев. Как и другие полковые командиры, он горел желанием показать не только самому себе «примерную храбрость» и твердость духа.

Раненный в кисть правой руки, Дибич наскоро перевязал рану платком и, взяв шпагу в левую руку, остался при своей роте до самого конца битвы. Французской кавалерии под Аустерлицем так и не удалось опрокинуть, смять пехотные полки русской гвардии. Они ушли с поля битвы с развернутыми боевыми знаменами под барабанный бой.

Мужественный поступок двадцатилетнего офицера не остался незамеченным. Об этом в рапорте было доложено Императору Александру I Павловичу, который, как мы отмечаем, лично и довольно хорошо знал Дибича. Вполне заслуженной наградой ротному начальнику семеновцев стало почетное оружие — офицерская золотая шпага с надписью «За храбрость».

Во время своей первой войны с наполеоновской Францией штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка недавний немецкий барон сдружился с лихим русским кавалеристом Денисом Давыдовым. Тот уже тогда закладывал основы сделавшей его знаменитым в отечественной поэзии «гусарской лирики». Свою дружбу и взаимное уважение они пронесли через многие военные и мирные годы.

В этих взаимоотношениях примечательно следующее. В своих «Военных записках» поэт-гусар, любивший иронизировать по адресу многих лиц из императорского окружения, совсем не задевает барона, а потом и графа Дибича. А даже совсем наоборот, пишет о нем самые доброжелательные высказывания. Скорее всего, это объясняется одним обстоятельством — они оба от начала до конца в боях прошли Отечественную войну 1812 года и смогли еще лучше узнать друг друга.

Исполнительный до щепетильности (школа отца и Берлинского кадетского корпуса прусской армии), гвардейский офицер Дибич рано показал большие способности к сложной и многотрудной штабной работе. Она требовала большой эрудиции и работоспособности, умения контактировать с самыми различными должностными лицами и неизменной старательности. Такая сторона способностей Дибича-младшего всегда обращала на себя внимание. И потому не случайно в 1807 году его прикомандировывают к квартирмейстерской части русской действующей армии.

ПЕРЕХОД В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

В мае 1807 года Дибич, уже в новом для себя качестве, участвует в целой серии сражений против французов: 24-го — при Ламитине, 25-го — при Гутштатте, 29-го и 30-го — при Гейльсберге. И всюду начинающий квартирмейстер показывал распорядительность и знание быстро менявшейся в ходе маневрирования и боя действительной обстановки. Отзывы начальников о нем были самыми лестными, хотя порой в силу исполняемой должности он «вмешивался» в их решения.

Последовавшее затем 2 июня Фридландское сражение на полях Восточной Пруссии как бы подвело черту под становление Ивана Дибича как боевого офицера русской армии. В той баталии он вновь оказывается в первых рядах сражающихся, среди тех, кто показывал «самоотвержение войск при отражении натисков неприятеля». Его видят на самых опасных участках сражения, под вражескими пулями и пушечными залпами, бесстрашного и сообразительного, исполнительного и ни на минуту не забывающего о том, что офицер — это пример для нижних чинов.

Русская армия после Фридланда отступила к берегам реки Неман, то есть отошла к российской государственной границе. Французская армия двинулась в преследование, надеясь на прусской территории отрезать арьергардные войска русских и разгромить их.

Штабс-капитан Дибич вместе с гусарским офицером Денисом Давыдовым участвует в деле башкирских конных полков против французов. Башкиры, вооруженные пиками и саблями, луками и стрелами, в вислоухих шапках и разноцветных кафтанах, на малорослых, с виду неуклюжих, но быстрых конях смело атаковали неприятеля и угрожали его тылам. Иррегулярная конница прикрывала, таким образом, отход главных сил армии под главным командованием генерала А.А. Беннигсена.

За доблесть, проявленную в ходе русско-прусско-французской войны 1806—1807 годов штабс-капитан барон Дибич удостоился сразу трех боевых наград. Он получил за оказанное им «примерное мужество» ордена Святого Владимира, Святого

Георгия 4-го класса и прусский военный орден «За заслуги». И все это в двадцать два года...

К чести гвардейского офицера Ивана Дибича надо сказать, что, отличаясь трудолюбием, он не прекращал теоретического изучения военного дела. Обильную пищу для его размышлений предоставили наполеоновские войны, в которых ему довелось участвовать лично. Он продолжает усердно заниматься повседневной службой и «усовершенствованием» себя в штабной работе, которая сама по себе расширяла профессиональный кругозор офицера.

В 1810 году штабс-капитан подает по команде рапорт с просьбой о переводе его на службу в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Ему в этом содействует управлявший тогда этой частью генерал-адъютант князь, в будущем светлейший князь, Петр Михайлович Волконский, тоже будущий русский генерал-фельдмаршал. Тому хотелось иметь в подчинении боевого офицера, познавшего квартирмейстерское дело на двух войнах против наполеоновской Франции.

Затруднений при переводе барона с тремя боевыми орденами из армейских рядов в свиту не произошло. Как не случилось и обыкновенной затяжки с соответствующим приказом по армии, поскольку офицер при переводе оставался в полевых войсках. Штабс-капитан И.И. Дибич-младший становится генштабистом по примеру своего отца, генерал-майора И.И. Дибича-старшего.

Перевод состоялся 19 сентября 1810 года. При этом Дибич-младший зачисляется в свиту с повышением — в звании подполковника. Он назначается на должность дежурного штаб-офицера в 1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Петра Христиановича Витгенштейна, военачальника с большим боевым опытом, сражавшегося еще под суворовскими знаменами.

В том же году подполковник квартирмейстерской части обратил на себя внимание аналитической докладной запиской, поданной по команде, под названием «Организационный план реквизиционной системы». Записка была представлена на рассмотрение военному министру России генералу от инфантерии Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли. Она содержала ряд предложений по жизнеобеспечению полевых войск в случае

открытия военных действий против наполеоновской Франции. Глава российского Военного ведомства с пониманием отнесся к этим предложениям.

Служба у барона Ивана Дибича в 1-м пехотном корпусе на должности дежурного штаб-офицера сразу заладилась. Он заслужил уважение к себе со стороны корпусного начальства и авторитет среди сослуживцев. Его не раз поощряли в различных приказах и в инспекционных рапортах. И ровно через год, в 1811-м, подполковник свиты Его Императорского Величества был пожалован чином полковника.

МОЛОДОЙ ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Нашествие Великой армии на Россию открыло Ивану Ивановичу Дибичу новое обширное поле деятельности на пути к славе уже не офицерской, а военачальника. В самом начале Отечественной войны 1812 года он назначается на должность обер-квартирмейстера 1-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Его войска, отделенные от 1-й русской Западной армии Барклая-де-Толли, прикрывали у города Полоцка операционное направление на Санкт-Петербург. С этим назначением полковник Дибич вошел в число должностных лиц управления этим корпусом.

Обер-квартирмейстеру пришлось участвовать во всех делах войск Витгенштейна. Хотя их позиции могли считаться находящимися на «отлете», к северу от главных сил нашей армии, но наполеоновские войска проявляли здесь немалую активность. И в течение всей кампании полковнику И.И. Дибичу довелось на поле брани познать военное искусство многих прославленных полководцев наполеоновской Франции. И прежде всего маршалов Даву, Удино, Нея, Сен-Сира (Гувьена-Сен-Сира), Макдональда... Вне всяких сомнений, это была хорошая школа.

Дав противнику авангардный бой 16 июня под Вилькомиром (севернее города Вильно), корпус П.Х. Витгенштейна отходит к Динабургу, к берегам Северной Двины. Быстрое продвижение своих и неприятельских войск заставляло работать

штабистов с большим перенапряжением сил, почти круглосуточно. Порой подводили карты местности, устаревшие по времени.

Преследовавшие русский корпус французские войска все никак не могли «сесть ему на хвост». Дибич отличается 10 июля в действительно жаркой перестрелке с неприятелем близ мызы Леамполь. В районе города Полоцка 1-й пехотный корпус закрепляется на удачно выбранной позиции и дальше уже никуда не отступает, прикрыв собой прямой путь на столицу России. Натиск французских войск не заставил себя ждать.

Наполеон приказывает корпусу маршала Франции Н.Ш. Удино, имевшего под своим командованием 29 тысяч человек и 114 орудий, развернуть наступление на Санкт-Петербург. Казалось, что сил для этого отряжалось достаточно. Противостоящий русский корпус генерал-лейтенанта Витгенштейна насчитывал всего 17 тысяч человек и 108 артиллерийских орудий. Удино, подтянув растянувшиеся на марше корпусные войска, переходит в наступление.

На санкт-петербургском направлении состоялось генеральное сражение, которое по своему накалу мало чем уступало Бородинскому. Правда, там сражались две огромные армии, а не два армейских корпуса. Три дня — 18-го, 19-го и 20 июля близ белорусских сел Клястицы, Якубово и Головщица, на окрестных полях и перелесках, не смолкал гром орудийной пальбы более двухсот орудий, трещали ружейные залпы.

Атакующие французы безуспешно пытались сломить сопротивление 1-го пехотного корпуса, сбить его с занимаемых позиций и расчистить себе путь на столицу России. Русские войска держались стойко, успешно отражали вражеские атаки, контратаковали сами. В конце трехдневных ожесточенных боев наступательный пыл французов окончательно угас, и им с немалыми потерями (большие были и у русских) пришлось отойти на исходные позиции. Но Отечественная война 1812 года еще только начиналась.

Управление пехотного корпуса Витгенштейна в состоявшемся сражении оказалось на должной высоте, и корпусной оберквартирмейстер полковник барон И.И. Дибич награждается Военным орденом Святого Великомученика и Победоносца

Георгия 3-го класса. То была очень высокая оценка его личных заслуг и примерной храбрости в прошедших сражениях, в первую очередь под Клястицами.

Маршал Франции Удино настойчиво стремился выполнить приказ своего императора. Вскоре последовали бои на реке Свольне. Здесь 29 июля французские войска вновь попытались взять верх над русским корпусом, но снова безуспешно. Численное превосходство противника над защищавшимися полками Витгенштейна в победный результат не вылилось.

Летом корпуса наполеоновской армии еще раз стремились потеснить русские силы на северном направлении, стремясь через Ригу и Полоцк продвинуться в направлении к Петербургу. После авангардных стычек 3-го и 4 августа под Смоленскими и Гамзелевою последовало большое двухдневное (5-го и 6 августа) кровопролитное сражение под Полоцком, занятым французами.

Перед Полоцким сражением корпус маршала Удино соединился с пришедшим на помощь корпусом маршала Сен-Сира, состоявшим из баварских войск. Теперь противник имел до 45 тысяч человек, которые отличались солидным боевым опытом. Генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн имел под ружьем только 17 тысяч бойцов, но занимал более выгодную позицию. К сему следует добавить, что квартирмейстерская (штабная) служба русского пехотного корпуса сумела наладить четкое управление между его отдельными частями.

Маршалы Франции Удино и Сен-Сир, как опытные предводители наполеоновских войск, задумали выманить русских на равнину перед Полоцком. После этого они намеревались разбить их, используя свое почти трехкратное превосходство. Тем самым замышлялось отомстить за свою недавнюю неудачу под Клястицами.

Однако для прославленных маршалов случилось непредвиденное. В ночь с 4-го на 5 августа русские, словно забыв или презрев свою малочисленность, сами перешли в наступление, атакующими усилиями вытеснив французов из окрестных лесов. На подступах к городу Полоцку завязалось нешуточное сражение...

Полковник Дибич находился в штабе корпусного командующего. По приказаниям Витгенштейна он не раз в ходе Полоцкого сражения выполнял спешные и ответственные его задания. Выезжал на передовую, заботился о корпусных флангах, прикрывать которые особых сил и не находилось, анализировал многочисленные донесения, проявлял своевременную распорядительность. Но самым главным успехом дважды Георгиевского кавалера под Полоцком явилось то, что продемонстрированное им высокое искусство управления войсками было замечено всеми.

Наградой корпусному обер-квартирмейстеру стал чин генерал-майора. Барон Дибич-младший и не скрывал от окружающих его людей своего стремления к генеральским эполетам. Теперь мечта прусского дворянина на русской военной службе сбылась. И как сбылась — на поле брани, да еще в неполные двадцать восемь лет!

Так в списках русской армии в памятном для отечественной истории 1812 году появился еще один генерал. Во всех документах он значился среди генералитета Российской империи как Иван Иванович Дибич 2-й.

В этом чине и уже в должности генерал-квартирмейстера 1-го пехотного корпуса Дибич вступает в командование авангардом сводного отряда генерал-майора Бегичева. Авангард состоял из мобильных, подвижных войск: сводного егерского полка, четырех сводных гренадерских батальонов 5-й и 14-й дивизий, двух эскадронов Рижского драгунского полка, сотни казаков для ведения разведки и шести полевых орудий. Под командованием новоиспеченного генерала собрались хоть и не многочисленные воинские силы, но отборные во всех отношениях.

К тому времени наступал перелом в Отечественной войне 1812 года. Голодающая Великая армия императора французов была уже готова оставить сожженную и разграбленную Москву. Главкомандующий русской действующей армией генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов навязывал Наполеону свою волю. Стратегическая инициатива теперь была в его руках.

Однако противник оставался еще достаточно силен. Под Полоцком вновь разгорелись упорные боевые действия.

5 октября при селении Юровичи авангардный отряд генерал-майора И.И. Дибича 2-го разбивает противостоящих ему французов числом до четырех тысяч и на следующий день отбрасывает их к самому городу. Эта небольшая по своему звучанию победа русского оружия произошла практически в то же время, что и Тарутинское сражение на реке Чернишне к югу от Москвы, после которого Наполеон решил оставить древнюю русскую столицу и «тронулся в обратный путь».

Пехотный корпус генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна перешел в наступление. Началось последнее сражение за Полоцк, который стал на театре военных действий пунктом стратегической важности. При штурме и взятии города в ночь с 6-го на 7 октября участвовал и авангардный отряд Дибича. Он совместно с другим авангардным отрядом, которым командовал князь Иван Матвеевич Яшвил, в ходе сражения пробился сквозь неприятельские заставы на правом берегу реки Полоты. За наступавшим авангардом следовала часть корпусного резерва.

В журнале боевых действий русской армии, который велся в штаб-квартире М.И. Голенищева-Кутузова, о сражении за город Полоцк записано:

«Неприятель, запершись в Полоцке, обнесенном двойным палисадом, держал<ся> в нем почти всю ночь, продолжая стрельбу из-за палисадов и из домов. Удачное действие нашей артиллерии и, наконец, штурм авангарда под командою генерал-майоров Властова и Дибича и Гродненского гусарского полка Ридигера принудили его оставить город. 8-го числа в 3-м часу пополудни Полоцк занят нашими войсками».

Значение взятия города Полоцка в ходе контрнаступления русской армии оказалось велико. Наполеон, узнав, что войска Сен-Сира потерпели поражение, потеряли Полоцк и отошли за Западную Двину, спешно двинулся от Вязьмы к Смоленску. Он серьезно опасался, что теперь корпус генерала Витгенштейна сможет беспрепятственно выйти на дорогу Смоленск—Орша и преградить ему путь.

Преследование баварских войск маршала Франции Сен-Сира после освобождения Полоцка продолжалось успешно и неотступно. Егеря и гренадеры, драгуны и казаки авангардно-

го отряда Дибича ежедневно вели большие и малые бои с отступавшими на запад наполеоновскими войсками. Вот только некоторые из них. 9 октября успешной атакой сбиваются неприятельские батареи на левом берегу Западной Двины. Пехотное прикрытие не смогло защитить батарейные позиции от решительного удара русских, которые отважно шли в штыки. 19 октября авангардные войска Дибича участвуют в сражении с французами под Чашниками. Там потерпели поражение части войск маршалов Франции Сен-Сира и соединившегося с ним Виктора.

Разноплеменная армия императора французов разбегалась по пути отступления, не желая больше сражаться и умирать. Часть таких беглецов, преимущественно выходцев из различных германских земель, оказалась в добровольном плену у барона Дибича 2-го и его авангарда. Среди них оказалось немало выходцев из Пруссии и Саксонии.

Сообразительный Иван Иванович создал из пленных немцев особую воинскую команду и дал ей оружие. При этом он уже знал, что в России началось формирование антинаполеоновского так называемого Немецкого легиона, создававшегося на добровольной основе. С разрешения Императора Александра I этим делом занимался генерал-лейтенант принц (герцог) Август Павел Фридрих Ольденбургский, ревельский генерал-губернатор. В ходе Отечественной войны 1812 года он состоял при штабе 1-й русской Западной армии.

Созданная Дибичем команда стояла в Бельском уезде и вела себя отнюдь не скромно, причиняя своим буйным поведением большое беспокойство местным жителям. Более того, вчерашние наполеоновцы отказывались подчиняться уездным властям. Недавний покровитель Дибича-младшего князь Петр Михайлович Волконский, во время войны состоявший при Императоре для особых поручений, вынужден был пойти на крутые меры. Он приказал обезоружить воинскую команду из иностранцев и держать ее в строгости, не считая, однако, их военнопленными русской армии.

Волконский под «крепким» присмотром отправил бывших наполеоновских германцев к месту формирования Немецкого легиона. На царского генерала для особых поручений посыла-

лись жалобы. Такие действия талантливого начальника квартирмейстерской службы русской армии, к немалому удивлению многих, вызвали гнев на него Государя. К счастью, для генерал-адъютанта князя Волконского серьезных последствий это не имело.

Тем временем остатки Великой армии императора французов, таявшей как снег под лучами весеннего солнца, откатывались по территории России все дальше на запад. Русские войска, исполняя кутузовский замысел, вели неотступное преследование врага, не давая возможности его главным силам соединиться с фланговыми корпусами, отступавшими из-под Полоцка и Риги. Авангардный отряд генерал-майора Дибича, в числе многих других, буквально «сидел на хвосте» у отступавших французов.

Отряд отличился в многочисленных стычках под Батурами, в напряженном бою при Старом Борисове. В последнем случае русскими войсками была совершенно разбита дивизия генерала Портуно. В ходе боя более восьми тысяч французов вместе с пятью генералами сложили оружие. Победителям в качестве военных трофеев достались три пушки (остальных дивизия лишилась по пути бегства) и личное оружие плененных. В плен попал и сам дивизионный командир.

16 октября в бою под Студянкой корпус Витгенштейна нанес жестокое поражение маршалу Франции Виктору. Но остатки французского 6-го корпуса Великой армии все же не были окончательно разгромлены в том бою и сумели отступить дальше. Причиной этой относительной неудачи русских стала нерешительность русского корпусного командира, не сумевшего захватить инициативу.

Витгенштейн оказался одним из главных виновников того, что Наполеон с остатками своих главных сил сумел вырваться из «мешка», приготовленного ему Кутузовым, и сумел форсировать реку Березину. Русский главнокомандующий так отозвался о роли корпусного начальника в событиях на Березине: *«Отдельные действия Витгенштейна оправдать нельзя, а могут они только прощаться ради тогдашней славы его».*

Адъютант русского главнокомандующего князь А.Б. Голицын, в то время юный корнет лейб-гвардии Конного пол-

ка, писал в своих воспоминаниях об Отечественной войне 1812 года:

«Сражение же при Студенке делает мало чести графу Витгенштейну. Имея пред собой один корпус Виктора, расстроенное войско и переправу трудную, ему следовало в тот день действовать решительнее».

Однако генерал-майор Дибич 2-й, в отличие от многих других корпусных генералов, под Студянкой все же сумел отличиться. Увидев, что основные силы французов были задействованы против правого фланга русских войск, он быстро развернул батарею в 12 орудий на противоположном фланге. Пушкари повели огонь столь удачно, что привели неприятельский обоз, нескончаемой вереницей тянувшийся к переправе через Березину, в большой беспорядок. В целом же, хотя часть французских войск и выскользнула из русского окружения, Великая армия Наполеона фактически прекратила тогда свое историческое существование...

Заслуги генерал-майора Ивана Ивановича Дибича 2-го в сражении на берегах Березины оценили высоко. Он удостоился сразу двух боевых наград: ордена Святой Анны 1-й (высшей) степени и золотой шпаги, украшенной алмазами. Это было его второе наградное оружие за воинскую доблесть.

Видя большие способности генерал-квартирмейстера 1-го пехотного корпуса в организации преследования противника, главное командование русской армией изменило состав подчиненного ему авангардного отряда. Теперь тот превратился из преимущественно пехотного (егеря и гренадеры) в преимущественно кавалерийский. Он и называться стал совсем иначе — «летучим» отрядом. Но главным достоинством его было то, что он являлся самостоятельным и мог действовать в отрыве от главных сил.

Так с декабря 1812 года в расписании армий, корпусов и отрядов кутузовской армии стал числиться летучий отряд генерал-майора Дибича 2-го. Теперь навсегда связавший свою судьбу с Россией барон из силезского княжества Глогау был официально введен в ранг военачальников русской армии.

В новый отряд входили: Гродненский гусарский полк (впоследствии он станет гвардейским), два Донских казачьих пол-

ка — Родионова 2-го и Чернозубова и 1-й батальон 23-го егерского полка. Всего около двух тысяч человек. Впрочем, русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский в своем труде об Отечественной войне 1812 года называет несколько меньшую цифру — 1400 человек. Возможно, она более достоверна, поскольку, по-видимому, учитывает потери, которые понесли эти полки в предыдущих делах. Велико было осенью и число больных.

Самым «прогремевшим» в то время подвигом генерал-майора Ивана Ивановича Дибича, имевшим немаловажные последствия для России, стало дело под Колтынянами 13 декабря. Это случилось под самый занавес изгнания французов из России и полного крушения замысла Наполеона.

По дорогам, ведущим к столице Восточной Пруссии городу Кенигсбергу, отступали две колонны немецких войск наполеоновской Великой армии. Ими командовали опытные генералы Прусского королевства генералы Йорк фон Вартенбург и Массенбах. Их корпуса, в отличие от большинства других у Бонапарта, сохранили стройность своих рядов, артиллерию и способность сражаться на равных с русскими.

Отступавших пруссаков по пятам преследовал летучий отряд Дибича. Его первейшая задача состояла в том, чтобы не дать прусскому корпусу под общим командованием генерал-лейтенанта Йорка соединиться с остатками отходившего от Риги корпуса маршала Франции Макдональда. Тот уже поджидал союзников, которым в России «досталось» на удивление мало. В случае их соединения к северу от наступавшей кутузовской армии образовывалась бы немалая по силе вражеская группировка. В таком случае ей было несложно пробиться к отступавшим главным силам Наполеона.

Генерал-майор Дибич действовал на редкость дерзко и рискованно. Русский летучий отряд с прекрасно поставленной конной разведкой, выбрав удачный момент, смело врезался между отступающими колоннами германцев и занял местечко Колтыняны. Гусары, казаки-донцы и егеря-стрелки, как успели, закрепились в нем. Прусский корпус обойти это селение просто не мог.

Но положение отряда Дибича в данном случае было незавидное. Подходивший в походных колоннах противник более

чем в десять раз превосходил летучий отряд численно. Не говоря уже о том, что артиллерии русские не имели вообще. Да и к тому же помощи скорой и сильной получить они в ближайшие день-два не могли.

Затем Дибич рискнул еще раз, проявив удивительную по исполнению военную хитрость. Он стал своим отрядом, не превышавшим, как мы говорили, две тысячи человек, поперек дороги из местечка Шелеля в селение Крожи. И растянул гусарские эскадроны, казачьи сотни и егерские роты по фронту так, чтобы подходящему неприятелю они виделись авангардом, предшествующим сильному корпусу или более сильному русскому войску.

Однако пруссаки могли выслать вперед кавалерийские разезды и раскрыть хитрость русских, без особого труда установив их малочисленность. Чтобы обезопасить себя от такой неприятности, командир летучего отряда расположил свои сторожевые посты спереди и сзади занимаемой им линии. Ими он достаточно надежно прикрылся от разведки обеих походных колонн прусских войск.

Местность оказалась удобной для осуществления задуманного. Дерзкий молодой генерал выставил своих егерей, гусар и донских казаков на возвышенных местах и у лесной опушки. Кое-где гусарские эскадроны и казачьи сотни стояли в полном строю. Со стороны вполне могло показаться, что главные силы русских укрылись в лесу и за возвышенностями. Там же могли прятаться и артиллерийские батареи.

Такая оперативная маскировка и военная хитрость удалась, как говорится, на славу. В тот день сказался и эффект неожиданности встречи противников. Пруссаки никак не ожидали появления впереди себя русских войск, да еще по всему виду изготовившихся к сражению. Более того, темнеющий за их спинами густой и обширный лес, перерезанный дорогой, на их взгляд, вполне мог скрывать в себе резервы русских. По дороге же могли быстро подоспеть подкрепления противника.

Дибич едва успел закончить такую декоративную расстановку сил своего летучего отряда, как первым на него вышел авангард прусского корпуса, которым командовал генерал Клейст. При виде русских на позиции передовые прусские войска ос-

тановились. Чтобы не дать противнику времени на оценку обстановки или, хуже того, проведение разведывательных действий, Дибич выслал к подошедшему неприятелю офицера-парламентера.

Тот уведомил не знающего действительной обстановки генерала Клейста о том, что его авангард отрезан войсками русского корпуса от остатков 10-го корпуса французской армии маршала Макдональда. От имени «командования» русского корпуса переговорщик предложил прусскому генералу и его корпусному начальству заключить временную договоренность о нейтралитете прусского корпуса в проигранной Наполеоном войне в России на самых приемлемых для отступавших немцев условиях.

От такой информации и сделанного русской стороной предложения генерал Клейст пришел в немалую растерянность. Он приказал полностью приостановить движение своего авангардного отряда до подхода генерала Йорка с главными корпусными силами. О том, что надо бы на всякий случай произвести разведку позиции и сил противника, Клейст словно забыл.

Когда главные силы прусского корпуса подошли к Колтынянам, генерал-майор И.И. Дибич в сопровождении небольшой свиты лично поехал на переговоры с военачальником короля Пруссии. Их свидание состоялось между двух цепей сторожевых постов. Барону Дибичу удалось убедить своего бывшего соотечественника прусского генерал-лейтенанта, человека гораздо более опытного, заключить перемирие до утра следующего дня. Уже одно это можно было считать большим успехом.

Вечером, еще до захода солнца, к летучему отряду русских подоспело подкрепление в тысячу кавалеристов. Их демонстративное появление на позиции у местечка Колтыняны наблюдали и из неприятельского походного лагеря. Усиление русских не могло не произвести впечатления на пруссаков от нижних чинов до начальства.

14 декабря генерал-лейтенант Йорк решил согласиться на предложение русского генерала. Причиной, подтолкнувшей его к такому решению, стало следующее. Йорк так и не получил никаких сведений от французского маршала Макдональда. Он

не знал даже предположительно, где находятся его союзники и каким маршрутом отступления они следуют.

Предложение же хитрившего барона Дибича состояло в следующем. Прусскому корпусу от имени командования русской армии давалась возможность беспрепятственно, без боя, отступить по российской территории до самой государственной границы с Восточной Пруссией. Такое «разрешалось» генерал-майором Дибичем с одной-единственной оговоркой — чтобы его бывшие соотечественники следовали до берегов реки Неман, не имея сношений с войсками маршала Макдональда. В таком случае прусский корпус будет объявлен нейтральным в идущей войне войском.

Исследователи Отечественной войны 1812 года отмечают, что в данном случае Иван Иванович Дибич показал себя на тропе войны не только полководцем, но и искусным дипломатом. Вывести из рядов наполеоновской армии целый, пусть и несколько потрепанный, армейский корпус — это большая удача, достигнутая при этом без боя, без единого даже ружейного выстрела и без единой человеческой жертвы в своих рядах.

Между тем дороги в Литве заполняла своими походными колоннами наступающая кутузовская армия. Корпусному командующему Йорку с его полками уже некуда было деваться: его со всех сторон окружали спешащие к границе русские войска. Пользуясь сложившейся, самой благоприятной ситуацией, Дибич настоял на новом договоре с прусским командованием. Но теперь выдвигаемые им условия, с одной стороны, были более требовательными, с другой — вполне приемлемыми.

18 декабря на мельнице Пошернской близ населенного пункта Таурогена воюющие стороны подписали новый договор. Генерал Йорк (кстати, будущий граф и генерал-фельдмаршал Прусского королевства) обязался соблюдать теперь полнейший нейтралитет до получения повелений от своего монарха — короля Фридриха Вильгельма III. Тем самым Йорк с немалым по численности корпусом выходил из подчинения маршалу Франции Макдональду, которое было ранее установлено Наполеоном.

В других условиях заключенного «Пошернского» договора говорилось, в частности, что если прусский король все же прикажет своему корпусу соединиться с французами, то в таком

случае Йорк обязывался не открывать боевых действий против русских в течение двух месяцев (таково было содержание пятой статьи заключенного договора). Эти условия распространялись и на войска генерал-лейтенанта Массенбаха.

Корпус последнего, изрядно потрепанный в боях, к тому дню все же успел соединиться с Макдональдом. Но, получив от Йорка извещение о заключенном с русским командованием договоре, Массенбах тотчас отделился от французских войск и присоединился к отряду Дибича. Немецкий военачальник Массенбах откровенно и гораздо больше Йорка не хотел воевать за наполеоновскую Францию.

Так остатки Великой армии императора французов лишились 18 тысяч прусских войск. Более того, такое необычное известие быстро распространилось по многочисленным германским государствам, подчиненным в свое время Парижу оружием или угрозой его применения наполеоновской армии. Это усилило антифранцузские настроения на немецкой земле.

Тем временем авангардные силы генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна начали неотступное преследование остатков корпуса маршала Макдональда, состоявших из семи тысяч пехоты и 20 полевых орудий.

Летучий отряд Дибича включился в это преследование. 19 декабря он атаковал в приграничном Тильзите французский арьергард и с боем вытеснил его из городской черты. Боевые действия из России переместились на землю Восточной Пруссии.

ПРИЗНАННЫЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК В ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДАХ

Генерал-майор Дибич преследовал вконец расстроенный французский корпус до населенного пункта Скайслиррен, взяв в плен более 500 человек. После этого, с получением новой задачи, его отряд участвовал в блокаде сильной неприятельской крепости Данциг на берегу Балтийского моря.

Ему, барону из княжества Глогау, а теперь генерал-майору русской службы, наверное, на всю жизнь запомнился тот день, когда во главе своей кавалерии 20 февраля 1813 года

он вступил в так хорошо знакомый ему Берлин. Ведь всего лишь двенадцать лет назад он еще продолжал здесь учебу в королевском кадетском корпусе и мечтал стать королевским офицером.

В Берлине Иван Иванович Дибич встретил немало старых знакомых: преподавателей, сокурсников, служивших в прусской армии или только недавно оставивших службу в наполеоновской. Конечно, он блистал среди них боевыми орденами, генеральскими эполетами и наградным золотым оружием.

Однако долго стоять в окрестностях Берлина русским войскам не пришлось. Прусское королевство выступило на стороне антинаполеоновской коалиции европейских монархов. Война против наполеоновской Франции теперь велась на немецкой земле, особенно полыхая в Саксонии.

Отечественная война 1812 года словно окрылила генерала Дибича. Его не оставляет жажда подвигов, и он стремится отличиться на поле брани еще и еще раз, но теперь уже в Германии. И в заграничных походах русской армии 1813—1814 годов молодой генерал, дважды Георгиевский кавалер и обладатель двух наградных золотых клинков, становится признанным военачальником.

Успешно заканчивается «авангардное дело» под городом Зегаузенем, где французам пришлось перед ним отступить. Затем следует участие в сражении под Гомерной. Летучий отряд Дибича в ожесточенных схватках отбивает у неприятеля деревни Данегковой и Феслиц. Русскими войсками бомбардируется крепость Витгенберг, и затем настойчивым штурмом берутся ее укрепления, которые противник, хотя и сражавшийся храбро, не смог отстоять. Генерал-майор И.И. Дибич выказывает при этом завидную настойчивость и высокое искусство командования своим летучим отрядом.

Прусский король Фридрих Вильгельм III награждает удачливого генерала союзников орденом Красного Орла 1-го класса. Вне всяких сомнений он желал бы видеть этого потомка древнего рыцарского рода баронов Дибичей в рядах собственной армии. Но тот остается верен клятве на верность русскому «Царю и Отечеству». А Отечеством для него навсегда теперь стала Россия.

Вскоре объединенные русско-прусские войска под командованием П.Х. Витгенштейна присоединились к главной действующей армии. Двадцативосьмилетний генерал-майор Иван Иванович Дибич занимает новую должность — генерал-квартирмейстера союзных армий России и Пруссии. Такой пост вводил его в состав высшего военного командования вооруженных сил государств антинаполеоновской коалиции. Более того, теперь его часто видят в окружении Императора России.

В ходе заграничных походов русской армии 1813-го и 1814 годов барон Дибич 2-й стал влиятельным российским царедворцем. Доверие к нему со стороны Императора Александра I настолько возросло, что будущий генерал-фельдмаршал часто склонял Государя к принятию отстаиваемого им решения. На военных советах союзного командования генерал-квартирмейстер убедительно оспаривал мнения известных прусских и австрийских военачальников, посевших в войнах, защищая собственную точку зрения.

Утверждаясь таким образом в кругу высшего военного командования союзных армий, Дибич не забывал и о том, что лучшая рекомендация для личности военного вождя — это одержанная на войне победа. В каждом боевом эпизоде он стремился блеснуть своими несомненными способностями генштабиста по управлению войсками и пониманием хода событий. Пример тому — Бауценское сражение 8—9 мая 1813 года.

Баталия эта состоялась на земле Саксонии. Русско-прусская армия под командованием генерала П.Х. Витгенштейна насчитывала 96 тысяч человек при 636 орудиях. Французская армия, ведомая самим Наполеоном, имела в своих рядах около 143 тысяч человек при 350 орудиях. Два дня под Бауценом продолжались кровопролитные схватки. Французы настойчиво атаковали союзников, стремясь сбить их с занимаемых позиций.

Замысел Наполеона заключался в следующем: фронтальной атакой в сочетании с глубоким обходом окружить и разгромить русско-прусскую армию. Однако это ему не удалось прежде всего из-за стойкости русских войск и благодаря превосходству союзников в артиллерии. Артиллерия — этот «бог войны» — сорвала под Бауценом не одну атаку наполеоновских войск. Не случайно потери французов, 18 тысяч человек,

заметно превысили потери русско-прусской армии, которые вылились лишь в 12 тысяч человек.

Генерал-квартирмейстер И.И. Дибич был под Бауценом одним из тех, кто руководил действиями союзных сил. Видя, что сражение затягивается и не дает выгоды ни той ни другой стороне, он дал совет командующему прекратить боевые действия под стенами этого саксонского города. Но только для того, чтобы дать возможность союзным войскам отойти на более удобные позиции. Совет Дибича, взвешенный и аргументированный, Витгенштейн принял без оговорок.

Сумев сохранить в большом сражении основные силы, союзная русско-прусская армия отошла за реку Лебау. Там, на гораздо более выгодных позициях, она хорошо укрепилась и была готова использовать всю мощь своего артиллерийского огня. Такие действия командования противника заставили раздосадованного Наполеона заключить с ним временное перемирие. На форсирование реки Лебау и продолжение пока безрезультатного сражения император французов не пошел. Большинство исследователей считают, что в новой ситуации под Бауценом это было разумное решение.

Перемирие было заключено на два месяца. За разграничительную линию между сторонами берется река Одер и государственная граница Саксонии река Эльба вплоть до Балтийского моря. Русская армия большей частью своих сил отошла в Польшу, чтобы привести себя в соответствующий порядок.

Таким образом, русская армия получила передышку. Впрочем, равно как и ее противник. Временным перемирием незамедлительно воспользовались дипломаты воюющих сторон, начав собственную войну. Она закончилась серьезным поражением внешнеполитического ведомства Парижа от дипломатии России.

Генерал-майор барон И.И. Дибич участвует в переговорах с Австрией, подневольной союзницей наполеоновской Франции. Эти переговоры завершились большой бескровной победой дипломатов России и Пруссии. Венский императорский двор окончательно порвал с Парижем всякие отношения. Австрийские войска полностью выводились из французского подчинения.

В результате в Европе образуется шестая антифранцузская коалиция в составе России, Пруссии, Австрии, Великобритании и Швеции. Австрийский фельдмаршал Карл Филипп Шварценберг (не очень активный участник Русского похода Наполеона) становится главнокомандующим союзной русско-австро-прусской армией.

Временное перемирие заканчивается, и боевые действия в Центральной Европе возобновляются с новой силой.

Под стенами Дрездена 14—15 августа развернулось упорнейшее сражение между 227-тысячной союзной армией и 165-тысячной наполеоновской. Как полководец император французов провел одно из лучших своих сражений. Союзники же потерпели поражение, хотя имели в битве заметное численное превосходство. Фельдмаршал Шварценберг проявил под Дрезденом крайнюю нерешительность, так и не сумев реализовать силу союзной армии.

В Дрезденском сражении генерал-майор Иван Иванович Дибич вновь находился на самых опасных участках, где действовали русские войска. Под ним были убиты две лошади. Он сам получает контузию, но, преодолевая себя, сел на третью лошадь и продолжал командовать войсками, которые ему вверялись по ходу битвы. После ее проигранного финала бесстрашного русского генерала лично было трудно в чем-либо упрекнуть.

Такую же распорядительность и личное мужество Дибич проявил в знаменитом сражении 17—18 августа под селением Кульм (ныне Хлумец в северо-западной части Чехии). Здесь главные силы союзной армии (44 тысячи человек, в том числе прусский корпус генерала Ф.К. Клейста) под командованием Михаила Богдановича Барклая-де-Толли окружили и разгромили 37-тысячный французский корпус известного своими способностями наполеоновского военачальника генерала Доминика Рене Вандама (кстати, носившего титул графа Гюнебургского).

Победа для союзников оказалась столь значительной, что в Прусском королевстве по воле короля Фридриха Вильгельма III была учреждена новая боевая награда — Кульмский крест (офицерский и солдатский) — для награждения чинов особо отличившейся в сражении русской гвардии. В списке награж-

денных значились девять генералов, 415 офицеров, 1168 унтер-офицеров, 404 музыканта и 10 070 рядовых. Правда, само вручение Кульмского креста состоялось только в 1816 году, когда в живых из русских гвардейцев, отличившихся в сражении в чешских Рудных горах, осталось только 7131 человек.

Родной для генерала И.И. Дибича лейб-гвардии Семеновский полк вместе с лейб-гвардии Преображенским удостоился за это сражение почетных Георгиевских знамен. Гвардейские Измайловский и Егерский полки получили в награду за проявленную доблесть серебряные Георгиевские трубы.

Баталия на чешской земле носила на редкость упорный характер. В критический момент сражения генерал-квартирмейстер всех русских армий И.И. Дибич привел на поле боя свежие подкрепления и во главе конных гренадер пошел в атаку, которая обозначила, наконец, успешный для союзников перелом в ходе Кульмской битвы. Исход же ее решили действия русских гвардейских частей под командованием генералов А.П. Ермолова и графа А.И. Остермана-Толстого.

За отличие в Кульмском сражении генерал-майор Иван Иванович Дибич был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. Для его воинского звания эта орденская награда была очень высокой и редкой в истории русской армии.

Генерал-квартирмейстер стремился отличиться всюду, где только можно. Так, он участвует в лихом, как тогда говорили, деле при деревне Голе. Тогда русская кавалерия нанесла поражение французской и заставила ее отступить, очистив поле боя. К слову сказать, после Бородинского сражения Наполеону так и не удалось восстановить численность своей кавалерии.

В исторической «Битве народов» под городом Лейпцигом (4-го, 6-го и 7 октября 1813 года) Иван Иванович Дибич вновь блистал как личной храбростью, так и своими полезными советами союзному командованию, чем содействовал общей победе над французской армией и ее императором — великим полководцем.

«Битва народов» стала настоящим признанием дарований и подлинной воинской славы И.И. Дибича. В окружении блестящей толпы русских, прусских, австрийских и шведских генералов величественный главнокомандующий союзников

князь К.Ф. Шварценберг снял со своего фельдмаршальского мундира орден Марии Терезии Малого креста и надел его на грудь маленького (ростом), запыленного с ног до головы, с красными от бессонницы глазами, русского генерала. Другой благодарности у полководца Австрийской империи просто не нашлось.

Не остался в «долгу» и Император Александр Павлович. Высочайшим приказом он производит героя битвы под Лейпцигом и своего фаворита в очередное воинское звание — в генерал-лейтенанты.

Антинаполеоновская война продолжалась и в 1814 году. Новоиспеченный генерал-лейтенант получает в командование легкую гвардейскую кавалерийскую дивизию и гренадерскую бригаду. С этими силами он действует самостоятельно от главной союзной армии. Как и прежде, Дибич инициативен, решителен и настойчив.

Одержанные над французами победы он теперь с полным на то основанием мог назвать «своими». Его легкая гвардейская кавалерия и гренадеры с боем овладевают городом-крепостью Седаном на самом востоке Франции. Русские гусары и уланы успешно преследуют разбитого противника. Одерживаются убедительные победы в боях с французами при населенных пунктах Макалонне и Монмирале.

Войска Наполеона терпят одно поражение за другим от армий антифранцузской коалиции и уже не могут представлять собой внушительной силы. Франция как страна тоже была обескровлена. Постоянные рекрутские наборы «вычищали» ее села и города от мужской части населения, способной держать в руках оружие. С каждым проигранным сражением уменьшалось количество полевой артиллерии. Вокруг Наполеона становилось все меньше действительно талантливых и способных военачальников. Некогда мощная и многочисленная французская кавалерия после Русского похода так и не смогла восстановить свою былую силу.

Теперь дорога на Париж открывалась перед союзниками сама собой. Но чтобы объявить поход в самое сердце наполеоновской Франции, европейским монархам надо было решиться. Ведение войны на чужой территории всегда связано с

немалым риском и грозило встречей с народной, партизанской войной.

12 марта Император Александр I собрал у себя негласный небольшой военный совет из старших начальников русской армии. На нем присутствовало всего четыре человека в генеральских мундирах. Это были генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай-де-Толли — командующий русской армией в составе союзной, князь П.М. Волконский — начальник штаба при российском монархе, старый суворовец барон К.Ф. Толь — генерал-квартирмейстер русской армии и генерал-лейтенант И.И. Дибич — командир отдельного сводного отряда.

Вопрос на военном совете в императорской штаб-квартире решался один: «Должно ли, по соединении наших армий, атаковать Наполеона или идти прямо на Париж?»

Дибич, как самый младший по воинскому званию среди присутствующих на военном совете, высказывался первым. Императору России он предложил «сделать покушение» на столицу неприятельской Франции, на помощь которой Наполеон Бонапарт не успевал прийти. Именно такое предложение военный совет и принял.

Поход на Париж в 1814 году, защищать который должен был брат Наполеона Бонапарта — Жером, оказался удачным во всех отношениях. Легкая гвардейская кавалерия и гренадерская бригада под командованием Дибича отличаются в двух сражениях с французскими войсками — под Ла-Ротьером и Арси-сюр-Об.

19 марта союзные войска после жаркого боя в городских предместьях вступают в Париж. Наполеон в ходе такой неприятельской операции понадеялся на своих маршалов, но они не смогли защитить столицу Франции. Хуже того — они ополчились против своего императора, устав от поражений и думая теперь больше всего о своей личной судьбе. Верность до конца Наполеону сохранили лишь немногие из них.

Вступление в поверженный Париж союзных войск во главе с монархами было поистине триумфальным. Свидетель тех исторических событий Жильбер Стенже писал:

«Толпа бросалась чуть ли не под ноги лошадей, приветствуя монархов как «освободителей» (во главе их ехал на

белом коне российский Император Александр Павлович. — А. Ш.)...

Самые бурные проявления чувств достались на долю Императора Александра. Он улыбался толпе, выглядывавшим из окон молодым женщинам, махал им рукою...

Прочие участники кортежа казались равнодушными к этому взрыву безумия, оставляя всю славу Царю, ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн...

Мы увидели, как молодая и красивая графиня де Перигор с белым флагом в руке села на лошадь к какому-то казаку и последовала вместе с колонной».

Дибич оказался среди ближайших советников Государя России и прочих европейских монархов, когда рассматривался вопрос об организации управления побежденной наполеоновской Франции. Единогласно было решено, что в ней восстанавливалась королевская власть династии Бурбонов. В день вступления союзных войск в Париж во французской столице было опубликовано и распространено следующее заявление российского Императора Александра I. Оно гласило:

«Войска Союзных Держав заняли столицу Франции.

Союзные Государя принимают желания Французской нации. Они объявляют:

Что если для обуздания честолюбия Бонапарта необходимо было восстановить в условиях мира твердейшие ручательства; то ныне условия сии должны быть благоприятнейшие, когда Франция, готовая возвратиться к Правительству мудрому, представит сама себя залогом спокойствия.

Посему Союзные Монархи объявляют, что Они не будут иметь дело более с Наполеоном Бонапарте, ниже с кем-либо из его фамилии; что Они признают целостность древней Франции, в том виде, как она была при законных ее Королях; что Они могут даже больше сделать, поелику они всегда основывают на том правиле, что для счастья Европы нужно, чтобы Франция была велика и сильна, и что Они готовы признать и гарантировать ту конституцию, которую дает себе Французская нация.

Вследствие сего Они приглашают Сенат назначить временное Правительство, которое бы имело попечение об управлении Государства и составило бы конституцию, приличную Французскому народу.

Все Мною здесь объявленное совершенно согласно с мыслями и намерениями других Союзных Государей.

*Александр.
Нессельроде».*

Заявление российского Императора имело большую популярность во французской столице. Всего лишь один пример. Автор знаменитой «Марсельезы» Руже де Лиль посвятил русскому царю такие стихотворные строки:

Героем века будь и гордостью Творенья!
Наказаны тиран и те, кто зло несут!
Народу Франции дай радость Избавленья,
Верни Бурбонам трон, а лилиям — красу!

Император Александр I Павлович, получивший впоследствии прозвание Благословенного, оказался в Париже крайне щедр на награды, чем не отличался, когда шла Отечественная война 1812 года. Наверное, это можно объяснить и тем, что тогда во главе победоносной русской армии блистал не он, а народный герой — «спаситель Отечества» генерал-фельдмаршал князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский.

Генерал-лейтенант барон И.И. Дибич награждается одним из старейших орденов Российского государства — Святого Александра Невского. Блистающий воинской доблестью Дибич все больше и больше пользуется личным доверием Императора. Его уже начинают за глаза называть не просто царедворцем, а большим царедворцем. Такое возвышение боевого генерала в императорском окружении соответствовало истинному положению дел.

Победоносная русская армия с триумфом возвращается в Отечество из своих зарубежных походов. Казалось, что монархическая Европа навсегда покончила с наполеоновской Францией.

В 1815 году тридцатилетний герой серии антинаполеоновских войн наконец-то устраивает и свою личную жизнь. Он

вступает в брак с племянницей генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая-де-Толли — баронессой Жени фон Торнау. Однако уже вскоре молодым супругам пришлось расстаться — барон Иван Иванович Дибич 2-й отзывался Императором России на новую войну с Наполеоном Бонапартом.

Как известно, низвергнутый император французов в 1814 году был сослан на небольшой остров Эльба у берегов Италии. Победители даже оставили ему маленькую армию, состоявшую из ветеранов его войн. Но уже в 1815 году Бонапарт бежал с острова и неожиданно высадился на юге Франции. Высланные против него войска переходили на его сторону, и он победоносно вступил в Париж, вернув себе императорскую власть. В ходе своих знаменитых «Ста дней» он начал войну против недавних своих победителей.

Союзные войска, собравшись с большими силами, во второй раз двинулись на Париж. Генерал-лейтенант И.И. Дибич назначается начальником штаба 1-й русской армии. Однако путь к границам Франции оказался для нее длинен, и она, как ни спешила, не успела принять участие в решающем сражении при Ватерлоо близ Брюсселя.

Битва при Ватерлоо окончательно решила судьбу Наполеона. В генеральной баталии почти вдвое превосходящие силы английской, голландской и прусской армий разбили французскую, хотя та сражалась стойко. Вскоре бывшего императора французов на британском военном корабле ссылают на далекий атлантический остров Святой Елены в южном полушарии. Там Наполеон Бонапарт и умер в 1821 году (ныне вполне доказано, что он был отравлен мышьяком).

Сражением на бельгийской земле при Ватерлоо закончились антинаполеоновские войны 1799—1815 годов. Россия и русская армия оказались среди главных победителей Франции.

Русская армия во второй раз победно вступила в Париж с развернутыми боевыми знаменами, под музыку военных оркестров и барабанный бой. Император Александр I Павлович приказал ввести во французскую столицу только 3-ю гренадерскую и 2-ю кирасирскую дивизии. Остальные русские войска расквартировались в парижских пригородах.

Затем на огромном поле при Вертю произошел смотр русской армии. Всех войск находилось в парадном строю 150 554 человека и 540 артиллерийских орудий. На этом смотре не было только русской гвардии. Мимо монархов союзных государств церемониальным маршем прошло более 107 тысяч только одной пехоты. Прохождение русской кавалерии и полевой артиллерии выглядело столь же внушительно.

Зрелище оказало на иностранцев и французов потрясающее впечатление. Победитель в сражении при Ватерлоо прославленный английский генерал-фельдмаршал (с 1813 года он имел звание и генерал-фельдмаршала России) герцог Артур Уэлсли Веллингтон сказал во всеуслышание, что он *«никогда не воображал, что такую большую армию можно довести до столь великого совершенства...»*.

Сопровождавший прославленного полководца британской короны сэр Сидней Смит, будучи опытным дипломатом, выразился еще более откровенно: *«...Этот смотр русской армии есть урок, даваемый императором Российским прочим народам...»*

Смотр-парад русской армии при Вертю под Парижем удался во всех отношениях. Император Александр I по случаю военного праздника отдал приказ, в котором объявлял благодарность «сослуживцам Своим». Российский Государь смог продемонстрировать перед своими союзниками по последней антифранцузской коалиции русскую армию во всей ее силе, что в последующие годы имело большое внешнеполитическое звучание.

За организацию парадного смотра войск русской полевой действующей армии генерал-лейтенант И.И. Дибич награждается Государем алмазными знаками ордена Святого Александра Невского...

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ПРИ ДВОРЕ

После возвращения из Парижа Дибич, как начальник главного штаба 1-й русской армии, остается в главной ее квартире, расположенной в городе Могилеве. Здесь, на берегах Днеп-

ра, в 1818 году он получает желанное известие о «высочайшем пожаловании» в генерал-адъютанты. В старой России это был высокий и исключительно престижный придворный военный чин в свите Императора.

В 1821 году Александр I берет генерал-адъютанта барона Дибича с собой на Лайсбахский конгресс европейских монархов. На конгрессе присутствовали императоры России и Австрии и король Неаполитанский. Официальными представителями России в Лайсбахе были Нессельроде, Каподистрия и Поццо ди Борго. От Австрии — Меттерних, Винцент и Генц. От Прусского королевства — Харденберг и Бернсторф. От Франции — Фероней, Караман и Блака. Великобританию представляли лорд Кленвильям, лорд Стюарт и Роберт Гордон.

Генерал-адъютант Дибич в ходе Лайсбахского конгресса принимает самое деятельное участие в дипломатических переговорах и выработке принимаемых решений. В составе российской делегации он, как человек военный, был заметной фигурой и главным советчиком по военным вопросам. С этого времени Иван Иванович Дибич становится неразлучным спутником Императора-самодержца России во всех его поездках, не только заграничных, но и по стране.

В Лайсбахе уже признанный царедворец из российской столицы получает от австрийского императора за военные труды в борьбе с Наполеоном Бонапартом орден Леопольда 1-й степени. А Император Александр Павлович жалует его Владимирской лентой, то есть орденом Святого Владимира 1-й степени.

12 мая 1821 года Лайсбахский конгресс закончил свою работу. За пять дней до этого на далеком острове Святой Елены, затерявшемся в Южной Атлантике, умер бывший французский император Наполеон I Бонапарт, которому еще не исполнилось 52 лет. Так была подведена черта под наполеоновской эпохой в истории Европы...

К тому времени генерал-адъютант Иван Иванович Дибич уже утвердился в осознании собственных дарований. Утвердились в этом и окружавшие его люди и прежде всего сам Царь-самодержец. Все признавали в нем крупного военачальника, хотя, возможно, еще и не полководца в полном понимании этого слова. Грудь его украшали многочисленные боевые орде-

на высших степеней не только родной России, но и иностранные. Дибич на деле — на войне — показал себя умелым организатором-генштабистом русской армии и тактиком. К тому же он считался ловким дипломатом и удачливым царедворцем.

Все говорило за скорое блестящее будущее этого неординарного военного человека. Дибичу приходилось только терпеливо ждать очередного повышения по службе, нового восхождения по ступеням иерархической лестницы Российской державы. Ждать же пришлось совсем недолго.

В 1823 году князь Петр Михайлович Волконский, первый начальник российского Главного штаба, лично много сделавший для совершенствования русской армии, оставляет сей высокий пост. Но это не было его отставкой от важнейших дел в государстве, а несомненным повышением на царской службе. Он становится одним из первых министров Российской империи — министром Императорского двора и уделов.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО ШТАБА

И новым начальником Главного штаба Его Императорского Величества назначается генерал-адъютант барон Иван Иванович фон Дибич. В его руках, по сути дела, сосредотачивается повседневное управление армией Российского государства.

Как начальнику Главного штаба, генералу Дибичу приходилось заниматься не только чисто военными делами, но и делами российской столицы. Здесь его тоже ожидала слава, хотя и не полководческая. Случилось это в ноябре 1824 года, когда Санкт-Петербург подвергся небывалому доселе наводнению.

На другой день после начала наводнения Иван Иванович Дибич получает от Императора Александра I срочное задание: подобрать и в третьем часу после обеда лично доставить в комнаты Государя трех инициативных генералов. И не просто инициативных, а способных подать «самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим от ужасного вчерашнего наводнения».

Расторопный начальник Главного штаба находит таких нужных людей. Перед Императором в назначенный час предста-

ют три генерал-адъютанта — опытнейший в гражданских делах граф Е.Ф. Комаровский, Н.И. Депрерадович и А.Х. Бенкендорф. Высочайшим указом они тут же назначаются временными военными комендантами заречных частей столицы, более всех пострадавших от невской воды.

Депрерадович назначается в Выборгскую часть города. Комаровский направляется на Петербургскую сторону, а Бенкендорф — на Васильевский остров. Эти части Санкт-Петербурга временные военные коменданты берут под свое управление. Общее руководство по устранению последствий страшного наводнения возлагается на начальника Главного штаба.

Со своими помощниками генерал-адъютант Дибич, которого теперь столь часто при дворе называли «лукавым» царедворцем, развивает кипучую деятельность в потрясенной ужасом наводнения столице России.

Можно только удивляться тому, сколь оперативно в начале XIX века решались вопросы оказания самой необходимой помощи пострадавшим от стихийного бедствия жителям огромного города. И что самое примечательное — прежде всего простому народу.

По указанию Императора министр финансов выделил каждому из указанных выше комендантов «на первый случай» по сто тысяч рублей. Они предназначались на оказание материальной и иной помощи наиболее пострадавшим от разбушевавшейся стихии. И эти огромные суммы были розданы нуждающимся, причем, как сказали бы в наше время, вполне адресно и под контролем. Дибич знал, на кого можно было опереться в эти трудные для столицы дни. При временных военных комендантах для наблюдения за общим положением дел были созданы комитеты из наиболее влиятельных и деятельных дворян и купцов. Среди них оказалось много отставных офицеров и генералов. В городских же кварталах организуются свои местные комитеты — из простых мещан и ремесленников примерного поведения.

В пострадавших городских кварталах наладили раздачу пищи. Для соблюдения при этом порядка при каждом «раздателе» пищи находился офицер из войск внутренней стражи с двумя рядовыми. Так как стояла промозглая холодная

поздняя осень, беднякам был налажен бесплатный отпуск муки и дров.

От сильного наводнения пострадало очень много жилья, прежде всего малоимущего населения, ютившегося в подвальных и полуподвальных помещениях каменных домов, в хибарах, бараках. Для оставшихся без крова, а таких было многие тысячи, приказами временных военных комендантов немедленно выделялись свободные в городе жилые помещения.

Тут выяснилось, что не хватает достаточного числа мастеровых людей, прежде всего печников и стекольщиков, для ремонта поврежденных домов. Стояла глубокая осень, и мастеравые из крестьян-отходников уже разошлись по своим деревням. Посланные в соседние к столице губернии нарочные срочно вернули таких мастеровых.

Подчиненный начальнику Главного штаба Санкт-Петербургский гарнизон оказывал помощь пострадавшему городу не только в спасении людей и поддержании должного порядка. Так, при гарнизонном батальоне была учреждена швальня, в которой за государственный счет шили армяки, тулупы, прочую одежду и обувь как для мужчин, так и для женщин. Все это также раздавалось простым людям, оказавшимся в результате наводнения без самого необходимого имущества.

Любое стихийное бедствие во все времена всегда сопровождалось появлением большого числа больных. Дибич не забыл и такую сторону порученного им от Государя дела. В старинных Петровских казармах, где квартировал Гренадерский полк, несколько покоев очистили и приспособили для размещения больных. За ними был организован хороший уход.

И многие петербуржцы не медля откликнулись на призывы временных военных комендантов и комитетов оказать сильную помощь семьям пострадавших от наводнения. Например, наследники подполковника Иванова — его четыре сына и четыре брата — пожертвовали отцовским домом. В нем разместили несколько семей лишившихся приюта из жителей Петербургской стороны.

В затопленном холодными речными водами городе опасались возникновение эпидемий. Поэтому власти наладили поиск утопших людей и их захоронение. Организован был и сбор

погибшего скота горожан, погрузка его на баржи и отправка на остров Голодай, где он сжигался. Такие неотложные меры полностью оправдали себя.

Когда коварная в непогоду Нева вошла обратно в свои отделанные гранитом берега, генерал-адъютант Иван Иванович Дибич доложил Императору о ликвидации последствий этого ужасного наводнения. Александр I мог быть доволен и мерами «лукавого» царедворца, и действиями, которые предприняли генерал-адъютанты Комаровский, Депрерадович и Бенкендорф для оказания помощи пострадавшим жителям российской столицы.

Ликвидация последствий небывалого в Санкт-Петербурге наводнения сделала имя нового начальника Главного штаба русской армии еще более популярным. Он все чаще привлекается к решению самых различных государственных дел. Сверх исполняемой должности Дибич «присутствует» теперь на заседаниях Государственного совета Российской империи и кабинета министров.

В последние годы своей жизни Император Александр I берет начальника Главного штаба во все путешествия по России. После поездки в столицу Царства Польского Варшаву следует новая продолжительная поездка. На сей раз на юг России — в Крым и портовый город Таганрог, на берегу Азовского моря, с населением тогда всего в семь тысяч человек. Вся Императорская свита во время таганрогской поездки состояла из барона И.И. Дибича, князя П.М. Волконского и генерал-адъютанта А.И. Чернышева. Из Таганрога Государь совершил несколько поездок, в том числе и поездку в Область войска Донского — в города Новочеркасск и Нахичевань (близ Ростова-на-Дону).

Последняя поездка стала роковой для российского монарха. 19 ноября 1825 года в городе Таганроге Император Александр I Павлович неожиданно скончался. Генерал-адъютант Дибич, как человек старший в Императорской свите, извещает Императорскую семью о смерти главы государства. К своему письму в столицу он присовокупляет следующую фразу: «С покорностью ожидаю повелений от нового нашего законного государя, Императора Константина Павловича».

Эти слова свидетельствовали о том, что даже самые приближенные к Императору Александру I царедворцы не знали об официальном отказе от престолонаследия наследника-цесаревича Константина Павловича в пользу своего младшего брата и об определении правящим государем нового наследника в лице Великого Князя Николая Павловича.

В январе следующего года генерал-адъютант И.И. Дибич возвратился в столичный Санкт-Петербург с телом усопшего самодержца, своего большого благодетеля. Он был старшим начальником в этой траурной процессии, которая пересекла всю европейскую часть России с юга на север, от Азовского моря до Балтийского. В каждом городе и селении траурный кортеж встречали со всей печалью верноподанные ушедшего из жизни Царя-самодержца, вошедшего в российскую историю под прозвищем «Благословенный».

Перевозка тела «почившего в бозе» Государя Императора из Таганрога в Санкт-Петербург длилась два месяца. Несколько раз в ее ходе гроб с покойным вскрывали, чтобы местные должностные лица могли увидеть бранные останки Императора. Каждый раз при этом сопровождавшие траурную процессию лица составляли протокол осмотра, который подписывался всеми присутствовавшими при этом лицами...

На престол Российской державы в декабре 1825 года вступил второй Павлович — Император Николай I, человек с несомненными дарованиями большого государя-правителя. Он вошел в отечественную историю под именем Императора Николая Незабвенного. Но такое его почетное именование, увы, было начисто забыто в истории России с начала XX столетия.

Усердный и деятельный генерал-адъютант барон И.И. Дибич был на хорошем счету у всех Павловичей. Он, имевший большие военные заслуги перед Отечеством, приехал, что говорится, ко двору и у нового Императора.

В день коронавания Николая I — 22 августа 1826 года, состоявшегося в древней русской столице Москве, начальник Главного штаба производится в генералы от инфантерии, то есть становится полным генералом.

Но, как известно, перед этим произошли события 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга. Для

Государя-самодержца России и его верного царедворца эти события имели огромные по значимости жизненные последствия.

Наступившее после неожиданной кончины Императора Александра I междуцарствие подтолкнуло участников тайных Северного и Южного обществ к попытке военного государственного переворота. Как показал весь ход событий, оно было и преждевременным, и откровенно авантюрным. Российские дворянские революционеры подняли вооруженное восстание против трона и династии, которая главной опорой своей самодержавной власти считала прежде всего дворянство.

Начальник Главного штаба оказался одной из центральных фигур в событиях, непосредственно связанных с восстанием декабристов. Генерал от инфантерии И.И. Дибич просто не мог оказаться в стороне от тех событий, поскольку попытку военного государственного переворота осуществляли люди в армейской и флотской одежде.

Равно так же барон Дибич не мог оказаться на стороне тайных заговорщиков-декабристов. Причина здесь видится только одна-единственная. Верное служение российскому самодержавию в лице династии Романовых означало для Георгиевского кавалера и служение Отечеству. Царская Россия давно стала для него, потомка древнего немецкого баронского рода, второй родиной, которой он, как воин чести, изменить не мог.

Именно его личная позиция во время декабрьских событий 1825 года стала причиной почти полного ныне забвения его имени, хотя вскоре он станет одним из заслуженнейших генерал-фельдмаршалов России. Ведь не чей-то другой, а именно полководческий дар Ивана Ивановича Дибича решит судьбу трудной русско-турецкой войны 1828—1829 годов и получит почетную прибавку к фамилии «Забалканский» — честь, оказываемая только самым великим. Такие славные имена трудно вымарать из ратной летописи Российского государства. Это возможно лишь на время, по конъюнктурным соображениям.

Отставной капитан Иван Дмитриевич Якушкин, рядовой герой Бородинского сражения, удостоенный за храбрость Знака отличия Военного ордена Святого Георгия и получивший двадцать лет каторги за участие в восстании, оставил после себя воспоминания «Четырнадцатое декабря». Он так описывает роль

начальника Главного штаба генерала от инфантерии И.И. Дибича в разгроме тайного Южного общества декабристов:

«В Тульчине начались аресты в тот же день, как и в Петербурге. 14 декабря Пестель был уже арестован (ошибка — 13-го числа. — А. Ш.). Через некоторое время после кончины императора Александра Павловича начальник его штаба, генерал Дибич, разбирая бумаги покойного императора, нашел в нем доносы Шервуда и Майбороды; в них были названы: Пестель...»

Англичанин на русской службе унтер-офицер Иван Шервуд и капитан Аркадий Майборода служили в 3-м Вятском пехотном полку. Им командовал полковник Павел Иванович Пестель, один из пяти казненных руководителей декабристов. Оба доносчика состояли членами тайного Южного общества и знали многих его участников. Испугавшись ответственности за участие в готовившемся военном государственном перевороте, Шервуд и Майборода (независимо друг от друга) отправили покаянные письма лично Императору. Их послания дошли до адресата, но Александр I оставил эти «сигналы» без «последствий».

Получив совершенно случайно в руки такие изобличающие заговорщиков документы, начальник Главного штаба действовал без промедлений. Дибич приказал своей властью немедленно начать аресты в Тульчине, где квартировался 3-й Вятский полк и по соседству стояли другие войска, в которых служили члены Южного общества. Фамилии их были указаны в письмах Шервуда и Майбороды.

Благодаря таким оперативным действиям царедворца, наделенного большой властью над русской армией, восстание декабристов из Северного общества на Сенатской площади столицы на юге России «откликнулось» только выступлением Черниговского пехотного полка. Это выступление, к слову сказать, было подавлено без единого выстрела со стороны пехотинцев-черниговцев. Несколько попыток поднять «возмущения» еще в ряде воинских частей оказались полностью безуспешными.

Делом декабристов занимался Верховный уголовный суд под председательством военного министра А.И. Татищева, ко-

торый в августе 1826 года станет графом. Как начальник Главного штаба, генерал от инфантерии Дибич тоже являлся членом следственной комиссии. Но при этом он присутствовал далеко не на всех ее заседаниях и особого служебного рвения в проведении судебного разбирательства не проявлял.

Из почти 600 человек, привлеченных к следствию, более четырехсот являлись людьми военными. История России еще не знала подобного уголовного процесса, в котором к тому же подавляющее большинство обвиняемых являлись представителями дворянства.

Александр Викторович Поджио, офицер Днепропетровского пехотного полка, член Каменской управы Южного общества, ближайший сотрудник Пестеля, итальянец по происхождению, писал:

«Дибич, всегда военный, как он это воображал, редко являлся (на допросы. — А. Ш.) и заявлял всегда свое присутствие, ударяя не на центр, который находился в крепости (Петропавловской. — А. Ш.), а во фланге дела, растянутого по России. Так он допытывался всегда об участии Николая Николаевича Раевского и Ермолова, лавры которых лишали его сна. Влияние его на ход следствия было односторонне, рассматривая его в отношении лишь военном.»

Декабрист барон А.Е. Розен, поручик, командир взвода лейб-гвардии Финляндского полка, в своих «Записках декабриста» рассказывает, как член следственной комиссии генерал Дибич оценил на допросе остановку его взвода, а за ним и трех последующих рот полка на Исаакиевском мосту. Внимательно выслушав сказанное подследственным, генерал от инфантерии заметил:

— Полагаю, как тактик, вы хотели составить решительный резерв.

На это барон Розен, по собственному признанию, «ничего не возразил» начальнику Главного штаба.

Во время финальной части суда над членами тайных обществ Дибич голосовал за суровые приговоры декабристам. Император Николай I многие склонны упрекать за жестокую расправу с заговорщиками-декабристами из числа российского дворянства. Но ведь они посягнули на основы государственного строя и на

саму династию, и его «жестокость» отнюдь не была превышением мер наказания, которые применялись в подобных случаях европейскими или азиатскими монархами той исторической эпохи. Более того, Император Николай I Павлович помиловал 31 заговорщика, приговоренного Верховным уголовным судом к отсечению головы, смягчил меру наказания и предложил суду пересмотреть участь пяти руководителей декабристов, приговоренных к четвертованию. Но так как со времени Емельяна Пугачева публичных смертных казней в России не было, повешение пяти дворян-заговорщиков произвело негативное впечатление на часть российского общества и вызвало ее соответствующее отношение как ко всему правлению Николая I, так и к его ближайшему окружению из числа царедворцев. В их число, бесспорно, входил и генерал барон И.И. Дибич.

Однако при этом в столице сохранялись вполне патриархальные нравы: Император, например, мог спокойно разъезжать и разгуливать по столице без всякой личной охраны. Как это будет отличаться от эпохи его сына Императора Александра II Николаевича, на которого террористы открыли буквально большую охоту, стреляли в него и бросали бомбы, не считаясь при этом с гибелью многих случайных людей.

Пятеро из руководителей декабристов — П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол, К.Ф. Рылеев, М.П. Бестужев-Рюмин и П.Г. Каховский — были казнены на кронверке в столичной Петропавловской крепости. Казнь определялась им через повешение, при этом на некоторых виселицах веревки порвались, и процедуру приведения в исполнение смертного приговора пришлось повторить. Казненных без всяких церемоний похоронили на острове Голодай. 121 человек был сослан на каторгу. Немало офицеров разжаловали в рядовые. Репрессированными оказались свыше трех тысяч нижних чинов, рядовых участников восстания. Большинство из них сослали в гарнизоны и части на Кавказ...

В Отдельном Кавказском корпусе отбывали наказание сначала 36, а затем еще 23 офицера-декабриста, разжалованные в рядовые. В его составе оказалось и 2800 солдат, участников восстания на Сенатской площади и выступления Черниговского полка.

В августе 1826 года на Кавказ прибыл своеобразный Сводный полк, сформированный из гвардейцев, скомпрометировавших себя в декабрьских событиях. Ему предстояло в боях с персами, горцами и, возможно, с турками «заглаживать свои грехи» под пулями и картечью, в штыковых атаках и кровавых штурмах неприятельских крепостей.

ГРАФСКАЯ КОРОНА ЗА МИССИЮ НА КАВКАЗЕ

В столице кавказского наместничества городе Тифлисе лейб-гвардейцам, уже бывшим столичным, устроили строевой смотр. Его проводил лично начальник Главного штаба русской армии генерал от инфантерии И.И. Дибич, по долгу службы оказавшийся на Кавказе. Со многими из этих ссыльных нижних чинов он прошел по дорогам Отечественной войны 1812 года, сражался в ходе заграничных походов русской армии по Европе. В Сводном «штрафном» полку были ветераны войн с Наполеоном, которых Дибич знал в лицо.

Современники отмечают, что к понесшим царское наказание декабристам Иван Иванович Дибич относился внешне доброжелательно. Иных свидетельств современников не имеется. Это объясняется прежде всего тем, что, как человек сугубо военный, он ценил человеческие достоинства людей военных.

По итогам проведенного смотра начальник Главного штаба отправил в столицу Императору Николаю I доклад. В нем он писал, что усердие командира Сводного гвардейского полка Шипова и офицеров дают надежду, что в боях с персами и турками «ссыльный» полк «примерными» делами и ратной славой заслужит «милость Императора». Генерал от инфантерии Дибич не ошибся — гвардейцы-«штрафники» в кавказских войнах сражались с доблестью и бесстрашием.

Однако официальный Санкт-Петербург не могло не тревожить состояние «умонастроений» в кавказских войсках. Накануне прибытия Сводного гвардейского полка на Кавказ специальный императорский посланец флигель-адъютант светлейший князь А.С. Меншиков вел негласное следствие в Отдельном Кавказском корпусе. Речь шла о «заразе» под именем «воль-

нодумство» в его армейских рядах. Докладывая о результатах своей «работы» Императору, Меншиков писал: *«Тайное общество в Кавказском корпусе ген. Ермолов полагает решительно несуществующим...»*

Николай I принял эти слова своего приближенного к сведению. Но молодой монарх прекрасно знал и то, что прославленный боевыми делами генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов, бывший в Отечественной войне 1812 года начальником объединенного штаба 1-й и 2-й Западных армий, ближайший сподвижник Кутузова, был весьма близок к декабристам. И прежде всего — по духу, по образу мыслей и высказываниям.

Командуя Отдельным Кавказским корпусом и являясь одновременно главнокомандующим русскими войсками в Грузии, Ермолов покровительствовал бывшим декабристам, сосланным на войну под его начальство. При Императорском дворе многие считали такое недопустимым со стороны, по сути дела, царского наместника на Северном Кавказе и в Закавказье. Но не считаться с личностью такого прославленного и популярного в России человека было просто нельзя.

Императора Николая I, начавшего свое долгое царствование с подавления вооруженной рукой выступления заговорщиков, лично беспокоило умонастроение А.П. Ермолова. Император мог предполагать, что в крайней ситуации самодержавная власть в России могла получить в его лице опаснейшего противника (о чем, думается, сам Ермолов и не помышлял).

Из Санкт-Петербурга в Тифлис следуют одно за другим негласные указания самодержца. Он предлагает генерал-адъютантам Дибичу и Бенкендорфу продолжить наблюдение за подозрительными лицами в корпусе. И, разумеется, прежде всего за самим Ермоловым. Николай I доверительно писал Дибичу: *«Вы не оставите (письменно извещать. — А. Ш.) меня обо всем, что у вас или вокруг вас происходит будет, особливо у Ермолова... Ему меньше всего верить...»*

У Ивана Ивановича Дибича отношения с Алексеем Петровичем Ермоловым не сложились. Оба военачальника, овеванные ратной славой в наполеоновских войнах, весьма ревниво относились друг к другу. Вернее, к успехам, победам и наградам на

ратном поприще. Ермолов, известно, не очень любил немцев и к тому же прозвал бывшего ученика Берлинского кадетского корпуса прусской армии «великим путаником» в делах военных, чем, конечно, сильно задел самолюбие Дибича.

Было и еще одно немаловажное обстоятельство такой взаимной нелюбви двух выдающихся российских военачальников. Вольнолюбивые кавказцы (так с уважением называли в России воинов всех званий, сражавшихся по обе стороны Кавказского хребта) недружелюбно относились к тем, кто «нюхал порох» в далекой столице и состоял при Императорском дворе. Подобные лица частенько на короткое время «залетали» на Кавказскую войну за очередными воинскими званиями и орденами наградами. Но на той войне, получив желаемое, они не задерживались и вновь оказывались в Санкт-Петербурге.

Признаем, что Дибич не относился к числу таких «случайных» в войнах на Кавказе людей. Начальник Главного штаба, прибыв в город Тифлис, прежде всего постарался разобраться в перспективах продолжения войны с шахской Персией. Решительный в планах и действиях, Иван Иванович Дибич, когда речь шла о военных действиях в Закавказье, проявил известную настойчивость во взаимоотношениях с русским начальником на Кавказе, коим являлся Ермолов. Генерал от инфантерии И.И. Дибич при всей своей высокой должности был показательно корректен в служебных взаимоотношениях с командующим Отдельным Кавказским корпусом. Тому есть немало примеров, в том числе и документальных свидетельств.

По поводу дальнейшего ведения второй русско-персидской войны начальник Главного штаба русской армии просит генерала А.П. Ермолова, который вскоре станет опальным, объясниться с ним касательно воли Государя вести войну с персиянами и быстро и твердо обращается к нему со следующим письмом:

«Милостивый Государь
Алексей Петрович!

Я читал с большим вниманием предложения Вашего Высочайшего превосходительства на счет будущей кампании. Это требует непременно личного и решительного объяснения с Вами; ибо я

опасаюсь, что не довольно ясно Вам объяснил волю Государя вести сию войну быстро и решительно, или совершенно не понял объяснения Ваши о готовности и возможности исполнения. Время, решительность и скорость, могут единственно основать успех. Я прошу Ваше Высокопревосходительство покорно принять меня в 12 часов, для объяснения о столь важном предмете.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть,
Вашего Превосходительства

покорнейший слуга

Иван Дибич

Тифлис

Марта 10 дня, 1827 г.».

Во время своего длительного пребывания в городе Тифлисе начальник Главного штаба барон Дибич, в частности, отсоветовал русскому главнокомандующему на Кавказе проведение одной из задуманных им операций. Речь шла о наступательных действиях кавказских войск в направлении персидского торгового порта Энзели на южном берегу Каспийского моря. Такое вмешательство старшего начальника в планы решительного на войне А.П. Ермолова вряд ли понравилось последнему.

Между ними в Тифлисе были и другие служебные столкновения.

Дибич сказал однажды Ермолову следующее:

— Государь весьма недоволен тем, что вы самовольно позволяете себе заключать многих штаб-офицеров в крепость на продолжительное время (то есть подвергать аресту с содержанием в крепости. — А. Ш.)...

Алексей Петрович Ермолов на такое замечание начальника Главного штаба ответил со всей присущей ему прямоотой:

— Я это делаю потому, что желаю скорее подвергнуть виновных временному наказанию, чем тому, которое могло бы иметь для них неприятные и невыгодные последствия. Я ограничиваюсь временным заключением их в крепость, но не предаю их уже суду. Ни один из них за то на меня не пожалуется. Вам это трудно понять, потому что вы, рано отделившись от толпы, скоро возвысились; но мне, сроднившимся с толпой, несравненно более знакомы ее нужды.

Эти ермоловские слова интересны прежде всего его личной оценкой придворного, на его взгляд, взлета барона Дибича. К слову сказать, кавказский главнокомандующий А.П. Ермолов никогда не отзывался плохо о личной воинской доблести своего ревнивого соперника, отдавая ему в том должное, как и любому другому военному человеку.

Тем не менее во время пребывания И.И. Дибича на Кавказе самые большие его разногласия с командующим Отдельным Кавказским корпусом возникли относительно новой военной кампании против Персии. В российской столице считали, что вторая русско-персидская война неоправданно затянулась. Историк В.А. Потто так описывает план императорского посланца:

«Дибич считал возможным не останавливаться в Нахичеванском ханстве до разъяснений обстоятельств, а в исходе же мая перейти Аракс и быстро овладеть Тавризом; если же и отложить занятие этого последнего до осени, то начать движение никак не позже 15 сентября и притом сразу двумя колоннами: главные силы с карабагским отрядом должны были идти от Нахичевани, а дагестанская бригада, замененная в местах своего расположения новыми войсками, с Кавказской линии, — через Агар. Если бы, по овладении Тавризом, неприятель не принял предложенных ему условий, тогда Дибич предлагал склонить на подданство России соседних ханов Хоя, Агара и Ардебилля и вызвать народное возмущение против Каджаров в самом Тавризе. Не удастся это — продолжить зимнюю кампанию и кратчайшей дорогой, через Султание, идти к Тегерану».

В этом плане Ивана Ивановича Дибича обращает на себя внимание стремление победить противника проведением глубокой наступательной операции с четким целевым направлением наступательных усилий на столицу Персии — Тегеран.

План Дибича был связан с большим риском, поскольку в тылу у русских войск оказывалось незавоеванное Эриванское ханство, в котором предстояло еще упрочить власть Российского государства.

Ермолов же, наоборот, считал, что путь в персидские пределы, к столице Южного Азербайджана городу Тавризу, лежит

через Эриванское ханство. Как опытейший кавказский полководец, он понимал, что эриванский хан обязательно выйдет в поле из крепости, как только русские войска подставят ему свои спины. Иными словами, Алексей Петрович Ермолов считал, что лучше знает, как ведется война в Азии.

Начальник Главного штаба остался весьма недоволен аргументами и возражениями А.П. Ермолова. В конечном счете он отвечал перед официальным Санкт-Петербургом за успешность действий русских войск на Кавказе. И Дибич в письме Императору Николаю I от 10 марта сообщал следующее:

«Дальнейшие действия по овладению Тавризом рассчитаны Ермоловым так, что едва ли можно надеяться наверное закончить войну прежде 1829 года. Сие последнее служит мне только к вящему удовлетворению в том мнении об осторожности и недостаточной предприимчивости генерала Ермолова, о которых я уже неоднократно доносил Вашему Величеству».

Разногласия в Тифлисе между Дибичем и Ермоловым стали предметом неоднократного обсуждения в императорском окружении. Понятно, что сторонников опальный генерал-«вольнодумец» там не имел и не мог иметь. Поэтому российский монарх в ответе на последнее письмо начальника Главного штаба сообщил ему 27 марта следующее:

«Я со вниманием прочел предположение о кампании и решение по этой части предоставляю Вам и Паскевичу. Что же касается осенней кампании, ежели персияне окажутся несговорчивыми, то необходимо начать ее взятием Тавриза; а оттуда можно действовать согласно предположенному плану.

Во всяком случае, я воспрещаю по той стороне Аракса принятие всякого заявления подданства России; мы можем признать независимость ханств, но не присоединение их к нашей империи; нам достаточно Эривани с кампанией. Удовольствуйтесь этим и не зайдём далеко в наших расчетах».

...Думается, что судьбу известного в российской истории командующего Отдельным Кавказским корпусом решило все же не личное «ревнивое» отношение к нему старшего начальника в лице начальника Главного штаба И.И. Дибича. Просто Император Николай I всячески искоренял декабристскую крамолу в подвластном ему государстве, войсках и особенно

в действующей армии. В этом монарх, отдадим ему должное, был последователен и непримирим.

Вопрос о смещении с поста царского наместника на Кавказе был предрешен заранее. Одновременно генерал от артиллерии и генерал от инфантерии А.П. Ермолов, находившийся в расцвете сил и полководческого искусства, лишился и всех других своих должностей. Такое разрешение собственной судьбы он получил в виде следующего официального письма:

«Высочайшее соизволение на увольнение Ермолова от управления Грузией и начальства Кавказским корпусом Главным штаб Его Императорского Величества по канцелярии Начальника Главного Штаба в Тифлис. Марта 29 дня, 1827 г.

№ 105

Господину Генералу от Инфантерии и Кавалеру Ермолову.

По Высочайшему Его Императорского Величества соизволению на увольнение Вашего Высокопревосходительства в Россию и на вступление по сему случаю в главное начальство над войсками Кавказского отдельного корпуса и в главное управление здешним краем, на существующем ныне основании, Генерала от Инфантерии Паскевича, прошу Ваше Высокопревосходительство покорнейше учинить нужное о сем с Вашей стороны распоряжение.

Начальник Главного Штаба

Дибич».

При увольнении Алексея Петровича Ермолова с действительной военной службы ему, как генералу и кавалеру многих российских орденов высших степеней (в том числе ордена Святого Георгия 2-й степени за взятие Парижа), было назначено около четырнадцати тысяч рублей ассигнациями пенсионна. То есть пожизненной военной пенсии, что для людей его положения большими деньгами не было.

О том, как в России отнеслись к увольнению прославленного на поле брани Ермолова, свидетельствует такой пример. Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, узнав о том, сказала, что она почла бы себя счастливою, если бы Ермолов

взял в свое распоряжение одно из ее богатых поместий. Известная светская красавица являлась одной из самых состоятельных помещиц Российской империи и пользовалась немалым личным влиянием в высших светских кругах.

Со своей стороны Иван Иванович Дибич по-человечески отнесся к уволенному со службы Ермолову, оказавшемуся в стесненных материальных обстоятельствах. Тот в более ранние годы не получил ничего от своего отца-помещика в наследство. Так как все пенсии Императорским указом в это время повышались, то вследствие личного ходатайства начальника Главного штаба перед Государем пенсия опального генерала заметно увеличилась в ассигнациях (то есть не в серебряных, а в бумажных рублях).

Оставаясь после отставки генерала А.П. Ермолова еще некоторое время на Кавказе, начальник Главного штаба проводит время в заботах об устройстве кавказских войск в ходе русско-персидской войны. Во-первых, он доложил Государю о том, что смена на посту командующего Отдельного Кавказского корпуса прошла «безболезненно». Во-вторых, Дибич очень хотел поучаствовать в войне на юге. Он писал в столицу:

«Я уверен, по всему мной виденному, что войска здешние в таком устройстве относительно верноподданнической их преданности престолу, что никакая подобная перемена не может иметь влияния на их покорность и усердие к службе».

Тогда в Тифлисе всем казалось, что присланному сюда из Санкт-Петербурга царскому фавориту все возможно и все по силам. Однако когда Дибич попросил Государя назначить на должность начальника инженерной службы корпуса известного ему еще по Отечественной войне 1812 года генерал-адъютанта графа А.Ф. Мишо де Боретура, то получил неожиданный отказ. На эту должность Императорским указом был назначен начальник инженеров 2-й армии генерал-лейтенант Трузсон.

Русско-персидская война продолжалась. Дибич остается верен своей идее проведения глубокой наступательной операции в глубь собственно Персии. Он самовластно вносит изменения в ермоловский план на войну и сообщает об этом Императору:

«Надеюсь, что возможно будет занята еще в марте месяце окрестность Эривани достаточным авангардом, и тем спасти

тамошних армян и средства к продовольствию; что в первых числах апреля могут начаться действия и главных сил на подержание авангарда и для совершенного занятия ханств Эриванского и Нахичеванского, а если в оных найдется несколько способов, то полагаю возможным еще до знойного времени овладеть Марандом, где, равно как и в Хое, находится много армян, — а может быть и Тавризом».

Начальник Главного штаба русской армии участвует в походе кавказских войск в подвластное персидскому шаху Эриванское ханство. Однако в этом походе он совершает «большую оплошность», начав проявлять заботу о строевой подготовке кавказских войск и их выправке в походных условиях.

Можно утверждать, что и без того невысокий авторитет царедворца Николая I среди командного состава Отдельного Кавказского корпуса стал теперь еще ниже. «Ермоловский дух» в кавказских войсках будет неистребим еще многие годы. Думается, что и сам Дибич вскоре осознал, что войска на марше по горам — это не войска столичного гарнизона, выстроенные на дворцовой площади перед Зимним дворцом, и к ним должны применяться другие требования.

Генерал-адъютанта И.И. Дибича, равно как и нового командующего кавказскими войсками И.Ф. Паскевича, в начавшейся военной кампании беспокоило отношение местного населения Эриванского ханства к России. Царедворец в этом вопросе смог разобраться во многом, обратившись прежде всего к истории. Отношение армянского населения определялось главным образом позицией местной Церкви. Начальник Главного штаба доносил в Санкт-Петербург Государю:

«Армянский архиепископ Нерсес принял Высочайший рескрипт с глубочайшей благодарностью; рескрипт будет читан в церквях и опубликован на армянском языке: он ручается за верность и усердие армянского народа и надеется при благоприятном вторжении в Эриванское ханство найти у тамошних армян еще довольно запасов, в чем я и уверен».

Дибич на правах сановитого посланца из столицы участвует в обложении Эриванской крепости. Будучи всегда на переднем крае, становится свидетелем разгрома отрядом генерала Бенкендорфа ханской конницы, вышедшей в поле из крепостных

ворот Сардар-Абада. Не без восторга он пишет Императору Николаю I о том конном бое:

«Казачи, горя желанием загладить неудачу, понесенную ими в последнем деле при Айганды, с невероятным мужеством бросились на курдов, в одно мгновение опрокинули и погнали их».

Как личный посланник Государя на Кавказ, начальник Главного штаба барон И.И. Дибич во многом помог утвердиться в должности главноуправляющего Кавказским краем другому николаевскому «царедворцу» — генерал-адъютанту И.Ф. Паскевичу. Оба они своей личной преданностью самодержцу России еще при жизни получили недобрую славу о себе у части современников. В российской истории их связывало многое. В частности, первый из них начнет «замирение» мятежного Царства Польского, а второй — победно завершит.

30 апреля 1827 года Дибич покидает город Тифлис (путь на север лежал по Военно-Грузинской дороге) в сопровождении сильного конвоя на случай встречи с отрядами воинственных горцев. Он уезжал с персидской войны с чувством исполненного долга перед Императором и Россией...

Генерал-адъютант И.Ф. Паскевич сменил Ермолова на посту царского наместника на Кавказе, став одновременно и во главе Отдельного Кавказского корпуса. В том громком для России «кавказском деле» следует отметить, что Император Николай I остался вполне доволен результатами миссии генерала от инфантерии барона Дибича в Тифлисе.

Пожалуй, только этим, а не предыдущими заслугами, можно объяснить новую царскую милость, явленную Императором Дибичу. *Высочайшим указом, последовавшим 25 июля 1827 года, Иван Иванович Дибич был возведен в графское достоинство Российской империи. Так в Российском государстве появился еще один графский род — род Дибичей...*

С самого начала своего правления Император Николай I Павлович начал проведение широких государственных реформ, прежде всего управленческих, административных. В ноябре 1827 года его указом создается государственный Комитет для устройства новоприсоединенных провинций, наделенный широкими полномочиями.

В состав комитета вошли почти все члены Азиатского комитета, который с начала 20-х годов занимался вопросами, относящимися к азиатской политике России. И кроме них, еще управляющие министерствами иностранных и внутренних дел — граф К.В. Нессельроде и В.С. Ланской, министр финансов Е.Ф. Канкрин, начальник Главного штаба русской армии генерал от инфантерии граф И.И. Дибич и генерал-лейтенант И.А. Вельяминов.

Требовалось как можно быстрее разработать правила управления новоприсоединенными к Российской империи территориями. Предусматривалось создание единой Эриванской провинции, состоявшей из бывших Эриванского и Нахичеванского ханств, отошедших к России по мирному договору с Персией. В дальнейшем предполагалось присоединить к этой провинции Памбакскую и Шорагельскую дистанции (области).

Одновременно, в декабре, известный государственный деятель Х.Е. Лазарев (армянин по национальности) представил на рассмотрение комитета альтернативный проект по этому вопросу. Он носил название «Некоторые предложения о Грузии и сопредельных ей областях». Предлагалось создание автономной армянской государственности в пределах исторической территории Северной (Восточной) Армении.

Лазаревский проект «не вписывался», однако, в провинциальную систему деления Российского государства, и поэтому его отклонили. Против этого проекта голосовал и начальник Главного штаба.

Дибич поддержал кандидатуру генерал-лейтенанта А.И. Красовского на должность главы Эриванской провинции. Он хорошо знал этого боевого военачальника-кавказца, сумевшего наладить дружественные отношения с вождями воинственных куртинских (курдских) племен и показавшего себя неплохим дипломатом в Закавказье.

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

...Тем временем на южных границах Российской империи вызревал новый военный конфликт — с Оттоманской Портой. Он вылился в восьмую по счету русско-турецкую войну.

Предыстория ее такова. На греческой земле бушевала национально-освободительная революция 1821—1829 годов против османского ига. Она была подготовлена тайной революционной организацией «Филики Этерия» («Дружеское общество»), созданной еще в 1814 году греческими эмигрантами в российском портовом городе Одессе. Православная Россия всегда поддерживала борьбу единоверного греческого народа за свою национальную независимость. Поддерживала и вооруженной рукой.

Греция томилась под османским игом со времени падения Константинополя в 1453 году. Но при этом ее народ сохранял православную веру и национальную культуру. Греки помнили былую славу своей страны и не теряли надежды на освобождение из-под власти Оттоманской Порты. Не раз они восставали. Очень обнадеживающим было восстание греков во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов, когда лидер греков того времени Стефан Мавромихали (из рода наследственных греческих старшин области Майна) во главе так называемых «спартанских» легионов поднял восстание в Морею. Он поддержал знаменитую Архипелагскую экспедицию графа А.Г. Орлова, и с участием его греков были одержаны победы и при Наварине («пал впервые Наварин»), и при Чесме (когда «громеда кораблей вспылала»). Тем не менее эти успехи не привели к стратегическому изменению баланса сил на юге Балкан и в Греции, и освободиться грекам от турецкого ига тогда не удалось.

В начале XIX столетия греческое повстанческое движение вновь оживилось. В 1820 году началось восстание в области Эпир — в горах Пинда и в Македонии. В следующем году восстание охватило уже всю Грецию. Ее руководителем стал генерал русской службы Александр Ипсиланти — сын молдавского господаря, служившего при Императорском дворе. Но Россия в то время не смогла оказывать прямую вооруженную помощь греческим повстанцам, и восстание вновь закончилось неудачей. Ипсиланти был вынужден бежать в Вену, где был схвачен австрийскими властями и оказался в тюремной темнице.

Однако действия греческих повстанцев продолжались в Морею (ныне Пелопоннес), где среди их руководителей был Петр

Мавромихали, близкий родственник упоминавшегося Стефана, и на островах Греческого архипелага в Эгейском море.

Это вызвало небывалый гнев турецкого султана Махмуда II. Началось повсеместное истребление греческого населения, в том числе и в столичном городе Стамбуле (Константинополе). Массовые репрессии обрушились на Греческую Православную Церковь. Сам православный константинопольский патриарх и три митрополита были повешены в полном облачении в Светлое Христово воскресенье, умерщвлено более 80 епископов и архимандритов. Султанская армия, высадившись на греческий остров Хиос, безжалостно вырезала там 23 тысячи человек, а 47 тысяч оставшихся в живых жителей острова было продано в рабство.

Христианская Европа, до этого молчаливо взиравшая на события в Греции, содрогнулась от хиосских злодеяний турок. Хиосская резня греков-христиан всколыхнула европейские страны. Стали создаваться специальные фонды по сбору добровольных пожертвований для греческих повстанцев. В Морею стали стекаться добровольцы. Среди них оказался и знаменитый английский поэт лорд Джордж Байрон, набравший и вооруживший на собственные средства небольшой наемный воинский отряд.

В конце 20-х годов в защиту автономии христианской Греции выступили Россия, Англия и Франция. Их правительства послали в Восточное Средиземноморье боевые эскадры. Их командующим был дан приказ подкрепить требования Санкт-Петербурга, Лондона и Парижа, в случае необходимости, огнем корабельных орудий. Но такое могло быть только крайней, вынужденной мерой. Флотоводцы Великобритании и Франции должны были провести лишь «дружескую демонстрацию силы».

В Стамбуле не усмотрели в этом для себя военной опасности. Султан приказал потопить в крови последний очаг восстания на греческой земле — Морею. Посланные туда ранее турецкие войска не могли справиться с местными повстанцами. Тогда султан Махмуд II направил к мятежному полуострову войска и флот своего египетского наместника Магомета-Али, известного своей воинственностью и жестокостью.

В «греческом вопросе» три ведущие европейские державы пошли на прямое применение военной силы против «строп-

тивного» Стамбула (Константинополя). 8 октября 1827 года объединенный русско-англо-французский флот (26 кораблей, в том числе 10 линейных, 1676 орудий) вошел в бухту уже упоминавшегося нами города Наварина на западном побережье Мореи. Там к тому времени сосредоточился огромный султанский флот. Посланный к туркам английский парламентар был убит, и тогда союзникам вместо «дружеской демонстрации силы» пришлось драться по-настоящему.

Небольшую бухту маленького греческого приморского города заволочло дымом от пальбы почти четырех тысяч корабельных орудий. В Наваринском морском сражении объединенный русско-англо-французский флот уничтожил султанский турецко-египетский флот под командованием Мухарам-бея (66 кораблей, в том числе три линейных, 2200 орудий). Морская баталия длилась четыре часа. Разгром огромного военного флота Турции был полный.

Решающую роль в ожесточенном сражении в бухте сыграла русская эскадра под командованием адмирала графа Л.П. Гейдена. Она оказалась в центре боевой линии союзного флота. В разыгравшейся морской баталии русская эскадра разгромила весь центр и правый фланг неприятельского флота. О том, что вклад гейденской эскадры оказался решающим, свидетельствовали прежде всего союзники по Наваринскому «делу».

В морском сражении больше всего отличились линейные корабли «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский» и особенно «Азов». Экипажем последнего командовал М.П. Лазарев, а в составе экипажа числились будущие легендарные адмиралы русского флота, герои Севастопольской обороны П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомин.

Главкомандующим союзным флотом при Наварине, как старший по чину, был вице-адмирал британской короны Эдуард Кодрингтон. Россия наградила его «...за поражение турецкого флота» орденом Святого Георгия 2-й степени. В Англии же его в следующем, 1828 году отстранили от адмиральской службы.

Официальный Лондон никогда не хотел серьезного ослабления военно-морских сил и вообще военного потенциала Тур-

ции как главного противника России на ее черноморских и кавказских рубежах. Стамбул получил политическую поддержку и от Австро-Венгрии, своей соседки в Европе. Оттоманская Порта подстрекалась к войне Венной, стремившейся любыми путями ослабить традиционное влияние России среди славянских и православных народов на Балканах, чтобы самой стать там более влиятельной силой.

Все это еще больше обостряло и без того натянутые русско-турецкие отношения. Не оказавшись, таким образом, в политической изоляции, Турция встала на путь разрыва нормальных межгосударственных отношений с Россией. Закрывается проход русских судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Открыто чинятся всевозможные препятствия российскому судоходству на Черном море. Российские подданные высылаются, а то и просто изгоняются из турецких пределов. Начинается «зондирование» шахской Персии для начала общей войны против России, но здесь усилия турецких дипломатов оказались полностью безуспешными.

Султан Махмуд II всю вину за наваринское поражение возложил на Россию. В своих выступлениях он обрушивался на нее как на извечного врага Оттоманской Порты. Турецкий властитель говорил.

«...Русские в течение 60 лет пользовались всяким удобным случаем, чтобы напасть на Турцию, а теперь составили заговор с греками и вооружили других европейцев, чтобы стереть имя мусульманское с лица земли. »

В довершение всего султанское правительство односторонним актом аннулировало все ранее заключенные русско-турецкие договоры. То есть оно официально отказывалось признать за Россией Крымский полуостров, Северное Причерноморье и другие территории, некогда принадлежавшие государству турак-османов на берегах Черного и Азовского морей

Наконец, в декабре 1827 года Блистательная Порта в очередной раз объявила Российскому государству «священную войну» («джихад» или «газават»). Причем все это происходило при большом «пропагандистском буме». Стамбул предъявил Санкт-Петербургу ультиматум, ни одно из требований которого не было выполнимо для Российского государства

Поскольку официального ответа на турецкий ультиматум из Санкт-Петербурга не последовало (его там просто проигнорировали), русскому послу «без почестей» пришлось покинуть Стамбул (Константинополь). Однако активные боевые действия сторон начались далеко не сразу.

Султан Махмуд II в «хатт-и-шерифе» — своем торжественном и публичном заявлении — по поводу разрыва всех отношений с Российской империей сказал, что он только с целью выиграть время поступал доселе дружески с «неверными». Однако следует заметить, существовавшие в начале XIX столетия межгосударственные отношения между Турцией и Россией особой теплотой не отличались.

О факторе временного выигрыша султан Махмуд II не хитрил, а говорил сущую правду. К началу новой войны с Россией Турция завершила проведение серьезной военной реформы. Главной ее целью являлась полная ликвидация корпуса янычар, так часто бунтовавших против османских владык и со временем утративших свою былую военную силу. На смену янычарам пришла турецкая регулярная армия, обучавшаяся с помощью иностранных инструкторов.

В Санкт-Петербурге с помощью дипломатических каналов старались избежать нового военного конфликта со Стамбулом. Но, учитывая сложившуюся обстановку на Черном море и на Балканском полуострове, правительство России только 14 апреля следующего, 1828 года тоже официально объявило войну Османской империи.

Разработанный в Главном штабе план военных действий не встретил возражений у Императора Николая I. Предусматривалось занятие главными силами русской полевой армии Дунайских княжеств Молдовы и Валахии, автономных, но подвластных Турции. Затем планировалось форсирование Дуная и развертывание наступления на земле Болгарии и Румелии. Надо сказать, что план очередной русско-турецкой войны отличался решительностью целей.

Генерал от инфантерии граф Иван Иванович Дибич считал возможным завершить войну в течение одной летней кампании. При этом он считал ее конечной целью взятие Константинополя. Нельзя не заметить, что в возможность такого ис-

хода войны верили очень немногие из генералитета русской армии.

Противники Дибича приводили немало веских доводов в невозможность захвата Константинополя. Столица Османской империи надежно прикрывалась обширными европейскими и азиатскими провинциями (пашалыками) с десятками сильных приграничных крепостей. Помимо этого, Стамбул прекрасно защищался со стороны Черного моря и Средиземноморья проливами с многочисленными береговыми батареями.

На Кавказском театре военных действий против турок выдвигался Отдельный Кавказский корпус под командованием опытного и деятельного генерала И.Ф. Паскевича. К тому времени он уже был генерал-адъютантом графом Паскевичем-Эриванским (о нем у нас будет отдельный большой рассказ). Паскевичу предписывалось вести наступление на Эрзерум (Эрзурум). Эта неприятельская крепость являлась базовой для военных действий против российского Закавказья и находилась на пересечении важных в стратегическом отношении и удобных путей в Азиатской Турции.

Черноморскому флоту во главе с вице-адмиралом А.С. Грейгом ставилась задача захвата со стороны моря ряда важных турецких прибрежных крепостей или, по крайней мере, их блокада и сильная бомбардировка. В число этих вражеских морских крепостей входили Анапа на Черноморском побережье Кавказа, Варна, Бургас и Созопол на болгарских берегах.

Такая задача для Черноморского флота виделась вполне выполнимой. К тому времени русский флот господствовал на черноморских просторах. После блистательных побед «морского Суворова» — адмирала Федора Федоровича Ушакова — султанский флот так и не смог подняться до уровня своего бывшего величия.

Дунайской речной военной флотилии Главный штаб ставил задачу оказывать содействие русской армии в действиях на Балканском направлении, особенно в форсировании широкого Дуная и взятии вражеских крепостей на его берегах. Кроме того, военным морякам предстояло уничтожить неприятельскую речную флотилию, которая прикрывала дунайское гирло — судоходные протоки речного устья.

Балтийской экспедиционной эскадре под командованием вице-адмирала графа А.П. Гейдена предстояло со стороны Эгейского моря блокировать пролив Дарданеллы. Эскадра к началу русско-турецкой войны уже находилась у берегов многострадальной Мореи.

Таким образом, план войны России и Турции, разработанный русским командованием, главным театром военных действий предусматривал Балканы. Судьба новой войны с Блистательной Портой решалась главным образом за Дунаем, на болгарской земле.

Полевые войска, предназначенные для действий в европейской части, организационно были объединены во 2-ю русскую действующую армию. Под ружьем в ней числилось всего 94 638 человек, а вместе с нестроевыми воинскими чинами — 115 563 человека, в том числе 75 141 — пехоты и 29 497 — регулярной кавалерии и иррегулярной конницы. Артиллерия русской армии состояла из 384 орудий. В состав четырех армейских корпусов входило 30 донских казачьих полков.

Соотношение сил на балканском театре военных действий складывалось не в пользу русской армии. Численность турецкой армии составляла там 150 тысяч человек. Эти силы в короткий срок могли быть подкреплены еще и многочисленными местными ополчениями. Впрочем, и на Кавказе силы османов имели двойное превосходство.

Начальство над 2-й русской армией получил престарелый генерал-фельдмаршал граф П.Х. Витгенштейн. К рангу крупных полководцев причислить его, конечно, было нельзя. Известна, скажем помягче, небезупречность его деятельности на высших командных постах в Отечественной войне 1812 года и в ходе заграничных походов русской армии в 1813—1814 годах. Но Витгенштейн был популярен, и Император Николай I, хотя тоже хорошо знал его слабые стороны, все же остановился именно на кандидатуре Витгенштейна как главнокомандующего действующей армией на европейском театре будущей войны.

К тому времени в русской армии, за исключением лишь командного состава Отдельного Кавказского корпуса, осталось совсем немного офицеров (к генералам это не относилось), имевших боевой опыт. Редкий батальонный командир имел

наградную медаль за 1812 год, хотя таких боевых офицеров в русской армии к началу очередной войны с Турцией могло быть гораздо больше. Причина крылась в следующем. С «легкой» руки императорского фаворита графа А.А. Аракчеева в последние десять лет царствования Александра I из армейской среды часто бездумно удалялись командиры всех рангов, считавшие себя «суворовцами» и «кутузовцами». Их вина состояла в том, что они являлись противниками «фрунтовой» службы войск в мирное время и выступали за их действительно боевую подготовку.

На вооружении русской пехоты было гладкоствольное ружье начала XIX века. Дальность стрельбы из него не превышала 300 шагов, прицельная — не достигала 100. Кремневые ружья отдавали при выстреле так сильно, что люди боялись прикладывать к ним щеку, без чего было просто невозможно хорошо прицеливаться. Патрон, болтаясь в дуле, также не способствовал верному полету пули. Неудачная конструкция механизма боевой пружины и слабые удары кремня приводили к частым осечкам при стрельбе. Поэтому в бою, особенно ближнем, главным оружием русской пехоты по-прежнему оставался штык.

Пехотное ружье весило 18 фунтов, патронная сума — 6 фунтов, ранец, шинель и мешок с четырехдневным запасом сухарей — 25 фунтов, кивер и тесак — 8 фунтов, саперная лопата — 4 фунта. В общем, пехотный солдат носил на себе по дорогам войны полуторапудовый груз, состоящий при этом из очень неудобных вещей.

Заметно лучше в русской армии обстояло дело с артиллерией. Наиболее совершенным образцом гладкоствольного орудия тех лет оставался знаменитый русский единорог. Из него можно было вести прицельный огонь гранатами до 1000 метров, картечью — до 500 метров. Орудие отличалось безотказностью и удобством в обращении.

Однако в армейской артиллерии еще оставались на вооружении медные и чугунные пушки с дальностью стрельбы почти вдвое меньше. Отлитые в 1810—1812 годах мастером Нижне-Исетского завода Я.И. Зотовым стальные пушечные стволы, новое слово в артиллерийском деле, так и не получили должного распространения.

В русской армии уже имелись так называемые «ракетные роты». Сконструированные замечательным военным конструктором А.Д. Засядько боевые ракеты весом от 36 до 60 фунтов стали изготавливаться в массовом количестве. Образованное в приднестровском городе Тирасполе специальное «ракетное заведение» изготовило за годы той русско-турецкой войны около десяти тысяч ракетных снарядов.

Сложные проблемы пришлось решать армейскому тылу. К началу боевых действий удалось создать почти пятимесячный запас продовольствия (муки и круп) для стотысячной армии. Кроме того, в армейских магазинах имелся месячный запас сухарей и фуража — овса и ячменя. Начата была закупка 18 тысяч ведер спирта, что составляло двухмесячный армейский запас. При полевом интендантстве создали подвижный армейский магазин, насчитывавший почти 14 тысяч обозных повозок.

Такова была армия России в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, со всеми ее плюсами и минусами, сумевшая одержать в той войне самую убедительную победу...

В ПРЕДДВЕРИИ ГЛАВНОГО ДЕЛА ЖИЗНИ

Перед началом похода за Дунай генерал от инфантерии граф И.И. Дибич прибыл в действующую армию, чтобы при ней исполнять обязанности начальника Главного штаба. Здесь же находился Император Николай I, чтобы на поле брани «приумножить воинскую славу династии Романовых». Слава брата, Александра I — «освободителя Европы» от Наполеона, — вполне могла не давать ему покоя.

25 апреля русская полевая действующая армия одновременно перешла пограничную реку Прут сразу в трех колоннах — у местечек Скуляны, Фальчи и Водолуй-Исаки. Началась операция по захвату княжеств Молдовы и Валахии.

30 апреля авангард русского 6-го корпуса занял город Бухарест, столицу Валахии. Днем раньше 7-й корпус обложил неприятельскую крепость на Дунае город Браилов. Дибич лично участвовал в рекогносцировке этой вражеской крепости. Он же руководил началом и ведением осады Браилова до

20 мая. Крепость была мощной, и для ее осады пришлось отрядить треть действующей армии. Браиловский гарнизон капитулировал 7 июня. К тому времени осажденная крепость находилась уже в глубоком тылу русской армии.

Начальнику Главного штаба пришлось покинуть браиловский осадный лагерь, поскольку русская армия готовилась форсировать Дунай, весной всегда полноводный и быстро несущий свои воды к близкому Черному морю. Переход через Дунай в его нижнем течении всегда считался серьезной военной операцией.

Преодоление водной преграды прошло успешно. Этому во многом способствовали действия русской Дунайской гребной флотилии, четко выполнившей свои задачи плана на начальный период войны. А действия флотилии были многофункциональными: флотилия обеспечивала и переправу войск, и подавляла пушечным огнем турецкие береговые батареи, и блокировала со стороны Дуная неприятельские крепости.

У турок на реке была своя Дунайская флотилия, которая вознамерилась было помешать русским форсировать Дунай. Русской гребной флотилии пришлось сразу же заняться истреблением вражеской. В ночь на 28 мая произошел первый большой бой на реке. К его концу русские военные моряки-речники из 25 османских судов потопили и сожгли 20. Только малой части турецкой речной флотилии удалось избежать гибели.

В тот же день отряд русских речных кораблей в составе 16 канонерских лодок под командованием капитана 1-го ранга И.И. Завадовского напал в Мачинском рукаве (недалеко от города-крепости Браилова) на другую флотилию турецких судов. Их было 23 единицы, и турки в том бою имели значительное численное превосходство. В результате четырехчасового боя русские уничтожили два вражеских судна, а еще 12 захватили в плен. Их экипажи в немалом числе сумели бежать на берег.

Боевые действия на суше разворачивались следующим образом.

30 мая при деятельном участии генерала от инфантерии И.И. Дибича покоряется крепость Исакача. Здесь турецкие береговые укрепления примыкали левым крылом к самой кре-

пости, правым упирались в озера и болота. Такая позиция по правилам военного искусства считалась неприступной. Дунайские воды удачно простреливались у Исакчи перекрестным артиллерийским огнем.

Первыми форсировали Дунай — 27 мая — полки егерской бригады и 9-й пехотной дивизии. Высадившись на дунайском правом берегу, русские пехотинцы сбили турок с прибрежных высот и обратили их в бегство. При этом было захвачено два неприятельских полевых лагеря и 20 орудий на дунайских батареях. Такое начало перехода через Дунай можно было считать удачей на войне.

Командовавший 15-тысячным отрядом Гассан-паша в тот же день отступил в крепость Исакчу, надеясь на ее крепкие стены и выгоды природного положения. Русские войска подступили к ней на дальность пушечного выстрела и атакой овладели всеми неприятельскими полевыми укреплениями. Началась осада вражеской крепости. На глазах у турецкого гарнизона русские стали устанавливать осадные батареи.

Однако до штурма Исакчи дело не дошло. Гассан-паша и Эюп-паша, начальствовавшие в крепости, 29 мая решили капитулировать и выслали парламентаров для переговоров. По видимому, помня печальную участь гарнизона Измаильской крепости, которую почти сорок лет назад брали суворовские войска, османы были готовы сдаться на любых условиях. Русское командование согласилось принять капитуляцию султанского гарнизона.

В тот же день Муромский пехотный полк с распущенными знаменами и барабанным боем вступил в крепость Исакчу и занял в ней караулы. Турецкая крепость оказалась достаточно хорошо подготовленной к длительной обороне. В числе трофеев русским достались 75 пушек самых разных калибров и большие склады боевых припасов и продовольствия.

Сразу же с началом войны русская действующая армия получила неожиданное пополнение и моральное подкрепление. Некрасовцы — потомки донских казаков, когда-то бежавших с Дона в Турцию от нововведений российского Государя-реформатора Петра Великого, добровольно вступили в подданство России.

Такую же акцию совершили и так называемые «запорожцы за Дунаем». Они были потомками беглецов с берегов Днепра, которые во времена правления Императрицы Екатерины Великой не пожелали служить России (в отличие от большей части запорожского казачества, которое пошло служить Российскому государству во время первой и второй «екатерининских турецких войн») и ушли в устье Дуная под «султанскую руку», создав здесь новую, так называемую Задунайскую Сечь. Запорожцам были даны земли на правом берегу Дуная. Они сохранили верность православной вере и, конечно, всегда втайне тосковали по Родине. С объявлением в 1828 году войны Турции и началом военных действий именно эта новая Сечь перешла на сторону России. Тысяча бывших запорожских казаков перешла государственную границу и расположилась лагерем у крепости Измаил. Они привели с собой большое количество лодок, которые использовались затем при переправе русских войск через Дунай.

Император Николай I, прибывший, по традиции российских государей, с началом войны в действующую армию, был очень доволен столь успешным началом боевых действий на Дунае (российский самодержец делил время на войне между действующей армией и городом Одессой, где в это время находилась его Августейшая супруга Императрица Александра Федоровна).

Действительно, начало войны выглядело вполне обнадеживающим и способствовало тому, что монарх настроился на некую парадность перехода русской армии через Дунай. В немалой степени ответственность за это лежала на Императорской свите, поскольку большинство царедворцев не было искушено в тонкостях военного дела и было склонно недооценивать обстановку. Тому сохранились авторитетные свидетельства, в частности начальника штаба 2-й русской армии генерала П.Д. Киселева, согласно которому Император Николай I «три раза приказывал... посылать в авангард, справляться, не приезжал ли парламентар от визиря...».

Началось обложение дунайских турецких крепостей: Тульчи, Мачина, Гирсова. Вокруг каждой из них создавалось с суши и с реки блокадное кольцо. 12 июня Дибич участвует в овла-

дении крепостью Кюстенджи. Она находилась на берегу Черного моря и позволяла наладить стабильное сообщение действующей армии с портовыми городами России. Было взято несколько других небольших вражеских крепостей.

Затем начальник Главного штаба сопровождает Императора Николая I в поездке к осажденной турецкой крепости Шумла, которая находилась на немалом удалении от дунайских берегов.

Свои недюжинные организаторские способности начальнику Главного штаба довелось показать при осаде приморской крепости Варна, которую турки к началу войны успели хорошо укрепить. К тому времени стало отмечаться, что Император Николай I, за которым на военных советах всегда оставалось последнее слово, все больше следовал мнению графа Дибича. Тот демонстрировал хорошее тактическое мышление, знал истинное состояние действующей армии и умел разбираться во вражеских «предположениях».

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» в биографии Дибича-Забалканского отмечается: *«Пользуясь неограниченным доверием Императора Николая и ведя с ним обширную переписку, он руководил военными действиями вполне самостоятельно, помимо фельдмаршала графа Витгенштейна, который, не имея возможности ничего предпринять без совещания с Дибичем, представлялся лишь лицом, официально ответственным за неудачи...»*

Главкомандующий действующей армии генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн все больше уходил в «тень» начальника Главного штаба. Ему уже было просто не по силам и способностям командовать огромной армией, разбросанной к тому же на все расширявшемся театре военных действий. Витгенштейн не владел во всей полноте оперативной обстановкой и зачастую его личные доклады Государю оставляли желать много лучшего.

Император Николай I и сам видел, с каким большим трудом Витгенштейн справляется с управлением полевой армией. Русские войска в начальный период войны оказались, по сути дела, сосредоточенными вокруг трех неприятельских крепостей с сильными гарнизонами — портовой Варны, Шумлы и ду-

найской Силистрии. Сил для проведения полевых операций почти не оставалось. Много войск оказалось задействовано на охране армейских коммуникаций.

Генерала-фельдмаршала П.Х. Витгенштейна на его высоком командном посту выручала лишь большая работоспособность начальника штаба армии — энергичного и настойчивого генерала Киселева. Это был тот самый П.Д. Киселев, под началом которого когда-то служили «южные» декабристы, генерал-адъютант (1823 г.), будущий граф (1837 г.) и министр государственных имуществ, сторонник освобождения крестьян. Но Киселеву, при всех его несомненных дарованиях, на этой большой войне не хватало главного — опытности.

На войне сложилась довольно странная ситуация — гарнизоны осажденных турецких крепостей по численности превосходили осаждавшие их русские войска. Осадная артиллерия 2-й армии еще находилась на левом берегу Дуная у Браилова. Доставка орудий крупного калибра по никудышным дорогам, да еще в болотистой местности, требовала много времени. Султанское командование знало об этом через многочисленных лазутчиков достоверно и поэтому спокойно отсиживалось в осажденных крепостях, имевших немалые запасы всего необходимого на войне.

Положение русской полевой армии осложнялось еще небывалой жарой в этих местах — она доходила днем до 45 градусов на солнце. Возникли трудности с обеспечением осадных войск чистой питьевой водой. В довершение всех бед занесенная из неприятельского стана эпидемия чумы косила людей. Полковые лазареты были полны больных...

Осада Варны виделась многотрудной. Не обращая внимания на постоянные вылазки турок, русские сумели возвести осадные батареи не далее 30 сажень от крепостных укреплений портового города. Солдаты днем и особенно усердно по ночам копали осадные траншеи, рвы, носили мешки с песком, валили дубы в окрестных лесах, рубили на позициях цепкий, колючий кустарник.

Осадным «варненским» корпусом поначалу командовал князь А.С. Меншиков. Но во время одного жаркого дела в начале августа он был тяжело ранен, и в командование войс-

ками временно вступил его начальник штаба генерал-майор В.А. Перовский. Но и Перовский вскоре тоже получил ранение. Император поручил тогда командование войсками под Варной генерал-губернатору Новороссийского края генерал-адъютанту графу М.С. Воронцову. Войска встретили это назначение с ликованием, так был велик в армии авторитет Воронцова.

Бомбардировка крепости велась успешно — и с суши, и с моря, с подошедших кораблей Севастопольской эскадры. 1 сентября русские войска приступом овладели последними полевыми укреплениями османов вне самой крепостной ограды.

Это было серьезным успехом в осадной жизни русских войск. Теперь турецкий гарнизон держал оборону на последнем рубеже. Военный совет решает принудить защитников крепости Варны к сдаче «правильной» ее осадой.

25 сентября, за час до рассвета, штурмовая группа из добровольцев-«охотников» — егерей и матросов — под начальством лейтенанта Зайцевского пошла на рискованное дело. Через проделанный бомбардировкой пролом в северном, прибрежном бастионе они ворвались в саму крепость. «Охотников» в их наступательном порыве поддержало несколько пехотных рот. Смельчаки сумели штыками проложить себе дорогу до самого центра города Варны, но закрепиться там им не удалось.

Получив приказ отступить из вражеской крепости, небольшой отряд Зайцевского в «совершенном» порядке с малыми потерями отошел назад, в осадные траншеи. Но, находясь в крепости, «охотники» заклепали на захваченном бастионе 14 орудий, а одно успели сбросить в глубокий ров. Увезти с собой турецкие пушки не было никакой возможности — приходилось все время отбиваться от наседавших со всех сторон турок.

Однако переполюх в рядах осажденного султанского гарнизона получился большой. И вот результат. Устрашенные такой «диверсией» турки начали переговоры о сдаче Варны. При этом султанский полководец паша Омер-Вриони сумел бежать из Варны по царьградской дороге, преследуемый буквально по пятам русскими конниками. 29 сентября одна из сильнейших

неприятельских крепостей капитулировала перед русскими войсками. Турецкий гарнизон сложил оружие, и в качестве трофеев победителям досталось 162 орудия.

Один лишь капитан-паша (великий адмирал), отказавшись сдаваться в плен «неверным», защищался в цитадели Варны. Там он и был взят в плен. За такое мужество по личному указанию Императора Николая I капитан-паше даровали свободу.

Из-под Варны начальник Главного штаба отбывает к войскам, осаждавшим крепость Силистрию (древний город Доростол). Обложение ее проходило с 27 июля по 13 ноября 1828 года. Осада затягивалась по самым непредвиденным обстоятельствам.

Установившаяся ранняя холодная и очень дождливая погода, превратившая дороги в непролазную грязь, мешала ведению осадных работ. Траншеи заполнялись холодной водой, и не было никаких сил бороться с ней. Пришлось ограничиться «тревожащим» артиллерийским обстрелом крепости. Однако до массированных бомбардировок турецких укреплений дело не доходило.

Со стороны Дуная Силистрию блокировали основные силы русской военной речной флотилии под командованием уже известного нам И.И. Завадовского, теперь уже контр-адмирала. Под его начальством находилось 50 гребных судов, вооруженных малокалиберной артиллерией.

Из-под Силистрийской крепости Дибичу пришлось поспешить на противоположный берег Дуная, в Валахию, в ее столицу Бухарест. Там вовсю начала свирепствовать чумная зараза. Генерал-адъютант бесстрашно посетил армейские госпитали, переполненные заболевшими чумой. Из-за возникшей эпидемии штаб-квартиру 2-й русской армии пришлось перевести севернее Бухареста, в город Яссы.

Тем временем положение русских осадных войск под Силистрией из-за наступившей стужи резко ухудшилось. 23 ноября сильная вьюга покрыла глубоким снегом осадные батареи, занесла солдатские и офицерские землянки. В безлесной местности дело с топливом обстояло совсем плохо. Сразу участились всевозможные болезни.

С наступлением первых морозов появилась новая угроза для русской армии, стоявшей на болгарском берегу Дуная. На реке,

там, где не было быстрого течения, стал образовываться лед. Своим появлением он вынудил военную флотилию как можно скорее спуститься на стоянку в Дунайское устье.

Уход судов флотилии контр-адмирала И.И. Завадовского создал угрозу свободному сообщению левого дунайского берега с правым. Действующая в Болгарии русская армия могла оказаться без собственных тылов.

Взятие крепости Варны с удобной для стоянки крупных кораблей бухтой стало крупным успехом русского оружия. Но войска, овладевшие крепостью, оказались сильно утомленными. Плохое, из-за перебоев с доставкой, питание привело к таким массовым болезням, как цинга и дизентерия. Никак не могли «управиться» и с эпидемией чумы. Походные лазареты и походные госпитали к началу балканской зимы заполнялись не столько ранеными, сколько больными. Смертность на войне из-за болезней, так называемые санитарные потери, оказалась очень высокой.

Войсковые командиры беспомощно разводили руками — в батальонах оставалось под ружьем до 200, в кавалерийских эскадронах — до 40 человек. В октябре 1828 года почти одну треть 2-й русской полевой действующей армии составляли больные. Впрочем, схожее положение было и в турецкой действующей армии. Именно в ее рядах вспыхнули первые очаги эпидемии чумы, перешедшей затем к противнику вместе с пленными.

С планом завершения русско-турецкой войны в одну кампанию пришлось расстаться. В сложившейся обстановке на военном совете принимается единственно разумное решение: осада с тех турецких крепостей, которые еще упорно защищались, снимается; продолжение войны откладывается до весны следующего года.

С наступлением холодов военные действия, по неписаным правилам той эпохи, прекратились, если не считать, разумеется, действий небольших отрядов. Противники расходились по зимним квартирам с тем, чтобы, поднабравшись новых сил, весной, когда подсохнут дороги, вновь начать боевую деятельность.

Взятие Варны, которое, хотя и обернулось для армии Витгенштейна немалыми потерями, дало нам одно неоспоримое преимущество. Русская армия, не имевшая достаточного коли-

чества зимнего обмундирования, возвращалась на заранее подготовленные на юге России и в Дунайских княжествах зимние квартиры с известным «комфортом» — морем. Правда, этот «комфорт» чуть было не обернулся трагедией для Николая I и графа Воронцова. Их корабль попал в непогоду, был снесен почти к Босфору и чуть не попал в плен к туркам.

В Добрудже и Валахии оставались небольшие армейские гарнизоны. На левом берегу Дуная против правобережных неприятельских крепостей устраивались редуты, с которых велось наблюдение за турками. Война для России была еще далеко не окончена — она лишь взяла передышку до весны.

Кампанию 1828 года, хотя решающей в войне против Турции она не стала, все же можно было считать успешной для русского оружия. От османского господства были избавлены Дунайские княжества Молдова и Валахия, от противника очищена на время почти вся придунайская Болгария. Взято восемь вражеских крепостей.

В плен к русским попало девять пашей, султанских генералов, и около 22,5 тысячи солдат и офицеров противника. В качестве трофеев было взято 957 пушек и три войсковых походных лагеря со всем их имуществом, 180 знамен. На Дунае потоплено, сожжено или было захвачено 17 больших и 45 малых турецких речных судов. Освобождено от тяжелой османской неволи несколько тысяч болгарских семей.

И Император России не оставил без боевых наград тех своих верноподданных, которые отличились на Дунае и под крепостью Варной. За одержанные победы в кампании 1828 года генерал от инфантерии граф И.И. Дибич награждается высшим орденом Российской державы — орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Напомним, что этот династический орден давался членам Императорского дома уже при рождении, а остальным — только за высочайшие государственные труды и заслуги.

Однако на фоне впечатляющих успехов, которых добился на территории Азиатской Турции русский Отдельный Кавказский корпус под командованием генерал-адъютанта графа И.Ф. Паскевича-Эриванского, результаты кампании на дунайском театре военных действий выглядели все же скромно.

Победы, одержанные русскими войсками в Закавказье, выглядели гораздо эффективнее результатов похода 2-й полевой действующей армии генерал-фельдмаршала П.Х. Витгенштейна за Дунай. В правящих кругах и общественном мнении накапливалось возмущение нерешительностью действий главнокомандующего этой армией. Хотя справедливости ради надо сказать, что от престарелого Витгенштейна трудно было на этой войне требовать большего.

Общее недовольство ходом войны в конце концов выбрало себе жертвой одну фигуру — подобных примеров истории Российского государства (и не только его) знает вполне предостаточно. Такой фигурой стал, как ни странно, начальник Главного штаба граф Иван Иванович Дибич: «все стали бросать в него камнями».

Общественное мнение в столице и губерниях не щадило человека, прославившего за глаза ловким царедворцем, да к тому же еще одного из судей декабристов. При этом общество забывало, что от действительно смелого плана Дибича на военную кампанию отвернулись и Император Николай I, и главнокомандующий действующей армией Витгенштейн.

В оправдание же начальника Главного штаба генерала от инфантерии графа Дибича можно было сказать только одно: в первый год войны у него в действующей армии не было официальной должности, и русскими войсками за Дунаем командовал не он! Конечно, не могло не смущать и не стеснять военных и присутствие в армии Государя и его свиты. Так что обвинения разгневанного военными неудачами российского общества в отношении личности И.И. Дибича страдали немалой долей несправедливости.

На исходе декабря генерал Дибич возвращается с юга России в Санкт-Петербург. С собой он везет план боевых действий на 1829 год, изложенный в докладной записке Государю.

Император Николай I, видимо почувствовавший отрицательные последствия своего присутствия на театре военных действий, при возвращении с войны в столицу не раз говорил подобострастно слушавшим его придворным:

— При мне все идет дурно, и более я не хочу лично вмешиваться в дела, а потому в армию больше не поеду...

Зима уходит для воюющих сторон на подготовку продолжения большой войны на Балканах, в Азиатской Турции и на Черном море.

Глава Российской империи после немалых раздумий и советов с самыми близкими ему людьми решается сменить главнокомандующего 2-й русской полевой действующей армией. К этому Императора Николая I вынуждала сложившаяся на войне ситуация и открытое недовольство ситуацией в обществе. И 9 февраля 1829 года следует Высочайший указ.

В Императорском указе говорилось, что новым главнокомандующим 2-й действующей армии вместо генерал-фельдмаршала графа Витгенштейна, здоровье которого «совершенно разрушено трудами прошедшего похода», назначается генерал от инфантерии граф Дибич. К слову сказать, Дибич подготовкой новой летней кампании занимался уже с осени прошлого года.

Дела свои на посту управляющего Главным штабом Иван Иванович Дибич передал своему заместителю, генералу от кавалерии графу Александру Ивановичу Чернышеву. Надо сказать, что замена оказалась вполне равноценной и не отразилась на состоянии русской армии и деятельности такого руководящего органа российского военного ведомства, которым являлся Главный штаб.

Чернышев был примечательной личностью в истории России. В канун Отечественной войны 1812 года он занимался, и весьма успешно, разведывательной деятельностью в Париже. Затем был участником отражения нашествия Великой армии на Россию и последующих заграничных походов русской армии в Европу. Он выполняет ряд важных дипломатических миссий и в 1826 году становится графом. С 1828 года он — заместитель начальника Главного штаба и управляющий Военным министерством, в 1832—1852 годах — военный министр России. В 1841 году он возводится в княжеское достоинство и, наконец, становится председателем Государственного совета.

А.И. Чернышев проделал большую работу по кодификации Свода военных постановлений (военного законодательства), изданию военно-уголовного права, введению в русской армии горной артиллерии, учреждению кадетских корпусов, военно-статистическому описанию губерний страны.

У поста, который покидал Иван Иванович Дибич, в то время была одна особенность: начальнику Главного штаба напрямую подчинялся российский военный министр...

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Итак, впервые в своей биографии генерал от инфантерии И.И. Дибич получил полноценную полководческую должность. Он стал единоначальником огромной действующей армии, получил от монарха полную свободу действий на выполнение собственного плана на войну со всеми смелыми его идеями. И 1829 год стал тем «звездным» годом, когда полководческие дарования Дибича раскрылись во всем блеске и навсегда вписали его имя на скрижали истории России и истории военного искусства в целом.

Но при признании его полководческой «звездности» следует заметить следующее. По многочисленным свидетельствам современников, николаевский царедворец так и не стал любимцем русской армии, как, например, полководцы Багратион, Ермолов, Воронцов, Муравьев-Карский или атаман донского казачества Платов. Это факт исторический и по сей день бесспорный.

Приняв без особого промедления новую должность (к которой он так стремился), Дибич сразу проявил похвальные черты инициативного и подготовленного главнокомандующего действующей армией. С присущей ему напористостью он стал готовить войска к новой военной кампании, до начала которой оставались считанные месяцы.

Пробыв на Дунае почти весь 1828 год, граф Дибич лично убедился как во всех достоинствах действовавших здесь армейских сил и их начальников, так и познал их недостатки.

Первым делом он занялся усилением артиллерии, как полевой, так и осадной. Последняя была крайне необходима для осады сильных и многочисленных турецких крепостей.

Армейская артиллерия полностью обеспечивается лошадьми для перевозки орудий и зарядных ящиков к ним. Осадные артиллерийские роты были приведены в надлежащий порядок,

причем две из них получили на вооружение трофейные турецкие орудия из числа наиболее современных. Общее количество осадных пушек крупного калибра увеличили вдвое — их стало 88 стволов.

К 24 шестифунтовым мортирам заказали новые станки и заготовили по две тысячи гранат на каждую. Эти небольшие мортиры предполагалось использовать в качестве горно-вьючных орудий. В условиях труднопроходимых Балканских гор они оказались просто незаменимыми. Русские пушкари огнем из шестифунтовых мортир, которые легко устанавливались на любом небольшом горном выступе, не раз обращали в бегство турецкие заслоны на тропах и дорогах в Балканах.

Новый армейский главнокомандующий требовал, чтобы в артиллерийских парках первой и второй линий имелись готовые боеприпасы для 14 пехотных дивизий и 15 батареинных рот. То есть полевые войска не должны были испытывать патронный и снарядный «голод» в ходе предстоящей военной кампании.

В январе 1829 года численность 2-й русской полевой действующей армии с приданными ей воинскими частями достигала 105 тысяч человек. Из них в строю находилось 71 тысяча пехоты и 13,5 — кавалерии. Для укомплектования армейских полков и батарей за реку Прут направляется еще около 20 тысяч человек из состава резервных войск, расквартированных на Правобережной Украине.

В результате к началу новой летней кампании на Балканах оказалось сосредоточено до 125 тысяч русских войск при 352 полевых, 12 горных и 88 осадных артиллерийских орудий. Это было несколько больше, чем в начале боевых действий 1828 года. Но всего этого было еще далеко не достаточно, чтобы обеспечить развертывание широких наступательных операций за Дунаем, на болгарской земле.

Дибич делает перестановки среди своих ближайших помощников. Меняется начальник штаба действующей армии. Вместо работоспособного, но все же малоопытного в проведении крупных операций генерала Киселева назначается генерал барон Карл Федорович Толь. Тот самый Толь, воевавший еще под знаменами прославленного А.В. Суворова и получивший из его рук капитанские эполеты. Тот самый Толь, который сам про-

славился во время Отечественной войны 1812 года и на протяжении многих лет являл собой высокое знание сложностей и тонкостей штабной и оперативной работы (за успехи в грядущей кампании летом 1829 года он будет возведен в графское достоинство). Оперативную часть армейского штаба возглавил другой опытный генерал — Дмитрий Петрович Бутурлин, будущий известный наш военный историк (одна из его книг использована при написании этого повествования).

У нового главнокомандующего к началу возобновления боевых действий оказались решенными и другие проблемы. В армейских магазинах создаются большие запасы продовольствия. Недостающий хлеб закупается в Дунайских княжествах. Зерно из Одессы переправляется морем, подвозится сухим путем из Подолии...

Военные действия на Дунае возобновились уже в мае. Крупные силы русской речной гребной флотилии числом более 30 судов возобновили боевые действия против крепости Силистрии. Подойдя к ней, речная флотилия стала обстреливать вражескую крепость.

На сей раз переправа русской армии через Дунай проходила с большими трудностями, так как полноводная по весне река особо широко разлилась в своем низовье. Новый главнокомандующий принял решение провести форсирование водной преграды в двух удаленных более чем на 200 километров один от другого участках. В такой непростой ситуации и султанское командование не решилось сосредоточить свои главные силы в одном месте. Таким образом, стратегический замысел И.И. Дибича на беспрепятственное со стороны неприятеля форсирование Дуная вполне удался.

Первыми 9 мая в районе Калараша (Кэлэраши) форсировали Дунай две пехотные дивизии 3-го армейского корпуса и часть сил 2-го армейского корпуса. В районе Сатуново с 28-го по 30 мая осуществили форсирование реки остальные армейские части. Здесь для обеспечения выхода войск к Дунаю в течение месяца саперами-пионерами была построена гать длиной около 6,5 километра через болотистую речную пойму. Переправы проходили на речных судах Дунайской гребной флотилии, пароммах и собранных со всего левобере-

жья лодках. Использовали всевозможные плавучие средства, какие только можно было найти на речных берегах. В дело шло все, включая плоты из бревен и досок...

Наступление армии Дибича началось с движения к Силистрии. Обложив крепость со всех сторон (со стороны реки она была блокирована еще в начале мая), русские войска с боем взяли все ложементы (окопы) и редуты, окружавшие ее. Под натиском русских штыков турки были вынуждены отступить во внутренние укрепления Силистрии. В тех рукопашных боях противник потерял до 400 человек только убитыми. Со стороны атакующих из строя выбыло до 190 человек, в том числе 15 офицеров.

По степени инженерного, фортификационного оборудования Силистрия мало чем отличалась от других турецких крепостей. Она имела крепостную стену с бастиянами и редутами впереди главной ограды, вооруженную артиллерией. В Силистрийской крепости насчитывалось 253 орудия. Слабым ее местом было то, что сама она находилась во впадине и могла свободно простреливаться артиллерийским огнем из орудий крупного калибра в случае занятия противником окружающих ее приречных высот.

Перед тем как начать осаду сильной Силистрии, следовало надежно блокировать ее и переправить с левого дунайского берега осадные пушки. На речных судах перевезти тяжелые орудия не имелось никакой возможности. Дибич приказал навести наплавной понтонный мост у местечка Калараш, считая это место наиболее удобным. Здесь Дунай перегораживали два острова, и они должны были стать частью переправы.

Одновременно главнокомандующий приказал очистить левый берег Дуная от небольших, в основном конных отрядов османов. Те совершали нападения на небольшие группы русских солдат, по ночам обстреливали сторожевые посты противника, вели разведку. Эта операция проводилась в основном силами легкой, казачьей конницы.

Однако заранее изготовленные плашкоты (понтонны) для наплавного моста находились в 75 километрах западнее Силистрии, у валашской деревни Фундени. Плашкоты предстояло сплавить вниз по реке под огнем крепостной артиллерии Рушу-

ка и самой Силистрии. Да еще под угрозой нападения вражеской Дунайской флотилии. Для буксировки ко всем из 63 плашкотов, на каждом из которых находилось по 25 стрелков-пехотинцев, прикрепили по одной лодке. В ней размещался проводник из местных жителей и два-три гребца из числа пехотных солдат. Речное течение само несло огромные плоты из бревен, и лодочные команды только «корректировали» их движение по дунайскому руслу.

Впереди «плашкотной» флотилии на больших лодках следовал авангард из стрелков, которые тянули за собой паромы с пушками и ракетными станками. Для прикрытия орудийной прислуги от вражеских пуль и картечи на паромах устроили брустверы из мешков с шерстью.

При появлении на Дунае такого огромного каравана из плотов-плашкотов и лодок турки немедленно забили тревогу, сразу сообразив, какую опасность для них принесет будущий мост через реку. Со стороны Силистрии к «плашкотной» флотилии подошло три канонерских баркаса. Подойдя на дистанцию картечного выстрела, турки открыли пушечный огонь. В ответ с парома, на котором находился ракетный взвод под командованием подпоручика П.П. Ковалевского, дали ответный ракетный залп. Он обратил экипажи канонерских баркасов неприятеля в бегство и заставил их поспешить под защиту силистрийских береговых батарей. Наверное, такое же впечатление уже в наше время производили залпы «катюш» на немцев.

Вскоре — с 30 мая — исправно стал служить наплавной мост, наведенный из огромных деревянных плотов и соединивший через два острова берега Дуная. Для его охраны на островах возвели по батарейному редуту на случай нападения турецкой речной флотилии.

Главкомандующий лично руководил осадой Силистрийской крепости. Для ее обложения он выделил немало армейских сил: 29 пехотных батальонов, 9 кавалерийских эскадронов, 5 казачьих полков и 76 полевых орудий. Кроме того, к осаде вражеской крепости привлекались 142 орудия кораблей Дунайской военной флотилии и 31 трофейное осадное орудие.

Для наиболее эффективного использования орудийного огня И.И. Дибич дал артиллерийским начальникам разработанную

им схему бомбардировки Силистрии. При этом он, хотя и был генералом от инфантерии, показал самые глубокие знания артиллерийского дела и тактики осады крепостей. «Силистрийская схема» стала настоящим произведением военного искусства для того времени.

По строжайшему указанию Дибича орудийный огонь подразделялся на три вида: умеренный — один выстрел в час на один ствол; усиленный — 4 выстрела в час на пушку и единорог и 2 выстрела на мортиру и чрезвычайный — 8 выстрелов в час на пушку и единорог и 3 выстрела на мортиру. Было определено по дням и чередование видов огня — для прикрытия осадных работ и разрушения крепостной ограды.

Благодаря такой схеме артиллерийского огня, прикрывавшего в первую очередь строительство осадных батарей, уже утром 18 мая две батареи начали обстреливать Силистрию с дистанции всего лишь в 600 метров. Здесь, в результате контрбатарейной стрельбы, турки, у которых оказались разрушенными орудийные амбразуры, через полчаса замолчали. За исправление повреждений в крепостной ограде они взялись только с наступлением полной темноты.

Эффективные действия этих двух русских батарей оказались настолько успешными, что, как показывали перебежчики, «паша, уstraшенный действиями сих батарей, обещал знатную сумму денег войскам, ежели они отнимут у нас сии батареи».

Планомерная и систематическая бомбардировка Силистрийской крепости сделала свое дело. 20 июня турецкий гарнизон, вконец измотанный методичным обстрелом своих позиций, капитулировал. Султанская крепость сдавалась на милость победителей со всей своей многочисленной артиллерией и запасами.

Среди военных трофеев победителям достались стоявшие под стенами крепости 16 канонерок. Их экипажи так и не решились вступить в бой с русской Дунайской гребной флотилией, которая со стороны реки блокировала Силистрию. Турки без боя сдали противнику и речные просторы. Кроме больших канонерок, в крепости нашлось еще 46 различных речных судов.

Силистрийские трофеи русской армии оказались действительно огромны: сотня знамен, 253 орудия, 23,5 тысячи раз-

личных артиллерийских снарядов, 1042 бочонка с порохом, 4594 ящика ружейных патронов. С такими огневыми запасами османы могли держаться в Силистрийской крепости еще не один месяц войны.

За время жесткой осады крепости турецкий гарнизон потерял около семи тысяч человек убитыми и ранеными, и еще 6568 человек оказались в неприятельском плену. Благодаря умелой организации осады и ее ведения русские войска потеряли всего 330 человек погибшими и 1540 ранеными...

Еще только обложив Силистрию, русский главнокомандующий начал думать о следующем этапе войны, о том, как выманить в чистое поле для битвы султанское войско из его главного оплота — мощной крепости Шумлы, расположенной в предгорьях Балкан к югу от Силистрии и к западу от Варны. Дибич хотел последующими действиями принудить турок принять генеральное сражение. И такой, заранее продуманный план вполне удался полководцу России.

В крепости Шумла находился сам великий визирь Оттоманской империи Решид (Рашид)-Мехмед-паша со своим походным штабом. Это был полководец опытный, прославившийся воинскими подвигами в Морее, когда подавлял там восстание греков. Великому визирю самому не терпелось нанести поражение армии «неверных» и тем самым заслужить еще одну милость от своего божественного султана Махмуда II. Иными словами, Решид-Мехмед-паша мечтал, равно как и его противник, генерал граф Дибич, о действительно большой полководческой славе.

Но наш полководец продумал задуманную операцию на много ходов вперед вплоть до мелочей. Вплоть до того, что учел психологию и образ поведения султанских военачальников на войне. Русский главнокомандующий не случайно самым тщательным образом изучил историю предыдущих русско-турецких войск.

Повод для генеральной баталии русских с османами война предоставила довольно скоро после того, как Силистрийская крепость была полностью обложена и участь ее практически решена. Небольшой русский корпус под командованием генерала А.О. Рота (в 1825 году подавившего силой оружия вос-

стание Черниговского полка) в своем наступательном движении оторвался от главных сил армии и занял своими войсками селение Праводы (ныне Провадия) недалеко от крепости Шумлы в восточном направлении. Вражеские конные лазутчики незамедлительно донесли об этом султанскому полководцу.

Опытный в военном деле, Решид-Мехмед-паша, глядя на карту, сразу сообразил, какая большая удача плыла ему прямо в руки. Великий визирь заторопился воспользоваться ею, чтобы разбить армию «неверных», так далеко зашедшую в болгарские земли Оттоманской Порты, по частям. Русский главнокомандующий, по данным разведки, находился достаточно далеко и от Шумлы, и от Правод.

И в последних числах мая великий визирь Решид-Мехмед-паша во главе 40-тысячной армии отборных турецких войск выходит из крепостной Шумлы. Полководец султана вел под своими знаменами лучшее османское воинство, к тому же не обремененное большими обозами. Решид-паша очень торопился окружить и уничтожить русский корпус в Праводах и затем с победой, трофеями и пленными беспрепятственно возвратиться за крепкие крепостные стены Шумлы.

Как только Дибич получил долгожданное известие о выходе огромной турецкой армии из-за стен Шумлы, он начал немедленно действовать. Ему тоже не хотелось по нерасторопности упускать удачу. Еще не завершена победно осада Силистрийской крепости поручалась генералу А.И. Красовскому, переведенному на Дунай с Кавказа, которому оставалась меньшая часть 2-й полевой армии, на время ставшей осадной.

С остальными армейскими войсками русский главнокомандующий усиленными и быстрыми дневными переходами двинулся к селению Мадры (ныне Мадара), которого он достиг 24 мая. Сильное боевое охранение со стороны Шумлы обеспечило скрытность движения главных сил 2-й действующей армии от берегов Дуная.

К селению Мадры, получив на то приказ Дибича, двинулся с главными силами своего корпуса и генерал Рот. Он оставил против быстро приближавшейся армии великого визиря отважного в боях генерала Куприянова с четырьмя пехотными полками и двумя кавалерийскими, с принадлежавшей им ар-

тиллерией. Вражеские лазутчики на свою беду просмотрели и этот маневр противной стороны.

Такой маневр русской армии удался просто блестяще. Иных оценок ему военные специалисты просто не давали и не дают по сей день. Теперь 40-тысячное отборное турецкое войско оказалось отрезанным от своей базовой крепости Шумлы. А ее стратегическое значение на театре войны было велико. Она запирала собой удобнейшие пути из Силистрии и Рушука через Балканские горы к столице Ближневосточной Порты Стамбулу.

В такой ситуации русский полководец добивался главного: султанской армии теперь было не избежать полевого сражения с обхитрившим его соперником.

Решид-паша, к тому времени уже осаждавший русский отряд, укрепившийся у Правод, узнал о движении главных сил русской армии только 29 мая. В походном штабе великого визиря сочли, что противник, оказавшийся у селения Мадры, есть не что иное, как какая-то часть корпуса генерала Рота, так неосмотрительно вырвавшаяся вперед.

Султанские военачальники, учитывая опыт 1828 года, с большой уверенностью считали, что осажденные турецкие крепости приковывали к себе значительную часть войск русской полевой армии и что для других, тем более наступательных, действий сил у них уже не оставалось. Встретиться же у селения Мадры с самим главнокомандующим «неверных» турки просто не ожидали.

Султанский полководец снял осаду Правод, где русские держались стойко, и поспешил назад к Мадрам, путь к которым лежал через Кулевчинские теснины. Он торопился в надежде полностью истребить вовсе малочисленный отряд русских, дерзнувших маневрировать в его тылу.

В неожиданно прервавшемся сообщении с Шумлой великий визирь и его военачальники еще не видели для себя смертельной угрозы. Решид-паша даже не побеспокоился выяснить причины случившегося посылкой к крепости хотя бы небольшого кавалерийского отряда. От этого отряда требовалось всего ничего — проскакать по хорошей дороге туда и обратно.

30 мая генерал Рот, удачно выполнив быстрый маневр, присоединился к главным силам русской армии. По приказанию

Дибича его корпус расположился слева от селения Мадры. К этому времени неприятельская армия уже стояла на горах перед узким проходом на равнину — дефиле Кулевчи. Турецкая походная колонна растянулась в движении и потому остановилась на короткое время, чтобы подтянулся ее «хвост».

Великий визирь Решид-Мехмед-паша и его окружение не верили своим глазам. Перед ними на равнине стояла теперь уже объединенная русская армия в составе 30 тысяч человек при 146 полевых орудиях. Она стояла на прямом пути к крепости Шумла. Кулевча находилась всего в 16 км восточнее Шумлы. Это расстояние можно было покрыть всего за один дневной марш-бросок войск вместе с артиллерией и обозами.

Дибич приказал провести общую рекогносцировку. Получив необходимые сведения о местности и силах противника, сопоставив их с данными армейской разведки (в этом деле русским неоценимую помощь оказывали болгарские добровольцы), главнокомандующий принял решение на предстоящее сражение.

Суть его состояла в том, что русские, уступавшие противнику численно, тем не менее атаковали первыми. Однако двинуть на Кулевчинские высоты сколько-нибудь значительные силы одновременно Дибич не мог (за что его впоследствии не раз и много критиковали). Сделать это не позволяла местность, так как наступать приходилось на узком участке горного прохода, окаймленного лесистыми вершинами.

Сражение у селения Кулевчи мог выиграть тот полководец, кто более искусно использовал на ограниченном пространстве свои войска, вернее, только часть их. Победить могла только та армия, воины которой брали верх над врагом большим мужеством, стойкостью и выучкой.

Противники после восхода солнца долго изучали друг друга. Около 11 часов утра главнокомандующий русской армией приказал генерал-майору Я.О. Отрощенко атаковать турок, расположившихся на высотах вблизи деревни Чирковки. Почти одновременно на правом фланге русские меткой пушечной стрельбой своих батарей заставили неприятельскую кавалерию и пехоту отступить за скаты гор и укрыться в ближайшем лесу из вековых деревьев.

Видя такой начальный успех, Иркутский гусарский полк на рысях без промедления занял очищенные от османов высоты. За гусарами скорым шагом двинулся батальон Муромского пехотного полка, готовый своими штыками помочь в случае нужды гусарам.

Но Решид-Мехмед-паша не зря считался испытанным полководцем. И он тоже перед битвой смог сделать некоторые «домашние заготовки». Против правого фланга противника он приказал скрытно поставить сильную артиллерийскую батарею и хорошо замаскировать ее. Батарея открыла огонь лишь тогда, когда Иркутский гусарский полк и следовавший за ним батальон муромцев оказались прямо перед высотами у Чирковки.

Дибич при первом же залпе неожиданно заявившей о себе вражеской батареи понял всю опасность неприятельской артиллерийской «засады». Главнокомандующий приказал тут же открыть по ней сосредоточенный огонь конно-артиллерийских батарей, которые могли на полном конском скаку быстро занять выгодные для стрельбы позиции на поле битвы.

Следующим приказом генерал от инфантерии отправил на приступ высот 11-й егерский полк с четырьмя орудийными расчетами под начальством подполковника Севастьянова. Двинувшихся в атаку стрелков подкрепили еще 2-м батальоном 12-го егерского полка с двумя орудиями.

Так началось большое Кулевчинское сражение двух армий, которое отличалось редкой жестокостью.

Когда егеря приблизились к позиции неприятельской «засадной» батареи, к тому времени уже подавленной огнем русских конных батарей, их атаковала масса турецкой пехоты. Она густыми толпами высыпала из леса, где в безопасности переждала артиллерийский обстрел высот. Османы в «значительном» числе кинулись в рукопашный бой с взбиравшимися на вершины атакующими русскими батальонами. Схватка сразу же приняла неприятный для нас характер.

Батальон пехотинцев-муромцев сразу же оказался в полном окружении врага и сражался до последнего. Иркутский гусарский полк оказался сбитым с Кулевчинских высот, но при этом он не дал неприятелю отрезать себя от равнины.

Три батальона 11-го и 12-го егерских полков, атакуемые с фронта и флангов, мужественно отбивались штыками. Егеря на удивление Решид-Мехмед-паше отступали в полном порядке, устилая свой путь трупами вражеских пехотинцев. Подполковник Севастьянов, с полковым знаменем в руках, ободрял своих бойцов. Те держались стойко, но с каждой минутой рукопашного боя им становилось все труднее сдерживать натиск таборов (батальонов) турецкой пехоты.

Начальствующий на правом фланге генерал Яков Осипович Отрощенко, чтобы остановить натиск турок с высот, приказал перевести шесть конных орудий на правую сторону дороги. Артиллеристы быстро сменили позицию и стали разить контратакующих османов картечью, ведя огонь прямой наводкой. При этом орудийные расчеты старались своими залпами не дать туркам охватить с флангов и окружить отступающие егерские батальоны.

Однако такой достаточно сильной артиллерийской поддержки егерям оказалось мало. Отразить разъяренные рукопашным боем толпы турецкой пехоты, с возгласами «алла!» рвавшиеся вперед на ослабленные потерями егерские батальоны, не удалось. Турок не остановило даже то, что в контратаке они несли большие потери.

Ободренный несомненным первым успехом, великий визирь велел атаковать позицию русских и с левой стороны. Турки, укрывавшиеся до того в горных ущельях, пошли в атаку и принудили отступить с занимаемой позиции 1-й батальон 12-го егерского полка, не участвовавший в первой атаке Кулевчинских высот.

Численное превосходство вражеской пехоты проявилось прежде всего в плотности ружейного огня. Стрелкам егерского батальона пришлось отступать и отбиваться от наседавших турок под настоящим градом пуль, и в их рядах сразу оказалось большое число раненых. В эти минуты получили ранения генералы Отрощенко и Глазенап, руководившие отражением неприятельской атаки.

Наблюдавший с высоты за разгорающимся сражением, Решид-Мехмед-паша методично наращивал атакующие усилия. Он направил часть своих войск уже в обход русского правого

фланга. Теперь турецкая армия атаковала русские боевые порядки и с фронта, и с флангов. Великий визирь своими действиями стремился уже в начале битвы полностью перехватить инициативу у противника.

Однако он не успел это сделать по той причине, что двинутый в первую атаку на высоты авангардный отряд егерей уже получил от своих сильное подкрепление. По приказу Дибича в сражение вступила первая бригада 6-й пехотной дивизии, усиленная батареей ротой 9-й артиллерийской бригады. В подкрепление пехотной бригаде, в качестве ближайшего резерва, выдвинулся Капорский пехотный полк с двумя полевыми орудиями.

Не сомневаясь в окончательной победе и принуждаемые осознанной необходимостью пробиться к Шумле, к ее спасительным крепостным бастионам, турецкие таборы яростно атаковали подошедшую к месту боя русскую пехотную бригаду. Та состояла из двух пехотных полков — Невского и Софийского. Командир бригады генерал-майор князь К.К. Любомирский построил полки в каре, которые встретили атакующих турок ружейными залпами в упор и ударами в штыки. Нападавшим не удалось прорвать строй каре, и они гибли перед ними в большом числе.

В той схватке отличилась батарея роты под командой полковника Вальца. Ее орудия произвели залпами «ближней» картечи — с расстояния всего 100—150 метров — большие опустошения в рядах атакующего неприятеля. Тот не выдержал жестокого прицельного огня, и его натиск на какое-то время стал угасать.

Русский главнокомандующий, равно как и великий визирь, внимательно наблюдал за ходом сражения. Видя неудачу атак гусар с муромцами и егерскими батальонами, Дибич двинул на помощь своему правому флангу сильное подкрепление из кавалерии и конной артиллерии. Это были 1-я бригада 2-й гусарской дивизии с четырьмя легкими орудиями под командованием начальника дивизии генерал-лейтенанта барона К.В. Будберга и 19-я конно-батарейная рота под начальством генерал-майора И.К. Арнольди, отважного и опытного артиллера. Нельзя не вспомнить здесь, что барон Будберг уцеле-

ет в этом и других боях, но в конце августа 1829 года умрет от чумы.

Пока гусарская бригада и конная артиллерия спешили на помощь, обстановка на правом фланге русской позиции становилась все более напряженной. Бой там шел с переменным успехом. Войска Решид-Мехмед-паши, создав здесь значительный численный перевес, перешли вброд речушку Буланлык и таким удачным маневром вышли к открытому флангу русского авангардного отряда.

Однако здесь для атакующей султанской пехоты случилось непредвиденное. Генерал-майор Арнольди, прибыв только-только на место боя и поняв грозную опасность, сразу же отдал боевой приказ своей 19-й конно-артиллерийской роте. Ее орудийные расчеты, как на учениях, развернулись в открытом поле на фланге русских пехотных батальонов и беглым огнем стали отражать атаку противника. Все произошло буквально в мгновение ока. Недаром в русской армии говорили, что, когда конная артиллерия летит на боевые позиции, ее колеса касаются земли только из вежливости.

Огонь конной артиллерии оказался устрашающим и эффективным. Внезапный пушечный фланговый огонь гранатами и даже брандугулями (картечные заряды рота Арнольди уже израсходовала в самом начале сражения) вызвал заметное расстройство в рядах нападающих. Их продвижение вперед почти прекратилось, и огромная масса турецкой пехоты затопталась на месте. Метавшиеся впереди таборов офицеры не могли заставить своих солдат идти дальше вперед.

Такой сумятицей воспользовались русские егерские батальоны, Невский и Софийский пехотные полки. Они дружно нанесли сильный штыковой удар и отбросили от себя турок, опрокинув их первые ряды. Те теперь уже не наседали на русских, а сами отбивались от них.

Вовремя прибывшие на позицию 19-й конно-артиллерийской роты запасные зарядные ящики доставили картечные заряды, которых так недоставало орудийным расчетам генерала Арнольди. Его артиллеристы сперва повели огонь «ближней» картечью, а затем перешли на залповый огонь «дальней» картечью — с дистанции в 200—300 метров.

Все это время из Кулевчинских теснин по узкой горной дороге на поле битвы прибывали все новые и новые турецкие таборы. Великий визирь приказывал атаковать «неверных» снова и снова. Когда бесплодность их атак стала ясна, османским войскам пришлось отойти в горы, на исходные позиции. К тому времени ярость турок совсем пропала, и в ходе сражения установилось равновесие.

Оно было достигнуто во многом благодаря вводу в бой гусарской бригады и конных артиллеристов. Теперь противники на поле битвы уравнивали свои действующие силы, а заметно уставшие в ходе длительной рукопашной схватки егеря приободрились. Вскоре турки были вынуждены совсем прекратить свои атаки на правый фланг русской позиции.

Только тогда Решид-Мехмед-паша понял, что сокрушить фланг русской армии, который виделся ему слабым, его войскам не удастся. Видя безуспешность новых атак, великий визирь отвел свои войска на прежние позиции — на горы перед дефиле Кулевчи. Своими атакующими действиями перелома в сражении он не внес, лишившись к тому же и инициативы в завязавшейся битве.

Кулевчинское сражение на некоторое время совсем прекратилось. Сказывалась и усталость обеих сражавшихся сторон, и необходимость привода войск в должный порядок.

Дибич первым нашел новые пути для продолжения сражения, которого он так жаждал. Главнокомандующий энергично, быстро произвел замену первых линий свежими войсками, заранее подкрепив их сильным резервом. Понесшие большие потери егерские полки были отведены в тыл — в ходе сражения авангардные силы генерала Отрощенко свое дело сделали.

Руководя ходом битвы, полководец России не забывал и о той большой опасности, которая исходила для русской армии со стороны гарнизона крепости Шумлы. Великий визирь оставил в ней многотысячные войска, которые вполне могли в ходе сражения оказаться в ближнем тылу русских. Поэтому Дибич приказал усилить заслон по дороге со стороны неприятельской крепости.

Однако удара в тыл русская армия не получила. Великий визирь Решид-Мехмед-паша решил не рисковать и не выво-

дить на поле битвы оставшиеся в крепости войска. Впрочем, султанский полководец, наверное, просто не смог передать гарнизонному начальству такой свой приказ. Разбросанные по округе русские конные дозоры в тот день перехватили не одного вражеского вестника.

В стане турецкой армии казалось, что сражение в тот день уже закончилось. Каково же было удивление турок, когда в пять часов пополудни, уже под вечер, русские войска широким фронтом пошли в наступление на Кулевчинские высоты.

К началу этой атаки в походном шатре великого визиря только-только закончился военный совет. Бурно посоветовавшись, паши султана Махмуда II пришли к неутешительному для себя выводу: о разгроме в полевом сражении противостоящей им русской армии не могло быть и речи. Следовало самим спастись и уносить ноги в сильную своими крепостными обводами Шумлу. Эта крепость в Османской Порте создавалась специально под целую полевую армию.

Сражение возобновилось артиллерийской дуэлью. Здесь постарался начальник армейского штаба генерал от инфантерии Карл Федорович Толь, гордившийся своим участием еще в суворовском Швейцарском походе. Он лично устроил перед Кулевчинскими теснинами батарейные позиции. Сильная канонада с двух сторон началась почти одновременно.

Стрельба русских пушкарей из знаменитых единорогов оказалась по меткости несравненно выше огня султанских артиллеристов, хотя и прошедших длительную выучку у европейских инструкторов. На горных позициях неприятельских батарей один за другим со страшным грохотом стали взрываться пороховые ящики. Только меткими выстрелами орудий 4-го взвода 19-й конно-артиллерийской бригады под командованием прапорщика Дубасова было взорвано девять зарядных ящиков. Такая меткость коннобатарейцев была просто поразительной и выше всяких похвал.

От взрывающихся зарядных ящиков турецкие артиллеристы разбегались кто куда. В рядах султанской армии, скучившейся на высотах, при виде такого ужасающего зрелища распространились смутнение и страх. Пехотное прикрытие батарей первым обратилось в бегство. На единственной горной

дороге, на которой к тому же стояла большая часть армейского обоза, сразу же образовалась пробка.

Уловив хорошо видимое в подозрную трубу замешательство в стане врага, Дибич немедленно приказал пехоте колоннами пойти в атаку. Их командирам ставилась задача взойти и захватить впереди лежащие горные высоты, то есть с боем овладеть ими.

Одновременно отряды заранее отобранных лучших стрелков, так называемых «застрельщиков», поспешили в леса на флангах. Им предстояло меткой стрельбой выбить оттуда вражеских пехотинцев, стороживших собственные фланги. Как потом оказалось, турецкой пехоты на флангах скопилось немало.

Поскольку большая часть неприятельских батарей замолчала, а пехотные колонны и отряды «застрельщиков» двигались вперед быстрым шагом, то русские оказались перед высотами намного раньше, чем противник пришел в себя после взрывов на батарейных позициях. Воинская храбрость и одновременная атака турецкой армии по всему фронту увенчала замысел генерала от инфантерии И.И. Дибича полным успехом.

Уже дрогнувшего противника охватила паника, исчезла стройность рядов пехотных таборов, и огромная турецкая армия, еще не начав отступать, сразу же обратилась в бегство. Русские пехотные колонны, взойдя на высоты, усилили натиск. Туркам просто не давали опомниться — их осыпали градом ружейных пуль и теснили штыками. После разрозненного сопротивления неприятель окончательно бросил свои кулевчинские позиции, которые были столь удобны для ведения оборонительного боя.

Армия Решид-Мехмед-паши превратилась в огромный поток бегущих людей. Ею уже никто не управлял, и каждый беглецу думал лишь о собственном спасении от русского штыка и плена.

Плененных для сражения на горных вершинах оказалось много — полторы тысячи человек. Трофеями победителей стал огромный армейский походный лагерь турок с тысячами шатров и палаток, многочисленный обоз с припасами, взятыми из крепости Шумлы, шесть знамен и 43 орудия из 47 имевшихся у великого визиря в Кулевчинском сражении.

Остатки разбитой султанской армии искали спасение прежде всего на окрестных лесистых горах или бежали по той единственной горной дороге, по которой недавно шли вперед. Русская кавалерия по пятам преследовала османов на расстоянии восьми верст. Но в ходе преследования ей нигде не было возможности развернуться.

Разгром неприятельской армии был полный. Часть войск великого визиря разрозненными отрядами стала пробираться на юг через Балканы. Часть все же нашла спасение за стенами крепости Шумлы. Часть (прежде всего военнообязанные из местного мусульманского ополчения) просто разбежалась по округе, вновь превратившись в мирных жителей, забывших о призыве султана Махмуда «все как один» подняться на «священную войну» — газават против «неверной» России.

Кулевчинская победа была значима для русского оружия и в другом. Беглецы всюду распространяли ужас и отчаяние среди турецкого населения и смятение в рядах местных гарнизонов султанских войск. Уже тот факт, что полное поражение на поле битвы понес популярный в Османской Порте полководец Решид-Мехмед-паша, вносил страх ожидания худшего в султанское воинство.

На поле Кулевчинского сражения насчитали более пяти тысяч убитых. С русской стороны погибло 32 офицера и 1239 нижних чинов. В своем большинстве это были пехотинцы-муромцы и егеря. Ранено было два генерал-майора, 29 офицеров и 1009 нижних чинов — рядовых солдат и унтер-офицеров.

В истории военного искусства Кулевчинское сражение имеет одну существенную особенность. Достоинство одержанной в ней победы состоит в том, что русский главнокомандующий не ввел в битву большую часть своих сил. Именно с этими свежими полками и эскадронами полководец Иван Иванович Дибич начал последующие марш-броски дальше на юг, поход через Балканские горы.

За разгром армии великого визиря на Кулевчинских высотах генерал от инфантерии граф И.И. Дибич удостоился ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2-й (можно сказать, полководческой) степени. И еще одну царскую награду получил он — шесть орудий из числа отбитых у неприятеля.

Многих героев кулевчинской победы ждали заслуженные боевые награды. Храбрый из храбрых артиллерийский генерал-майор И.К. Арнольди удостоился ордена Святой Анны 1-й степени. Вместе с ним были награждены все офицеры и многие нижние чины 19-й конно-артиллерийской роты, оказавшиеся подлинными героями победного дня. Кроме того, личный состав роты Высочайшим указом отметили специальными знаками отличия на головные уборы солдат и унтер-офицеров, а офицерские мундиры — золотыми петлицами...

Первым следствием победы стала сдача крепости Силистрия. Исход готовившегося ее штурма был предрешен — башни и стены во многих ее местах были разрушены бомбардировкой осадной артиллерии. Генерал-лейтенант Красовский принял капитуляцию силистринского гарнизона.

За взятие столь важной в войне неприятельской крепости граф Дибич Императорским указом был назначен шефом Черниговского пехотного полка. Он особенно отличился под крепостными стенами Силистрии во время ее осады.

Главные силы русской 2-й полевой армии из-под Кулевчи двинулись к крепости Шумла. Дибич своими действиями стремился показать противнику вид, будто хочет заняться ее плотной осадой. Великий визирь, счастливо избежавший плена у Кулевчи, уже снова находился в стенах этой крепости. Решид-Мехмед-паша, как полновластный главнокомандующий султана Махмуда II, усилил заметно поредевший крепостной гарнизон 12 свежими полками регулярной пехоты и другими войсками.

С одной стороны, такие действия великого визиря, хорошего тактика, были правильны. Но, с другой стороны, он ослабил оборону береговой линии Черного моря и горных проходов через Балканы. Разведка быстро донесла об этом русскому главнокомандующему. Кроме того, Дибич достоверно знал, что султанское командование не держит и мысли в голове о том, что противник может отважиться войти в Балканские горы и совершить переход через них.

Тогда Иван Иванович Дибич, как опытный, знающий цену разумному риску полководец, предпринял свой знаменитый маневр. Тот, который в мировой военной истории до сих пор

признается как один из искуснейших. И который стал вершиной полководческой славы этого неординарного военного вождя Российской императорской армии.

Задуманный поход за Балканы требовал тщательнейшего продумывания маршрутов движений походных армейских колонн. Здесь полководческое дарование Дибича раскрылось во всей красе. От четкости плана операции во многом зависел и успех в боевых действиях. Переход через Балканские горы «торопил» завершение войны, и он может в истории русской армии сравниться только с суворовским Швейцарским походом.

Забалканский поход 2-й русской полевой действующей армии осуществлялся тремя колоннами (правой, левой и третьей, шедшей «в затылок» левой) по двум маршрутам. Успешный переход через Балканы стал для мировой военной истории образцом вождения войск.

Правая колонна под командованием генерала Ф.В. Ридигера была определена в составе 14 пехотных батальонов, трех казачьих полков, трех рот пионеров с 14 понтонами и 44 орудиями.левой колонной, примерно равной по силам правой, командовал генерал А.О. Рот. Третьей колонне под командованием генерала графа П.П. фон дер Палена отводилась роль резервной. В ее состав входило 19 батальонов пехоты, восемь эскадронов кавалерии, два казачьих полка и 60 орудий. Резервная колонна могла и усилить идущую впереди, и надежно прикрыть ее в случае преследования вышедшей из крепости Шумлы армией великого визиря Решид-Мехмед-паши. В последующих событиях войска графа Палена окажутся именно на «своем месте».

Правая колонна должна была следовать по маршруту: Шумла, Марковчи, Кеприкиой, Айваджин, Инжанкой, Айтос, Карнабат, Сливно, Ямболь, Госсанбейли, Адрианополь. В связи с тем, что маршрут движения этой колонны был короче маршрута левой колонны, то, как это предусмотрел главнокомандующий русской армией, ей надлежало выступить из-под Шумлы 3 июля, то есть на четыре дня позже левой колонны. И маршрут движения правой колонны был рассчитан всего на шесть дней. За это время ей предстояло пройти 122 километра. Темп движения планировался предельно высокий: в первый день —

18 километров, во второй день — 21 километр, в третий день (5 июля) с форсированием реки Камчик и овладением Кеприкиоем — 13 километров, в четвертый день — 30 километров, в пятый и шестой день — по 20 километров ежедневно.

При таком раскладе маршрута по времени и расстоянию становится понятно, почему опытный Решид-Мехмед-паша не «уследил» и за движением русской армии, и за направлением марш-бросков ее походных колонн. В другом случае турки наверняка могли бы попытаться перехватить колонны противника. Однако русский полководец и здесь перехитрил великого визиря.

Характерно, что форсирование реки Камчик обе колонны должны были совершить 5 июля одновременно: правая — у Кеприкиоя, а левая — у Дервиш-Джевана, на расстоянии 28 километров одна от другой. Правда, прошедшие здесь проливные дожди на день-два отодвинули переправу через бурный Камчик.

Для участия в Балканском походе главнокомандующий выделил всего две пятых сил русской действующей армии: 30 тысяч пехоты и семь тысяч конницы при 148 орудиях. В ближнем тылу русской армии оставалось войско полководца султана Махмуда II — и с этим не считаться было нельзя.

Продолжая держать Решид-Мехмед-пашу и все главное султанское командование в предположении, что русская армия собирается штурмовать сильную крепость Шумлу, Дибич приказывает генералу Красовскому поспешить к нему с войсками, осаждавшими Силистрийскую крепость, и одновременно высылает отряды Ридигера, Палена и Рота к реке Камчик по намеченным ранее маршрутам. Легендарная операция начинается.

Скрытое движение на юг позволяет русским выиграть несколько переходов, прежде чем султанский главнокомандующий смог догадаться об истинном намерении противника. В те дни высланные из Шумлы конные лазутчики приносили ему самые противоречивые сведения о действиях и намерениях русских. Многие разведывательные «партии» вообще бесследно исчезали, погибая в схватках с кавалерийскими дозорами русских.

Все передвижения русских войск осуществлялись только с наступлением темноты. Благодаря этому турки из Шумлы дол-

го не могли заметить перемен в русском армейском лагере. Освобождающиеся места в первой линии немедленно замещались новыми войсками. Военная хитрость, тактическая маскировка удались на славу.

От султанской армии, засевшей за стенами Шумлы, уходящая в Балканский поход русская армия «закрылась» наблюдательным корпусом генерала Красовского. Ему предписывалось не заходить от крепости дальше Янибазара. Красовский выступил из-под Шумлы 5 июля и прибыл в Девно, сделав стремительный переход в 50 верст.

В шумлинском гарнизоне заметили непонятное движение русских войск и переполошились. Серьезно обеспокоенный ходом противника, великий визирь выслал из крепости для рекогносцировки сильный отряд конницы. Решид-Мехмед-паша хотел знать, куда двинулся царский генерал Иван Дибич с русской армией, так неожиданно «расставшийся» с планами осады Шумлы.

Однако турецкую конницу в трех верстах от Янибазара встретила русская кавалерия под командованием генерала князя Мадатова. Вражеская разведка прорваться через конный заслон не смогла. Тем временем наблюдательный корпус Красовского занял выгодную позицию за этим городом и укрепился на ней. Вражеские лазутчики приняли войска корпуса за авангард русской армии, и великий визирь несколько успокоился. Он решил, что «неверные» отступили от его главной крепости, так и не решившись на ее скорый штурм.

Пока между Шумлой и Янибазаром шли такие маневры, корпусные колонны генералов Рота и Ридигера по размытым дождями дорогам достигли мест переправы через реку Камчик. Турки, сидевшие на переправах в полевых укреплениях, никак не ожидали появления здесь русских. Они полагали, что те все еще заняты осадой Шумлинской крепости, которая находилась довольно далеко от этих мест.

Камчик (по-болгарски — Камчия) преграждал подступы к подножию Балкан. Быстрая горная река устремляется с высот к Черному морю вдоль северного склона Малых Балкан и впадает в море в 25 километрах южнее портового города Варны. В нижнем течении река протекает в довольно широкой доли-

не, петляя среди небольших островов и песчаных отмелей. Левый берег (к которому подходили русские войска) ее низменный и местами заболоченный, правый берег — возвышенный, представляющий подошву высот, гряда которых тянется параллельно Балканской горной цепи.

Генерал Ридигер приказал незамедлительно наводить понтонный мост под прикрытием поставленной у переправы батареи. Переправившиеся через Камчик первые роты русской пехоты штыковой атакой взяли неприятельские редуты и ложементы. Турки их практически не защищали и бежали горной дорогой в направлении на Кеприкиой, бросив четыре пушки и знамя.

Тем временем ниже по течению реки разыгрался нешуточный бой у селения Дервиш-Джеван. Корпус генерала Рота встретил на своем пути отлично устроенные укрепления с 18 орудиями, многотысячной пехотой и кавалерией. Положение турок на противоположном речном берегу смотрелось как очень выгодное для ведения оборонительного боя.

Чтобы избежать лишних потерь и задержек в пути, корпусной командир решил сманеврировать. Он выставил против неприятельской позиции за переправой две егерские бригады с 16 орудиями. Артиллеристам было приказано обстреливать вражеские редуты на противоположном берегу Камчика и разрушить их.

Сильно изрезанная местность позволила поставить на батарейные позиции только 11 орудий из выделенных 16. Встав на огневые позиции, пушкари открыли прицельный огонь. Завязавшая артиллерийская дуэль продолжалась весь день. Дело было действительно «жаркое» — каждое орудие русских расстреляло по одному зарядному ящику, в котором помещалось от 40 до 54 выстрелов.

Пока шла взаимная орудийная пальба, генерал-майор Вельяминов с 16-й пехотной дивизией и частью 7-й пехотной дивизии совершил скрытное движение вправо к деревне Дюльгарду. Она находилась на 8 километров выше по течению Камчика, и место здесь было удобное для форсирования реки.

Сюда по труднопроходимой дороге с величайшим трудом доставили понтоны. Под обстрелом турок, засевших на проти-

воположном берегу в окопах, русские саперы за ночь к рассвету следующего дня устроили через реку четыре понтонных моста.

С восходом солнца 7 июля русские войска под прикрытием огня 12-орудийной батареи начали переправу. Генерал Вельяминов лично повел вперед Муромский и Якутский пехотные и 32-й егерский полки. Пробежав понтонные мосты, атакующие пошли в штыковую атаку на вражеский лагерь. Турки, в спешке бросив его и свои окопы, бежали в горы, не принимая боя.

Успешно перейдя Камчик, русские полки устремились к деревне Дервиш-Джевану. Чтобы выйти в тыл укрепившимся там турецким войскам, пионерам Вельяминова пришлось прокладывать новую дорогу через густой и болотистый лес. Тем временем противник, предупрежденный беглецами, выстроился в поле перед лесной опушкой для боя.

Высланные вперед русские дозоры вовремя заметили вражеское перестроение. Пехотинцы Муромского и Якутского полков и егеря выступили из леса штурмовыми колоннами и ударили в штыки. Турки сочли за благо, почти не отбиваясь от противника, поспешить в свой укрепленный лагерь близ деревни. Русские их неотступно преследовали.

Одновременно с этой атакой с левого берега Камчика вброд ринулись егеря и конные казаки. Их переход через реку проходил под прикрытием беглого пушечного огня. Перейдя по грудь в воде Камчик, егеря и донцы завязали во вражеских укреплениях рукопашный бой. Вконец расстроенный неприятель бежал куда смог, но при этом все же ухитрился увезти с собой часть орудий. На берегах Камчика оказались разгромленными войска двух султанских генералов — Али-паши и Юсуф-паши.

Победителям в бою на речном берегу достались шесть пушек, шесть знамен, военный лагерь и боевые припасы турок. Те потеряли в бою за переправу почти тысячу человек убитыми и 300 — пленными. С русской стороны потери убитыми и ранеными не превысили 300 человек.

Совершив столь скорую и успешную переправу через водную преграду, авангардные силы русской армии продолжили быстрым маршем движение вперед, сокращая сколь возможно время на отдых. Вскоре они вошли в Балканские горы, до-

селе в истории предыдущих русско-турецких войн считавшиеся неприступными для русского воинства.

Подъем на горный перевал был очень труден. За шесть часов проходило всего десять верст. Саперам приходилось прокладывать горную дорогу: рубить деревья и оттаскивать их в сторону, разбивать пни кирками, ломать камни, срывать или насыпать землю. Только после этого могли двигаться вверх орудийные упряжки и зарядные ящики, легкие обозные повозки.

Уже в самом начале горного марша пришлось бросить громоздкие обозные фуры. В результате пехотинцы были вынуждены нести по горной дороге на себе тяжелую ношу — боеприпасы, провиант, различное походное военное имущество. Один из участников Балканского похода вспоминал:

«Был душный, жаркий день... Солдаты изнемогали под тяжестью амуниции: они должны были тащить на себе ранец, мундир, толстую шинель, минерку с водою, провиант на 10 дней, т. е. 20 фунтов сухарей. Многие из них не в состоянии были идти и падали, другие выбрасывали свои сухари, иные просто ложились в кусты и догоняли нас уже ночью... Много солдат умерло в дороге».

За пять дней русские войска преодолели три параллельных хребта Малых Балкан и с боями по пути прорвались к приморскому городу Бургасу, которым и овладели 12 июля. В Бургасском заливе их уже поджидали корабли Черноморского флота, оказавшиеся здесь для султанского командования будто бы «случайно».

Теперь все воочию убедились в том, чего до сих пор не было в войнах России и Блистательной Порты: боевые действия с северных границ Османской империи переносились в ее внутренние области. Собственно Турция до этого во всех войнах чувствовала себя спокойно за могучими хребтами гор Балкан. Неожиданное появление крупных сил русских сразу же парализовало турецкие гарнизоны Бургасского региона.

Дальнейшие военные действия развивались для Стамбула устрашающе быстро. Без боя сдаются генералу от инфантерии Роту города-крепости Миссемврия и Ахиоло. Неприятель в случае любого по силе сопротивления опрокидывается всюду, где только проходят идущие на османскую столицу русские войска.

Правда, некоторые победы давались с большим трудом. Войска генерала Ридигера, например, овладели городом Айдос только после трехчасового упорного боя. Более чем вдвое превосходящий по силам 12-тысячный турецкий корпус под командованием Ибрагим-паши, высланный великим визирем на защиту Айдоса, обращается в бегство и рассеивается в горах.

Сражение под Айдосом складывалось вначале для русских не самым лучшим образом. Казачьи сотни, следовавшие в авангарде корпусной колонны, на подступах к городу были атакованы массой турецкой конницы. Та атаковала противника многотысячной лавой. Донцы, не принимая боя, стали отходить назад, завлекая врага к своим четырем конным орудиям, замаскированным у дороги.

Османская кавалерия, увлеченная «бегством» столь знаменитых в прежних войнах с Россией казаков, оказалась «наведенной» ими под картечный огонь донских орудийных расчетов. Да не только под их залпы в упор. За казачьей батареей уже развернулась в боевой строй и изготовилась для атаки 2-я бригада 4-й уланской дивизии.

Четыре орудия казачьих артиллеристов встретили идущих во весь конский мах вражеских кавалеристов разящей «ближней» картечью. На дороге после первого же батарейного залпа образовался завал из убитых и раненых лошадей и всадников. Орудийные расчеты повели беглый огонь по конной лаве, которая, как могла, стала разворачиваться для отхода назад. В эти минуты султанскую кавалерию и атаковали русские уланы, которые пошли в бой в сомкнутом конном строю. Вскоре пошли в рубку и донские казачьи сотни, не сразу успевшие развернуть своих коней.

Турецкая кавалерия, сразу же понесшая большие потери, стала поспешно отходить под защиту своих батарей. Однако Ибрагим-паша еще несколько раз повторил конные атаки, считывая прежде всего на свое численное преимущество. Он стремился опрокинуть русскую конницу до подхода к ней на помощь полевой артиллерии и пехоты, но сделать это паша не сумел.

Когда к подступам к Айдосу подоспели главные силы корпуса генерала Ридигера, ситуация на поле кавалерийского боя

изменилась. Пешие орудийные расчеты сразу же снялись с передков и, развернув пушки, открыли огонь. Он оказался метким прежде всего по той причине, что масса неприятельской кавалерии хорошо просматривалась впереди в долине и вдоль дороги, которая вела к городу.

Конница Ибрагим-паши не выдержала артиллерийского огня и отхлынула к позициям своей пехоты, укрепившейся на высотах западнее Айдоса. Там турецким кавалеристам не повезло еще больше. Их накрыл огонь только-только развернувшейся на позиции 16-орудийной батареи русских. У вражеских конников оставался только один путь к бегству — через городские кварталы.

Тем временем войска корпуса Ридигера стали обходить вражескую позицию с флангов. Турки поспешно отступили через город, и русские, неотступно преследовавшие османов, ворвались и заняли город Айдос. Оказывать вооруженное сопротивление в нем было уже некому. Победа русских войск в этом сражении оказалась полной.

Потери турок в сражении за Айдос составили до тысячи человек только убитыми, 227 человек попало в плен. Русские отбили у врага четыре знамени и три пушки. В качестве боевых трофеев оказалось и четвертое орудие — русская 6-фунтовая пушка, потерянная во время боев южнее приморского города-крепости Варна.

В реляции в Санкт-Петербург о последней победе русский главнокомандующий граф И.И. Дибич, после рассказа о сражении за город Айдос, писал:

«В Айдосе турки разрушили православные церкви — когда мечети их сохранены нами в совершенной целости; разграбили жителей, которые не успели удалиться, — когда у нас находят они покров и защиту...»

Продвигаясь все южнее, генерал от инфантерии Иван Иванович Дибич демонстрирует мастерство тактического использования легкой кавалерии — гусарской, уланской, казачьей. Русские кавалерийские отряды появляются в стане врага в самых неожиданных местах благодаря добровольным проводникам из числа местных болгар. Так, казачий отряд под командованием генерал-майора Жирова смелым налетом без боя

захватывает город Карнабат, стоявший на пути движения русской армии.

Балканский поход 2-й русской полевой действующей армии относился, конечно, к операциям стратегического масштаба. К болгарским берегам заблаговременно подошел Черноморский флот, и прежде всего корабли Севастопольской эскадры. Султанский флот воспрепятствовать этому не смог, поскольку флотоводцы султана Махмуда II не отважились ни на морские сражения, ни даже на демонстрации своей морской силы.

Три линейных корабля под флагом адмирала А.С. Грейга беспрепятственно вошли в залив Миссември. Они конвоировали целый караван транспортных судов с самыми различными войсковыми припасами для действующей армии. Главнокомандующий Дибич был более чем доволен взаимодействием с Черноморским флотом, прибывшим к берегам Болгарии вовремя и доставившим все, что требовалось для продолжения Балканского похода. Теперь болгарские берега связывались с Одессой напрямую.

По пути следования русских войск стали учащаться боевые столкновения с неприятельскими заслонами на пути к Стамбулу. 18 июля генерал-майор С.В. Шереметев, имея под своим командованием 2-ю бригаду 4-й Уланской дивизии, четыре конных орудия и сотню казаков, в бою разбивает войска Халил-паши. Тот успел по приказу великого визиря прийти из гарнизона Шумы в главе 15-тысячного корпуса.

Столкновение началось для удачно развернувшейся русской конницы успешно. Во встречном бою турецкая конница сперва натолкнулась на картечный огонь русской конной батареи, после чего завязались рукопашные схватки конников. Они длились недолго, войска Халил-паши обратились в бегство, а их походный лагерь был предан огню.

Турки укрываются в городе Ямболе, но при подходе русских бегут еще дальше — к Адрианополю. 21-го числа русская авангардная кавалерия занимает Ямболь. Самым ценным трофеем на местных военных складах оказались 39 тысяч пудов сухарей, заготовленных для султанской армии. Эти запасы провианта пошли на солдатские суточные пайки русской армии.

Совершая переход через Балканы и держась при этом близ Черноморского побережья, Дибич оставшимися на болгарской равнине войсками начинает теснить турок к крепости Шумле. Тем самым он не дает распознаться неприятельской армии у себя в тылу. После того как турки выбиваются из горных проходов — дефиле Чалькавак и Ченге, — главные силы русской армии устанавливают кратчайшее сношение с корпусом генерала Красовского. Задача перед ним остается прежней — стеречь сильнейшую вражескую крепость.

Великий визирь Решид-Мехмед-паша еще раз выманивается из Шумлы. Случилось это так. Красовский неожиданно для противника двинул корпусной авангард на Эски-Стамбул. Султанский полководец ответным ходом был вынужден выйти навстречу русским с «превосходными» силами своей шумлинской армии.

К тому времени бодростью духа армия Решид-Мехмед-паши уже не отличалась, и тому приходилось уповать только на ее существенное численное превосходство над войсками Красовского. Однако в разыгравшемся непродолжительном бою русские так сильно атаковали неприятеля, что тот был прижат к горам между Матчинскими укреплениями и Трулами. Путь османам обратно в крепость Шумлу оказался почти отрезан, и только малая часть султанских войск, вышедших из-за ее стен, смогла пробиться назад. Причем это приходилось делать под нашим сильным артиллерийским огнем, включая и картечные залпы.

Большая часть турок рассеялась по окрестным горам и лесам. Но таким беглецам пришлось туго — их по горным и лесным тропам преследовали русские стрелки-егеря. В ходе боя и при преследовании шумленский гарнизон лишился более 500 человек. Число же дезертиров-беглецов исчислялось тысячами.

Между тем русская конная разведка, ходившая на «поиск» к городу Сливену, принесла главнокомандующему тревожные вести. Стало известно, что там уже собралось значительное вражеское войско, пока бездействовавшее в ожидании прибытия верховного визиря. Укрепленный город Сливен считался в европейской части Турции вторым по значению после Адрианополя.

По уточненным данным, в Сливене собралось 13 полков султанской регулярной пехоты, три кавалерийских полка, пять тысяч иррегулярной конницы башибузуков, имелось большое число полевых пушек. Этим неприятельским корпусом командовал сераскир Халил-паша. В случае соединения этих войск с потрепанным гарнизоном крепости Шумлы великий визирь Решид-Мехмед-паша вновь обретал многочисленную армию.

Генерал от инфантерии Иван Иванович Дибич решил упредить в действиях главного полководца султана Махмуда II. Русский главнокомандующий действует быстро и решительно, не оставляя неприятелю времени на маневрирование силами. Дибич собирает в единый кулак войска 6-го и 7-го корпусов, присоединяет к ним 5-ю пехотную дивизию из состава 2-го армейского корпуса и во главе этих сил спешит к Сливену.

Но полководец уже точно знал, куда надо было ударить. По данным разведки главные городские укрепления находились по Ямбольской дороге. Здесь и были сосредоточены главные силы корпуса Халил-паши, стоявшего у дороги в походном лагере.

По заранее обдуманному плану сражения Дибич направил всю свою пехоту на занятие самого города для того, чтобы создать вражеским укреплениям непосредственную угрозу с тыла. В такой ситуации туркам пришлось бы уступить их противнику без боя, чтобы не оказаться в полном окружении.

Кавалерия же двигалась в направлении к Ямбольской дороге.

Дибич повел себя в этой операции «предерзко». С помощью артиллерийского огня и угроз конных атак он «замел» все вражеские заслоны по пути в сам Сливен и его предметные укрепления. Но такая удачная ситуация сложилась только на левом фланге идущих в наступление русских войск.

На правом же фланге, под горами, русская пехота, живо продвигавшаяся вперед, перед городом была встречена неприятелем пушечным огнем. Тогда главнокомандующий ввел в дело 19-ю артиллерийскую бригаду, приказав ей быстро развернуться на батарейных позициях. Поскольку во всех войнах России с Турцией мастерство русских пушкарей в меткости огня заметно превосходило профессионализм султанских, то и под городом Сливен артиллерийская дуэль продолжалась недолго. После пер-

вых же залпов турки стали спешно свозить орудия с позиций и отступать в город.

Тогда авангард русской пехоты поспешил в атаку. Преследуя отступавших, батальоны 18-й дивизии ворвались в Сливен. Как и предвидел Дибич, его противник Халил-паша приказал бросить ямбольские укрепления. В итоге главные силы султанского сераскира смогли бежать по еще свободным дорогам. Русские пехотинцы и казаки несколько часов преследовали бежавших.

Бой за город Сливен продолжался не более трех часов и упорством со стороны оборонявшихся не отличался. Победителям удалось захватить в плен 300 султанских воинов, всю артиллерию неприятельского корпуса в числе девяти пушек и шести знамен. Поскольку турки бежали из Сливена быстро, их потери убитыми оказались небольшие.

Болгарское население города горячо приветствовало православных воинов-освободителей хлебом, солью и вином. Сливен, взятый таким скорым штурмом, не успел подвергнуться разорению султанским воинством, и прежде всего башибузуками.

Турецким гарнизонам приходилось один за другим оставлять приморские города Черноморского побережья. Так, высаженный с кораблей Севастопольской эскадры морской десант под командованием инженера-подполковника Бурко 21-го и 23 июля овладел укрепленными городами Василиком и Агатоподем. Теперь большая часть приморской Болгарии оказалась под контролем русской армии.

Дибич торопился завершить военную кампанию убедительной победой. Дав после овладения Сливеном войскам на отдых всего один день, полководец во главе своих главных сил быстро двинулся еще дальше на юг. Теперь задача состояла в выходе на ближайшие подступы к столице Блистательной Порты.

Походные колонны, преодолев на пути последние отроги Балканских гор, ускоренным маршем пошли на город Адрианополь. С получением такого грозного известия в Стамбуле (Константинополе) началась паника — из Адрианополя к оттоманской столице вела прямая и не столь долгая для армии противника дорога.

Условия последнего марш-броска сложились для русских войск очень тяжелые. На всем пути стояла «убийственная

жара». Отступавшие турки портили по пути колодцы, забрасывая их всякой падалью. Встречавшиеся ручьи в своем большинстве пересохли от стоявшей жары. Солдатам не в чем было размочить заплесневевшие сухари или сварить недозревшую кукурузу с окрестных полей. Наступавшие войска страдали больше от жары, чем от голода.

Самым настоящим бедствием для русских стала эпидемия малярии, которая в походе не отставала от них ни на шаг. С каждым суточным переходом армия Дибича таяла, как после кровопролитного боя. Тем не менее она продолжала упорно продвигаться все дальше и дальше вперед, на город Адрианополь.

Русский главнокомандующий, чтобы устрашить османов, далеко вперед высылает авангардные войска. Выдвинутый передовой отряд под командованием генерал-майора Жирова, совершив в день 6 августа марш-бросок на 50 верст, дошел до Ханли-Энеджи. А две казачьи сотни из его отряда, ускакавшие еще дальше вперед, заняли селение всего в четырех верстах от Адрианополя. При этом по пути донцы разгромили сильный отряд турецкой конницы в 700 сабель и гнали его перед собой по дороге сколько могли.

Русская полевая армия приближалась к Адрианополю двумя дорогами. Вечером 19 августа город был окружен, и адрианопольский гарнизон оказался в положении осажденного: в ночь на 20-е город опоясало кольцо бивуачных огней походного лагеря русских войск, которые продолжали все прибывать, растянувшись в походной колонне.

На всякий случай Дибич расположил свои войска так, чтобы в случае сражения со стамбульским гарнизоном ими было легко управлять: 2-й армейский корпус занял позицию у Эски-Сарая, 6-й — был поставлен во вторую линию, а 7-й — в третью.

Казаки передового отряда генерал-майора Жирова заняли дозорными пикетами все окружающие Адрианополь высоты. Донской казачий полк полковника Ильина вышел на Царьградскую дорогу и перекрыл ее. Такой зримой опасности османская столица Стамбул для себя еще не видела в истории всех многочисленных войн, которые вела Турция в Европе и Азии на протяжении нескольких столетий.

Теперь предстояло брать Адрианополь — ворота к Стамбулу. Вместе со своим начальником штаба генералом от инфантерии Толем главнокомандующий провел общую рекогносцировку. Были допрошены взятые пленные. Трудности штурма города, когда-то бывшей столицы турецких султанов, были, конечно, очевидными.

Корпус султанских войск, собранный для защиты Адрианополя, состоял из 10 тысяч регулярной пехоты, тысячи конницы и до двух тысяч ополченцев. Кроме того, было хорошо вооружено до 15 тысяч местных жителей-турок. Подступы к городским окраинам изобиловали глубокими оврагами и виноградниками, которые были обнесены земляными насыпями и глубокими рвами.

Было над чем задуматься русскому главнокомандующему и его походному штабу. Из 37 тысяч человек, начавших поход через Балканы, к Адрианополю спустилось с гор не более 17 тысяч. Штурм большого города, в котором преобладали каменные строения, не обещал гарантированного успеха. Более того, к Дибичу пришли известия о том, что султан Махмуд II отчаянными приказами вызывает немалые войска из Македонии и Албании для защиты собственной столицы.

Однако внезапное появление большой русской армии у стен древней столицы турок-османов до такой степени поразило местных военачальников-пашей, что они незамедлительно выслали в русский стан переговорщиков о сдаче города. Оказавшийся в Адрианополе сераскир Халил-паша, как командующий султанскими войсками, и Ибрагим-паша, как местный правитель-губернатор, запрашивали об условиях капитуляции.

Война Оттоманской Порты с Россией была уже проиграна. Это понимали все — от бродячего дервиша до великого визиря Решид-Мехмед-паши, «крепко» засевшего в Шумлинской крепости и оказавшегося не по своей воле «не у дел» на большой войне.

Граф И.И. Дибич со всей решительностью потребовал через переговорщиков от пашей следующее. Под угрозой скорого и кровавого штурма турецким войскам в Адрианополе предлагалось сложить оружие, сдать все пушки и знамена, военные припасы и вообще все имущество. На этих условиях ок-

руженному турецкому корпусу разрешалось свободное отступление, но не по Константинопольской дороге, а в обратную сторону. Генерал от инфантерии Дибич давал Халил-паше и Ибрагим-паше на размышление срок всего в 14 часов.

8 августа в 5 часов утра русские войска выступили на Адрианополь фланговым маршем двумя штурмовыми колоннами. Одну из них вел на приступ лично сам Дибич, вторую — начальник армейского штаба Толь. Резервный 7-й корпус генерал-лейтенанта Ридигера занял позицию близ роши, окружавшей Эски-Сарай, древнее загородное жилище турецких султанов, где они в окружении гарема проводили летнее время года.

Но штурм Адрианополя все же не последовало. Местные власти в 7 часов утра выслали парламентаров. Турецкие войска, бросая оружие, уходили из города в западном направлении. Русская кавалерия на всякий случай перерезала им все пути к Стамбулу.

Все стотысячное население одного из крупнейших городов Османской империи осталось на месте. Греки и армяне, составлявшие значительную часть местного населения, шумно приветствовали русских воинов. Турки же доверяли свою жизнь и личное имущество их великодушью. За все время присутствия русских войск в Адрианополе в нем поддерживался полный порядок.

В оставленном султанскими войсками городе было взято в качестве трофеев 58 орудий, 25 знамен и 8 бунчуков. Было собрано на улицах и в укреплениях несколько тысяч ружей, большинство из которых оказались новых образцов. Ко всему этому добавлялись огромные запасы самого различного военного имущества — Адрианополь являлся одной из основных тыловых баз султанской армии.

Овладев древней столицей османов, Дибич стал обкладывать с суши близкий Стамбул. 2-й армейский корпус графа Палена становится перед Константинопольскими вратами. 6-й корпус генерала Рота занимает своими полками дорогу в Кирк-Клис. 7-й армейский корпус Ридигера расположился в великолепных казармах, построенных султаном Махмудом II и рассчитанных на 10 тысяч войск «низам-и-джедида» («новой системы» регулярной армии Турции по образцу европейских).

Штаб-квартира русского главнокомандующего расположилась в загородном султанском дворце Эски-Сарай. Известие об этом привело султана Махмуда II не в ярость, а в откровенное уныние и вызвало немало пораженческих толков в османской столице.

Император Николай I Павлович из далекого от Балкан Санкт-Петербурга решил подкрепить силы Дибича. С 9 августа главнокомандующему 2-й русской полевой действующей армией подчиняется Средиземноморская эскадра, успешно действовавшая против неприятельских морских сил в Эгейском море и Восточном Средиземноморье.

Как главнокомандующий действующей русской армии, Иван Иванович Дибич по Императорскому повелению наделяется самыми широкими полномочиями. Он поручает командующему отдельной Российской эскадрой вице-адмиралу графу Логину Петровичу Гейдену начать блокаду непосредственно Дарданельского пролива и по возможности ближайшего побережья Ближневосточной Порты.

Дибич, как большой полководец, стремился предвидеть на идущей к логическому завершению русско-турецкой войне многое. 20 августа командующему Средиземноморской эскадрой направляется следующее отношение (приказ):

«Успехи оружия нашего по переходе Высочайше мне вверенной армии через Балканы простерлись до врат Адрианополя, где нахожусь я с 8 числа сего месяца, имея отдельный корпус в Кирклиссе, который постами своими занимает Люлебургас и деревню Вунар по дороге в Визе. Все приморские города Бургасского залива, также Василино и Аятеболь заняты войсками нашими, и, наконец, 8 числа адмирал Грейг овладел и Иниадою. В сем положении дел согласно Высочайшей воле открыть с в. с-вом (вашим сиятельством. — А. Ш.) как можно скорее сообщение я приказал 4 Бугскому уланскому полку с 4 конными орудиями отправиться отсель в Энос под командою генерал-майора Сиверса и при нем адъютанту моему гвардии ротмистру Муханову и флота капитан-лейтенанту Щербачеву, с тем чтобы сии последние доставили бы к вам прилагаемую при сем от гр(афа) Несельроде депешу.

Из сей депеши в. с-во усмотрите, что Высочайшая воля состоит в том, что если обстоятельства вынудят меня продолжать наступательные действия к Константинополю, то чтобы вверенный вам флот соображал свои действия по моим повелениям и с того времени поступил бы совершенно в мою команду. По всем вероятностям заключить должно, что султан не доведет дело до сей крайности, ибо с 16-го сего месяца находятся в главной моей квартире уполномоченные от Порты Оттоманской для заключения мира. Если, однако, в сих переговорах замечена мною будет малейшая проволочка для выигрывания времени, то не замедлю я тотчас приступить к продолжению решительных действий и тогда не премину сообщить в. с-ву общий план оным для взаимного с вашей стороны содействия.

Для достижения сей важной цели в скорых наших сношениях и предполагая, что часть флота, с которою ходили вы против египетского флота, уже возвратилась в Архипелаг, в. с-во на теперешний случай мирных переговоров ограничьте действия ваши соединением оного со флотом контр-адмирала Рикорда при устье Дарданелл и в то же время благоволите отделить 1 или 2 брига или другие какие-либо легкие суда, по усмотрению вашему, в беспрестанное крейсерство около Эносского залива для наблюдения берегов, не появится ли сигнал под кайзер-флагом, который будет верным доказательством сношения моего с в. с-вом по каким-либо новым обстоятельствам».

Данное отношение есть не что иное, как план возможных боевых действий против турок в случае умышленной с их стороны затяжки переговоров. Главнокомандующий 2-й русской армией, подчиняя себе в оперативном плане Средиземноморскую эскадру, был готов возобновить войну и добиться ее победного завершения.

Теперь прямая военная угроза Стамбулу исходила не только из расположенного под боком Адрианополя, но и из вод греческой Мореи. Русская эскадра, состоявшая из кораблей Балтийского флота, блокировала пролив Дарданеллы на ближних к нему подступах. Это сразу же отразилось на жизни столицы Оттоманской Порты. В Стамбул прекратился подвоз

продовольствия морем из южных провинций Турции, прежде всего хлеба из Египта.

Неудачи преследовали турок буквально со всех сторон. Русский Черноморский флот надежно блокирует пролив Босфор. Черноморцы совершали постоянные поиски неприятельских судов у берегов Анатолии, Болгарии и Кавказа. 29 августа они овладели приморским городом Мидия на болгарском берегу.

Султанское правительство увидело реальную угрозу со стороны русского Черноморского флота и в другом. В случае необходимости морские десанты с его кораблей вполне могли высадиться на берегах Босфора и захватить стоявшие там береговые артиллерийские батареи и маяки. В таком случае сильные десантные отряды моряков-черноморцев могли поддержать наступление русской армии на столицу Оттоманской империи с севера.

Еще находясь на пути к Адрианополю, граф И.И. Дибич отправил предписание генералу П.Д. Киселеву, командовавшему русскими войсками, расквартированными в Валахии, в котором обязывал его «из оборонительного положения немедленно перейти в наступательное». Для этого требовалось перейти Дунай и марш-бросками вести войска (преимущественно кавалерию) по болгарской земле к Балканским перевалам. Так начинались боевые действия в западной части Болгарии.

Генерал Киселев успешно справился с поставленной ему главнокомандующим боевой задачей. После форсирования Дуная его войска заняли город Врацу и вошли в Балканские горы. После этого авангард русских войск уже готовился спуститься с перевала в Софийскую долину и совершить марш-бросок к Софии. Но тут неожиданно пришел приказ Дибича «приостановить движение» ввиду начавшихся мирных переговоров с посланцами султана Махмуда II.

Командир 4-го резервного кавалерийского корпуса генерал П.Д. Киселев с сожалением писал по такому поводу:

«Казаки мои были в двух маршах от Софии, и через три дня я занял бы сей замечательный и важный для нас город... Я уже был в горах и в крае прелестном, болгары встречали нас přátельски...»

Чуть позднее войска генерала Киселева очистили от разрозненных турецких отрядов почти всю обширную область от Искыра до Янтры. Русские занимают города Центральной Болгарии Ловчу, Плевну, Габрово и исключительно важный для дальнейших военных действий перевал Шипку. В результате остатки разгромленной в войне султанской армии, собравшиеся в долине реки Марицы, оказались под ударом многочисленной русской конницы. Что касается Софии, то ее займет уже после заключения Адрианопольского мира генерал-лейтенант барон Ф.К. Гейсмар.

1829 год принес русскому оружию много славных побед. Но все же главным в успехах полководца Ивана Ивановича Дибича явилось следующее. Ведомая им русская армия в боевом составе встала на «пороге» столицы враждебной Российской империи восточной империи. В результате успеха войск генерала И.Ф. Паскевича-Эриванского на Кавказе и искуснейшего маневра 2-й полевой действующей армии на Балканах Стамбул остался без защиты.

Сильная в военном отношении Ближневосточная империя, державшая на границах с Россией две огромнейшие армии, не могла оборонять собственную столицу. Такого поворота военных событий в султанском окружении не могли даже предположить. Да и в столице Российской империи тоже. Русская армия стояла от древнего византийского Царьграда всего в каких-нибудь 60 километрах, то есть на расстоянии одного суточного марш-броска!

Паника, охватившая Стамбул, не миновала и европейские посольские дворы, расположенные в одном из константинопольских районов — на Пере. Из Стамбула в Адрианополь и обратно по древней Царьградской дороге один за другим поскакали дипломатические курьеры, запыхали посольские кареты.

Дворец султана в Эски-Сарае, построенный еще могущественнейшим Селимом III, занятый под штаб-квартиру Дибича, превратился в приемную для дипломатов, аккредитованных в столице Оттоманской Порты. В первый же день пребывания здесь русского главнокомандующего его посетили гонцы от британского посла Гордона, французского — Гильемино, чрезвычайного представителя Пруссии — генерала Мюффлинга.

Все они были на удивление единодушны в своих пожеланиях и устремлениях. Полномочные послы европейских держав считали своей первейшей задачей до начала мирных переговоров во что бы то ни стало задержать выход русской армии к стенам Константинополя и на берега проливов Босфор и Дарданеллы.

Султанские же полномочные посланцы, ободренные такой дипломатической поддержкой, не торопились прибыть в лагерь русской армии. Султан Махмуд II еще надеялся, что Великобритания и Франция введут свои сильные военные флоты в Мраморное море и защитят оттоманский трон от «неверных». На свои разгромленные войска он уже рассчитывать просто не мог. Для создания новых действующих армий для Балкан и Азиатской Турции времени не было, подготовленные армейские резервы отсутствовали.

Дибич, серьезно встревоженный отсутствием турецких парламентаров, хотел уже было «придвинуться» к Стамбулу и встать военным лагерем на расстоянии видимости с крепостных стен вражеской столицы. Находившийся тогда в Адрианополе при штаб-квартире главнокомандующего военный историк генерал А.И. Михайловский-Данилевский рассказывал потом:

«Мысли всех были обращены на вопрос — брать ли Константинополь или нет? Завладение его не представляло затруднений, авангард левой колонны армии, расположенной в Визе, находился в самом близком расстоянии от водопроводов, снабжающих Константинополь водою, которую можно было бы в несколько часов пресечь, и следственно принудить жителей, в случае сопротивления, к минутной сдаче.

Сверх того, по достоверным сведениям, которые мы из сей столицы имели, мы знали, что в случае приближения нашего к оной мы не встретили бы никакого сопротивления, ибо город не был укреплен, султан не имел при себе войск, и жители его до такой степени ненавидели за его нововведения и за войну с нами, что они желали нашего вступления в Константинополь как единственного средства избавиться от его владычества...»

Автор официальной истории Отечественной войны 1812 года, удостоенный за свои исторические труды генеральского чина,

Михайловский-Данилевский заключает: *«Мы были готовы идти к Константинополю...»*

Только 16 августа к русскому главнокомандующему в Эски-Сарай прибыли снабженные полномочиями самого султана Махмуд-Садык-эфенди и Абдул-Кадыр-бей. Блистательная Порта теперь искренне искала мирных переговоров с Россией.

В султанском дворце больше не помышляли о продолжении бесперспективной во всех отношениях войны, но надеялись на самый благоприятный для нее исход в «проигранной ситуации». Война считалась в Стамбуле окончательно проигранной только на поле брани, но не за столом дипломатических переговоров.

Однако официальные мирные переговоры в загородном султанском дворце начались только через несколько дней. В город Адрианополь еще не прибыли уполномоченные послы русского Императора Николая I — опытные дипломаты граф А.Ф. Орлов и граф Ф.П. Пален. Они задерживались в пути из-за «противных ветров», так как следовали к месту переговоров морем из Одессы. Им удалось прибыть в армейскую штаб-квартиру генерал-адъютанта Дибича только к вечеру 20 августа.

На начавшихся переговорах султанские послы даже не подумали приступить к обсуждению первых предложений российской стороны. Это было признание неприкосновенности турецких владений в Европе и уступка некоторых земель в Азиатской Турции с доплатой за убытки, причиненные Россией войной, которую она не начинала. По поведению послов султана Махмуда II было видно, что они имели задачу намеренно затягивать переговоры.

Генерал-адъютант русского Государя И.И. Дибич, как человек военный, решил повлиять на султанских послов да и на самого Махмуда II с его диваном (высшим совещательным органом) демонстративным движением русской армии к Стамбулу. 25 августа главнокомандующим было объявлено о возобновлении боевых действий. Это была акция устрашения разбитого неприятеля силой.

Через день русские армейские войска заняли Визе и установили непосредственный контакт с десантным отрядом моряков-черноморцев, овладевших портовым городом Мидией.

Тогда же армейцы вступили в Люлебургас, выдвинув сильный авангардный отряд к городу Чорлу. Высылаемые отсюда для «наблюдения» кавалерийские разъезды охватили уже совсем близкий Стамбул по линии турецких селений на расстоянии в 60 километров. Султанские войска не препятствовали таким действиям противника.

Продвигаться ближе к столице Турции приказа не поступило. Граф Дибич со своим штабом рассчитали, что именно такая зона безопасности должна была на время разделять русские войска со стамбульским гарнизоном. Тот теперь мог усилиться только за счет необученных и плохо вооруженных пеших ополчений из Анатолии. Но это было маловероятно: местные ополчения даже по гневным султанским требованиям, «извергавшим» все земные и небесные кары, собирались медленно. Особый конный отряд, направленный к югу по долине реки Марицы, 26 августа вышел к берегу Эгейского моря и занял город Энос в 75 километрах от Дарданелл. Во всех случаях турецкие войска нигде не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Однако последние действия русской армии, больше напоминавшие дипломатические маневры, в действительности никак не угрожали неприятелю взятием их огромной и многолюдной столицы. Братъ военной силой Стамбул (Константинополь) Император Николай I Павлович своему решительно настроенному полководцу просто не разрешил. В Санкт-Петербурге серьезно опасались политических осложнений, ибо «выгоды сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды».

Древний Константинополь, ставший Стамбулом при турках-османах, оказался под прямым ударом русской армии, да еще с заблокированными российскими эскадрами проливами Босфор и Дарданеллы. Картина для султана и его придворных министров вырисовывалась, прямо говоря, совершенно безрадостная. Если не гораздо хуже.

Войско султана насчитывало в столице и ее окрестностях около 30 тысяч человек. Оно состояло преимущественно из малообученных новобранцев и совершенно необученных ополченцев. Те и другие к тому же были деморализованы всевозможными тревожными слухами не менее столичного населе-

ния. О воинственных настроениях и религиозном фанатизме новобранцев и стамбульских ополченцев речь даже не шла.

О хорошем вооружении этих столичных войск тоже не было речи. Современные ружья имелись только в регулярных пехотных батальонах армии великого визиря, которые находились далеко от Стамбула, за Балканскими горами. Крепостной артиллерии в турецкой столице хотя оказалось и много, но вся она оказалась давно морально устаревшей и совсем не годилась для действия в полевом бою. К тому же и обслуживать ее было почти некому.

В целом организовать оборону Стамбула в такой ситуации было просто невозможно. Полное поражение турецкой армии на Балканах и действительная угроза, нависшая над Стамбулом, стали очевидными. И султанское правительство под влиянием всерьез обеспокоенной Великобритании, опасавшейся захвата русскими столицы Биистательной Порты и черноморских проливов, согласилось пойти на мир с Российской империей и прекратить против нее «священную войну»...

Переговоры между Россией и Турцией на уровне полномочных представителей быстро возобновились. Они, как и ожидалось, закончились мирным договором.

ТРИУМФ

2 октября 1829 года в древнем Адрианополе (ныне город Эдирне, Турция) был подписан мирный трактат, который не посмела пересмотреть ни одна западная держава. По нему Россия получала от Оттоманской империи устье Дуная с прилегающими островами. Стамбул полностью отказывался от своих притязаний на кавказское Черноморское побережье, и к Российскому государству окончательно переходило все восточное побережье Черного моря от устья реки Кубань до портового города Поты в Грузии, а также ряд закавказских территорий. Благодаря этому Северный Кавказ «закрывался» для турецкого влияния на его мусульманские народы.

Черноморские проливы объявлялись открытыми для прохода русских судов, равно и иностранных судов, следовавших в

российские порты. Эта статья Адрианопольского договора давала «новую жизнь» черноморским портовым городам России и стимулировала экономическую жизнь на его хлебном юге.

Русско-турецкая война 1828—1829 годов во многом содействовала национальному освобождению греческого и других православных народов Балканского полуострова.

Греция получала полную политическую самостоятельность и независимость. Сербии и Дунайским княжествам — Валахии и Молдове (Молдавии) — султанской Турцией предоставлялась более широкая внутренняя автономия. Надежда на избавление от векового османского рабства с помощью русских «братушек» утвердилась в сердцах болгар. Победа над Турцией подняла престиж России среди балканских христианских народов.

Тринадцатая статья Адрианопольского мирного трактата предоставляла подданным турецкого султана добровольное право в течение 18 месяцев переселиться в пределы России. Эта статья мирного договора касалась прежде всего болгар-христиан, ненавидевших османское иго.

Из города Сливно, где капитан русской службы Георгий Мамарчев готовил антитурецкое восстание местных жителей, выселилось в Россию 15 тысяч человек. В городе Ямболе из 300 болгарских семейств решилось остаться «под Турцией» только 25 семейств. Всего переселилось на российскую территорию до 25 тысяч человек. Они осели в основном на плодородных степных землях Южной Бессарабии, где уже были болгарские села...

Убедительная победа на Балканах в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов и подвиги русской армии, совершенные под начальством Дибича всего за три месяца, не могли не принести ее главнокомандующему новых наград. Наград было много. Прежде всего, к фамилии Дибича было добавлено славное наименование «Забалканский». И отныне он стал именоваться графом Дибичем-Забалканским и с такой двойной фамилией вошел в военную историю России.

К многочисленным боевым наградам полководца добавились алмазные знаки к ордену Святого апостола Андрея Первозванного и орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия высшей, 1-й степени. Полководец Иван Иванович Дибич-Забал-

канский вместе с И.Ф. Паскевичем вошел в четверку полных Георгиевских кавалеров в истории императорской России — после генерал-фельдмаршалов М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского и М.Б. Барклая-де-Толли, прославивших себя получением большого орденового креста и звезды Святого Георгия 1-й степени в войнах против наполеоновской Франции.

Благодарный Император Николай I писал Дибичу: *«Победоносная армия, предводительствуемая Вами, с самого открытия кампании не переставала ознаменовывать себя блистательными победами...»* В дальнейшем Государь России не раз произнесет слова: *«Велик русский Бог, и спасибо Забалканскому»*.

Император Николай I был исключительно щедр для своих фаворитов. 22 сентября генерал-адъютанту графу И.И. Дибичу-Забалканскому Высочайшим указом был пожалован фельдмаршальский жезл. И.И. Дибич стал генерал-фельдмаршалом Российской империи всего на 45-м году от рождения.

Сверх того, российский самодержец соблаговолил пожаловать супругу его, графиню Анну Егоровну, в статс-дамы. Так именовался титул старшей придворной дамы в свите Императрицы или Великой Княгини династии Романовых. Для четы Дибич это было во всех отношениях высокой честью.

Одновременно в честь высоких заслуг признанного Европой полководца России издается Императорский указ о переименовании Черниговского пехотного полка, считавшегося одним из лучших в русской армии. Он был со всеми церемониальными торжествами переименован в полк генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского.

Высокую честь герою русско-турецкой войны, столь быстро и успешно завершённой, оказал и король Пруссии. Он удостоил русского генерал-фельдмаршала алмазными знаками к ордену Черного Орла и богато украшенной алмазами шпагой с вензелем. В Германии не забыли заслуг своего бывшего соотечественника барона и графа И.И. Дибича в освобождении Прусского королевства и других немецких государств от французского владычества...

Все участники военных действий очередной схватки России и Турции награждались специальной серебряной медалью на Георгиевской ленте. Она имела диаметр 26 мм, а для кавале-

ристов чуть меньше — 22 мм. Наградная медаль была учреждена Императорским указом 1 октября 1829 года. Этой медалью, кстати, награждались не только военнослужащие (командный состав и нижние чины) армии и флота, участники добровольческих ополчений в войну 1828—1829 годов, но и участники Наваринского морского сражения, произошедшего, как читатель помнит, в 1827 году. Относительно участников баталии в Наваринской бухте было специально сказано в указе от 6 октября 1829 года, что медалью награждаются и «...участвовавшие в военных действиях, возникших в Средиземном море до объявления войны Портой Оттоманской...».

На аверсе наградной медали был изображен православный шестиконечный крест в лучезарном сиянии, стоящий на поверженном мусульманском полумесяце, по обе стороны которого указаны даты: слева — «1828», справа — «1829». На реверсе (обратной стороне) медали в лавровом венке, перевязанном внизу лентой, шла трехстрочная надпись: «За — турецкую — войну»...

Балканский прорыв русской армии под командованием генерал-фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского вошел в сокровищницу мирового военного искусства.

Остается только сожалеть, что в советской военной истории имя этого человека если и вспоминали, то в основном только как одного из деятельных участников разгрома движения декабристов. Его полководческая деятельность и боевые заслуги перед Россией начисто перечеркивались. Из-за имени главнокомандующего в ХХ веке постарались во многом забыть и саму русско-турецкую войну 1828—1829 годов. Ее, правда, не причислили к разряду малых войн, но старались лишней раз о ней не вспоминать. Если и говорили о ней, то без имен...

Между тем небезызвестный Фридрих Энгельс, серьезный исследователь военного дела, анализируя историю борьбы греческого народа за свою национальную независимость, подчеркивал роль России в ней, хотя к российскому самодержавию он относился резко негативно. Ф. Энгельс писал:

«А кто решил исход борьбы во время греческого восстания?.. Не битва при Наварине, не французская армия в Море, не Лондонские конференции и протоколы, а русская ар-

мия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы».

Герцог Артур Уэсли Веллингтон, победитель Наполеона Бонапарта в сражении при Ватерлоо, генерал-фельдмаршал Великобритании и Российской империи, в то время главнокомандующий армией британской короны, дал самую высокую оценку действиям Дибича. По словам Веллингтона, Балканская операция кампании 1829 года дает Дибичу право на звание великого полководца.

О «качестве» балканского прорыва русской армии можно сказать и словами германского фельдмаршала и одного из крупнейших военных теоретиков Хельмута Карла Мольтке-старшего. По его справедливой оценке, полководец Дибич, имея в своем распоряжении относительно слабые средства, предпринимал лишь то, что, при данной обстановке, было существенно необходимо для достижения конечной цели войны.

Действительно, Дибич в той войне дал только одно большое сражение — при Кулевчи — и взял только одну действительно сильную крепость — Силистрию. Но именно эти успехи сломали сопротивление превосходящей неприятельской армии и способствовали почти беспрепятственному переходу русских войск через Балканы, считавшиеся доселе неприступными. Именно они привели русскую армию к занятию одного из важнейших центров Оттоманской империи — города Адрианополя. Но не просто большого города, а «порога» византийского Константинополя — турецкого столичного Стамбула.

Смелые и решительные действия генерала от инфантерии И.И. Дибича у стен Царьграда (в прямом, а не в переносном смысле) ускорили заключение исключительно выгодного для России Адрианопольского мирного договора.

Император Николай I, вольно или невольно выражая мнение самой широкой российской общественности, благодарно писал 12 сентября генерал-адъютанту графу Ивану Ивановичу Дибичу:

«Победоносная армия, предводительству Вашему вверенная с самого открытия кампании, не переставала ознаменовывать себя блистательными подвигами. Совершенное разбитие слав-

ных сил Верховного Визиря при селении Кулевчи, покорение крепости Силистрии, незабвенный переход Балканских гор, овладение всеми крепостями Бургазского залива и занятие второстепенного города Адрианополя — суть дела, покрывшие ее неувядаемою славою. Но не довольствуясь сим, отличные воинские дарования Ваши явили свету события, превосходящие даже меру ожидания.

Вы не замедлили перенести победоносные знамена Наши пред врата самой Столицы неприятеля, и, опершись правым флангом на морские силы Наши, в Архипелаге находившиеся, а левым на Черноморский Наш флот, принудили наконец Оттоманскую порту торжественно признаться в бессилии своем противостоятъ Российскому оружию и решительно просить пощады».

К чести полководца Дибича-Забалканского надо сказать, что все созвездие наград, полученных им за турецкую войну, он относил прежде всего к заслугам «храбрых сотрудников своих, достойных воинов второй армии». Иван Иванович Дибич сам не скупился на наградные представления Императору, прося Государя по достоинству оценить мужество и храбрость других на поле брани, на поле воинской чести. Или как тогда говорили — за «примерные подвиги».

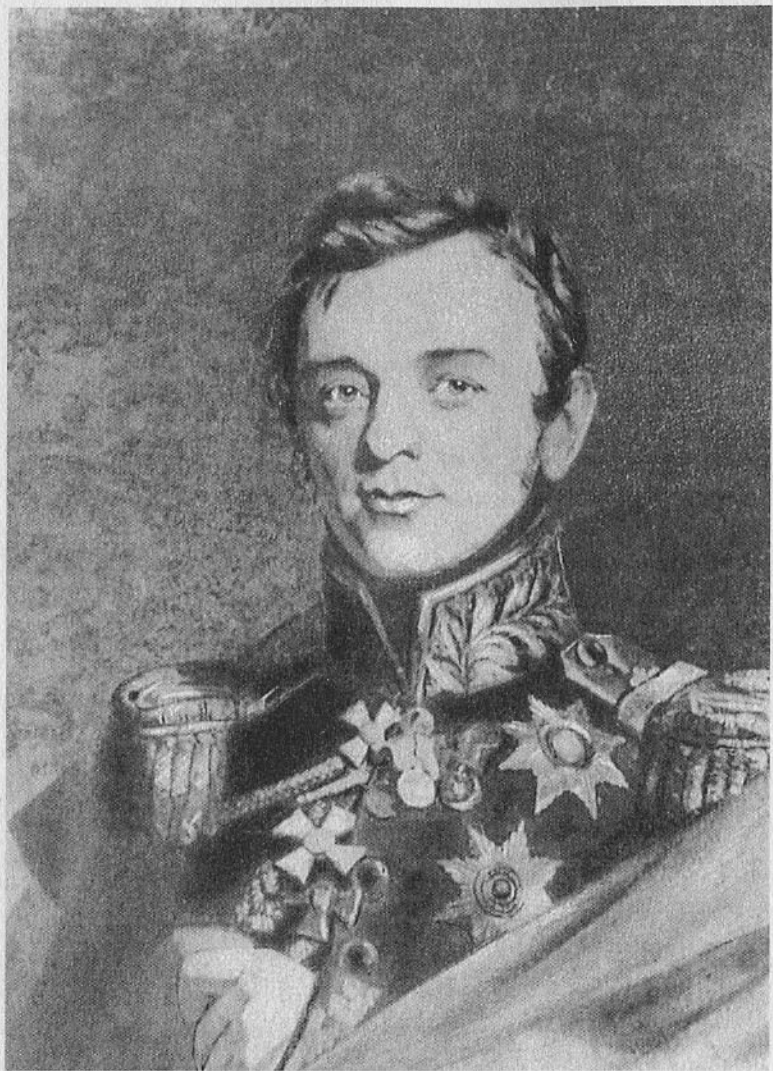
Весь смысл этого понятия в русской армии во все времена сводился к следующему: совершенный подвиг был ценен тем, что он служил примером для других.

...Генерал-фельдмаршал с триумфом возвратился в столицу России. Там он был встречен с большими почестями не только в Зимнем дворце. Граф Дибич-Забалканский снова оказался в кругу тех царедворцев, которые занимались государственными делами под пристальным оком Императора Николая I.

Здесь надо заметить, что самодержец, за исключением немногих любимцев, никогда не любил и не жаловал бездельников. Он любил тех приближенных к нему людей, которые действительно с полной отдачей сил, знаний и энергии трудились на благо Российской империи. В данном случае — на благо Николаевской империи. К числу таких приближенных (вернее, наиболее близких к Государю людей) и принадлежал генерал-адъютант граф Дибич.

Генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский,
граф И.Ф. Паскевич-Эриванский

Генерал-фельдмаршал
М.И. Голенищев-Кутузов

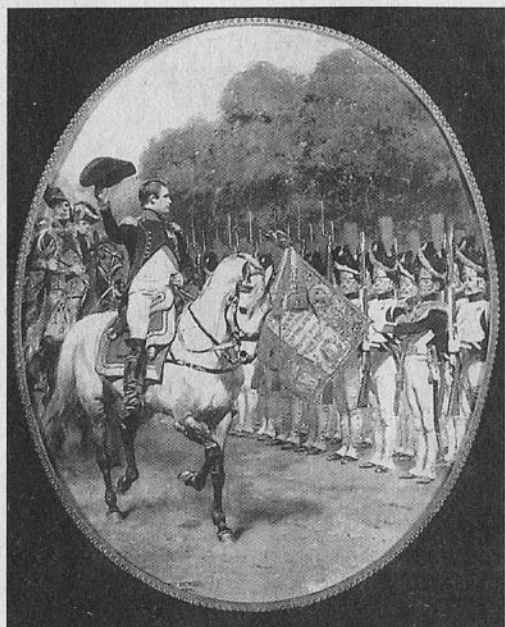
Генерал-фельдмаршал
М.Б. Барклай-де-Толли

Генерал от инфантерии князь
П.И. Багратион

Генерал-фельдмаршал
князь А.А. Прозоровский

Парад старой гвардии
перед Русским
походом 1812 г.

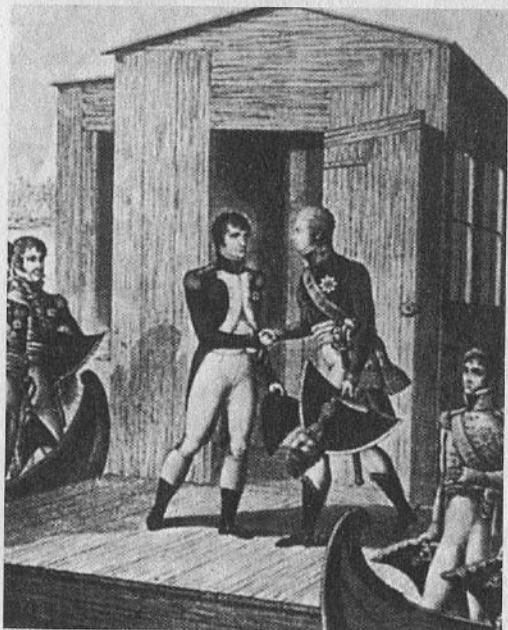
Офицер французских
конных егерей

Гренадер-часовой у полкового знамени

Император
Александр I

Александр I
и Наполеон

М.И. Голенищев-Кутузов

М.Б. Барклай-де-Толли

П.И. Багратион

И.И. Дибич-Забалканский

П.Х. Витгенштейн

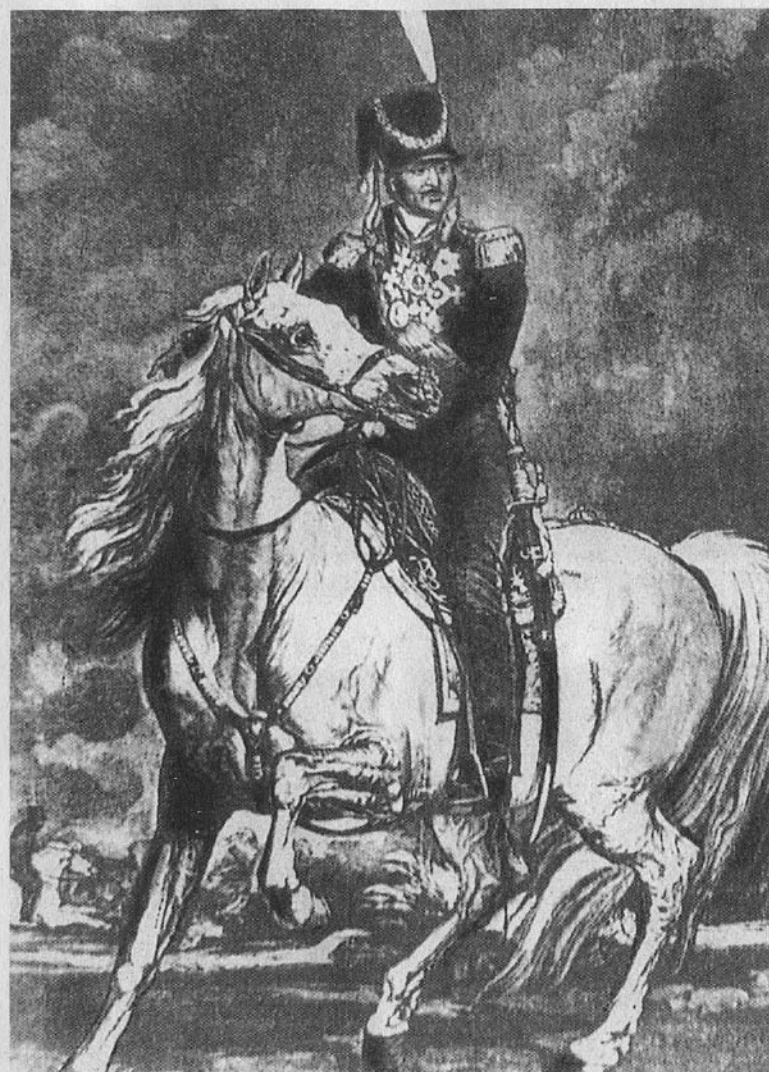
А.П. Тормасов

П.П. Коновницын

К.Ф. Багговут

М.И. Платов

Ф.П. Уваров

Н.М. Бороздин

А.П. Ермолов

И.В. Васильчиков

М.С. Воронцов

А.И. Горчаков

Д.С. Дохтуров

Я.П. Кульнев

А.И. Кутайсов

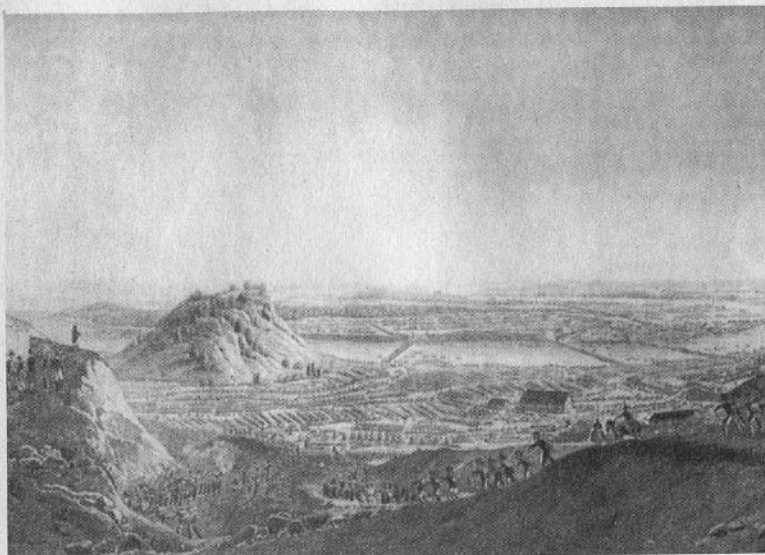
М.А. Милорадович

Н.Н. Раевский

А.И. Остерман-Толстой

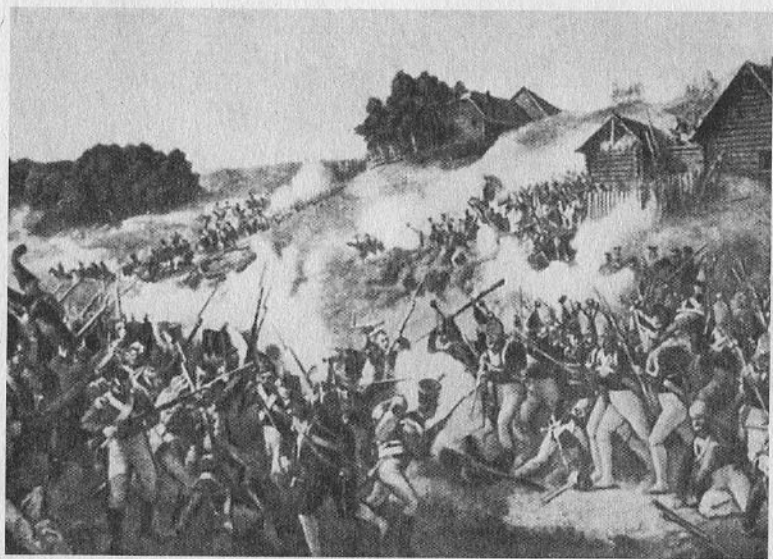
Переход французской армии через Неман

Русская деревня Гриднева

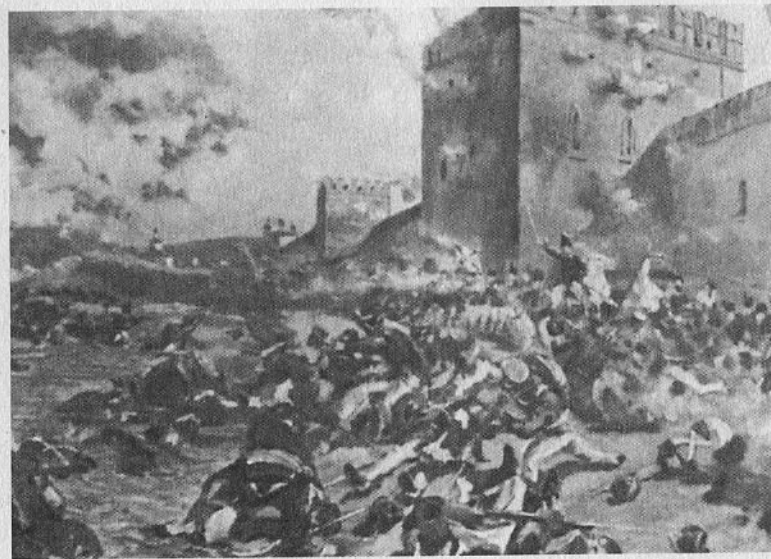
Реквизиция французами провианта в русской деревне

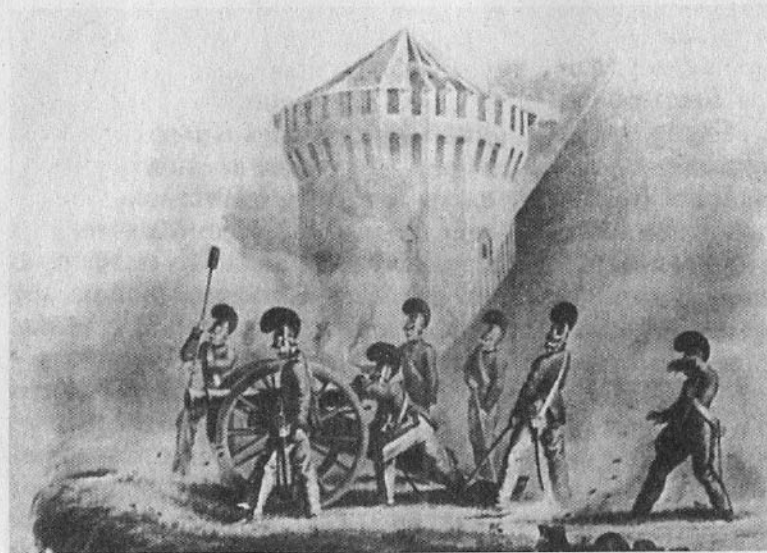
Сражение при Клястицах. 19 июля 1812 г.

Сражение под Смоленском

Оборона города-крепости Смоленска

У стен Смоленска

Генерал-фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич-Забалканский привлекается самодержцем к решению самых различных государственных, часто неотложных дел. Поэтому победителя в турецкой войне можно с полным на то основанием отнести к числу николаевских сановников-государственников, определявших не только военную и внешнюю политику Российского государства, но и ее «внутреннее поведение».

МИРНАЯ ПЕРЕДЫШКА

...Еще до создания в мае 1826 года особого комитета по рассмотрению учебных вопросов в военно-учебных заведениях России, Император Николай I поручил своему генерал-адъютанту Антуану Анри (Генриху Вениаминовичу) Жомини изложить свои соображения по предмету преподавания военных наук. Речь шла об улучшении профессиональной подготовки офицерских кадров для русской армии и флота. Генерал Жомини, француз на русской службе, успевший до русской армии послужить в швейцарской и наполеоновской, сыграл большую роль в становлении системы военного образования в России.

8 апреля 1830 года генерал Жомини представил монарху новый проект военной академии (будущей Николаевской академии Генерального штаба). Но и новый вариант подвергся решительной обработке. В комиссию по рассмотрению представленного проекта по Высочайшему приказу были включены известные своей опытностью генералы Чернышев, Нейгард и генерал-фельдмаршал Дибич-Забалканский. Последний, видя перспективность академического обучения офицерских кадров, внес в проект, который изучил со всем вниманием, свои дельные соображения.

Он, в частности, предложил обязательно включить в учебную программу курс древней военной истории. Ранее же предполагалось ограничиться изучением военной истории только от эпохи Петра Великого. Одобрено было и суждение о необходимости награждения специальными медалями (наградными, золотыми) наиболее успешно окончивших Военную академию.

Такое награждение стало традиционным для российских военно-учебных заведений.

Положение о первой Военной академии в истории России появилось в печати под названием «Устав военной академии» 4 октября 1830 года. На нем значилась Высочайшая собственноручная резолюция:

«Быть по сему. Николай».

Николаевская академия Генерального штаба будет существовать в России до самого окончания Гражданской войны и закончит свой исторический путь в 1920 году на острове Русский под городом Владивостоком...

В начале 1830 года в семью Дибича приходит большое несчастье. От «нервической лихорадки» на 31-м году жизни скончалась его супруга, с которой он прожил не долго, но счастливо. При этом горестном известии генерал-фельдмаршал в минуту глубокой печали воскликнул:

— И так отныне я весь буду принадлежать России!..

Ивану Ивановичу Дибичу-Забалканскому, в отличие от многих наиболее прославленных полководцев Российской империи (за исключением, пожалуй, одного генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского, князя Итальянского), не довелось много и долго заниматься государственной, управленческой деятельностью. Такой род служения и не привлекал его. Лишь военное поприще с небольшими перерывами во времени было и оставалось главным для него полем жизнедеятельности.

Война с Османской Портой только-только успела закончиться. На Северном Кавказе второе десятилетие шла Кавказская война в районах, населенных племенами горских народов Чечни, горного Дагестана и Черкесии. Но она не отвлекала значительных военных сил Российского государства и не требовала какого-либо напряжения сил работников Главного штаба.

Грозные события для Российской империи стали вызревать на ее западных границах. Они обернулись в скором времени в настоящую войну в Царстве Польском, наместничестве с известной внутренней автономией в составе самодержавной России.

Вспыхнувшая в 1830 году во Франции революция побудила Императора Николая I послать графа И.И. Дибича-Забалканского в Берлин. Там царскому посланцу предстояло провести

переговоры с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Разговор велся относительно тех мер, которые российский самодержец предлагал принять для обуздания революционного движения в Европе.

Однако к немалому удивлению в официальном Санкт-Петербурге миссия николаевского царедворца и полководца при всех его немалых дипломатических способностях в Берлине не удалась. Причина неудачи большого секрета не составляла. Российской империи в звании европейского жандарма побаивались не только революционеры 30-х годов XIX столетия, но и монархи.

Пока в столице Прусского королевства шли доверительные переговоры на различных уровнях, революционное брожение перешагнуло границы Франции. Европейские монархи, в отличие от Императора Николая I, поздно осознали всю опасность, грозящую их династиям и странам. Среди них оказался и король Пруссии.

Успехи революционных выступлений в Бельгии и настойчивые просьбы короля Нидерландов о помощи вызвали необходимость мобилизации русской армии. Войска крупнейшей на континенте армии России стали постепенно сосредотачиваться на западных государственных границах.

Однако случилось так, что подготовляемый военный поход далеко на запад Европейского континента не состоялся. Он «приказал долго жить» по весьма веской причине. Революционное возмущение, и сильное, началось в самой Российской империи, в исторически самом слабом ее звене — в Царстве Польском. Там вспыхнул военный мятеж или бунт.

Определение «бунта» во время правления Императора Николая I Романова давалось в статье 177 «Военно-уголовного уложения». В нем говорилось кратко и ясно:

«Бунтом называется восстание скопом и заговором против Государя и государства, сопряженное с вооружением войска и насильственными действиями, как-то: грабежом, убийством, зажигательством, взломом тюрем и освобождением преступников или с намерением учинить преступления такого рода».

...Польское восстание 1830—1831 годов имело глубокие корни и длинную предысторию. Первый польский бунт еще в

XVIII веке русская армия подавила во многом благодаря чудесам храбрости, которые творили екатерининские генералы и солдаты, среди которых своей разумностью и успехами выделялся молодой Суворов.

Разделы Польши, которые творили государи России, Пруссии и Австрии, три державы, исторически окружавшие польские земли, оказались нетрудными. Гораздо труднее оказалось сделать эти земли «своими».

Польша исторически всегда была хаотична в своем развитии. А шляхетская вольность или, говоря иначе, шляхетская демократия во все времена лишала страну твердых государственных устоев. И Польша не раз была козырной картой в политических играх европейских держав. Пожалуй, больше всех в этом преуспел император французов Наполеон I Бонапарт. Сперва он использовал польские легионы, созданные во Франции под командованием генералов Домбровского и Княжевича. Поляки воевали в Италии, Испании, отправлялись для подавления восстания чернокожих рабов в Вест-Индии (между прочим, оттуда вернулся только один из каждых двенадцати легионеров). Наконец, поляки в своем большинстве поддержали Наполеона в его войнах против антифранцузской коалиции европейских монархов.

В рядах Великой армии под знаменами Бонапарта в Русский поход 1812 года отправился польский корпус под командованием генерала князя Юзефа Понятовского. Всего в рядах наполеоновской армии храбро сражалось около 80 тысяч польских войск.

В «обмен» на это в 1807 году поляки получили от Наполеона некое государственное образование под названием «Княжество Варшавское» или «Великое герцогство Варшавское», несколько лет просуществовавшее на карте Европы. Императором французов на этот герцогский престол в Варшаве был посажен Фридрих Август, до недавнего времени саксонский курфюрст, а с того же 1807 года — король Саксонии (прецеденты такой унии Польши и Саксонии были и ранее, вспомним союзника Петра Великого Августа Сильного). В 1809 году это княжество или герцогство было увеличено за счет уступки ему Австрией галицийских земель. Но тем не менее действительно самостоятельным этот польский анклав не стал, да и не

мог стать в той нестабильной исторической ситуации на европейской политической арене.

Польские воины, надеясь получить все же долгожданную свободу, храбро сражались за великого французского завоевателя по всей Европе. Командир наполеоновского польского корпуса Юзеф Понятовский был пожалован даже в маршалы Франции. Произошло это во время «Битвы народов» под Лейпцигом, в которой свежееиспеченный маршал и погиб.

Поражение Наполеона Бонапарта привело к последнему разделу Польши и новому изменению границ польских земель.

После этого раздела Пруссия сохранила за собой только Великое княжество Познанское и «вольный» город Данциг (современный Гданьск). Некоторые из земель собственно Польши по-прежнему остались за Австрией.

Основные же польские земли, включая созданное Наполеоном герцогство Варшавское, достались Российской империи и вошли в ее состав под названием Царства Польского. Всего было образовано восемь воеводств с польским населением — Августовское, Калишское, Люблинское, Мазовецкое, Плоцкое, Радомское, Сандомирское и Краковское. Сам древний Краков стал «вольным городом». Столицей образованного Царства (его называли и Королевством) Польского стал город Варшава. В мае 1815 года в ходе Венского конгресса Император России Александр I подписал «Основы конституции» Королевства Польского. Их подготовили польские авторы под руководством князя Адама Чарторыйского (Чарторыжского).

Польские земли Российской империи не были пасынками в ее составе. Санкт-Петербург на основе российского законодательства заботился о спокойствии и порядке, материальном благополучии на присоединенных к России территориях. Не забывалось и о народном образовании и культуре в Царстве Польском. В Варшаве были учреждены университет, «две военные академии (юнкерские училища. — А. Ш.), женский институт, школа земледелия и сельского хозяйства и другие учебные заведения».

Князь Адам Чарторыйский в 1815 году осуществил свою давнюю идею: соединить Россию и Польшу личной унией. Согласно основному положению конституции Королевства Польского

оно навсегда присоединялось к России и связывалось с ней личной унией. То есть всероссийский Император автоматически становился польским королем. Теперь российской частью Польши управлял царский наместник, наместничество имело свою национальную армию, являвшуюся частью русской.

Первым царским наместником в Варшаве стал генерал Юзеф Зайончек, участник Польского восстания 1794 года и тогда бывший заместителем Костюшко. Главнокомандующим польской армией стал наследник-цесаревич Великий Князь Константин Павлович. Полякам с последним очень повезло, поскольку наследник российского престола смог полюбить Польшу и стал много делать для ее процветания, возможного в тех условиях. Сами поляки говорили о том времени с большим удовлетворением.

Историк К. Елпатьевский в «Учебнике русской истории», который в 1904 году выдержал свое десятое издание, говоря о Царстве Польском Российской империи, писал следующее:

«...Польша никогда не была так счастлива, как во времена Александра I, и если бы продолжала идти по этому пути, то скоро забыла бы 200 лет своей анархии и стала бы наряду с образованнейшими государствами Европы».

Как известно, незадолго до событий 1825 года наследник-цесаревич Константин Павлович добровольно отказался от императорской короны России в пользу младшего брата, Великого Князя Николая Павловича. Причиной тому была, в частности, и пылкая его страсть к польской красавице Иоанне Грузинской, ставшей его второй супругой в 1820 году и получившей титул княгини Лович.

Документы по делу о смене наследника российского престола были заранее заготовлены Императором Александром I и в большой тайне хранились по одному экземпляру в Священном Синоде, Правительствующем Сенате и в Успенском соборе Московского Кремля. На запечатанных гербовыми печатами конвертах стояла собственноручная надпись Государя-самодержца:

«...Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого действия, в чрезвычайном собрании».

Воцарение Николая I перечеркнуло все надежды патристически настроенных поляков, мечтавших о возрождении польской государственности и связывавших эти свои надежды с личностью цесаревича Константина Павловича. Новый самодержец с первых же дней своего пребывания на троне стал заботиться о прочности врученной ему историей империи — «единой и неделимой России». О каком-то отделении от нее польских территорий не могло быть и речи.

Тайные националистические организации самых различных политических толков существовали на польской земле во все времена. Эти организации рано или поздно всегда приводили Польшу к восстаниям.

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ ФЕЛЬДМАРШАЛА

Подготовка второго польского восстания (первое было в 1793—1794 годах, третье в 1863—1864-х) началась, по сути дела, с того, что в декабре 1828 года восемь подхорунжих польской армии под руководством инструктора муштры Петра Высоцкого организовали тайное военное общество. Оно и стало ударной силой в начале второго Польского восстания 1830—1831 годов, начавшегося в Варшаве.

Цесаревич Константин Павлович, который после отречения от восшествия на трон Российской империи стал просто одним из Великих Князей династии, не предпринимал никаких серьезных мер против заговорщиков. В худшем случае расправа над выявленными заговорщиками поручалась университетским властям, которые были настроены националистически.

Однако всеисильное Третье отделение располагало достоверными сведениями о существовании в Царстве Польском «мятежной» тайной организации. К тому времени в Польшу начинают стягиваться русские войска (так называемый Литовский корпус), которые Император Николай I намеревался послать в поход против революционной Франции и для поддержки монархии в Нидерландах. Однако почти все эти войска еще только выдвигались в назначенные им места и на польские земли пока не прибыли.

В состав этих экспедиционных войск должна была войти и регулярная армия Королевства Польского. Уход ее в назначенный монархом России европейский «карательный» поход сразу же лишил бы местных заговорщиков организованной и хорошо вооруженной силы, поскольку в рядах польской армии было немало заговорщиков, особенно среди младшего офицерского состава и кандидатов в офицеры (подпрапорщиков).

Варшавские газеты в один голос сообщали, что русские войска на границе Королевства Польского находятся в состоянии боевой готовности. Поэтому столичные журналисты ставили на газетных страницах «большой» вопросительный знак: против кого же будут использоваться полки русской армии, сосредотачиваемые (пока еще весьма медленно) на западных границах Российской империи?

Почти 100-тысячная Варшава загудела, как потревоженный пчелиный улей.

Была и еще одна веская причина для польских революционеров-заговорщиков, требовавшая скорейшего выступления с оружием в руках. Подготовка к «возмущению» в Королевстве Польском стала перезревать. Это выразилось прежде всего в том, что начались доносы на участников военного заговора, за которыми следовали их аресты и ведение следствия. Могло вполне реально случиться так, что подготавливаемый «бунт» царские власти подавили бы еще до того, как он начался.

Государь, знавший истинное положение дел на польских землях, 23 ноября 1830 года решает наделить своего старшего брата Великого Князя Константина, главнокомандующего армией Королевства Польского, чрезвычайными полномочиями. Вместе с тем всем было хорошо известно, что Константин Павлович врагом Польши не был, что он любил эту страну и что он вряд ли в данной ситуации проявит особую решительность. Но Императорский указ подтолкнул заговорщиков к началу восстания (некоторые историки склонны считать этот николаевский указ крупной политической ошибкой).

Восстание началось в Варшаве вечером 17 ноября, когда Великий Князь Константин Павлович лег спокойно спать в своем столичном дворце Бельведер. Сигналом к варшавскому вос-

станию послужило пламя подожженной пивоварни в предместье Сольце, стоявшей на возвышенном месте.

Вооруженное выступление в столице началось в школе подхорунжих (готовившей офицеров для армии) с убийства ее начальника генерала Трембицкого, который остался верен данной им присяге на верность России и не отказался от нее даже под угрозой насильственной смерти. По призыву Петра Высоцкого школа подхорунжих дружно двинулась к русским казармам, но ни одну часть находившейся там пехоты и кавалерии гвардейского отряда разоружить не смогла.

Одной из причин общей неудачи действий повстанцев на этом этапе было то, что прибежавший в казармы Волынского полка подпрапорщик Аксюк предупредил о грозящей опасности. К русскому гвардейскому отряду отрядам вооруженных заговорщиков не удалось даже подступить. Не смогли повстанцы захватить и две артиллерийские батареи русских, квартировавшие неподалеку от Варшавы.

Тем временем толпа вооруженных повстанцев — сторонников тайного Патриотического общества — под предводительством Людвига Набеляка и Северина Гошиньского с криками «Смерть тирану!» напала на дворец Бельведер. Ворвавшись в него, восставшие (преимущественно студенты и подхорунжие) стали искать по коридорам спальню Великого Князя. Того от смерти спас камердинер Фризе, отведя брата Императора России в комнатку под дворцовой крышей. Великий Князь и переждал там погром дворца. Жертвами нападавших на дворец Бельведер стали только те русские, кто в ту ночь оказался там и не успел спрятаться.

Повстанцам вскоре самим пришлось бежать из великокняжеского дворца, когда на его защиту подросло несколько егерских рот и гвардейский польский конно-егерский полк под командованием Курнатовского. На следующий день вокруг Бельведера сосредоточились русские гвардейские пехотные и кавалерийские полки, оставившие свои казармы. Командование над ними взял польский генерал Жимирский.

Поздно вечером положение в Варшаве по-прежнему было неясным. Русские войска повстанцам разоружить не удалось, высшие офицеры польской армии не поддержали восстание, в

самой польской армии произошел раскол. Остались верны присяге и были убиты, не считая генерала Трембицкого, генерал граф Потоцкий, начальник штаба польской армии Семионтовский, военный министр граф Гауке и другие.

Единственным серьезным успехом восставших в ту ночь стал захват варшавского арсенала с его значительными запасами огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Ружья, пистолеты, сабли, патроны стали в большом числе раздаваться всем желающим горожанам. Раздача оружия из арсенала повстанцам из числа горожан сопровождалась провокационными криками, «...что русские режут поляков и жгут город».

После захвата арсенала и настоящего «опустошения» его хранилищ Варшава превратилась в огромный военный лагерь. Повсеместно передвигались вооруженные отряды людей, преимущественно гражданских. Польская регулярная армия в первые дни восстания в своем большинстве оставалась нейтральной к происходящим событиям. Сказывалось то обстоятельство, что ее главнокомандующий находился в польской столице и не отдавал никаких приказов. Но продолжаться так долго не могло.

Спасшийся от верной гибели Великий Князь Константин Павлович, хотя и наделенный чрезвычайными полномочиями, не стал в Варшаве использовать против бунтовщиков военную силу и решил бескровно покинуть Польшу. Он вывел верные ему войска из Варшавы сначала к Мокотовской заставе, а потом вообще ушел с польских земель. При переходе границы королевства с российскими губерниями Константин Павлович бросил полякам небезосновательный упрек в неблагодарности.

При своем «убытии» с польской территории Великий Князь сделал то, чего никак нельзя было делать. Он считал, что «всякая пролитая капля крови только испортит дело», и, будучи в ранге главнокомандующего, отпустил оставшиеся ему верные войска польской регулярной армии назад в Варшаву. И ее полки, фактически освобожденные от присяги, только усилили собой ряды бунтовщиков.

С собой в Россию, за границу Королевства Польского, Константин Павлович увел только русский гвардейский отряд, стоявший в польской столице (всего семь тысяч человек). Восставшие в Варшаве так и не смогли ни разоружить хотя бы часть

его, ни нанести военного поражения на городских улицах и в пригородах, когда гвардейцы покидали восставшую против России польскую столицу.

Более того, временному польскому правительству под главенством князя Адама Чарторыйского (близкого друга и единомышленника Императора Александра I, его министра) были переданы сильные крепости Модлин и Замостье. В них имелась сильная артиллерия, находились арсеналы и войсковые запасы. К тому же Модлин и Замостье, в случае начала настоящей войны, «польской драки», занимали выгодное стратегическое положение.

Начались переговоры Варшавы с Санкт-Петербургом насчет будущего российской части Польши и восстановления ее в границах 1772 года. Для ведения переговоров на берега Невы из польской столицы прибыли князь Любецкий и депутат Сейма Езерский. Фактический варшавский диктатор генерал Юзеф Хлопицкий твердил своим сторонникам:

— Не можем драться с Москвой, ничего не сделаем. Император в таком положении, что должен будет согласиться на мои предложения...

Предложения посланцев генерала Хлопицкого, польского Сейма и варшавского правительства поражали всех официальных лиц в Санкт-Петербурге своей действительной «предерзостью». Взбунтовавшаяся Польша требовала своего восстановления в границах первого раздела, то есть присоединения к ней «западнопольских областей». Российский монарх сразу же заявил Любецкому и Езерскому:

«...Что он обещает амнистию полякам, если они немедленно покорятся; но если они дерзнут поднять оружие против России и законного своего Государя, то сами они и их пушечные выстрелы ниспровергнут Польшу».

Император Николай I на все последующие предложения противной стороны отвечал только одним настойчивым требованием о капитуляции мятежников. Главной силой последних стала вскормленная Великим Князем Константином Павловичем польская национальная регулярная армия, обученная и вооруженная как русская. В Санкт-Петербурге не считаться с нею не могли.

В силу этого обстоятельства подавление второго польского восстания в Российской империи исторически правильнее называть не разгромом царскими войсками польского бунта, а русско-польской войной. Войной, в которой на поле брани с большим кровопролитием сражались две немалые регулярные армии.

Пока шел переговорный процесс и непрерывно заседал польский Сейм (парламент), восставшая Польша фактически жила в условиях личной диктатуры 60-летнего генерала Юзефа Хлопицкого, героя наполеоновских войн (отказавшись от должности главнокомандующего, он фактически стал им, будучи советником у князя Михаила Радзивилла). Военачальник бодрый и энергичный, хороший политик, он сумел «прибрать» к рукам официальную Варшаву и ее власти.

Но даже ему, человеку огромной популярности, в начале января 1831 года пришлось ретироваться с политической арены в Варшаве. Ветеран армии Наполеона Бонапарта, отлично воевавший за Францию в Испании, а затем командовавший пехотной дивизией в русской армии, оказался решительным врагом всего революционного. От политических дел Юзеф Хлопицкий оказался оттесненным только на военное поприще.

В конце января закрытое генералом Хлопицким, но не прекратившее своего существования Патриотическое общество потребовало разрыва всех отношений с Императором России и лишения его польской королевской короны.

Одновременно по-прежнему звучал призыв к провозглашению независимости Польши в границах 1772 года. Последнее требование являлось откровенной политической химерой, лишённой в то время всякой состоятельности и исторической реальности. Польская шляхта требовала восстановления своей исторически давно утраченной власти на украинских, польских и литовских землях. Но об этом уже давно не могло быть речи.

Восставшие выдвинули и такой радикальный лозунг, обращенный к русскому народу: «За нашу и вашу свободу!» Русские войска в начале 1831 года часто и во многих местах встречали флажки с этими словами, которые втыкались в снег на их пути. Большинство исследователей считают автором этого напумовше-

го лозунга профессора истории Виленского университета Иоахима Лелевеля, активного участника польского восстания.

Известно, что в свое время руководители Южного общества Пестель, Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол предлагали в 1824—1825 годах руководству польского Патриотического общества совместную борьбу с царским самодержавием, обещая полякам установление Польской республики. Однако от таких предложений собеседники декабристов — Кшижановский, Яблоновский и Гродецкий — тогда деликатно отказались. Их пугал, видимо, прежде всего демократизм воззрений российских подпольных республиканцев из дворянского, правящего сословия. Однако теперь в Варшаве состоялась массовая демонстрация в память пяти казненных почти пять лет назад декабристов, руководителей тайных дворянских обществ. В знак солидарности с их освободительными идеями по казненным в столичных костелах демонстративно были отслужены панихиды.

В это время Сейм решал вопрос о польской короне. Среди его депутатов особенно яркую антирусскую позицию занимали братья Немоевские. После многодневных дебатов было решено лишить династию Романовых в лице Императора Николая I польского трона. Или, говоря иначе, большая часть парламентариев Королевства Польского встала на сторону восставших. Теперь уже не могло быть и речи о каких-либо переговорах между официальным Санкт-Петербургом и Сеймом мятежного наместничества.

Дальнейшие события разворачивались быстро. Всего через две недели русская армия начала первые военные действия против бунтовщиков. Лишение Николая I польской королевской короны переполнило чашу монаршего терпения...

После того как в Варшаве прозвучали первые выстрелы, судьба автономного в рамках Российской империи Королевства Польского была решена. Теперь оно могло быть только наместничеством Царством Польским без конституции, без «особых» гражданских прав и, конечно, без собственной регулярной армии. Таково было бесповоротное решение Государя России, в землях которого начался самый что ни на есть вооруженный бунт.

Войска для подавления польского восстания в своем большинстве благодаря «французскому обстоятельству» были уже собраны в действующую армию. Требовался человек, который смог бы возглавить ее и действовать решительно и смело. Выбор Императора пал на победителя в недавней войне с Турцией, кавалера всех орденов Российской империи, генерал-фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского.

Дибич срочно вызывается из Берлина, где он уже несколько месяцев находился с упоминавшейся дипломатической миссией, на берега Невы и предстает перед Императором.

Император Николай I вверяет молодому генерал-фельдмаршалу войска для подавления бунтовщиков. Тот обещает покончить с «возмущением» на польских землях в самый короткий срок, в самом начале, не дав ему развернуться. Восстание, в самом деле, было подавлено, но все-таки не так быстро, как обещал Дибич. Обязательство блиц-разгрома, данное им Государю Императору, оказалось невыполненным по одной лишь причине. После победы под Гроховом русские войска могли, но не стали преследовать польских повстанцев. Сейчас уже трудно установить, чем более всего руководствовался при этом Дибич: благородством или надеждой на здравомыслие поляков, которые, почувствовав силу русских войск, прекратят бессмысленное сопротивление и кровопролитие. Но поляки расценили это по-своему: как время, полученное для передышки, переформирования своих сил и продолжения военных действий. По-видимому, со стороны русского командования это была все-таки ошибка, прежде всего самого николаевского полководца, указать на которую никто из подчиненных ему военачальников тогда не решился.

Для действий против мятежной Польши выделялась большая полевая действующая армия. Ее численность могла быть доведена до 183 тысяч человек. Это были столичная гвардия, Гренадерский корпус, квартировавшийся тогда в Новгородских военных поселениях, 1-й и 2-й корпуса из состава 1-й русской армии, отдельный 6-й армейский корпус (бывший Литовский), 3-й и 5-й резервные кавалерийские корпуса.

Корпуса отправлялись в Польшу вместе со своей артиллерией — пешей и конной.

Сила была внушительная, но... на ее сбор воедино по составленным планам требовалось свыше четырех месяцев. В действительности же для подготовки русской армии к военным действиям хватило трех с половиной месяцев. Но массовое восстание в Царстве Польском разлилось гораздо раньше этого срока. Более того, оно перекинулось на литовские и западные белорусские земли, где проживало много поляков.

Каждому из выше названных корпусов пехоты и кавалерии приходилось прибывать на театр военных действий из различных мест. Гвардейский корпус под командованием Великого Князя Михаила Павловича и 2-й армейский корпус графа П.П. Палена могли прибыть в Польшу лишь к весне.

Картина с полной готовностью русской армии к войне в Польше могла быть совсем иной. Но восстание там оказалось полной неожиданностью для официального Санкт-Петербурга. Не верил в его серьезность прежде всего Великий Князь Константин Павлович, постоянно сносившийся о делах в королевстве со своим младшим братом, который был обязан ему царской короной. Наместник Царства Польского упорно не хотел видеть крамолы в умонастроениях своих подданных, хотя чуть было не поплатился за это собственной жизнью.

А пока что в Царстве Польском — у городов Брест-Литовска и Белостока находился всего лишь один 6-й армейский (Литовский) корпус численностью около 45 тысяч штыков и сабель. Им командовал генерал барон Г.В. Розен, человек не всегда склонный к решительным и, что еще хуже, к самостоятельным действиям. Оказавшись на переднем крае войны с мятежниками, он сразу же утратил инициативу, думая только об отражении то там, то здесь нападений польских повстанческих отрядов. О каких-то ответных ударах корпусной начальником даже и не помышлял.

Подчиненные Г.В. Розену воинские отряды, плохо управляемые из корпусного штаба, под напором поляков раз за разом сдавали свои позиции. Правда, русские войска не терпели при этом ощутимых военных поражений и не несли заметных потерь в людях. В Варшаву приходили победные репортажи, но к удивлению для варшавского командования не

доставлялись никакие взятые трофеи. Полки и отряды бывшего Литовского корпуса только медленно отходили назад.

В декабре 1830 года еще только на марше находился Гренадерский корпус под командованием генерала князя Шаховского и 1-й армейский корпус графа Палена 1-го с резервной кавалерией из военных поселений юга России. Однако в ходе походного движения их тылы заметно отставали от войск, что создавало немалые трудности с обеспечением походных колонн провиантом. Местные губернские власти оказались неготовыми решать проблему обеспечения такого числа войск продовольствием и фуражом из собственных запасов.

Поэтому прибывший на новую и, как потом оказалось, последнюю для него войну граф Дибич-Забалканский получил под свое командование первоначально очень мало войск. Но ему повезло в самом начале боевых действий с начальником армейского штаба. На эту должность был назначен его соратник по войне с Турцией, прекрасно знавший и Польшу, опытный генерал К.Ф. Толь, теперь уже граф Толь. В Отечественную войну 1812 года Толь был генерал-квартирмейстером у М.И. Кутузова и его любимцем. Он был признанным героем и Бородинского сражения, и той войны в целом.

Главкомандующему русской полевой действующей армией Высочайшим императорским указом были подчинены западные губернии: Гродненская, Виленская, Минская, Подольская, Волынская и Белостокская. Все они объявлялись находящимися на военном положении. Это был ближний тыл действующей армии, в котором теперь действовали законы военного времени. Дибич-Забалканский получил огромные права по поддержанию законности и порядка в западных губерниях Российской империи.

Перед началом бунта польская регулярная армия состояла из гвардии (около четырех тысяч человек) и собственно армии. Последняя включала в себя две пехотные и две кавалерийские (уланскую и конно-егерскую) дивизии. Почти все армейские войска стояли гарнизонами вне Варшавы, будучи расквартированы в нескольких городах наместничества.

Пехотная дивизия состояла из трех бригад (двух пехотных и одной егерской); бригада — из двух полков, линейных или

егерских, полк — из двух батальонов. Кавалерийская дивизия состояла из двух бригад. В каждой из них было по два полка, по четыре эскадрона в каждом. Пехотные дивизии имели по артиллерийской бригаде (три батареи по 12 орудий). Кавалерия имела конные 8-орудийные батареи.

Общая численность польских вооруженных сил состояла из 29 батальонов пехоты, 38 кавалерийских эскадронов при 106 полевых орудиях, всего 28 тысяч пехоты и семь тысяч кавалерии. Эти регулярные войска были хорошо обучены, дисциплинированы и имели профессионально подготовленный командный состав. Почти все старшие военачальники регулярной армии в свое время прошли хорошую школу наполеоновских войн.

Пока Россия собиралась с силами, в Варшаве спешно усиливали свою регулярную армию. Ее численность с 35 тысяч человек была быстро доведена до 130 тысяч. Польский Сейм и генерал Хлопицкий в первую очередь поставили под ружье всех отставных военнослужащих, как солдат, так и офицеров. Офицерский состав резко увеличенной польской армии пополнился и за счет недоучившихся выпускников школы гвардейских подпрапорщиков и Калишского кадетского корпуса. И, хотя в армейский строй встало немало таких и безусых, и отставных офицеров, все же проблема с младшими командными кадрами разрешалась с трудом. Варшавское правительство не пошло на такой необходимый и казавшийся очевидным шаг, как производство в младший офицерский чин наиболее опытных армейских служаков из старших унтер-офицеров. Причина была в одном — польским офицером мог быть только дворянин-шляхтич, но не выходец из простонародья. То, что было уже обычным явлением в русской армии и армии наполеоновской Франции, в «свободной» Польше совершенно запрещалось на правительственном уровне.

Оружия же у поляков было вполне достаточно. Артиллерийские орудия были взяты из крепостей Модлин и Замостье (там оказались даже трофейные турецкие пушки). Была ими налажена и собственная отливка артиллерийских орудий.

Труднее у них обстояло дело с формированием новых кавалерийских полков. Недостатка в людях здесь не было, но это-

го нельзя было сказать о лошадях. Сначала в кавалерийских об- ратили обыкновенных упряжных и обозных лошадей, а затем стали довольствоваться и крестьянскими, на которых пахались поля и убирался урожай.

В результате в организационном отношении состав новой польской «революционной» армии получился довольно пестрым. Так, из жителей Варшавы был составлен егерский и уланский полки, которые назывались «варшавскими юношами». Было два батальона волонтеров-стрелков из Подляхии и Сандомира. Из польских жандармов сформировали два бата- льона карабинеров, а из шести кавалерийских батальонов (по два эскадрона в каждом) — выходцев из Подолии, Галиции и Сандомира — сформировали так называемый «легион Вислы».

Однако действительно регулярными и способными к ведению войны в поле были только тысяч 60. Остальные силы представ- ляли собой местное, в основном сельское, ополчение, воодушев- ленное на вооруженную борьбу лишь патриотическими призы- вами и проповедями католических ксендзов. В итоге всеобщей мобилизации польская армия состояла из четырех пехотных дивизий генералов Круковецкого, Жимирского, Скржинецкого и Шембека и четырех кавалерийских. Конницей командовали генералы Янковский, Сухоржевский, Томицкий и Лубенский. Не считая многочисленных отдельных отрядов разного состава и численности... Войска варшавского правительства заблаговре- менно расположились эшелонами на дорогах из Ковно и Брес- та к польской столице. Прикрытие ее являлось главной целью регулярной армии мятежной Польши.

Генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский начал осу- ществлять выработанный им план «замирения» Царства Польского. 24-го и 25 января 1831 года русская действую- щая армия в количестве 80 тысяч человек (часть войск еще находилась на марше, всего набиралось 122,5 тысячи человек) вступила в пределы восставших польских земель сразу в не- скольких пунктах. Войска наступали одиннадцатью походны- ми колоннами, что оказалось большой неожиданностью для командования противника. Так по-настоящему началась рус- ско-польская война.

Полководцу Императора Николая I реально оценивал свои и неприятельские силы и возможности. Может быть, поэтому, хорошо помня недавние события войны на Балканах, Иван Иванович Дибич-Забалканский большую ставку сделал на мужество, стойкость и неприхотливость в боевых условиях про- стого русского солдата. Ведь он во второй раз в своей полко- водческой карьере получал действующую армию, состоявшую именно из таких людей.

Не отличавшийся большим расположением к России, прус- ский генерал от инфантерии Брандт посетил во время польской кампании штаб-квартиру русского главнокомандующего в ка- честве «заинтересованного гостя». В своих записках он делит- ся личными впечатлениями о воинах русской армии:

«Русские солдаты принадлежат к любопытнейшим явлени- ям. Правда, они не развиты, угловаты, но одушевлены своего рода поэзией. Неприсязательные, полные веры, проникнутые любовью к своему монарху, самоотверженные, храбрые, муже- ственные, послушные, понятливые, проворные — они первые солдаты в мире. Их простота и естественность, их предан- ность тем офицерам, которые сумели привязать их к себе, их хладнокровие, непоколебимость, их грозная решительность в бою и вслед за тем детская мягкость и восприимчивость, ког- да они собирались вокруг балагура-рассказчика, — все это бо- гатый материал для настоящего психолога».

Главнокомандующий надеялся закончить операцию одним решительным ударом. Поэтому он не обратил должного вни- мания на устройство продовольственного снабжения войск. По его приказу провианта было взято с собой всего на 15 дней, а фуража для многих тысяч лошадей — всего на 12 дней.

Чтобы не стеснять армейские силы, Дибич-Забалканский решил не обременять себя в наступательном движении и ар- тиллерийскими парками. В артиллерии была оставлена на ис- ходных местах третья часть орудийных расчетов батарей. Таким образом, в «облегченных» батареях значилось не 12, а всего восемь орудий. Пехотные полки состояли из двух ба- тальонов.

Как умелый полководец, генерал-фельдмаршал граф И.И. Ди- бич-Забалканский «географически» умело расположил свои

силы. Местоположение армейских отрядов давало возможность в случае необходимости всего за 20 часов (менее суток!) русской армии соединиться в главных силах и нанести сильный удар по «скопищам» повстанцев.

Главные силы русской армии — 1-й и 6-й пехотные, 3-й резервный кавалерийский корпуса — главнокомандующий двинул вперед между реками Западный Буг и Нарев. Чтобы отвлечь внимание варшавского главного командования, 5-му резервному кавалерийскому корпусу под командованием генерала Крейца поручалось начать демонстрационное наступление на город Люблин. На самом крайнем правом, северном фланге у границ Восточной Пруссии наступал Гренадерский корпус, командир которого получил свободу в действиях.

Однако непогода расстроила решительные замыслы нашего генерал-фельдмаршала. Начавшиеся дожди и оттепель, таяние снегов сделали непроходимым лесистый Буго-Наревский район. К тому же этот край изобиловал болотами, плохо замерзавшими в теплые зимы. Такие непредвиденные обстоятельства вынудили русского главнокомандующего сосредоточить большую часть действующих войск у Венгрова и отсюда свернуть на Брестское шоссе.

Русско-польская война развернулась на широком фронте. Поляки, после отступления перед их натиском корпуса барона Розена, расположились двумя большими группировками войск. Первая сосредоточилась в районе Остроленки, Пултуска и Рожан, вторая — около Минска, Калиша и Станислава (значительную часть белорусских дворян-помещиков составляла польская шляхта, активно участвовавшая в бунте).

Дибич-Забалканский, естественно, располагал разведывательной информацией о таком расположении главных сил варшавского правительства. Поэтому он решил одним наступательным движением разобщить их. Главные силы русской армии быстрым маршем, насколько это позволяли превратившиеся в грязь дороги, двинулись к реке Западный Буг. Польские отряды в этом им не препятствовали, издали наблюдая за действиями противника и стараясь разгадать их цель.

Задуманный Дибичем план вполне удался.

30 января русские войска сделали общее фланговое движение влево и, несмотря на скверную погоду, начали переправляться через реку Западный Буг в двух местах. Чтобы удержать наступление царских войск, польские повстанцы уничтожили мосты через реку. Когда русские саперы начали их восстановление, поляки пытались огнем артиллерии помешать их работе. Однако ответный пушечный огонь и ввод в бой бригады егерей заставили неприятеля отвести свои батареи подальше и отойти от речных берегов. Наступательное движение русских войск продолжилось.

Форсировав реку, русские разделили польские армейские войска на две части. При этом Дибич отрезал путь к отступлению южного, правого фланга польской армии. Тактический маневр русских сразу дал им в руки боевую инициативу, которую они сохранили за собой и в последующих боевых действиях. Мятежные поляки при этом сколько-нибудь серьезного сопротивления наступавшим русским войскам не оказывали, не считая мелких, зачастую случайных стычек.

На следующий день авангардный отряд корпуса генерала графа П.П. Палена занял город Венгров. При этом неприятельский заслон, состоявший из легкой уланской кавалерии под командованием генерала Сухоржевского, был сбит и отброшен в западном направлении.

Из-за сильной распутицы, когда подвоз припасов, особенно фуража, был затруднен, граф Дибич-Забалканский разрешил запастись продовольствием и фуражом на местах. Его закупили у местных жителей и владельцев поместий на деньги, которые брались из полковых касс и у армейского интендантства. К реквизициям продовольствия и фуража даже на польской земле главнокомандующий обращался только в самых крайних случаях.

Пока шло форсирование через реку Западный Буг, крупные силы польской армии сосредоточились на удобных для боя позициях под местечком Калушином: шесть полков пехоты, четыре — кавалерии, четыре артиллерийские батареи и другие войска. Проведя разведку, генерал-фельдмаршал приказал атаковать противника. Войска под командованием Великого Князя Михаила Павловича и начальника главного армейского штаба

генерал-адъютанта графа К.Ф. Толя быстро двинулись к этому небольшому городку.

Поляки с опозданием узнали о подходе больших сил русских и поэтому не смогли ни усилиться численно, ни заблаговременно отступить. Им пришлось принимать оборонительный бой, в ходе которого их ожидал полный разгром. Бежавших из Калушина еще долго преследовали в направлении Минска и по дороге на Якубов. Атакующим победа далась совсем малой кровью: убитых и раненых насчитали всего 50 человек.

Однако у царской армии были в русско-польской войне не только одни победы из числа легких. Особенно когда она вошла в непосредственное соприкосновение с польской национальной регулярной армией, начавшей отход к Висле для прикрытия Варшавского района. Таким поражением русских стал кавалерийский бой у селения Сточек.

Здесь наступала конно-егерская дивизия генерал-адъютанта барона Ф.К. Гейсмара, который не позаботился ни о разведке, ни об организации взаимодействия своих полков на случай встречи с крупными силами поляков. Недавний герой русско-турецкой войны в данном случае сплеховал. О такой непростительной на войне беспечности стало известно польскому генералу Дверницкому, набравшемуся опыта ведения боевых действий еще под знаменами Наполеона Бонапарта. Он сразу осознал, какая удача идет ему в руки. Дверницкий, умело воспользовавшись тем, что русский военачальник раздробил свои войска, сильным ударом опрокинул один за другим два полка конных егерей русской кавалерийской дивизии.

Расположение на походе этих двух конно-егерских полков и условия местности привели к тому, что атакованные кавалеристы не смогли перейти в рукопашный бой на саблях. Конным егерям у селения Сточек пришлось под натиском противника отступить. Их потери при этом составили 280 человек, а дивизия лишилась батареи в восемь орудий при девяти зарядных ящиках, которые стали трофеями поляков. Генерал Гейсмар, на котором лежала личная вина за понесенное дивизией поражение, обвинил подчиненных ему конных егерей в «подлой трусости и распущенности». Поляки же, по показаниям

генерала Дверницкого, потеряли в бою всего 87 человек убитыми и ранеными.

Кавалерийское дело у Сточека, разумеется, не могло повлиять существенным образом на ход польской кампании, но одержанная победа заметно подняла боевой дух польских войск. Это насторожило Дибича-Забалканского как главнокомандующего.

На правом фланге линии русской армии генерал барон Розен выдержал трехчасовой бой с поляками дивизии под командованием генерала Яна Скржинецкого. В итоге повстанцы бежали после того, как русская пехота начала штыковую атаку на село Добре. В том бою погиб командир Волынского уланского полка полковник Филимонов, чьи командирские способности высоко ценил Дибич-Забалканский, проча ему скорый генеральский чин.

6 февраля русский главнокомандующий приказал возобновить общее наступление на позиции польской армии. В солдатских ранцах велено было иметь провианта на пять дней: поскольку хлебных запасов не было, то сухари заменили картофелем. Он был собран у местного населения путем реквизиций по законам военного времени, в залог «под квитанции». Солдатам вместо одного фунта хлеба выдавали четыре фунта картофеля.

Приостановленное наступление русской армии продолжилось. Левая колонна генерал-лейтенанта графа Палена без особых усилий взяла в 8 часов утра город Минск, стоявший на важном перекрестье дорог. Польские повстанцы поспешили отступить от него.

Успешно действовали и наступающие войска генерал-адъютанта барона Г.В. Розена, которым пришлось выдержать сильный, но непродолжительный бой при Вавре. В бою участвовали и войска генерала Палена. Противник понес в нем большие людские потери. Только в одном 4-м линейном (пехотном) полку варшавской армии было взято в плен до 200 человек. Всего в плен к русским попало 600 человек солдат и офицеров противника.

Поражение варшавских войск могло быть гораздо большим, если бы русские войска довели Ваврский бой до конца и пошли на штурм Ольховой рожи, где первоначально ско-

пился разбитый противник. Потери царских войск в том бою убитыми и ранеными составили 3700 человек, в том числе 100 офицеров.

Бой при Вавре имел очевидные и политические последствия. Весть о поражении польской армии произвела самое неблагоприятное впечатление на Сейм Польши. Теперь он поверил в возможность потери Варшавы в идущей войне с Россией и принял необычную резолюцию. Согласно этой резолюции при потере столицы 11 собравшихся в ином месте сенаторов и 33 депутата от незанятой еще русскими войсками польской территории сохраняли за собой законодательную и иную власть Сейма.

Чтобы отразить натиск наступавшей армии Дибича-Забалканского, польское командование в лице генералов князя Михаила Радзивилла и Юзефа Хлопицкого стало быстро стягивать свои армейские войска в единый кулак. Они собирались у селения Грохова — гроховская позиция непосредственно прикрывала прямой подступ к близкой Варшаве и была удобной во многих отношениях. Она была хороша прежде всего тем, что армия царского главнокомандующего не могла охватить ее с флангов.

В состоявшемся 13 февраля 1831 года большом сражении при Грохове первоначально участвовало 40 тысяч польских войск и 27 — русских. Это были, по сути дела, лучшие силы воюющих сторон.

Гроховское сражение первоначально складывалось не в пользу русских войск. Поляки силами двух дивизий — пехотной и кавалерийской при поддержке огня 40 орудий решительно атаковали авангарды походных колонн корпусов Розена и Палена. Это были три кавалерийские бригады — уланская, гусарская, егерская, и один егерский полк. Русским авангардным силам пришлось отступить от гроховской позиции неприятеля на расстояние до двух верст по дороге к Молодне.

Прибывший к месту сражения генерал-фельдмаршал Иван Иванович Дибич-Забалканский сразу «поставил все на свое место». Он немедленно приказал начальнику армейской артиллерии генерал-лейтенанту Сухозанету без промедлений вводить в дело подходившие к Грохову батареи. Они сразу же

становились на указанные им позиции и начинали обстрел неприятельской позиции, стремясь в первую очередь подавить огонь польских батарей.

Пока шла артиллерийская дуэль, начальник штаба армии генерал от инфантерии Карл Федорович Толь под пулями врага провел личную рекогносцировку вражеской позиции. Он смог со всей достоверностью установить, что противник все основные свои силы и усилия сосредоточил против правого фланга авангардного отряда графа П.П. Палена.

Смысл этого опытный «кутузовец» генерал-адъютант К.Ф. Толь разгадал сразу: поляки хотели помешать корпусу Палена соединиться с колонной Розена. По совету начальника штаба главнокомандующий за счет резервных войск усилил войска Палена на том фланге, которому угрожала опасность.

В первых атаках отличились русские конные егеря, которые горели желанием взять реванш за обидное поражение у Сточек. Они провели, невзирая на сильный ружейный и пушечный огонь, несколько лихих атак на каре польской пехоты, расстроили их ряды и нанесли им потери в несколько сотен человек.

Ситуация на поле Гроховского сражения стала меняться в пользу русского оружия с подходом 2-й пехотной дивизии. Генерал-фельдмаршал Дибич-Забалканский поспешил ей навстречу, одновременно приказав своему личному конвою атаковать в конном строю пошедших в атаку поляков. Те намеревались овладеть высотой у самого шоссе, чтобы перекрыть путь подходившей русской пехоте. Однако неприятельская пехота, сдержанная атакой немногочисленного конвоя Дибича, не успела перекрыть шоссе.

Спешившая к Грохову на звуки битвы дивизия русской пехоты развернулась и сразу же пошла в атаку. Ее примеру последовали и другие войска, даже те, кому пришлось отступить в начале сражения под натиском поляков. Колонны Палена и Розена наконец-то вошли в прямое соприкосновение друг с другом. Началась общая атака гроховской позиции варшавской армии.

Польские войска были выбиты с занимаемых позиций и большей частью бежали в близкую Варшаву. Укрепления Пра-

ги заняла бригада генерала Малаховского, изготовившаяся для встречи противника. Однако тот, вопреки всем ожиданиям, не подступил к берегам Вислы. На артиллерийскую поддержку атакующих армейских сил русская артиллерия израсходовала в тот день 10 тысяч снарядов — для такого большого сражения это было сравнительно немного.

Историк Пузыревский в известном своем труде «Польско-русская война 1831 г.», удостоенном Макарьевской премии и изданном в 1890 году, пишет о финале сражения при Грохове:

«Жители Варшавы, следившие с возвышенного берега реки за ходом сражения, были утрачены постепенным приближением гула канонады; множество приносимых с поля сражения раненых, рассказы беглецов — все это повергло их в ужас и смятение, национальная гвардия побросала мундиры и смешалась с населением; не много нужно было усилий, чтобы привести город в повиновение русскому правительству; но когда гроза притихла — все постепенно успокоилось, и настроение быстро изменилось.

Потери поляков простирались до 12 000 человек с 3-мя орудиями; наши до 9400 человек (по другим данным, гораздо меньше. — А. Ш.)...»

Сражение под Гроховом в русско-польской войне было значимо не только своим кровопролитием и напряжением сил войск и воли командующих. Но и тем, что оно проходило всего в четырех верстах от варшавского пригорода Праги на правом берегу реки Вислы.

Польское командование ввело в Гроховское сражение почти всю свою регулярную армию, состоявшую из 80 тысяч человек пехоты и кавалерии при 80 орудиях. Командовавшие польскими войсками князь Радзивилл и генерал Хлопицкий тяжелым поражением дискредитировали себя. Потери поляков были огромны, только в плен победителями было взято до 500 человек.

Генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский же бросил в сражение меньше половины подчиненных ему в тот день войск. Он удержал в резерве гвардию, 3-ю кирасирскую дивизию и Гренадерский корпус, то есть самые ударные силы русской действующей армии.

Интересно, что некоторые европейские историки довольно своеобразно трактуют события под Гроховом. Так, в словаре известного английского историка Томаса Бенфилда Харботла «Битвы мировой истории», впервые увидевшем свет в 1904 году, о Гроховской баталии говорится следующее:

«Место сражения 25 февраля 1831 года между 90 000 поляков под командованием князя Михаила Радзивила и 120 000 русских под командованием генерала Дибича. После кровопролитного сражения русские были разбиты, потеряв 10 000 человек убитыми и ранеными. Поляки потеряли около 5000 человек».

Гроховская победа, как ни странно, сделала действия главнокомандующего царской армией более сдержанными в проведении карательных военных акций. По этой причине, как мы уже отмечали, война в Царстве Польском затягивалась. Один из биографов генерал-фельдмаршала И.И. Дибича-Забалканского отмечал, что «равновесие ума и характера» у Дибича в этой войне было нарушено. Он «не умел останавливаться на раз принятом решении; аналитический его ум продолжал работать, недостатки в принятом плане тотчас же создавали другой, третий, а между тем время уходило».

Откровенной ошибкой главнокомандующего армией оказалось решение не преследовать вплоть до самого берега Вислы бежавшую мятежную польскую армию. В ходе своего повального бегства оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления она не могла. Но теперь в результате промедления русских поляки получили время на приведение своих потрепанных армейских рядов в порядок и на занятие сильных позиций перед варшавским пригородом Прагой.

С 8-го по 13 февраля в боевых действиях наступило затишье. Поляки усиленно укреплялись на позициях перед Прагой. Дибич-Забалканский отложил атаку ее до подхода корпуса генерала от инфантерии князя Ивана Леонтьевича Шаховского, героя Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, известного своими решительными действиями, отличившегося когда-то в сражениях под Калишем и Лейпцигом. Свой первый орден Святого Георгия он получил в чине суворовского капитана еще в 1795 году в этих же местах — за штурм с Суворовым этого же варшавского пригорода Праги.

Путь его войск под стены Варшавы оказался труден. Корпус в ночь с 11-го на 12 февраля с большими предосторожностями перешел по подтаявшему льду реку Западный Буг. Но при его форсировании русским пришлось в рукопашных схватках опрокидывать неприятельские заслоны и преследовать бежавших повстанцев.

Между тем шедший на юге Царства Польского кавалерийский корпус генерал-лейтенанта барона Ц.А. Крейца (24 эскадрона, один казачий полк и 24 орудия) без боя занял город Люблин. После этого корпус переправился через реку Вислу и высланным вперед легучим отрядом овладел городом Радом. Там был рассеян по окрестностям трехтысячный отряд новобранцев неприятельской армии.

Польское командование поняло опасность такого рейда русской конницы. Дорогу на Варшаву кавалерийскому корпусу Крейца попытались закрыть отрядами генерала Дверницкого, но те во встречном бою потерпели жестокое поражение. Разбитые, они частью отступили к северу, частью рассеялись.

Стянутая под Варшаву русская полевая действующая армия расположилась на Брестском шоссе перед корчмой Выгодой. Правофланговые войска разместились на высотах у деревни Кавентинец, левофланговые — перед придорожной корчмой Вавр, упираясь при этом в болото.

13 февраля главнокомандующий И.И. Дибич-Забалканский утвердил общую диспозицию армии перед началом штурма укреплений Праги. То есть речь шла в конечном итоге о взятии самой польской столицы. Атаку пражских укреплений начинала пехота, но после артиллерийской бомбардировки вражеской позиции. Вместе с армейской пехотой на приступ отряжались 2-я гренадерская дивизия, 3-й резервный кавалерийский корпус и гвардейский отряд.

В Праге уже не первый день ожидали начала сильного штурма. Польские военачальники основную массу своей многочисленной пехоты сосредоточили в лесу перед центром позиции русских. У повстанцев оказалось вполне достаточно времени, чтобы укрепиться там: были вырыты окопы, устроены засеки, отлажена система связи в ходе боя.

Штурм Праги начался в строгом соответствии с начертанной императорским полководцем диспозиции. Первой пошла в атаку одна из бригад 24-й пехотной дивизии. Затем в бой втянулись все ее полки. Однако атакующие усилия русской пехоты натолкнулись на стойкое сопротивление поляков. Поляки по ходу начавшейся битвы для восполнения убыли в людях все время подбрасывали в лес свежие подкрепления. Они стремились удержать лес во что бы то ни стало.

Видя безуспешность атак на вражеские позиции в лесу, Дибич-Забалканский направляет на помощь 24-й пехотной дивизии бригаду из 25-й пехотной дивизии. Поддержка оказалась своевременной и весомой, и вскоре атакующие завязали рукопашные схватки и жаркую перестрелку на самой окраине леса.

Одновременно генерал-фельдмаршал приказал совершить маневр с целью охвата флангами леса. Правофланговые войска усилили батареями. А на левом фланге генерал-квартирмейстер армии, генерал-адъютант Нейдгарт с тремя пехотными полками стал обходить лес. Поляки встретили здесь русские полки картечными залпами.

За время сражения польские войска трижды сильно контратаковали противника из леса. Лес представлял собой, конечно, жалкое зрелище — в ходе артиллерийской стрельбы многие деревья были разбиты или свалены разрывами или прямыми попаданиями снарядов. Лесной массив перед Прагой три раза переходил из рук в руки. Уже только одно это свидетельствовало о крайней ожесточенности завязавшегося боя.

Лесное «дело» кончилось тем, что русский главнокомандующий подкрепил свой атакующий центр резервом из двух бригад 2-й гренадерской дивизии. Их удар в штыки позволил полностью вытеснить неприятеля из леса с чувствительными для него потерями.

Пока за лес шло небольшое по масштабам, но настоящее сражение, к главным силам русской армии подошел корпус князя Шаховского. Выслушав рапорт корпусного командира, Дибич-Забалканский приказал ему стать с войсками на правом фланге.

Польские мятежники, вознамерившись всюду отразить атаки русских, сильно растянули свою боевую линию. Для такого опытного полководца, как герой перехода через Балканы, не

составило больших усилий «узреть» такую тактическую слабость позиции неприятеля. Он быстро усмотрел реальную возможность нанести полякам решительный удар, то есть прорвать их боевой порядок и отбросить неприятельский правый фланг через шоссе в болото.

Главкомандующий приказал начальнику Главного штаба армии графу Толю пойти вперед с 3-й кирасирской дивизией 3-го резервного кавалерийского корпуса. При этом тяжелую кирасирскую кавалерию было решено подкрепить легкой — лейб-гвардии Уланским и Украинским уланским полками.

Русская конница, прикрываясь от Праги только что отбитым лесом, поэскадронно тронулась в бой. Ей в пути пришлось перебраться через три оборонительных рва поляков, в которых артиллеристы уже успели проделать проходы для орудийных упряжек.

Выйдя в поле, генерал от инфантерии Толь стал строить кирасир и улан для атаки. Делать перестроение приходилось под сильным огнем неприятельских пушек. Тем временем четыре конно-артиллерийские роты и пешая батарея полковника Ренне, перебравшиеся через рвы, быстро выдвинулись вперед кавалерии. Они приблизились к польским позициям на расстояние картечного выстрела и залпами более чем 30 орудий стали громить батареи и пехоту поляков.

Под прикрытием артиллерийского огня русская кавалерия выстроилась для атаки в три боевые линии. В первой шел лейб-гвардии Уланский полк. Фланги многотысячной конной лавы прикрывались гренадерскими бригадами. Правый заняли «литовские» полки генерал-майора Муравьева, левый — полки 1-й и 2-й гренадерских дивизий.

Против русской кавалерии смело выстроилась польская конница. За ее спиной укрепились повстанческая пехота — в окопах, за каменными домами и в них самих, за импровизированными баррикадами на улицах. Граф Толь решил сперва сильно атаковать неприятельскую конницу, опрокинуть ее и в общем замешательстве в стане врага начать неотступное преследование отступающих.

Однако многообещающего кавалерийского боя под стенами варшавского предместья на этот раз не случилось. Едва русская кавалерия тронулась вперед, сперва шагом, а затем пошла ры-

сью, как кавалерия, составленная из польской шляхты, бросилась наутек. Ни один кавалерийский полк, ни один эскадрон армии варшавского правительства не остался в поле для конной схватки.

Этим моментом и воспользовались командиры русских конно-артиллерийских рот. Орудийные упряжки со всей лихостью поскакали на самый близкий картечный выстрел, развернулись, и пушкари открыли беглый, ураганный огонь по неприятелю.

В то же самое время уланы и кирасиры атаковали неприятельские колонны (польская пехота произвела перестроение) с фронта. Конники проскакали через всю их линию и привели противника в полное расстройство. Повстанцы, неся потери, бросая личное оружие, а их артиллеристы — зарядные ящики, стремглав «обратились» к близкой Праге, ища спасения в городских кварталах.

Одновременно с атакой кавалерии графа Толя генерал граф Пален повел наступление по Брестскому шоссе. Здесь блестящую атаку провел наш Ольвиопольский гусарский полк, который одним ударом загнал противостоящую ему повстанческую пехоту в болото. Спасти от гусарских сабель и болотной трясины удалось немногим беглецам.

Удар кавалерийской лавы мог окончательно разбить неприятельскую армию. Но польские батареи, успевшие отойти и занять командные высоты близ Праги, своим огнем не позволили это сделать. Кирасирским и уланским полкам во избежание больших потерь пришлось остановить атаку и отойти на дальность пушечного выстрела. Идти на вражеские батареи в условиях пересеченной местности для кавалерии было убийственным делом.

Около шести часов вечера польские войска бежали со своих позиций и укрылись в пригороде Варшавы. Выдвинутая вперед русская артиллерия произвела страшное опустошение в рядах повстанцев, столпившихся у Пражских городских ворот, которые оказались не в состоянии пропустить сквозь себя в город многотысячную массу пеших и конных людей, с орудийными и обозными повозками.

К вечеру сражение под стенами варшавского пригорода Праги постепенно затихло. С наступлением ночной темноты раздавались только нечастые ружейные выстрелы.

Разгромленная польская регулярная армия всю ночь в большом беспорядке переходила реку Вислу по мосту в саму Варшаву. Там повстанческие войска не без труда приводили себя в порядок. Но далеко не все беглецы с поля боя вновь встали в общий армейский строй — дезертиров нашлось немало.

С наступлением утра следующего дня русские полки по приказу главнокомандующего начали наступление на Прагу. К немалому удивлению Дибича-Забалканского его войска вступили в пражские кварталы без всякого сопротивления со стороны неприятеля. Только сильное мостовое укрепление оставалось в руках поляков. Там засело четыре или пять пехотных батальонов.

В сражении под Прагой русская армия потеряла до восьми тысяч человек убитыми и ранеными. В числе последних оказался генерал-майор Александр Иванович Михайловский-Данилевский, великий военный историк России. За бой 13 февраля он был награжден Золотым оружием — шпагой с почетной надписью «За храбрость», украшенной алмазами.

Огромные потери мятежников не поддавались даже приблизительным подсчетам. Больше всего их погибло от артиллерийского огня и кавалерийских клинков. Все госпитали, лазареты и многие частные дома в Праге оказались забиты ранеными польскими военнослужащими. В числе их оказались небезызвестные генералы Польши Хлопицкий и Жимирский. Русскому командованию, получившему от противника такой многолюдный «дар», пришлось заботиться не только о своих раненых (полковые лазареты оказались переполненными), но и о вражеских.

Варшавское правительство князя Адама Чарторыйского и польский Сейм были в полном смятении. Многие вновь сформированные полки национальной регулярной армии и отдельные воинские отряды (так называемые кракусы) прекратили свое существование. В сохранившихся полках недоставало многих солдат и офицеров.

Главнокомандующий регулярной польской армией князь Михаил Радзивилл, оставшийся без своего надежного помощника генерала Юзефа Хлопицкого, отказался от своего поста. Он публично признал собственную несостоятельность как военного вождя Польского государства. Варшавское правитель-

ство назначило главнокомандующим армией бригадного генерала Скржинецкого.

Происходивший из мелкого шляхетского галицийского рода Ян Скржинецкий много повоевал под знаменами императора французов. В Русском походе 1812 года имел капитанское звание. В 1814 году именно в его батальонном пехотном каре Наполеон в сражении при Арсисе нашел спасение от русской кавалерии. Поражение Франции тем не менее не стало «поражением» военной карьеры офицера польских легионов наполеоновской армии.

В созданной цесаревичем Константином Павловичем польской регулярной армии полковник Ян Скржинецкий командовал 8-м линейным полком. С началом «революции» он стал командиром 3-й пехотной дивизии, показав себя во многих делах храбрым военачальником. Цесаревич отзывался о Скржинецком так:

— Этот полковник может рассказать все, что заключается в английских и французских газетах, но ничего не знает о том, что происходит у него в полку...

О немедленном штурме самой Варшавы думать не приходилось. Наступала весна, и лед на Висле уже вскрывался. Генерал-фельдмаршал Дибич-Забалканский решил дать войскам возможность отдохнуть после длительного и скорого перехода к польской столице и состоявшегося под Прагой сражения. Он лишь возложил на командира 6-го пехотного корпуса генерал-адъютанта барона Розена очищение Плоцкого воеводства от «мятежных партий» и изъятие там оружия у местных жителей.

Три раза в штаб-квартиру русского главнокомандующего прибывали парламентарии с «надменными условиями» предлагаемого мира. Имея на то твердую установку Императора Николая I, полководец решительно отвергал их. Он требовал от мятежников только то, что требовал от них монарх России: покориться...

В ходе такого временного затишья на войне польские повстанцы активизировались в отдаленных от Варшавы областях царства. В городе Пулаве они воспользовались беспечностью стоявшего там эскадрона Казанского драгунского полка, измен-

нически напали на него и истребили эскадрон. Участились нападения на небольшие русские воинские отряды.

Новый польский главнокомандующий генерал Ян Скржинецкий и варшавское правительство решило провести «глубокую диверсию» в тылу армии России. Генерал Дверницкий с корпусом в 15 тысяч человек пехоты и кавалерии неожиданно для противника переправился через Вислу и марш-бросками пошел на юг, к городу Люблину. Оттуда Дверницкий намеревался прорваться на Вольнь.

Встрешенный таким неожиданным тактическим ходом соперника, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский приказал разгромить ушедший из-под Варшавы польский армейский корпус. Высланный против него русский отряд заманил поляков подалее от Вислы, открыл перед ним путь на Люблин, а затем искусным маневром обошел его левый фланг и вышел в тыл. Город Люблин пришлось брать приступом, но при этом неприятельский корпус оказался разгромленным.

Выбитый из Люблина генерал Дверницкий, сохранивший еще значительные силы, остановился у Красностава. Тогда Дибич-Забалканский направил против него решительного в действиях генерала от инфантерии графа К.Ф. Толя с гренадерскими полками и сильной кавалерией. Перед Толем ставилась наступательная задача с целью отрезать разбитый корпус вражеской армии от спасительных для него берегов Вислы.

Узнав о движении крупных сил русской армии, повстанческая группировка на Люблинщине распалась сама собой, без принятия боя. Следовавший за Дверницким с крупным отрядом генерал Серавский спешно возвратился на противоположный берег Вислы, не успев даже уничтожить за собой паромы.

Корпус Дверницкого отступил к Замосцу, где остановился под стенами этой старинной крепости. Против него встал русский наблюдательный отряд, а главные силы графа Толя перекрыли дороги к Висле и в Волынскую губернию.

Русский главнокомандующий стал готовиться к переправе главных сил своей армии через Вислу. Но уже вскоре подготовку к форсированию реки пришлось на время прекратить. Польские воинские отряды так активизировались в различных местах, что пришлось задуматься о серьезной борьбе с ними.

Главной целью повстанцев теперь было избавление столицы Варшавы от неминуемого штурма и взятия.

Генерал-фельдмаршалу Ивану Ивановичу Дибичу-Забалканскому пришлось менять тактику ведения войны в Царстве Польском. В марте 1831 года генерал-адъютант барон Г.В. Розен получает задачу «наблюдать» Прагу и прикрывать своими войсками армейские коммуникации. В случае же нападения превосходящих неприятельских сил ему приказывалось отходить на восток для соединения с подходившим из России 2-м пехотным корпусом.

В Варшаве скоро заметили изменения в действиях русской армии. 14 марта генерал Уминский, имея под командованием девять тысяч повстанцев, преимущественно пехоты, попытался атаковать противника у моста под Остроленкой. Его отбили удачным орудийным огнем. Бежавшее польское войско преследовали по шоссе батареями конной артиллерии, которые раз за разом разворачивались и, сделав несколько залпов, вновь продвигались вперед.

Через несколько дней, 19 марта, крупные силы польской регулярной армии у Праги решились напасть на корпус барона Розена. Произошел жаркий и упорный четырехчасовой бой. Генерал-адъютант решил особенно не упорствовать и, соображаясь с предписанием главнокомандующего, как действовать в подобном случае, отошел по шоссе от Вислы в направлении на Минск. В ночь на 20 марта корпус Розена занял крепкие позиции на речке Ливице.

Наступательное движение польской регулярной армии, увенчавшееся таким успехом, спутало все планы Дибича-Забалканского. Отход корпуса генерала Розена заставил его отложить подготовку переправы через Вислу на самое неопределенное время.

Воодушевленные отступлением 6-го русского армейского корпуса поляки стали накапливать против него значительные повстанческие силы. Главнокомандующий повстанческими войсками генерал Скржинецкий спешно высылает из столицы к реке Ливице свежие подкрепления. На берегах небольшой речушки начались бои, которые продолжались несколько дней. Русские войска со всем мужеством отбивались от атакующих, удерживая занимаемые позиции.

И, наконец, в последних числах марта русская действующая армия получила сильный удар с самой неожиданной стороны. Давно появившиеся перебои со снабжением войск провиантом стали хроническими. Ситуация осложнилась весной еще тем обстоятельством, что в тыловой Волынской губернии возникло «беспокойство». А именно через нее поступали главные припасы для действующей армии.

Взвесив все «за» и «против», русский главнокомандующий счел нужным на какое-то время сосредоточить действующую армию поближе к границам самой Российской империи. Это был своеобразный тактический прием, какими богаты истории многих больших войн. Дибич-Забалканский же, как большой полководец, таким высоким тактическим искусством владел отменно.

Армейские корпуса начали отход от подступов к Варшаве, надежно прикрывшись от врага сильными арьергардными отрядами. В ночь на 30 марта главные силы русской армии прибыли к городу Седлецу. Однако на этом бою в Царстве Польском не прекратились. Стычки происходили почти повсеместно, где стояли русские войска. Закончился март, и в это время провиантское снабжение нашей действующей армии заметно улучшилось. В армейских магазинах были сделаны необходимые запасы продовольствия и фуража.

В следующем месяце, в апреле, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский вновь стал проводить операции по разгрому крупных отрядов мятежников. Такие наступательные операции принесли несколько ощутимых успехов. У местечка Лива разбивается 12-тысячный корпус генерала Уминского. Гренадеры генерал-майора Угрюмова овладели вражескими полевыми укреплениями на речке Ливец, в штыковом бою перебив около 500 польских солдат и взяв в плен 300 человек.

В нескольких боях оказался разгромленным беспрепятственно переправившийся через Вислу 10-тысячный корпус генерала Серавского. Главнокомандующий польской армией Скржинецкий отправлял его в район Люблина на соединение с генералом Дверницким. В последнем случае только в плен попало 56 польских офицеров и свыше двух тысяч нижних чинов, солдат и унтер-офицеров.

Свой план «замирения» Царства Польского Дибич-Забалканский проводил последовательно и с завидной напористостью. Хорошо наладив ведение конной и агентурной разведки (польская сторона тоже преуспевала в этом важном на войне деле), Дибич-Забалканский владел обстановкой и во многих случаях действовал теперь на редкость оперативно. Император Николай I получал в далеком Санкт-Петербурге одну победную депешу за другой.

Русскими войсками под начальством другого старого соратника Дибича генерала Ф.В. Ридигера наносится ряд атакующих ударов по наиболее крупному корпусу польской регулярной армии генерала Дверницкого. Тот смог усилиться на юге Царства Польского за счет присоединения к себе многих небольших повстанческих отрядов и местной шляхты. Дверницкий попытался было укрепиться у местечка Баромеля (Боремля), но его позиции берутся здесь самой решительной и эффективной атакой русских — ударом в штыки.

Бой у Баромеля заканчивается тем, что пехота (в основном ополченцы) неприятельского корпуса рассеивается по окрестностям, берется в плен 200 человек и уничтожается в конном рукопашном бою два дивизиона лучшей регулярной кавалерии поляков. Генерал Дверницкий в бою теряет до полутора тысяч человек и почти все свои пушки.

Разбитый польский корпус так поспешно бежал за Берестечко, что воевавший против него отряд генерала Ридигера не смог его догнать. Причины тому на войне были самые «уважительные»: русским войскам в ходе преследования приходилось «на каждой версте» заниматься починкой разрушаемых беглецами любых мостов и мельничных плотин.

Преследование остатков корпуса генерала Дверницкого закончилось тем, что ему пришлось перейти границу с австрийской Галицией у деревни Люлинцы. Там поляки разоружились в количестве четырех тысяч человек. Многие из них не пожелали стать эмигрантами и разными путями возвратились на родину, чтобы вновь вступить в армию варшавского правительства.

Теснимые со всех сторон повстанческие войска в своих главных силах стали сосредотачиваться между Ливом, Калу-

шином, Шеницею и Минском. Там же находился и польский главнокомандующий генерал Ян Скржинецкий. Получив об этом данные от разведки и еще раз перепроверив их, русский главнокомандующий 12 апреля двинулся туда. Он был готов дать неприятелю еще одно большое «Гроховское» сражение.

14 апреля идущий вперед марш-бросками 1-й пехотный корпус под командованием генерал-адъютанта графа П.П. Палена настиг главные неприятельские силы и их главнокомандующего. Генерал Скржинецкий имел под ружьем более 15 тысяч человек вместе с хорошими шансами заметно увеличить свои силы. Но у села Торгувки в равном поначалу бою поляки были наголову разбиты и бежали в Минск. Там они попытались закрепиться и дать русским оборонительный бой.

Однако граф Пален не дал неприятелю времени на возведение полевых укреплений. Быстро появившись во главе своего корпуса перед городом, он взял Минск решительным приступом и прогнал войска Яна Скржинецкого еще дальше.

Новый сильный бой произошел у села Стоядлы, где польские повстанцы заняли весьма выгодную позицию, которая позволяла им надеяться на успех. Проведя рекогносцировку, П.П. Пален отказался от мысли провести лобовую атаку. Русские войска удачно обошли неприятеля с правого фланга и прогнали его с укрепленной природой позиции штыковой атакой. Польский армейский корпус, не рассеиваясь по окрестным лесам, отступил к селу Дембелевке. Бежавших преследовали два гусарских полка и две сотни казаков-черноморцев.

Потери 1-го русского пехотного корпуса во всех этих боях с войском генерала Скржинецкого не превышали 300 человек, включая десять офицеров. Потеря же одного человека из числа армейских военачальников особенно сильно огорчила генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского, знавшего на войне цену бесстрашным и умелым командирам. Начальнику 2-й пехотной дивизии храбрцу генерал-лейтенанту Скобелеву в последнем бою у селения Стоядлы вражеским ядром оторвало руку по локоть. Человек большого мужества, он выдержал операцию, сидя на барабане, перед рядами своих бойцов-пехотинцев, находившихся в том бою в резерве, и окруженный полковыми песенниками.

Через два часа после операции изувеченный русский воин в генеральском чине продиктовал свой последний приказ по 2-й пехотной дивизии. В нем он изъявлял боевым товарищам искреннее сожаление, что «гневная судьба» принудила его расстаться с ними. Дивизионный начальник благодарил подчиненных ему офицеров за «пламенное усердие» их к службе Государю и Отечеству. Скобелев просил их передать добрым, славным, храбрым солдатам намерение старого инвалида, получеловека по выздоровлении немедленно примкнуть к рядам друзей чести, если его бойцы будут продолжать с такой же готовностью сражаться за «правое дело батюшки, Царя нашего».

Полки 1-го пехотного корпуса, рассеяв окончательно польских мятежников по белорусским лесам, вернулись в город Минск. Однако доклад корпусного командира графа Палена о полном «замирении» здешнего края далеко не соответствовал реальности. Речь в данном случае могла идти только о том, что местное население не поддерживало и не собиралось поддерживать бунтующую польскую шляхту...

В российской столице высказывали все большую озабоченность ходом событий в Царстве Польском. Военный историк генерал-майор Генерального штаба А. Пузыревский писал в одной из своих работ о плане войны, «указанном Императором Николаем»:

«Когда таким образом обстоятельства как бы издевались над всеми усилиями фельдмаршала, и он в своих действиях постоянно встречался с неожиданными препятствиями, разрушавшими все его расчеты и предположения, Император Николай Павлович, тревожно и заботливо следивший за ходом кампании, сам решился дать главнокомандующему указания относительно плана дальнейших военных действий.»

Государь полагал: водворение порядка в пограничных с Царством Польским губерниях и охранение тыла действующей армии — возложить на 1-ю и вновь сводимую резервную армии; части 2-го пехотного корпуса и 1-й уланской дивизии — присоединить по принадлежности к действующей армии и тогда двинуть ее для переправы не на верхнюю, а на нижнюю Вислу, обеспечив продовольствием первоначально покупкою запасов в Пруссии, а впоследствии подвозами из России через Данию.»

Фельдмаршал, оставив свои намерения, обратил с этой минуты все усилия к скорейшему, насколько от него зависело, выполнению воли Государя...»

Со стратегической точки зрения план завершения польской кампании, высказанный Императором Николаем I, возможно, был хорош. Но на развертывание резервной армии, переброску подкреплений требовалось немалое время, когда счет шел не на недели, а на месяцы. Война же на польских территориях не только не затухала, а даже, наоборот, расширяла свои границы.

Сложность задачи генерал-фельдмаршала графа И.И. Дибича-Забалканского по «замирению» Царства Польского, так доверительно возложенная на него Императором Николаем I, заключалась в следующем. Разбитые в больших и малых боях польские повстанцы рассеивались по окрестностям, спасаясь от гибели или плена, как правило, с целью вновь и вновь собраться в воинские отряды. Этому способствовали густые леса и самая деятельная помощь местных жителей.

Мятежники почти никогда не выдерживали даже первого удара полков, батальонов и эскадронов русской регулярной полевой армии. С приближением лета, когда полевые дороги окончательно просохли, весь смысл борьбы с вооруженными формированиями варшавского правительства стал сводиться к неотступному преследованию их и навязыванию боевых столкновений в любой обстановке. К тому же польские повстанцы повели настоящую партизанскую войну против царских войск.

Военная кампания по подавлению польского восстания затягивалась на целых семь месяцев. Хотя Дибич-Забалканский и его командиры корпусов, дивизий, полков действовали решительно, войска совершали длительные и быстрые марши, полной победы впереди все не «просматривалось». И это притом, что зачастую противник устрашался одного лишь намека на начинаемую атаку в штыки.

Весь апрель прошел в преследовании по пятам крупных отрядов генералов Дверницкого, Серавского, польского главнокомандующего Скржинецкого, других военачальников варшавского правительства. Те, постоянно преследуемые или теснимые русскими войсками, старались оторваться от них и где можно укрепиться. Генералы польской армии регулярно получали

подкрепления из столицы Польши и могли с большой надежностью опираться на местную шляхту.

Неизвестно, как долго продолжалась бы такая «игра в кошки и мышки», если бы не произошло крупное сражение под Остроленкой. В нем генерал-фельдмаршал Иван Иванович Дибич-Забалканский наконец наголову разбивает главные силы польской регулярной армии.

Произошло это так. В ночь с 5-го на 6 мая генерал Ян Скржинецкий с войском в 20 тысяч человек перешел реку Западный Буг. Теперь русский главнокомандующий имел перед собой почти всю польскую регулярную полевую армию. Однако на то время главные силы русских оказались разбросанными, и требовалось некоторое время, чтобы собрать их в районе Остроленки. Скржинецкий это тоже понимал и первым атаковал русские войска превосходящими силами.

Вокруг Остроленки началась нешуточная «маневренная война». Противники по лесным, песчаным дорогам начали перемещения и марш-броски с целью занять более выгодную для решающего сражения позицию по отношению друг к другу.

От таких маневров больше выиграл главнокомандующий русской армией. К вечеру 7 мая ему удалось собрать воедино весь Гвардейский корпус — отборнейшие войска России. К берегам Западного Буга спешили и другие русские войска. Имевший о том от своих добровольных разведчиков самую достоверную информацию, генерал Ян Скржинецкий решил ускорить события.

8 мая крупные силы поляков (до восьми батальонов пехоты) с артиллерией попытались со всей решительностью уничтожить в лесу у села Рудки лейб-гвардии Егерский полк под командованием генерала Полешки. Гвардейские егеря мужественно удерживали занимаемые позиции в течение долгих восьми часов. В рукопашных схватках они отбили все атаки вражеской пехоты, которая в несколько раз превосходила их числом. Более того, егеря взяли в плен 140 человек нападавших.

Бой в Рудкинском лесу не утихал почти всю ночь. На другой день, 9-го числа, в 5 часов утра лейб-гвардии Егерский полк вышел («каждый шаг был оспариваем» у неприятеля) к главным силам русской армии и соединился с Гвардейским кор-

пусом, вынеся всех своих раненых и приведя всех плененных в бой поляков. Бой у села Рудки для варшавского главнокомандующего генерала Яна Скржинецкого оказался подлинным поражением.

Гвардейский корпус, соединившись со своим Егерским полком, начал наступательное движение к селу Жолтку, где скопились значительные, но не главные силы поляков. Те в ночь с 10-го на 11 мая поспешно отступили, не принимая боя. Однако незамеченными им далеко уйти не удалось. Преследовать повстанцев отрядили казачьи полки и регулярную кавалерию.

Получив известие, что неприятельская регулярная армия во главе со своим главнокомандующим движется на Гвардейский корпус, оказавшийся в одиночестве, генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский немедленно выступил 10 мая навстречу Скржинецкому. Он вел передовой отряд русской армии. Поляки решили не избегать на сей раз решительного дела и изготовились к сражению.

Полководец России не медлил с нанесением атакующего удара по неприятелю. Он пришелся на позиции войск генерала Лубинского. Поляки занимали выгодную позицию в двух верстах от местечка Нура, хорошо прикрывшись с флангов труднопроходимым лесом. Польское командование сосредоточило здесь 12 кавалерийских эскадронов и 10 батальонов регулярной, хорошо обученной пехоты.

Бой у Нура начался с того, что шедшие в авангарде русские уланы опрокинули кавалерийские аванпосты поляков. Дальше продвижение замедлилось — засевшие на лесных опушках вражеские стрелки вели прицельный огонь по подходившим русским войскам. Тогда генерал-фельдмаршал приказал карабинерам выбить из леса засевших там вражеских стрелков. После жаркой перестрелки в лесной чаще и на полянах карабинеры одержали верх.

Приближаясь к Нуру, русский командующий выслал в авангард походной колонны артиллерийские батареи. Им предстояло накрыть огнем неприятельскую позицию и внести замешательство в ряды ее защитников. Одновременно генерал-фельдмаршал двинул в обход левого фланга польских войск три кирасирских полка и один уланский.

Генерал Лубинский, завидя такие крупные силы приближающейся русской кавалерии, приказал своим батальонам и эскадронам свернуть боевые порядки и уходить по дороге на Нура. Однако перестроение войск Лубинского из боевого в походный порядок привело к потере драгоценного в таких случаях времени. Польский генерал, отказавшись от боя, явно недооценил скоростные возможности кавалерии противника.

Кирасирские эскадроны по бездорожью перерезали торопливо отходившему противнику прямую дорогу на Нура и с налета ударили по вражеской колонне. Под натиском тяжелой кирасирской кавалерии походная колонна сломалась. Развернуться же полякам не позволяла дорога, извилистая и неширокая. Потеряв до 150 человек только пленными, войска генерала Лубинского расстроились и стали привычно рассеиваться во все стороны от Нура.

В той схватке на дороге больше всего пострадал бывший гвардейский конно-егерский полк армии Королевства Польского, гордость его устроителя цесаревича Константина Павловича. Еще совсем недавно гвардейские конные егеря надежно охраняли царского наместника от восставших варшавян. Потери русской кавалерии в бою составили всего около 50 человек убитыми и ранеными.

Бой на дороге и преследование разбитых мятежников прекратились с наступлением ночи. Русские гренадеры без боя заняли местечко Нура, которое было заблаговременно оставлено польскими войсками. Они лесами и проселочными дорогами, имея знающих проводников из местных жителей, уходили на соединение к своим главным силам.

Следуя «золотому» суворовскому правилу, что на войне «время дороже всего», Дибич-Забалканский усиленными переходами спешит на соединение с Гвардейским корпусом, которым, напомним, командовал Великий Князь Михаил Павлович. Главнокомандующий уже знал, что две польские дивизии — генералов Хлаповского и Гелгуда — зашли в тыл нашему корпусу и были готовы атаковать его.

За тридцать часов русская армия прошла по плохим дорогам 70 верст! При этом она «сохранила отличный порядок, бодрость духа и пылающее стремление схватиться с неуловимым

врагом». 13 мая русские войска встретились и соединились. Вышедшие к ним навстречу авангардные отряды варшавской армии предпочли бежать к городу Остроленке, находившемуся на перекрестье нескольких важных дорог, в том числе Ковенского шоссе.

После ночевки у деревни Пыски генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский двинул армию вперед. Для главнокомандующего польской армией стала складываться непростая ситуация, в которой он лишался свободы маневра. Его отдельные отряды, всюду сбиваемые с мест наступавшими русскими отрядами, вынужденно собирались вокруг Остроленки. В считанные дни под этим городом оказалась сосредоточена чуть ли не вся польская полевая действующая армия.

Генерал Ян Скржинецкий решил дать сражение на как можно более выгодной позиции. Главные силы его армии встали на защиту дороги, которая вела к Остроленке. Удобнее места было трудно найти: прямая дорога с обеих сторон хорошо прикрывалась перед позицией болотистым кустарником и дальше песчаными курганами. На них поляки устроили батарейные позиции и поставили 12 орудий.

Шедший впереди русской армии передовой отряд своими конными дозорами вовремя заметил противника. Генерал-адъютант князь Горчаков сразу же выдвинул вперед артиллерию. В завязавшейся артиллерийской дуэли польские орудийные расчеты на песчаных холмах оказались прогнанными назад, настолько меток оказался огонь русских пушкарей.

После этого Дибич-Забалканский приказал начать кавалерийскую атаку вражеской позиции. Гвардейские конные егеря зашли, преодолев заросли кустарника, во фланг повстанческой пехоте, а уланские эскадроны атаковали ее прямо в лоб. Отстреливаясь из ружей, поляки бросали свои окопы и бежали в тыл, в чем и преуспели.

По пути бежавшие подожгли село Лаву в надежде на то, что пламя горящих крестьянских изб преградит путь коннице противника. Поляки успели частично разрушить (сняли часть дощатого настила) мост через тинистую речку и бежали в город Остроленку. Там они стали укрепляться в каменных домах, баррикадами перегораживая улицы. Итогом боя русского аван-

гарда стало пленение более 500 человек неприятельских солдат и офицеров, было собрано много брошенного оружия.

Проведя рекогносцировку расположения армии генерала Скржинецкого в Остроленке, русский главнокомандующий приказал атаковать город с его укреплениями. На штурм пошли прославленные в русской армии Астраханский и Фанаторийский генералиссимуса князя Суворова-Рымникского гренадерские полки (2-я бригада 3-й гренадерской дивизии). Ими командовал генерал-майор Мартынов, которому была предоставлена честь своими действиями начать сражение.

С появлением русской пехоты на подступах к городской окраине началась частая ружейная пальба. Вражеские стрелки, засевшие за кирпичными стенами домов, открыли частый ружейный огонь по атакующим. Замаскированные среди городских строений польские батареи открыли огонь картечью. Однако такой огневой вал был поставлен перед нападавшими со спасительным для них опозданием.

Гренадеры — астраханцы и фанаторийцы-суворовцы — творили поистине бесстрашное дело. Под градом пуль и картечи они шестирядной колонной в полном порядке перебежали по наполовину разобранному мосту на противоположный речной берег. Там гренадеры ворвались в ближайшие городские улочки, выбили оттуда стрелков и захватили семь орудий противника. Ведя рукопашный и огневой бой на улицах Остроленки, русские гренадерские полки одновременно закреплялись в городе.

Вслед за первой атакующей колонной в Остроленку двинулись другие, почти не встречаемые огнем неприятеля. Теперь бой на городских улицах откатывался все дальше и дальше от реки. Не в силах более стойко сопротивляться, польская армия по приказу генерала Скржинецкого начала отход из Остроленки. Но под натиском атакующих отход скоро превратился в бегство. Польские регулярные войска в беспорядке отступали по шоссе вдоль реки Нарев.

Заметив это, генерал-адъютант граф Толь приказал стянуть к речным берегам как можно больше артиллерийских батарей. Гром пушечной пальбы и метко выпущенные по толпам людей в военной форме ядра и гранаты довершили разгром отступавших.

Генерал-фельдмаршал Дибич-Забалканский собирался было праздновать большую победу. Он решил дать отдохнуть в городе Остроленке полкам, утомленным быстрыми марш-бросками последних дней. Но заслуженного отдыха русская армия не получила.

Польский главнокомандующий генерал Ян Скржинецкий не случайно славился своей энергией и организаторским талантом, способностью не теряться в самых сложных ситуациях. На удивление и своему штабу, и противнику он сумел остановить бежавшую польскую армию, навести в ней прежний порядок и повернуть ее на Остроленку. Хладнокровие и распорядительность Скржинецкого воодушевили его войска на продолжение сражения с царской армией.

Генерал Ян Скржинецкий хорошо знал местность и поэтому для начала приказал сбить передовые полки русских. И что самое главное, уничтожить полуразрушенный мост — в таком случае армия противника оказывалась разорванной на две части. Одна оставалась в черте городской ограды, другая — по ту сторону заболоченной реки. Перейти вброд Нарев, да еще под пушечным и ружейным огнем, не представлялось возможным.

Атака на сторожевое охранение, выставленное у исправленного русскими саперами моста (поляки об этом не знали), поручалась генералу Красицкому с регулярной кавалерией, тремя линейными полками пехоты и с той артиллерией, которая оставалась еще у польской армии. Это были значительные силы, и польский главнокомандующий мог реально уповать на быстрый успех.

Когда первые орудийные и ружейные залпы возвестили о возвращении разгромленной было варшавской армии к Остроленке, русский полководец сразу почувствовал превосходство атакующих в силах. Он поставил задачу командиру 1-го пехотного корпуса поддержать в это время храбро сражавшиеся на городских окраинах гренадерские полки.

Русские гренадеры отбивали сильные атаки польской пехоты и кавалерии на самых ближних подступах к Остроленке, с большим для себя трудом сдерживая яростный натиск нападавших. Польская пехота наступала с патриотическими песнями, которыми подбадривала себя. Командир гренадер-

ской бригады генерал-майор Мартынов перед каждой неприятельской атакой не уставал повторять своим бойцам:

— Смотри, ребята, крепче держись, не отступай к реке, человек по пяти на штык сади!..

Генерал Красицкий, увлекшись атаками на русских гренадер, не заметил подготовки контратаки другой русской пехоты. 2-й и 4-й морские и 2-й егерский полки дружно бросились вперед и в считанные минуты штыковым ударом опрокинули польскую пехоту. Той пришлось покинуть занятые пригороды Остроленки.

Красицкий направил против контратакующих все свои кавалерийские эскадроны, которые ворвались на городские окраины. Но отчаянные наскоки вражеских конников егеря и морские пехотинцы отразили штыками и ружейной пальбой, построившись, где смогли, в небольшие каре или просто сбиваясь в кучки у стен домов и заборов. После этой яростной кавалерийской атаки поляки снова отхлынули от города, оставив в руках победителей 250 человек плененными.

Атака польской армией захваченного русскими города была отражена во всех местах. Сказалось и то обстоятельство, что русская артиллерия превосходила неприятельскую в количестве орудийных стволов. Атакующих поляков опрокинули и преследовали до близкого и спасительного для них леса. Среди прочих в плену оказался и польский начальник бригадный генерал Красицкий, так и не сумевший выполнить приказ своего главнокомандующего.

Сражение под Остроленкой продолжилось. Шесть раз армия варшавского правительства в сильных штурмовых колоннах пыталась вытеснить русских гренадер и морские полки из города на левый берег Нарева. И каждый раз атакующих успешно отражали то ружейными залпами, то штыками, нанося им большие потери.

Но после каждой проигранной атаки генерал Ян Скржинецкий организовывал новую, лично воодушевляя идущих на штурм Остроленки бойцов пламенными словами. Он носился на коне перед фронтом своих полков, посылая их в бой:

— Напшуд Малаховски! Рыбиньски напшуд! Вшистски напшуд!..

В ходе сражения был критический эпизод, когда Староингерманландский и Новоингерманландский пехотные полки, не выдержав картечных залпов польских батарей, начали отступать к мосту. Только хладнокровие и мужество их офицеров, с саблями в руках загородивших дорогу бегущим по мосту солдатам, позволило восстановить порядок в этих полках. Пехотинцы вернулись на прежние позиции и возобновили перестрелку с подошедшими совсем близко цепями неприятельских стрелков.

Упорнейший бой в городских предместьях продолжался с «чрезмерным» упорством от полудня до ночи. Только с наступлением полной ночной темноты неприятельская армия стала отходить от Остроленки, стремясь как можно быстрее выйти из зоны стрельбы русских батарей. Отступление удачно прикрыла картечным огнем конная батарея под командованием полковника Бема, которая не позволила русской пехоте броситься в преследование врага.

Главнокомандующий генерал Ян Скржинецкий покидал поле битвы в экипаже, сразу же отправив в Варшаву донесение о том, «что все потеряно». По пути к польской столице «он в слезах все время твердил «конец Польше», «мы проиграли постыднейшее сражение».

Всю ночь разбитые польские войска проселочными дорогами выбирались на шоссе, которое вело к Варшаве. Их преследовали под покровом темноты два казачьих полка, «разбрасывая» по лесу отдельные небольшие отряды повстанцев.

В донесении одного из офицеров Генерального штаба, прикомандированного к штаб-квартире действующей в Польше русской армии, говорилось:

«Польская армия не отступает, а бежит; обоз был послан уже 14 мая, а также 16 орудий. В 3 часа ночи Скржинецкий с эскадроном кракузов прибыл в Рожан, где оставался 2 часа...

Здесь в Рожане собралась часть его войск, но когда в 9 ч. вечера показались оба казачьих полка на Млинаржной высоте, в 4-х верстах от Рожан, все обратились в бегство, предполагая, что это наступает вся русская армия. Два эскадрона улан (остатки 2-го полка) с застрельщицкой цепью и 4 орудиями прикрывали отступление. Жители сознаются, что армия их про-

шла в величайшем беспорядке; солдаты прибывали кучками в 3, 5 и 10 чел.; все было в совершенном расстройстве, многие разбежались по лесам, ни одного полка не было в порядке. Повсюду видны упадок духа, уныние на лицах... усталых и больных, а также и раненых оставили на дороге...»

На рассвете следующего дня вдогонку отступившей от Остроленки регулярной польской армии, хотя и понесшей серьезные потери, но сохранившей некую стройность в своих рядах, двинулся кавалерийский авангард русской армии. Противнику нельзя было давать возможности ни закрепиться на новой позиции, ни времени на отдых и усиление.

Поле сражения под Остроленкой, городские окраинные улицы были усеяны телами погибших воинов сразившихся сторон. Множество польских пехотинцев утонуло в реке Нарев. Победители взяли в плен более двух тысяч пленных, треть из которых составляли раненые. Им была, по возможности, оказана медицинская помощь. Трофеями стали три орудия. Остальные были польским командованием заблаговременно сняты с огневых позиций и увезены.

Общие потери армии варшавского правительства составили свыше восьми тысяч человек. В пехоте, пострадавшей больше всего, вышло из строя почти половина офицеров и треть нижних чинов, не считая большого числа дезертиров, разбегавшихся по окрестным лесам и хуторам и не возвратившихся обратно в армейский строй.

Потери отступившей польской армии в людях могли оказаться и несравненно больше. Главным «виновником» оказался русский генерал от кавалерии граф И.О. де Витт, командир 3-го конного корпуса. В ходе преследования разгромленного неприятеля он проявил удивительную вялость, «ухитрившись» за пять суток пройти всего 56 верст. Чем и навлек на себя нешуточный гнев главнокомандующего.

Потери русской полевой армии в сражении под Остроленкой тоже оказались немалыми. Погибло 37 офицеров и 915 нижних чинов. Было ранено три генерала, 125 офицеров и 2919 солдат и унтер-офицеров. Особенно тяжелые потери в людях понесли гренадерские Астраханский и Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова-Рымникского полки. Они первыми со всей во-

инской отвагой пошли на штурм укрепленного города и выдержали все атаки противника на саму Остроленку.

Последствия этой битвы в ходе русско-польской войны оказались огромны. После понесенного тяжелого поражения в полевом сражении рухнули последние надежды польского командования на возможность открытого противоборства с русской армией. Более того, в Варшаве окончательно убедились в той опасности, которую несет мятежной Польше личность прославленного полководца Императора Николая I графа Дибича-Забалканского. Его военные дарования сводили на нет все замыслы главного командования польской регулярной армии.

Отведя разбитую регулярную армию к Варшаве, энергичный генерал Ян Скржинецкий не смирился, однако, с понесенным поражением. Он решил изменить ход событий на войне «диверсией» на Литву. Туда была двинута дивизия генерала Гелгуда, состоявшая из 12 тысяч бойцов. Ошибка польского главнокомандующего в этом случае состояла в том, что генерал Гелгуд не обладал военными дарованиями и на руководство такой операцией никак не годился.

По пути силы дивизии Гелгуда возросли почти вдвое. Когда дивизия вошла в литовские земли, в ее рядах насчитывалось уже 24 тысячи человек. Это были в своем большинстве местные повстанцы под начальством Сераковского. Настроенны они были патриотично, но плохо организованы и совсем плохо вооружены. Это были в своем большинстве так называемые «косиньоры», то есть повстанцы, вооруженные косами, переделанными в подобие пик (косиньоры были заметны и прославились в предыдущем польском восстании во времена Костюшко).

Русских войск в Литве оказалось ровно столько же. Генерал Гелгуд смело атаковал город Вильно (Вильнюс) и попытался его захватить. Но русские войска под командованием генерала Сакена разбили польскую дивизию на Понарских высотах, и той, преследуемой по пятам победителями, пришлось отступить на территорию близкой Восточной Пруссии. Там повстанцам пришлось сложить оружие перед прусскими королевскими властями, которые в противном случае угрожали незамедлительно применить военную силу.

Всего перешло границу Прусского королевства во главе с генералами Хлаповским и Роландом 635 офицеров, 6041 человек из числа нижних чинов при 25 полевых орудиях с зарядными ящиками при каждом из них. «По словам немцев, лошади были хорошо кормлены, а люди обладали достаточными физическими силами, но были деморализованы».

Сам генерал Гелгуд был застрелен на государственной границе своим же польским офицером. Когда мимо командира дивизии проходил один из пехотных полков, из его рядов выехал полковой адъютант (начальник) штаба капитан Скульский (или Скальский) и выстрелом в грудь из пистолета убил генерала.

Из всех польских военачальников в Литве вернуться к Варшаве удалось только одному генералу Дембинскому. Во главе отряда в 3800 человек (на треть состоявшего из кавалерии) он совершил марш-маневр через Беловежскую пушу, удачно обойдя крепкие заслоны противной стороны. В этом ему помогла местная польская шляхта, пополнявшая его отряд, будучи при этом прекрасными проводниками по лесным и проселочным дорогам.

Дембинский «прославился» в том походе еще и тем, что взял с жителей белорусского городка Сморгони военную контрибуцию сапогами, в которых так нуждался его отряд. Однако когда войско генерала Дембинского со всей торжественностью вступило в Варшаву, население которой восторженно приветствовало польских храбрецов, немалая часть его пехоты оставалась босоногой.

На Волыни восстание поляков, прежде всего его шляхетской части, было разгромлено почти сразу. Здесь царские военачальники действовали исключительно решительно. Генерал Л.О. Рот в одном бою полностью разгромил более чем 5-тысячный отряд повстанцев под командованием пана Кольшко у Дашева. Здесь погибла большая часть польского родовитого дворянства Волыни. У победителей отличились Одесский, Воскресенский и Харьковский уланские полки, которые вместе с четырьмя конными орудиями и составляли ударную силу отряда генерала Рота.

К концу весны «замирение» Царства Польского подходило к логическому завершению. Слишком неравны оказались силы противоборствующих сторон — не только в числе регулярных действующих войск, но и в «качестве» командования ими. После

сокрушительного разгрома упорно сражавшейся под Остроленкой польской армии оставалось только взятием Варшавы закончить военную кампанию 1831 года. Однако взять ее «кавалерийским наскоком» было нельзя.

Русская действующая армия стала для непродолжительного отдыха в походном лагере близ городов Пултуска, Макова и Голымина у берегов реки Нарев. Для «наблюдения» главных сил неприятеля, ушедшего к Варшаве, разворачивается линия конных пикетов из Атаманского полка донских казаков и Новоархангельского уланского полка.

Требовалось пополнить опустевшие армейские магазины провиантом и фуражом, вновь создать «сухарные запасы» — главной, а зачастую единственной, еды для русского солдата в походных условиях. Несколько десятков печей в городе Гродно днем и ночью изготавливали сухари. Для перевозки продовольствия нанимались многие сотни «обывательских» подвод — пароволовых и пароконных.

Главнокомандующий перед задуманным походом на Варшаву стягивал к Пултуску главные армейские силы. Он вызвал на соединение из Седлеца корпус генерала Ц.А. Крейца и войска генерала Ф.В. Ридигера, находившиеся в Волынской губернии.

СМЕРТЬ

Войска нуждались не только в заслуженном и крайне необходимом отдыхе. На нем настояли и военные медики — в полках после первых вспышек заболеваний началась настоящая эпидемия холеры. Она грозила, если не принимать срочных мер для ее локализации, уложить в лазареты целые батальоны и эскадроны.

В середине мая в армейских госпиталях оказалось свыше 25 тысяч офицеров и нижних чинов. Были устроены новые большие госпитали в городах Остроленке, Новгород-Волынском и Пинске. Одновременно расширялись старые. Немалое число людей, выписанных из госпиталей после излечения, к полевой военной службе уже не годились или считались годными только к «инвалидной службе» в частях армейского обеспечения.

Армейский штаб разместился в небольшой мызе села Клешевки, всего в трех верстах от города. Дом из пяти маленьких комнат занял главнокомандующий со своим начальником штаба и генерал-квартирмейстером. Офицеры походного армейского штаба, привыкшие к бивачной жизни, расположились в длинном сарае шляхетской усадьбы.

Каждый день в штабе шла усиленная разработка планов дальнейших военных действий. По замыслу главнокомандующего последующие боевые операции должны были в начале лета победно завершить польскую кампанию. К тому же из Санкт-Петербурга не раз напоминали, что «замирение» мятежного Царства Польского что-то слишком затягивается дольше обещанного графом Дибичем-Забалканским срока. Речь шла и о престиже Российской империи в Европе, где об Императоре Николае I судили прежде всего как о монархе мощной в военном отношении державы.

Несмотря на все перенесенные тяготы и вспышку эпидемии холеры, настроение в русском походном лагере у Пултуска было предпраздничное. Это чувствовалось и в настроении генералитета, офицеров и нижних чинов. Приближались дни 30 и 31 мая, отмеченные в недалеком прошлом (в 1829 году) знатной Кулевчинской победой и блистательным переходом через неприступные до тех пор Балканы. В армии Дибича-Забалканского находилось немало участников минувшей русско-турецкой войны, и эти даты были для них подлинным праздником.

Утром 28 мая генерал-фельдмаршал почувствовал, по его собственным словам, «дурноту». Однако он переборол себя и неожиданно навалившуюся на него физическую слабость. Полководец в привычном ритме работал весь день, а вечером беседовал с польскими пленными офицерами и нижними чинами. Его интересовал прежде всего дух «сегодняшнего дня» в рядах армии варшавского правительства.

В 10 часов вечера при свете свечей Иван Иванович Дибич-Забалканский еще подписывал различные служебные документы, подготовленные в армейском походном штабе. Лег спать, но уже вскоре его разбудил дежурный штаб-офицер: курьеры доставили срочные документы, знакомство с которыми требовалось безотлагательно.

В два часа ночи генерал-фельдмаршал проснулся от сильной боли в желудке. Он попросил дежурного прислать к нему лейб-медика и больше никого не тревожить. Срочно прибывший военный врач сразу поставил диагноз — в русских войсках свирепствовала холера, уже унесшая немало человеческих жизней. Причину своих болей понял и сам больной. Главнокомандующий запретил находиться возле себя всем, кроме медиков, опасаясь передать кому-либо из окружающих его людей заразу.

Дибичу становилось все хуже и хуже. Обращаясь к генерал-адъютанту графу А.Ф. Орлову, только недавно прибывшему в действующую армию по личному распоряжению Императора (Николай I хотел через доверенное лицо знать истинное положение дел на войне в Царстве Польском), умирающий полководец сказал:

— Сообщите Его Величеству все, что вы видели; скажите ему, что я охотно умираю, потому что я честно исполнил возложенные на меня обязанности, и был, наконец, так счастлив, что запечатлеваю своею смертью верность моему Государю.

Под утро 29 мая жизнь славного боевыми подвигами полного Георгиевского кавалера генерал-фельдмаршала России графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского оборвалась. Мы не раз в этом повествовании пользовались жизнеописанием полководца, вошедшим в «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» известного нашего историка Д.М. Бантыш-Каменского. Вот как в этом труде описаны последние часы Дибича-Забалканского:

«Около десяти часов вопль страдальца, — писал Государю граф Толь в своем донесении от 29 мая, — несколько уменьшился, но силы жизненные видимо ослабевали; дыхание делалось постепенно труднее; вскоре наступил род безжизненности, прерываемой лишь редкими движениями головы; взгляд совершенно потух, и, наконец, в 11 часов с четвертью невозвратная потеря наша совершилась, и Всевышнему промыслу угодно было лишить Армию ее Предводителя».

Эпидемия холеры в русской полевой действующей армии вскоре унесла из жизни еще одного человека, чья судьба была напрямую связана с «возмущением» Царства Польского и последующими кровопролитными событиями в нем. В городе Ви-

тебске от той же холеры скончался бывший наследник-цесаревич Великий Князь Константин Павлович.

На основании «Учреждения об управлении большой действующей армии» место главнокомандующего временно занял начальник армейского штаба генерал от инфантерии граф К.Ф. Толь. Позже его заменит в этой должности генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский, который закончит войну и получит новые лавры.

По приказу К.Ф. Толя тело покойного генерал-фельдмаршала графа И.И. Дибича-Забалканского было набальзамировано и отправлено в Россию сначала сушей под надежной охраной двух кирасирских эскадронов с двумя орудиями, затем морем.

Останки прославленного полководца Российской империи погребли 14 сентября 1831 года в Санкт-Петербурге со всеми воинскими почестями, которые полагались его высокому воинскому званию и положению в русской армии.

Похороны состоялись на столичном Волковом лютеранском кладбище. Свое последнее пристанище победитель в русско-турецкой войне 1828—1829 годов нашел возле могилы своей супруги.

В уважение полководческих заслуг ушедшего из жизни Император Николай I Высочайше повелел пехотному генерал-фельдмаршалу графу Дибича-Забалканского полку сохранить и впредь свое почетное наименование.

Современники полководца, прежде всего из числа тех, кто был доброжелательно настроен к личности блистательного полководца и царедворца в генерал-фельдмаршальских эпохеах, оставили немало о нем лестных характеристик. Но встречались и такие фантастические, как, например, эта: *«Дибич был назначен генерал-губернатором в Польшу с неограниченными полномочиями. Дибич был страшный пьяница, и за ним ехал постоянно казак с холодным пушием наготове...»*

В фундаментальном военно-историческом труде старой России — «Столетие Военного Министерства» генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский характеризуется такими словами:

«Граф Иван Иванович умер на 47 году от роду. Он был мало-го росту, имел большую голову, быстрый взгляд, разговор несвяз-ный и отрывистый, затруднявший людей, редко к нему обращавшихся. Характер его был вспыльчив до самозабвения, но и также быстро отходчив. За кипучесть нрава его называли ино-гда «самоваром». Стоило ему только вспылить, как он уже не сдерживался, и из уст его слышалось: «под арест, на гауптвахту, под суд, расстрелять...» С последними словами Иван Иванович скрывался обыкновенно в палатку свою или кабинет, хлопнув при этом дверью. Но минут через пять появлялся снова уже совершенно успокоившимся и отменял наложенные им кары.

Он был добр, справедлив, внимателен к подчиненным и чрез-вычайно религиозен, с непоколебимою твердостью полагаясь на определенную ему Богом судьбу. в этом главный источник его необыкновенной храбрости. Потребности его жизни были очень умеренны; он пил всякое вино и насыщался всяким кушаньем без разбора; одевался без всякой роскоши и неги. Густые воло-сы его росли без всякой прически до тех пор, пока они его не беспокоили, тогда их вновь коротко подстригали.

На письменном столе все было, казалось, разбросано в бес-порядке. Карманные книги, кошельки с деньгами и без денег, несколько часов, телескопы, термометры, бумаги, планы, ассиг-нации, серебро, золото, математические инструменты — все это лежало без всякого разбора и порядка, хотя он «отличал-ся» известным педантизмом...»

У супругов Дибич не было детей. Но Иван Иванович пони-мал важность правильного воспитания молодого поколения. Тот же Бантыш-Каменский приводит прекрасное письмо Ди-бича своему племяннику барону Тизенгаузену при его выпус-ке из военного училища. *«Будь всегда добрым сыном, и тогда ты с веселым духом и твердостью преодолеешь все препят-ствия, которые, встречаясь более или менее на всяком пути, лишь сильнее укрепляют истинного Христианина и сына Отечества к исполнению долга. Лучшего я не могу желать тебе по моему убеждению, все прочее есть только суетный блеск, дело постороннее. Прости. Будь добр и счастлив».*

**ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ
КНЯЗЬ ИВАН ФЕДОРОВИЧ
ВАРШАВСКИЙ
ГРАФ ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ**

ПРОЛОГ

Столь пышного военного празднества древняя Варшава не помнила давно. В город стягивались со всего Царства Польского кавалерийские и пехотные полки русской армии, принаряженные в полную парадную форму. В Варшаву прибыл сам Государь Император Николай I Павлович. Из Санкт-Петербурга вместе с ним прибыло немало высокопоставленных сановников, людей в генеральских званиях из российского Военного ведомства, иностранных дипломатов.

В тот день по личному распоряжению монарха отмечалось торжество, немалое для России тех лет: 50-летний юбилей ратной службы на пользу российского Отечества генерал-фельдмаршала светлейшего князя Ивана Федоровича Варшавского графа Паскевича-Эриванского.

Прохладным утром 5 октября 1850 года на Уяздовском плацу в Варшаве выстроились собранные войска Российской императорской армии. Виновник торжества при всех регалиях, в расцвеченном многочисленными орденами и орденскими звездами мундире, стоял на возвышении с гордо поднятой головой. Его окружала немалая, столь же блестящая свита, состоявшая в основном из людей военных в генеральских чинах.

Мимо парадного возвышения церемониальным маршем, под мелодии полковых оркестров, проходили пехотные батальоны и кавалерийские эскадроны прославленных полков русской армии, казачьи сотни, артиллерийские батареи... Над ними порывами ветра развевались знамена и штандарты...

Торжественным маршем командовал сам Император, прошедший во главе русских войск мимо генерал-фельдмаршала и отдавший прославленному полководцу Российской империи воинскую честь. Это выглядело символично: монарх Российской державы отдал воинскую честь ее военному вождю.

В тот же октябрьский день, перед замершими на плацу варшавского гарнизона армейскими рядами, всероссийский Император Николай I, вошедший в историю династии Романовых как Незабвенный, вручил заслуженному полководцу Российского государства новый фельдмаршальский жезл (обшедшийся, надо полагать, государственной казне в немалую копейечку).

Верхний конец драгоценного жезла — символа фельдмаршальской власти — украшала надпись: *«За пятидесятилетнюю службу генерал-фельдмаршалу Паскевичу-Эриванскому».*

На нижнем конце полководческого жезла искусный придворный гравёр вывел другую, не менее выразительную надпись: *«За двадцатичетырехлетнее предводительство победоносными российскими армиями в Персии, Турции, Польше и Венгрии».*

Если предводительство русскими войсками в Персии и Турции прославило Ивана Федоровича Паскевича в отечественной военной истории, то командование полевой действующей армией в российской части Польши и австрийской Венгрии, наоборот, впоследствии вычеркнуло имя его из одной. Причем последнее с 20-х годов XX столетия начисто «забелило» или, вернее сказать, «зачернило» и первое.

Паскевич, взявший штурмом польскую столицу Варшаву через 37 лет после такого же «предприятия» А.В. Суворова (тому кровопролитный штурм варшавского предместья Праги старались вспоминать как можно реже), стал в последующей истории классическим образцом «душителя польской свободы» и «укротителя польской национальности». К этому ярлыку добавились, естественно, такие типичные большевистские определения, как «царский, николаевский сатрап» и даже «бездарный полководец».

Однако с исторической памятью считаться все-таки приходится. Самой военной историей вписано, что стоять гене-

рал-фельдмаршалу Ивану Федоровичу Паскевичу необходимо в первом ряду прославленных полководцев России, вслед за первым всероссийским Императором Петром I Алексеевичем Великим, князем Александром Васильевичем Суворовым-Рымникским, князем Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым-Смоленским, графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским, князем Александром Даниловичем Меншиковым...

По боевым заслугам и воинская честь. Если, разумеется, из истории Отечества взять да убрать то, что называется политической конъюнктурой.

Личная причастность к «замирению» военной силой «возмутившегося» против российского самодержавия Царства Польского, к «замирительному» походу в революционную Венгрию, восставшую против правления австрийской династии Габсбургов, или нахождение по «разные стороны баррикад» с декабристами не должны перечеркнуть на многие лета истинных заслуг перед государством и армией крупнейшего полководца России XIX века. А, как гласит правда военной истории, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич был настоящим военным вождем нации, проверенным в самых разных боевых делах, и с большой воинской славой.

Полководец, как известно, тоже солдат Отечества, только в несравненно более высоком воинском звании. А солдаты, что тоже хорошо известно, войну не выбирают — они на нее идут по приказу свыше. Таким был и солдат-генерал, кавалер всех российских орденов И.Ф. Паскевич, сражавшийся за достоинство и безопасность Российской империи там, куда его посылали воинский долг или именной указ Государя Императора.

МАЛОРОССИЙСКИЕ КОРНИ

...Происходил Иван Федорович из рода старинного, знатного и богатого. Все корни родословного древа его упрятаны в истории Великого княжества Литовского, территория которого в основном состояла из русских, украинских и белорусских земель с православным населением.

Известно, что в XVII веке некий волынский дворянин-шляхтич польской короны Федор Цалый (или Чалый) явился в Полтавский казачий полк и осел на Полтавщине.

Шляхтич прижился на новом месте, став казаком на службе у короля Польши. Сын его получил прозвище Пасько Чалый, положив тем самым начало родовой фамилии. Внук Чалого был уже Иваном Яковлевичем Паскевичем или Паскевичем. Для дворянского рода, давшего затем графскую и княжескую ветвь, прижился второй вариант фамилии.

Фамилия Паскевичей двести лет была хорошо известна в украинском реестровом казначестве. Предки будущего генерал-фельдмаршала числились и в казацкой старшине, много воевали под знаменами различных гетманов и против турок-османов, и против крымского хана, равно и против ляхов — польской коронной шляхты.

Пришло время, и в России казацкая старшина по Высочайшему велению Императрицы Екатерины II Великой превратилась в российских дворян, войдя в их привилегированное сословие. Дед полководца, Григорий Иванович, сменил чин бунчукового товарища в рядах украинского реестрового казначества на чин надворного советника.

Своего сына Федора он «удачно» женил на девице Анне Осиповне Карабановской, происходившей из старинного рода белорусских дворян Могилевской губернии и появившейся на свет не в России, а в Речи Посполитой.

8 мая 1782 года в молодой дворянской семье появился первенец, названный в честь прадеда Иваном.

Отец Паскевича-младшего, Федор Григорьевич, служил долгое время в Малороссийской коллегии и имел немалый чин коллежского советника. Федор Григорьевич был долгое время близким человеком к прославленному русскому полководцу графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, победителю турецкой армии и войска крымского хана в больших сражениях при Рябой Могиле, на реках Ларга и Кагул.

К слову сказать, П.А. Румянцев-Задунайский известен в российской истории не только своими действительно блестящими победами в «первой екатерининской турецкой войне». Он, один из богатейших помещиков России, ввел крепостное пра-

во и на собственно украинских землях. Оно коснулось и украинских казаков, «сидевших на земле». И в этом деле вся Малороссийская коллегия, включая коллежского советника Ф.Г. Паскевича, была графу Румянцеву-Задунайскому первым помощником.

И дед, и отец Ивана Федоровича Паскевича были богатыми украинскими помещиками, обладателями большой земельной собственности. Они отличались «практическим» умом владельцев огромных поместий и известной в округе обходительностью. За то и пользовались немалым уважением среди окружающих их соседей-дворян, губернских властей и самих генерал-губернаторов.

Родился Паскевич-младший в Полтаве, бывшей тогда одной из крупнейших губернских столиц в стране. В родительском доме он получил хорошее по тем временам домашнее образование. Отец не скупился на «приобретение» действительно знающих учителей для своего способного и тянувшегося к знаниям сына. В детстве Иван Паскевич очень интересовался своей военной родословной, как и военной историей вообще.

Да и как было не интересоваться бранным делом дворянскому сыну, чей род имел казацкие корни, а город, в котором он родился и жил, был местом знаменитой Полтавской баталии 1709 года. И остатки Полтавской крепости, и поле к северу от нее с остатками земляных редутов напоминали о том, как здесь русская армия под знаменами Царя Петра Великого наголову разгромила шведскую армию короля-полководца Карла XII. Полтава стала крахом и для изменника гетмана Мазепы, для которого Государем Петром I Алексеевичем был специально учрежден уникальный для мировой истории орден Иуды.

В 1793 году дед отвез своих внуков Ивана и Степана Паскевичей на берега Невы и там определил их в столичный Пажеский корпус. Это было самое привилегированное учебное заведение Российской империи, куда в основном брали детей людей знатных и состоятельных. Тем и другим и был Паскевич-старший. В Санкт-Петербурге он имел немало влиятельных знакомых и покровителей. Внимание преподавателей и начальства Пажеского корпуса сын богатого малороссийского поме-

щика обратил на себя сразу. Учеба давалась ему легко, природная смышленность и строгое домашнее воспитание обеспечили примерное поведение.

В 1798 году шестнадцатилетний Иван Паскевич жалуется Высочайшим указом в звание камер-пажа. Уже через два года, за несколько месяцев до выпуска из корпуса, он производится в лейб-пажи самого Императора. Паскевич-младший мог бы выбрать в жизни путь начинающего придворного или гражданского чиновника, но его с детства влекло к себе военное поприще. Хотя на нем никто из его предков высоких должностей не занимал.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

5 октября 1800 года восемнадцатилетний, преуспевший в светских науках лейб-паж выпускается из Пажеского корпуса поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк, один из старейших, прославленных и привилегированных полков русской армии. Да еще с одновременным назначением флигель-адъютантом к самому всероссийскому Императору Павлу I Петровичу.

При Императорском дворе флигель-адъютант и поручик лейб-гвардии прошел хорошую придворную школу, которая так пригодилась ему в будущем. Она, в частности, сделала его натуру во многом скрытной. Так, о насильственной смерти Императора Павла I он предпочитал не распространяться, хотя невольно оказался очевидцем многих деталей того дворцового переворота.

При молодом Императоре Александре I, который имел собственный «круг молодых друзей», павловский молодой флигель-адъютант оказался практически не у дел. Это и «помогло» гвардейскому поручику начать действительно военную карьеру и стать армейским офицером.

Знатность рода Паскевичей, их семейное богатство давали хороший старт в самом начале служебной карьеры. Так оно в действительности и было. Все же остальное, после непродолжительного пребывания в столице при Императорском дворе,

начинающему обер-офицеру приходилось добывать самому. Своим природным дарованием и воинской доблестью, особенно если это «добывание» очередных воинских чинов и боевых наград происходило на поле брани.

Боевая выучка офицера-преображенца началась весной 1805 года под командованием опытного генерала Ивана Ивановича Михельсона, прославившегося еще во время царствования Императрицы Екатерины II Великой тем, что в 1774 году во время подавления пугачевского бунта нанес Пугачеву одно из решающих военных поражений. Однако за эту победу Михельсона в российской истории никто полководцем не назвал.

В начавшейся русско-турецкой войне 1806—1812 годов флигель-адъютант И.Ф. Паскевич в чине штабс-капитана состоял при Михельсоне. Тот за прежние военные заслуги был назначен главнокомандующим русской Молдавской армии, воевавшей на дунайских берегах. В этой войне и произошло боевое крещение будущего прославленного полководца старой России.

Любимым изречением уже престарелого в те годы Ивана Ивановича Михельсона стало следующее: *«Не смотрит на число неприятеля, а искать его везде; трус гонит, а молодец отрезывает; начальник должен во всяком деле быть примером»*. Именно так поступал ретивый екатерининский военачальник и в необъявленной «внутренней» войне с повстанцами-пугачевцами, и в других войнах.

Конечно, на берегах Дуная противник был совсем иным, чем нестройные, плохо вооруженные толпы восставших крепостных мужиков, горнозаводских работников, уральских казаков-раскольников и «гультяев» с Дона, беглых солдат, башкир старшины Салавата Юлаева. В начале XIX столетия турецкая армия к числу слабых ни в Европе, ни на Востоке не относилась...

Штабс-капитану пока еще не приходилось командовать кем-то и чем-то. Как гвардейский офицер, состоявший при главнокомандующем для особых поручений, он участвует во взятии городов Яссы и Бухарест — столиц Молдавии и Валахии. Для главнокомандующего И.И. Михельсона и его походного штаба вступление в Яссы и Бухарест больше напоминало

парадные въезды высокого начальства и его свиты. С этих дней Паскевич начал вести походный дневник, записи в котором делал вплоть до Бородинской битвы.

Гвардейский офицер, как, впрочем, и все офицерство Молдавской армии, горел желанием «повоевать» на турецкой войне. Ему это удалось, хотя в настоящее дело он окунулся не сразу.

Только на втором году войны Иван Паскевич наконец-то «находился при атаке» турецких укреплений у села Турбата. Но лично отличиться ему в том бою не довелось, однако в деле под этим селением он впервые побывал под вражескими ядрами и пулями и увидел немало смертей.

Зато потом, 12-го и 17 июня 1807 года он участвует в сражениях с турецкими войсками под Измаилом, у самого морского устья Дуная. Правда, то была уже не армейская крепость султанского воинства, которую когда-то яростно штурмовали суворовские чудо-богатыри. По Ясскому мирному договору 1791 года русские войска полностью срыли впечатляющие одним своим видом укрепления дунайской твердыни Оттоманской Порты, и они больше не восстанавливались во всей своей фортификационной мощи. Однако приграничной крепостью Измаил оставаться продолжал.

Подробно донося Государю Императору Александру Павловичу о движении войск русской Молдавской армии к укрепленному городу Журже, генерал И.И. Михельсон писал, между прочим, и о разразившейся однажды жестокой грозовой буре. Стихия в обширной степи чуть не наделала много бед в управлении походными колоннами войск. И генерал в донесении упоминает имя нашего героя: «В ужасную ночь штабс-капитан Паскевич, один, среди открытой степи неприятельской, поехал, отыскал колонны и направил их на настоящую дорогу».

То дело стало первым подвигом на военном поприще будущего великого фельдмаршала России. Не просто смелый до отчаянности поступок, а еще и грамотные действия колонновожатого показал молодой штабной офицер, прибывший на войну из столичной лейб-гвардии. Провести в ночи во время проливного дождя войсковые колонны до назначенного мес-

та и при этом ни разу не сбиться с пути — было делом серьезным.

Паскевич не раз на той войне «выказывал примерную храбрость», стараясь в любом бою быть хоть на полшага впереди своих товарищей. Ему везло, потому что во многих случаях турецкие ядра и пули всегда обходили его стороной. Но при штурме крепостного города Браилова в ночь на 20 августа 1807 года «при спуске в ров был ранен подле черепа в голову». К счастью, рана оказалась неопасной для жизни.

О гвардейском штабс-капитане заговорили не только в действующей Молдавской армии, но и в гвардейских полках. Штабс-капитан Иван Паскевич был выходцем из столичного гарнизона и поэтому в родном для молодого офицера лейб-гвардии Преображенском полку по праву гордились им, добровольцем ушедшим на турецкую войну.

За личное мужество, проявленное в сих делах, гвардейский офицер И.Ф. Паскевич награждается первым в своей долгой военной биографии орденом — Святого Владимира 4-й степени с бантом и Золотым оружием — шпагой с надписью «За храбрость». Наградное оружие всегда было предметом особой гордости русского офицерства.

Старый екатерининский генерал Иван Иванович Михельсон, хорошо разбиравшийся в людях военных, дал своему штабному офицеру «исчерпывающую» на все его блестящее будущее характеристику:

«Во всех делах флигель-адъютант Паскевич явил себя неустрашимым и войну понимающим офицером, каковых поболее делать надлежит...»

Военная кампания на дунайских берегах вскоре закончилась перемирием. Это произошло с одновременным заключением в прусском городке Тильзите договора между Францией и Россией, Францией и Пруссией в 1807 году. Однако перемирие долгим не было, и именно император французов Наполеон I оказался инициатором завязки очередной фазы той продолжительной по времени русско-турецкой войны.

В том же году не стало главнокомандующего Молдавской армией И.И. Михельсона. Новым главнокомандующим в 1808 году Высочайшим указом назначается генерал-фельдмаршал князь

Александр Александрович Прозоровский. Этот полководец полвека из своих 76 лет отдал военному поприщу, особенно отличившись в Семилетней войне против Прусского королевства. Боевой генерал, он, однако, личной популярностью в российской столице на берегах Невы не пользовался.

Он дал Российскому государству немало талантливых учеников или просто людей военных, которые под его командованием набирались на войне ума и разума. Под его знаменами сражались Голенищев-Кутузов и Милорадович. Школу генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского успел пройти и Паскевич. Тем не менее признания среди отечественных военных исследователей эта школа так и не получила. Она даже в свое время считалась «старомодной».

Паскевич, произведенный в феврале 1808 года за ратные труды в капитаны, остался и при новом главнокомандующем офицером для особых поручений. Генерал-фельдмаршал несколько раз посылал его с разными дипломатическими поручениями то к великому визирю — султанскому главнокомандующему во время перемирия, то в Константинополь (Стамбул), столицу Блистательной Порты. Во время той войны в ней не было русской дипломатической миссии.

И поэтому главнокомандующий русской действующей армией имел право вести переговоры о перемирии, обмене пленными и прочих делах. Почти всегда роль дипломатических посланников Прозоровский возлагал на своих офицеров для особых поручений, полагаясь прежде всего на их умение общаться с противной стороной.

Такие поездки за Дунай сопровождалась большой опасностью для любого русского офицера. Дезертиры из султанской армии многочисленными шайками чинили разбой и насилие на дорогах Болгарии. Особенно много дезертиров укрывалось в лесистых Балканских горах, и местные власти были бессильны бороться с ними. Небезопасно было даже на главных дорогах, ведущих путников к Константинополю.

Был случай, когда турецкий конный конвой в страхе перед лесными разбойниками бросил капитана Паскевича, и тому только с одним проводником, «сам друг», пришлось пробираться по горным дорогам в город Айдос. Местный паша немало

удивился такой смелости русского офицера, поскольку грабежи и насилие, творимые беглецами из армии султана, стали настоящим бедствием для всей управляемой им области.

В самом Константинополе воинственно настроенные фанатики хотели убить «неверного», да к тому же еще и офицера русской армии. Местные власти в таких ситуациях иногда принимали роль сторонних наблюдателей, «оказывались как бы в стороне». Паскевич писал, что ему чудом удалось избежать мести «зверского народа... где и во время поездок моих в перемирие не раз угрожали мне обнаженными кинжалами и саблями».

Посланцу князя Прозоровского с немалым трудом удалось нанять за большие деньги мореходную шлюпку с двумя надежными гребцами. На ней он удачно бежал из бухты Золотой Рог Стамбула через пролив Босфор в Черное море. На шлюпке, пройдя по морю вдоль болгарского побережья 100 верст, капитан Иван Паскевич благополучно прибыл в портовый город Варну.

Местный султанский паша решил было арестовать неизвестно откуда объявившегося в морской крепости офицера противника. Но тому удалось заверить пашу, что долгожданный в стране османов мир с Россией уже заключен. Хотя на самом деле военные действия после небольшого перемирия возобновлялись. И турки варненского гарнизона беспрепятственно пропустили капитана Паскевича в главную штаб-квартиру его генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского.

Пройдут десятилетия, и, уже став большим военачальником, полководец Иван Федорович Паскевич «избавится» от отчаянной смелости, которой он так блистал в молодости. Он станет осторожным военным вождем, не желавшим терять лишних бойцов, всегда ценя человеческие жизни подчиненных ему нижних чинов и офицеров.

Паскевич станет на удивление многим, знавшим его с молодости, очень осмотрительным предводителем русских войск. Многим эта его осмотрительность на войне будет казаться даже излишней. А полководец будет стремиться одерживать победы только наверняка, без риска понести большие потери в людях. Он будет избегать принимать рискованные решения,

будет не стесняться искать совета у других. И как следствие будет иметь большой успех во многих проведенных им баталиях...

Весной 1809 года русские войска Молдавской армии обложили сильную вражескую крепость Браилов, защищаемую 15-тысячным гарнизоном. После артиллерийской бомбардировки русские полки пошли на штурм города-крепости. Иван Паскевич находился в первых рядах охотников (добровольцев) 13-го егерского полка. Солдаты шли вперед под сильным ружейным огнем и картечными залпами турецких пушек. Атакующие с самого начала стали нести тяжелые потери.

Не доходя до крепостного рва, Паскевич получил тяжелое ранение в голову и, потеряв сознание, упал среди многих штурмующих на землю. Солдаты-егеря, с которыми он шел на приступ знакомой ему Браиловской крепости, сумели под вражеским огнем вынести раненого офицера в тыл и передать его на попечение полковых медиков.

Однако в военном госпитале флигель-адъютант не задержался долго. Произведенный за боевые отличия в полковники, он наконец-то получает командование над отдельным, сводным отрядом русских войск. Во главе его он участвует в «поисках» (рейдах) против османских войск, крепко засевших в Браилове и его окрестностях. Под стенами Браиловской крепости отряд Ивана Паскевича в жаркой рукопашной схватке разбивает сильную турецкую «партию», вышедшую за крепостные укрепления тоже поискать противника в чистом поле.

Дело под стенами крепости Браилов оказалось за полной удачей громким. Новоиспеченного полковника за совершенные подвиги на берегах Дуная награждают орденом Святой Анны, да не низшей, а сразу 2-й степени. Такое было бесспорным признанием личной доблести награжденного и его способностей командовать отдельным воинским отрядом.

Вскоре послужная биография И.Ф. Паскевича пополнилась новыми свидетельствами о его боевой деятельности. Когда русская Молдавская армия переправилась через полноводный Дунай, полковник Паскевич «находился при покорении» турецких крепостей Исакчи и Тульчи, то есть участвовал в их взятии. Он начальствовал аванпостами (передовыми отрядами), из-

гнавшими турок с удобных позиций на острове Чатал близ устья Дуная, лежащем против Измаила.

После этого последовали новые боевые дела. Полковник Иван Паскевич «состоял» при отрытии осадных траншей, артиллерийской бомбардировке и сдаче османским гарнизоном дунайской крепости Мачин. К слову сказать, султанское командование в той войне возлагало на эту крепость большие надежды.

Судьба сводит его с будущим героем Отечественной войны 1812 года любимым суворовским учеником Петром Ивановичем Багратионом, командовавшим Молдавской армией в 1809—1810 годах после скончавшегося А.А. Прозоровского. Думается, что генерал Багратион быстро приметил в армейских рядах способного командира в полковничьих эполетах. Паскевичу доведется воевать под его начальством против французов в течение Отечественной войны 1812 года вплоть до сражения на Бородинском поле.

В сражении при Разсовате полковник Иван Паскевич командовал батальоном 14-го егерского полка. Егеря в ту эпоху были весьма перспективным видом легкой пехоты. Не случайно в ее ряды отбирались люди, бывшие лучшими стрелками и отличавшиеся известным самообладанием для действий в рассыпном строю, цепью. В том деле генерал П.И. Багратион нанес «совершенное» поражение турецкому войску сераскира Хозрев-паши, известного султанского военачальника.

Под Разсоватом егеря 14-го полка оказались среди наиболее отличившихся, а их батальонный командир показал себя умелым начальником в полевом бою. О Паскевиче в этом сражении можно было сказать, что он «презрел» смертельную опасность, когда на ряды его батальона накатывались в бессильной ярости лавы османской конницы, а вражеские бомбы рвались под ногами у стрелков.

Затем следует обложение обширной неприятельской крепости Силистрии (древнего Доростола) на дунайском правобережье. Когда турецкий гарнизон вознамерился сделать из крепости сильную вылазку, то двадцатисемилетний полковник Иван Паскевич, «оказавшийся в тот час на том самом месте», командовал войсками при ее отражении.

Туркам в той вылазке не повезло сразу. Они не смогли ни взять осадные шанцы русских, ни внести в ряды осажденных панику. Противник встретил их батарейными залпами и ружейным огнем из окопов едва ли не в упор. При этом нападавшие понесли немалые потери и были вынуждены поспешно укрыться за валами и бастионами Силистрийской крепости.

Паскевич вновь нашел себе ратную славу в битве при селе Татарице. Близ него русские войска нанесли чувствительное поражение турецкому корпусу, во главе которого стоял Пеглеван-паша. Сражение продолжительным не стало, но зато отличалось вначале большим упорством. За проявленное бесстрашие полковник И.Ф. Паскевич удостоивается боевой награды в виде алмазных знаков к ранее полученному ордену Святой Анны 2-й степени.

В следующем, 1810 году полковник уже командует Витебским мушкетерским полком, входившим в состав войск генерал-лейтенанта графа С.М. Каменского 1-го. Здесь необходимо отметить, что в это время на Дунайском театре войны действуют два брата Каменские, сыновья генерал-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского, причем младший, Николай Михайлович Каменский 2-й, имел более высокий чин генерала от инфантерии, полученный им в 1809 году за отличия в русско-шведской войне. В феврале 1810 года граф Н.М. Каменский был назначен главнокомандующим Молдавской армией вместо князя П.И. Багратиона. Николай Михайлович будет не последним главнокомандующим в этой русско-турецкой войне. В 1811 году он заболевает и передаст командование генералу Ланжерону. А войну победоносно закончит весной 1812 года, непосредственно перед наполеоновским нашествием, Михаил Илларионович Кутузов.

16 мая полк И.Ф. Паскевича участвует в разгроме турок под болгарским городом Мангалия. В истории той войны это сражение было названо «славным делом». 23-го следует штурм неприятельской крепости Базарджик, где мушкетеры Паскевича вновь отличаются. В тот день 10-тысячный турецкий гарнизон не выдержал более часа штурма своих позиций русскими войсками. Граф Сергей Михайлович Каменский 1-й производится за эту победу в генералы от инфантерии.

Под Базарджиком полковник Иван Паскевич командовал одной из четырех штурмовых колонн. Всеми же русскими войсками, участвовавшими в приступе крепостной ограды, руководил генерал-лейтенант Воинов. Витебские мушкетеры в числе первых ворвались в укрепленный город, презрев в атаке жаркий встречный огонь из пушек и ружей.

За отличие при штурме крепости Базарджик в мае 1810 года командир Витебского мушкетерского полка награждается орденом Святого Владимира 3-й степени. Для рядового полкового командира это было высокой боевой наградой. Но генерал от инфантерии С.М. Каменский счел для отличившегося при штурме командира такую орденскую награду вполне достойной и заслуженной.

Вершиной воинской славы Ивана Федоровича Паскевича в той русско-турецкой войне стала крепость Варна на берегу Черного моря. Когда русская армия осадила эту мощную по тому времени крепость, в числе осадных войск оказался и Витебский мушкетерский полк. Уже вскоре полковнику Паскевичу поручается командование экспедицией (или как тогда писали — «диверсией») на противоположную сторону озера Девно под стенами этого приморского города.

Задача экспедиции состояла в следующем. Расположенные на противоположном берегу озера на мысе Галатобург неприятельские батареи своим частым огнем сильно «мешали» осадной жизни русских войск. Поэтому и надлежало как можно скорее овладеть этими «зловредными» батареями турок. И что было немаловажно — их батарейные позиции находились прямо против самой Варны. Из трофейных орудий можно было удачно обстреливать город-крепость, чей гарнизон регулярно получал морем необходимую помощь.

Витебские мушкетеры в атаке сумели опрокинуть батарейное прикрытие из турецкой пехоты и перебить в рукопашной схватке орудийную прислугу. Результатом решительных атакующих действий полка стало овладение артиллерийской позицией на мысе Галатобург. В Витебском мушкетерском полку нашлось немало людей, знакомых с артиллерийским делом, а огневых припасов на захваченных батареях русские пехотинцы нашли предостаточно.

Теперь трофейные пушки «изрыгали» прицельный огонь не по русским позициям, а по самой Варненской крепости. Турецкий гарнизон дважды пытался сильными контратаками выбить с мыса Галатобург русских пехотинцев, но без успеха. Каждый раз витебцы встречали нападавших огнем из своих ружей и картечью из турецких орудий. Когда этого было мало, мушкетерские роты дважды поднимались в штыковую атаку. Но оба раза османы яростной рукопашной схватки не принимали и поспешно отходили назад, под защиту крепостных стен Варны. Однако надежным укрытием эти стены теперь больше не являлись.

Так случилось то, чего настойчиво добивалось русское командование. Теперь сильная вражеская крепость днем и ночью находилась под артиллерийским обстрелом. Захваченные на мысе Галатобург вражеские орудия позволяли бомбардировать турецкие укрепления в большинстве точек городской черты. В ходе затянувшейся осады Варны это было большим тактическим успехом со всеми последующими военными выгодами. Однако до решающего штурма дело все не доходило: вражеский гарнизон был силен, султанский флот курсировал у варненских берегов, а сил осаждавшие имели маловато.

«Отважные» подвиги подчиненных доставили командиру Витебского полка высокую боевую награду. Ею стал орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Более почетной военной орденской награды не было в русской армии с 1769 года (год учреждения ордена Императрицей Екатериной II Великой). Так Иван Федорович Паскевич стал на всю оставшуюся жизнь Георгиевским кавалером, обладателем чисто военного ордена, дававшегося исключительно за личную боевую доблесть и мужество офицера.

Затем происходит крайне редкий и удивительный случай в истории русской армии. Когда офицер за проявленную доблесть почти сразу получает второй орден Святого Георгия и становится дважды Георгиевским кавалером.

К осажденной крепости Варне из Стамбула прибыл внушительный по числу кораблей турецкий флот, имевший, кроме многочисленной корабельной артиллерии, еще и десантные силы на борту. Султанский гарнизон Варны сразу же

воспрянул духом: поддержка сотен орудий с моря значила для них очень много. Местный паша решил воспользоваться удобнейшим случаем и нанести ряд сильных ударов по «неверным», разрушить осадное кольцо. В письме, доставленном из османской столицы, от него требовали более активных действий на войне.

В первую очередь начальник крепостного гарнизона решил убрать болезненную занозу в системе обороны приморской крепости — то есть вернуть себе батарейные позиции на мысе Галатобург. Тем самым Варна обезопасила бы себя от постоянных бомбардировок в любое время дня и ночи. Турки уже достоверно знали, что русских войск там находилось совсем немного — всего один пехотный полк. Больших сил мыс Галатобург просто не мог вместить.

22 июля неприятель большими силами пехоты сделал вылазку из крепости, устремившись на мыс Галатобург. Несколько тысяч османских воинов, подбадривая себя яростными криками и ружейной пальбой, решительно пошли в атаку на окопы Витебского полка. Бой сразу же принял ожесточенный бой, в котором стороны сражались с завидным упорством. Варненский паша вводил в дело все новые, свежие пехотные таборы (батальоны), менявшие по ходу боя тех, кто вынужденно отступил от русских позиций.

Русские мушкетеры отбивали приступ за приступом, сами поднимались ротами и батальонами в контратаки, завязывали рукопашные схватки с врагом. Это был день, когда гарнизон Варны продемонстрировал перед русскими все свое мужество и неустрашимость. Однако турки из гарнизонных войск так и не смогли «превзойти» стойкость одного-единственного русского пехотного полка.

Командир витебцев в тот день был на виду у своих бойцов, постоянно находясь на самых опасных местах разыгравшегося боя. Нижние чины и офицеры видели его повсюду. Спокойствие и бесстрашие полкового начальника передавались бойцам, и витебские мушкетеры не пасовали перед атакующими усилиями неприятеля. Страшная усталость от боя нижними чинами «не выказывалась», легко раненные солдаты и офицеры после перевязок оставались в строю.

Продолжительный бой на мысе Галатобург в конце концов закончился тем, что русские пехотинцы не только удержали занимаемые батарейные позиции, но и окончательно прогнали выдохшиеся в бесплодных атаках вражеские таборы (батальоны) назад, в Варну. Причем туркам пришлось отступить с большими потерями в людях. Победители в тот день потеряли тоже немало людей, но батареи Галатобурга вновь «заговорили» с прежней силой.

За успешное отражение сильной вылазки осажденного Варненского гарнизона молодой в годах и по опыту командования командир Витебского мушкетерского полка награждается орденом Святого Георгия 3-го класса (то есть 3-й степени). Подвиги, совершенные под турецкой черноморской крепостью Варной командиром Витебского мушкетерского полка и оцененные двумя столь высокими боевыми наградами, принесли И.Ф. Паскевичу известность в рядах русской армии. Имя молодого Георгиевского кавалера вполне заслуженно становится популярным. Это было, конечно, уже явной заявкой на блестящее будущее.

Примечательно то, что Иван Федорович Паскевич в полковничьем чине имел все российские боевые ордена, какие только можно было заслужить в таком воинском звании. Случай, скажем, не очень частый в русской действующей армии. Но, как говорится, по заслугам бывает и честь.

С началом блокады русской армией другой сильной турецкой крепости на территории Болгарии — Шумлы витебцев сперва поставили на прикрытие армейских обозов в Базарджике и его окрестностях. Эта мера была вынужденной и крайне необходимой — турецкие конные отряды всячески старались расстроить тылы русских, и обозы были их особо желанной добычей.

После этого Витебский мушкетерский полк принял непосредственное участие в блокаде самой крепости Шумлы, которая проводилась под командованием того же полководца графа С.М. Каменского 1-го.

Война на севере Болгарии затягивалась. Султанское командование подбрасывало из своих европейских и азиатских провинций все новые и новые войска. Когда неудачей закончился

штурм дунайской крепости Рушук, главнокомандующий русской действующей армией генерал от инфантерии граф Н.М. Каменский 2-й потребовал туда с войсками своего старшего брата — Каменского 1-го.

Вскоре состоялось Батынское сражение. Полковник И.Ф. Паскевич вместе со своим Витебским мушкетерским полком участвовал в победе, одержанной над армией турок под командованием сераскира Кушанц-Али. При Батыне 19 тысяч русских воинов разбили 45-тысячную неприятельскую армию. Султанское войско потеряло в сражении 10 тысяч человек только убитыми, 5 тысяч — пленными, 14 орудий, армейский походный лагерь с тысячами обозных лошадей и верблюдов и речную военную флотилию.

Полковник Иван Паскевич снова лично отличился в том полевом сражении при взятии турецких батарей. Его солдаты и офицеры штурмовали артиллерийские позиции неприятеля под залпами картечи и беглым ружейным огнем пехотного прикрытия батарей. Доблесть мушкетеров Витебского полка в выигранном сражении главнокомандующий отметил особо и высоко.

За личную доблесть и командирское дарование в ожесточенном сражении при Батыне командир витебских мушкетеров 28 ноября 1810 года производится в генерал-майоры. Первый свой генеральский чин Георгиевский кавалер Иван Федорович Паскевич получил на двадцать девятом году от роду.

НА ПЕРВЫХ ГЕНЕРАЛЬСКИХ ДОЛЖНОСТЯХ

Еще до производства Паскевича в генерал-майоры главнокомандующий генерал от инфантерии граф Н.М. Каменский 2-й назначает его начальником сводного отдельного отряда из двух мушкетерских полков — Витебского и Днепровского при 22 артиллерийских орудиях. Отряд получает приказание прервать сообщение противника между крепостями Рушук и Журжа.

Прибыв на место и лично проведя рекогносцировку местности, Паскевич успешно справляется с задачей главнокоман-

дующего. Его мушкетеры занимают так называемый Разбойничий остров на Дунае, устанавливая там артиллерийские батареи и их огнем блокируют проход по реке. Свободное до этого плавание турецких речных военных судов в этом месте оказалось прерванным. Своими действиями сводный отряд во многом способствовал скорой сдаче этих двух неприятельских крепостей.

На этом блистательное участие генерал-майора И.Ф. Паскевича в русско-турецкой войне 1806—1812 годов заканчивается. Причина состояла в том, что началось реформирование русской полевой действующей армии, начатое еще первым военным министром России (министром военно-сухопутных сил) генералом Сергеем Кузмичом Вязмитиновым.

Император Александр I, понимая, что вверенной ему судьбой Российской империи предстоит еще не одна схватка с наполеоновской Францией, решил реорганизовать русскую армию. С начала XIX столетия она стала приобретать новый облик, ее организационная структура становилась современной. Начался заметный численный рост русской армии. Формируются новые полки, а самое главное состояло в том, что теперь русская армия организационно состояла из дивизий и корпусов, имевших утвержденный Высочайшим указом штатный состав. До этого дивизии и корпусы были в русской армии временными объединениями, а ее основной, неизменной боевой единицей являлся пехотный и кавалерийский полк и артиллерийская 12-орудийная рота.

В январе 1811 года генерал-майору И.Ф. Паскевичу, отозванному с театра военных действий, поручается формирование в Киеве Орловского пехотного полка. Герой русско-турецкой войны успешно справляется с этой непростой задачей, и к лету новый полк вливается в армейские ряды.

В июне того же 1811 года Паскевичу в командование вверяется 1-я бригада 26-й пехотной дивизии. Это было и признанием его командирских заслуг в войне с турками, и большим шагом в карьере армейского генерала. Полки бригады были сформированы в основном из личного состава гарнизонных батальонов, которые в своем большинстве состояли из проштрафившихся нижних чинов и офицеров.

Заслугой молодого генерала и Георгиевского кавалера стало то, что он за самый короткий срок сумел сделать «из плохих гарнизонных батальонов геройское полчище Смоленска и Бородина». Паскевич пошел даже на такой шаг, как увольнение нерадивых офицеров, заменив их выпускниками кадетских корпусов. Но в ходе такой «созидательной» работы командир пехотной бригады «заболел жестокою нервною лихорадкою и едва не умер, проболев три месяца».

Когда вскоре командир дивизии генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский-старший назначается на должность командира 7-го пехотного корпуса, то 26-ю пехотную дивизию принимает генерал-майор И.Ф. Паскевич. Произошло это назначение 10 мая 1812 года.

Дивизия состояла из шести полков: Орловского (сформированного Паскевичем в Киеве), Полтавского, Ладожского и Нижегородского пехотных, 5-го и 42-го егерских. То есть эта дивизия была серьезной боевой силой. В последующем численность пехотных дивизий русской армии будет уменьшена, и полков в ней станет только четыре.

Во главе 26-й пехотной дивизии будущий полководец Императора Николая I и генерал-фельдмаршал русской армии пройдет всю Отечественную войну 1812 года, участвуя во всех ее решающих сражениях, в отступлении и оставлении древней Москвы и победоносном контрнаступлении кутузовской армии до государственной границы России.

СЛАВНЫЙ 1812-й

К началу вторжения Великой армии императора французов в Россию 26-я пехотная дивизия находилась на прикрытии границы, состоя во 2-й русской Западной армии. Ею командовал полководец суворовской школы генерал от инфантерии князь П.И. Багратион, хорошо знакомый Паскевичу по турецкой войне на болгарской земле. Более того, и сам Петр Иванович Багратион хорошо помнил храброго офицера по турецкой войне.

...Русский поход 1812 года начинал складываться для Наполеона весьма успешно. 1-я и 2-я русские Западные армии от-

ступали перед ним по направлению к Москве. Но с каждым днем их сопротивление вражескому нашествию нарастало, и это завоеватели чувствовали в каждом следующем большом или малом боевом столкновении с русскими войсками.

Первой битвой с французами стало для генерал-майора И.Ф. Паскевича знаменитое в истории Отечественной войны 1812 года дело 11 июля под деревней Салтановкой. Там полки 26-й пехотной дивизии покрыли себя подлинной славой, вошедшей в ратную летопись нашего Отечества.

2-я Западная армия генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона, стараясь оторваться от преследовавших ее французских войск и не дать себя окружить, успешно переправляется через Березину у города Бобруйска. Оттуда она 7 июля двинулась к Могилеву. Командующему 7-м пехотным корпусом генерал-лейтенанту Н.Н. Раевскому отдается приказ завязать бой с неприятелем и по возможности овладеть городом Могилевом.

Оттуда шла прямая дорога на город-крепость Смоленск — древние ворота к русской столице Москве. У Смоленска должны были соединиться воедино отступающие 2-я багратионовская армия и 1-я Западная армия под командованием военного министра России генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая-де-Толли.

Однако войска одного из лучших наполеоновских маршалов А.Н. Даву (29 тысяч человек при 56 орудиях) еще 8 июля вошли в город Могилев. А передовые части французов продвинулись на 15 километров к югу, в район деревни Салтановки. Командующий 2-й русской Западной армией Багратион, еще не имея точных сведений о противнике, приказал корпусному командиру Н.Н. Раевскому здесь задержать авангард корпуса Даву хотя бы на несколько часов.

Командующий 7-м пехотным корпусом стянул к Салтановке, на ближайшие подступы к ней, свои основные силы: 20 батальонов пехоты, 20 эскадронов кавалерии, три казачьих полка и 72 полевых артиллерийских орудия. Всего 13 тысяч человек.

Поскольку французы не проявляли особой активности в дальнейшем продвижении вперед, генерал-лейтенант Раевский утром 11 июля решил сам атаковать врага. Бой авангардных войск русского и французского корпусов завязался

южнее деревни Салтановки на опушке окрестных лесов. Столкновение сразу же приняло самый упорный характер, поскольку ни одна из сторон не желала отступить.

Раевский в самом начале боя приказал дивизии генерала И.Ф. Паскевича с тремя полками донских казаков и Ахтырским гусарским полком идти в обход правого фланга французов к деревне Фатово. Сам же Раевский собирался ударить в центр неприятельской позиции силами 12-й пехотной дивизии генерала Коллюбакина. Этот удар по времени должен был состояться тогда, когда 26-я дивизия выйдет из леса и начнет свою атаку во фланг корпуса Даву. Тому в таком случае было бы трудно оперировать своими резервами.

Замысел генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского на предстоящий бой был хорош — он пытался осуществить маневр крупными силами пехоты и конницы в обход правого неприятельского фланга. Но, как потом оказалось, наполеоновский полководец сосредоточил именно здесь численно превосходящие силы, и совершавшей обходной маневр 26-й пехотной дивизии русских пришлось туго.

Два батальона — нижегородцев и орловцев — первыми вступили в лес и двинулись указанным маршрутом. По дороге они неожиданно для себя встретили французский авангардный отряд, посланный маршалом Даву в обход левого фланга корпуса Раевского. Без ведения ружейной пальбы русские пехотинцы в штыковой схватке опрокинули французов и погнали их по лесной дороге. В атакующем порыве русские батальоны вырвались из леса, перешли мост через речушку и заняли на ее противоположной стороне небольшую деревню.

Но при выходе из нее русских ожидала хорошо устроенная неприятелем засада. Четыре французских пехотных батальона, залегшие в хлебах вокруг дороги, с близкого расстояния дали неожиданный залп из нескольких сот ружей и после этого со всей решительностью ударили в штыки. На поле уже созревшего хлеба завязался жаркий рукопашный бой.

В той схватке знамя Орловского пехотного полка переходило несколько раз из рук в руки, однако, в конце концов, орловцы отбили его у врага, защитив свою полковую святыню. Несколько знаменосцев пали в рукопашном бою. Оба русских

батальона, потеряв половину людей, стали, отбиваясь, отступать к лесу, из которого они недавно вышли. Французская пехота наседала, преследуя буквально по пятам отступающих русских пехотинцев.

В это время к месту боя через лес подоспели главные силы 26-й пехотной дивизии. Генерал-майор И.Ф. Паскевич, быстро оценив ситуацию, отправил на помощь своему отступавшему авангарду Полтавский пехотный полк, а сам стал поспешно выстраивать на лесной опушке боевую линию из Ладожского пехотного полка, усиленную 12 орудийными расчетами дивизионной артиллерии.

Противник тем временем тоже вводил в дело все новые и новые силы, стремясь в первую очередь не дать русским вернуться в поле для последующего боя. Полтавский пехотный полк вынужден был отступить к лесной опушке. Поняв всю опасность складывающейся ситуации, командир дивизии стал лично отводить полтавцев к своим главным силам. Однако в это время Паскевичу донесли: французы с артиллерией в большом числе перекрыли лесную дорогу. Теперь они получили возможность ударить в тыл сражавшимся русским.

Генерал-майор И.Ф. Паскевич немедленно переменял фронт дивизии, поставив в него и Полтавский пехотный полк. Подошедших на ружейный выстрел французов, ободренных первым успехом в бою под Салтановкой, остановили картечным залпом в упор. Полтавцы, находившиеся ближе всего к врагу, бросились в штыки, и поредевшей неприятельской колонне пришлось отойти от русской позиции на безопасное расстояние.

Однако это было только началом дела у Салтановки. На опушке леса близ нее разгорелись жаркие и кровопролитные схватки между полками 26-й пехотной дивизии русских и 4-й дивизией французов, которой командовал генерал Жозеф-Мари Дессе. Бой протекал с переменным успехом, и победа не улыбалась ни одному из противников.

Пехотные и егерские полки дивизии генерала Паскевича, используя как прикрытие лесной массив, стремились обойти противника и охватить его линию. Но тот сам смело проник в салтановский лес, угрожая охватить русские войска с фланга.

В такой непростой для руководства боем ситуации командир 26-й дивизии начал умело маневрировать артиллерией. Русские орудийные расчеты стали неожиданно появляться там, где наступавшие французы их не ожидали. Наполеоновские войска атаковали в плотных колоннах, и поэтому пушечный огонь картечью с дистанции 300—350 метров наносил французской пехоте большой урон.

Получив такое донесение от командира 26-й дивизии, командир корпуса генерал-лейтенант Н.Н. Раевский встал во главе главных корпусных войск и лично повел их в атаку. Тем самым он стремился прежде всего поднять боевой дух своих солдат. Рядом с генералом находились два его сына — Александр и Николай. Старший нес знамя Смоленского пехотного полка, а младший со шпагой в руке шел в атаку рядом с отцом. Удар по французам удался: их передовые части не выдержали штыкового удара русских и поспешно отступили.

Тем временем опытный в войнах маршал Даву продолжал усиливать свои войска, действовавшие против полков генерал-майора И.Ф. Паскевича. Тот уже ввел в бой все свои наличные силы и вскоре запросил у корпусного начальника подкреплений. Раевский, тоже оставшийся почти без резервов, смог выделить на помощь 26-й пехотной дивизии всего лишь один пехотный батальон.

Паскевич решил воспользоваться полученной подмогой и направил подошедший пехотный батальон лесом дальше позиции своей дивизии, чтобы тот, выйдя неожиданно из леса, ударил во фланг атакующим французам. Однако на этом эпизоде упорнейший бой у деревни Салтановки и завершился. К дивизионному командиру прибыл адъютант генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского с приказом прекратить бой и отступить от Салтановки.

Один из выдающихся военных и государственных деятелей России генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов оставил после себя «Записки». Его мемуары по выходе в свет пользовались огромной популярностью. О том бое Ермолов писал:

«В начале сражения силы неприятеля слабые, в продолжение умножились значительно; напротив, войска Раевского ос-

лабевали, но в нем та же была неустрашимость и твердость, и он, шедши в голове колонны, ударил на неприятеля. Самый упорный бой происходил на левом крыле, где не мог неприятель остановить 26-ю пехотную дивизию, которую генерал-майор Паскевич с неимоверною решительностью, неустрашимо, при всем удобстве местности, провел чрез частый лес и угрожал уже конечности неприятельского фланга, но должен был уступить несоразмерным силам...»

Тяжелый, хотя и не столь продолжительный бой у Салтановки привел к значительным потерям как с одной, так и с другой стороны. Урон русских войск составил до двух с половиной тысяч человек. Под генералом Паскевичем была ранена лошадь, и ему пришлось пересестя на другую. Даже ценой таких больших потерь русскому 7-му пехотному корпусу не удалось перебороть сопротивление французского корпуса.

Прибывший к месту боя командующий 2-й русской Западной армией генерал от инфантерии князь П.И. Багратион лично убедился в бесплодности дальнейших атакующих усилий под Салтановкой. Он приказал войскам Раевского отступить от позиций авангарда наполеоновской армии.

Тем самым исчезала надежда прорваться через город Могилев на соединение с 1-й русской Западной армией Барклая-де-Толли. Оставалась последняя возможность соединиться с ней: переправиться в районе местечка Новый Быхов через Днепр и далее через город Мстиславль идти с арьергардными боями на Смоленск. Туда же двигалась отступавшая барклаевская армия.

Об итогах боя против французского корпуса маршала Даву командир 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н.Н. Раевский официально сообщал Багратиону:

«Единая храбрость и усердие российских воинов могли избавить меня от истребления противу толико невыгодного для меня места; я сам свидетель, как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получив по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир; не могу довольно выхвалять храбрость и искусство артиллеристов; сей день все они герои, чему свидетельствуют превосходная противу нашей потеря неприятеля, которая вашему сиятельству известна через многие донесения».

Спустя много лет после Отечественной войны 1812 года, вновь возвращаясь к оценке ожесточенного сражения у деревни Салтановки, Николай Николаевич Раевский писал:

«Следствием сей упорной битвы было столь спасительное соединение обеих армий под Смоленском, ибо я узнал впоследствии, что маршал Даву полагал иметь дело со всей 2-й армией и стянул на сей пункт все свои силы».

Действительно, прославленный маршал Даву, продолжая считать, что силы русских войск ему противостоящие, значительно большие по численности, нежели это было на самом деле, начал укреплять свои позиции под Салтановкой. Он рассчитывал отразить на них вторичное наступление русских изпереди лежащего леса. Поэтому Даву стянул к безвестной деревушке, не отмеченной ни на одной французской штабной карте, максимум своих полков и артиллерийских батарей. О готовящемся продолжении сражения был извещен и Наполеон, следовавший во главе главных сил Великой армии.

Подобное решение введенного в заблуждение маршала Даву, который только в середине дня 14 июля узнал о движении 2-й русской Западной армии на город Мстиславль, более чем устраивало князя П.И. Багратиона. «Насилу выпутался из аду, — писал он генералу А.П. Ермолову, начальнику штаба 1-й русской Западной армии. — Дураки меня выпустили».

2-я русская Западная армия продолжала путь отступления к городу-крепости Смоленску, не тревожимая больше французским авангардом. Этому генерал от инфантерии Багратион был обязан делу под деревней Салтановкой, основная тяжесть которого легла на 26-ю пехотную дивизию генерал-майора Ивана Федоровича Паскевича.

Заслуги этой пехотной дивизии в сражении под Смоленском оказались еще важнее, еще весомее. Утром 3 августа генерал Паскевич был послан со своими полками подкрепить войска генерала Неверовского, отходившего от небольшого городка Красного. В шести верстах от Смоленска они встретились.

Обстановка под Смоленском, на который наступали главные силы наполеоновской Великой армии, с каждым часом стано-

вилась все тревожнее. Казачьи дозорные разъезды сообщали о подходе больших сил неприятеля. Петр Иванович Багратион, чтобы выиграть время для подхода 1-й русской Западной армии, решил не отдавать французам без боя древний русский город и дать под ним сражение. Однако сил под рукой у него было совсем немного, и он решил принять оборонительный бой, опираясь на смоленские крепостные стены.

Сводный отряд генерал-майора И.Ф. Паскевича состоял из его пехотной дивизии, 36 артиллерийских орудий, драгунского и казачьего полков. По сути дела, отряд представлял собой мобильный корпусной резерв. Войска Паскевича расположились за оврагом, изготовившись для отражения возможной атаки подошедшего к Смоленску противника.

Днем стали появляться передовые части французов. Четырехтысячный отряд наполеоновской кавалерии занял позицию против дивизии Паскевича. По дорогам пылали пехотные полки неприятеля. Подтягивалась артиллерия, которая сразу же стала устраиваться на батарейных позициях. Французское командование видело перед собой значительные силы русских и стало готовиться к их атаке.

В связи с тем, что 1-я русская Западная армия находилась на расстоянии 40 километров от Смоленска, а главные силы 2-й русской Западной армии — в 30, командир 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н.Н. Раевский мог рассчитывать только на войска, расположившиеся непосредственно под городом. Другие могли вовремя подойти к Смоленску только при условии совершения марш-броска. Но измученным долгими переходами войскам сделать это своевременно было трудно.

На долю 7-го пехотного корпуса выпала исключительная по своей сложности оборона города-крепости Смоленска. Корпус после сражения под Салтановкой насчитывал не более 15 тысяч человек. Таким числом бойцов генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский в течение суток сумел сдерживать натиск основных сил наполеоновской Великой армии.

Собрав ночью военный совет, Раевский предложил было расположить войска в поле перед городом. Но, посоветовавшись с корпусными генералами, он согласился с мнением генерал-майора И.Ф. Паскевича, приехавшего на заседание

военного совета последним. Тот до последнего отстаивал свой план обороны Смоленска и преуспел в этом.

Разговор на ночном военном совете корпусного командования шел следующий.

— Здесь мы будем совершенно разбиты, — сказал генерал-майор Иван Федорович Паскевич, узнавший, что до его прибытия все участники военного совета высказались за сражение перед городом, на тех позициях, где уже расположился 7-й корпус.

Оглядев присутствующих, он продолжил свою мысль:

— Если счастьем кто и спасется, то, по крайней мере, мы потеряем все орудия, а главное, Смоленск будет в руках неприятеля со всеми дорогами, которые у него сходятся.

Старший на военном совете генерал-лейтенант Н.Н. Раевский спросил дивизионного командира:

— Отчего ж вы так думаете?

— Вот мои доказательства, — ответил Паскевич. — Вы занимаете точно такую же позицию, как и я, впереди вас за три версты. Правый фланг защищен Днепром, но левый совершенно открыт. К тому же позади вас рывина, непроходимая для артиллерии. Сегодня неприятель обошел с четырьмя тысячами кавалерии мой левый фланг, завтра он повторит тот же маневр против вас. Если вы даже и отобьете французов с фронта, то во время дела они обойдут вас с левого фланга и займут Смоленск. Вы принуждены будете отступить, и, к несчастью, на ваш левый же фланг, то есть в руки неприятеля, потому что туда идет дорога, а сзади вас овраг и стены Смоленска. Положим, что, ударив с пехотою, при самом большом счастье, вы даже прорветесь к мостам смоленским, но артиллерию не проведете.

— Где же тогда вы думаете дать сражение? — спросил генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, явно озабоченный услышанным.

— В самом Смоленске, — ответил Иван Федорович Паскевич. — Может быть, мы там удержимся. При несчастье принуждены будем отойти, но сохраним корпус с его артиллерией. Во всяком случае, выиграем время и дадим возможность армии прийти к нам на помощь...

На том военный совет командования 7-го пехотного корпуса закончился.

Командующий 7-м пехотным корпусом принял решение подтянуть все наличные силы, прежде всего пехотные полки и артиллерийские батареи, в город и организовать сопротивление французам внутри Смоленской крепости и в городских предместьях. Было решено использовать для обороны старинные крепостные стены, выдержавшие за время своего существования не одну вражескую осаду, и многочисленные каменные городские строения. Узкие смоленские улочки и холмистая местность должны были только усиливать оборонительные позиции русских войск.

Ночью, при лунном свете, корпусной командующий с генералами объехали спящий Смоленск, выбирая наиболее удобные позиции для расположения дивизий. Ночью же началось размещение русских войск, которым на следующий день предстояло защищать город.

Древний Смоленск располагался по обе стороны Днепра и имел мощную крепость с 17 башнями. Крепкие крепостные стены, построенные еще при царе Борисе Годунове, были сложены из камня и кирпича и имели бойницы для ружейной стрельбы. Орудия можно было разместить только в башнях. В городских кварталах нашлось много кирпичных зданий, в большей части которых проживали семьи смоленских купцов и дворян-помещиков. Каменные строения можно было без больших усилий приспособить для обороны.

Главная, большая и самая старинная часть города Смоленска находилась на левобережье Днепра. Здесь располагались Красненское, Мстиславское, Рославльское и Никольское городские предместья, где проживал в основном простой люд. Извилистые узкие улочки предместий были как нельзя удобны для ведения уличных боев, но каменных домов здесь было мало.

Вся тяжесть обороны Смоленска ложилась на 12-ю, 26-ю и 27-ю пехотные дивизии. Чуть позже к городу подошли два полка 4-го кавалерийского корпуса. Задача, стоявшая перед генерал-лейтенантом Н.Н. Раевским, была предельно проста, но в то же время необычайно сложна: задержать неприятеля,

пока не подойдут главные силы армий князя П.И. Багратиона и М.Б. Баркляя-де-Толли.

Командование 7-го пехотного корпуса в течение всей ночи с 3-го на 4 августа активно готовилось к обороне Смоленска. То были напряженные часы приготовления к сражению. Каждый полк и его роты, артиллерийские батареи старались как можно более удобно расположиться в городских кварталах, иметь хороший сектор обстрела атакующего врага и самим не понести излишних потерь в людях.

Полагая, что французы начнут наступление с западной и южной окраин города и попытаются нанести главный удар по Королевскому бастиону, Раевский доверил его защиту 26-й пехотной дивизии. Она отличилась в деле под Салтановкой, а ее командир демонстрировал все задатки большого военачальника.

Полки 26-й дивизии, поспешая к утреннему рассвету, заняли позиции у Королевского бастиона. Под начальство генерал-майора И.Ф. Паскевича поступают центр и правый фланг 7-го корпуса. Здесь заняли оборонительные позиции 12 пехотных батальонов и орудийные расчеты 42 полевых пушек.

Французы тоже провели ночь не сидя сложа руки. В шесть часов утра началась генеральная атака города Смоленска. Войска сразу трех наполеоновских корпусов под командованием наиболее прославленных маршалов Франции Нея, Мюрата и Даву начали общее наступление.

После сильного артиллерийского обстрела городских предместий в атаку была брошена кавалерия генерала Груши. Плотной массой она устремилась на стоявшую у Рачевки малочисленную русскую конницу, которая вынужденно отошла назад.

Затем на Королевский бастион, Рославльское и Красненское предместья пошла в атаку пехота маршала Мишеля Нея, участника всех наполеоновских войн. Полководец императора французов сам повел вперед свои испытанные войска. Одна из трех штурмовых колонн пошла прямо на Королевский бастион и ускоренным шагом, под барабанный бой с развевающимися знаменами, стала приближаться к остаткам давно заброшенного крепостного рва.

Атака неприятеля была стремительной, и все же генерал-майор Паскевич успел выстроить свои батальоны для ее отра-

жения. Первый натиск французов был отбит прежде всего артиллерийским огнем дивизионных батарей. За первой атакой вражеской пехоты последовали другие, отражаемые каждый раз дружным залповым огнем русских. Однако это не останавливало маршала Нея в его стремлении овладеть Королевским бастионом и ворваться в Смоленск.

Вскоре французские пехотинцы в большом числе укрылись в крепостном рву, который оказался «мертвой зоной» для огня русских батарей. Тогда Ладожский, Орловский и Нижегородский пехотные полки сами устремились в штыки на атакующего в колоннах противника и в рукопашной схватке выбили французов из крепостного рва. Удар защитников Смоленска оказался столь силен и неудержим, что инфантерии маршала Нея пришлось откатиться на исходные позиции.

Паскевичу стоило большого труда, чтобы остановить бросившиеся на преследование отходящих французов полки дивизии. Он приказал барабанщикам бить отбой атаки и стал вновь выстраивать расстроенные в штыковой атаке пехотные батальоны. Выдвинутые вперед русские стрелки, сами находясь в предместных укрытиях, завязали перестрелку с французами, ведя огонь из-за домов и заборов.

Штурмовые колонны французов были отбиты повсюду. Новых «покушений» на Смоленск утром 4 августа со стороны неприятеля больше не последовало.

Прибывший около девяти часов утра к Смоленску Наполеон не решился до подхода основных сил своей армии начинать генеральный штурм города-крепости. Утренний приступ показал, что город обороняют немалые силы русских, готовых биться стойко и мужественно. С тем чтобы нанести урон защитникам Смоленска, император французов приказал начать артиллерийскую бомбардировку городских предместий. Но эта попытка ослабить силы 7-го пехотного корпуса Н.Н. Раевского успеха не имела.

О том, что начались бои за Смоленск, было дано знать командующим подходивших армий генералам от инфантерии М.Б. Барклаю-де-Толли и князю П.И. Багратиону. И авангарды 1-й и 2-й русских Западных армий форсированным мар-

шем, оставив позади себя обозы, поспешили на помощь защитникам города.

Дивизии 7-го корпуса Раевского были настроены держаться до последнего. Рылись в удобных местах окопы, городские улочки перекрывались баррикадами. Большую помощь солдатам оказывали смоленские ополченцы, принявшие участие в укреплении городских стен. А затем ополченцы приняли непосредственное участие в боях на улицах родного города.

Вечером 4 августа маршал Мишель Ней еще раз попытался штурмом овладеть городскими предместьями, но снова безуспешно. И вновь отличилась 26-я пехотная дивизия генерал-майора И.Ф. Паскевича, которая где ружейными залпами и картечью, где штыковой контратакой отбросила французов от своих позиций. Полки дивизии бились с такой стойкостью, что атакующим не удалось где-либо вклиниться в их позицию.

С высокого холма Наполеон видел, как русские полки пошли вперед. Полководец понял, что завязывалось большое, может быть даже генеральное, сражение. Он радостно воскликнул, оглядываясь на свою блестящую свиту:

— Наконец-то они мне попались!..

Первый день битвы за Смоленск закончился в пользу русских. Но это был только пролог Смоленского сражения Отечественной войны 1812 года. Обе стороны подтягивали главные силы, которые исчислялись не в одну сотню тысяч человек, и осознанно готовились к продолжительному и упорному сражению.

Много лет спустя император Наполеон, пребывая уже в английском плену на острове Святой Елены, затерянном в морских просторах Южной Атлантики, вспоминал, диктуя своему секретарю:

«Пятнадцатитысячному русскому отряду, случайно находившемуся в Смоленске, выпала честь защищать сей город в продолжение суток, что дало Барклаю-де-Толли время прибыть на следующий день. Если бы французская армия успела врасплох овладеть Смоленском, то она переправилась бы там через Днепр и атаковала бы в тыл русскую армию, в то время разделенную и шедшую в беспорядке. Сего решительного удара совершить не удалось».

Поздно вечером 4 августа к Смоленску подошла 2-я русская Западная армия, а ночью — и 1-я русская Западная армия. Прибыли подкрепления и к французским войскам. Теперь численность наполеоновских сил под Смоленском доходила до 183 тысяч человек. Армии же Барклай-де-Толли и Багратиона насчитывали всего 110 тысяч человек, и резервов на подходе у них не было. Оба командующих, когда их отступавшие войска наконец соединились, поняли, что даже в этом случае о примерном равенстве сил сторон говорить пока еще не приходилось.

Наполеон Бонапарт, как действительно великий полководец, надеялся, что уж на этот раз ему удастся навязать русским генеральное сражение. Местоположение города Смоленска вполне устраивало императора французов для проведения генеральной баталии. Да к тому же он знал о своем почти двойном превосходстве в силе и артиллерии.

К решающей схватке с неприятелем, вторгшимся в российские пределы, стремились в своем подавляющем большинстве и все русские солдаты и офицеры и их генералы. В числе их был и дивизионный командир Иван Федорович Паскевич, уже не раз повидавший вместе со своими подчиненными спины обращенных в бегство французов и их расстроенные штурмовые колонны.

Особенно рвался к решительной схватке с армией завоевателей генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион, известный своей пылкостью и неустрашимостью. Он с большой обидой писал одному из близких к Государю Императору людей (таким адресатом был председатель департамента военных дел Государственного совета генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев):

«Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска».

Однако главнокомандующий и военный министр России генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли оставался верен своему плану последовательного отступления от государственной границы в глубь страны. Под Смоленском он вновь отдал приказ о дальнейшем отходе обеих Западных армий на восток по Московской дороге.

Однако отход соединившихся русских армий надлежало надежно прикрыть. 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, понесший большие потери, для этой цели подходил мало. В ночь с 4-го на 5 августа его потрепанные дивизии были заменены свежими войсками 6-го пехотного корпуса генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. Перед ним была поставлена задача продолжать защиту Смоленска с целью задержать как можно дольше под его стенами наступавших французов.

Однако разведка доносила о том, что под Смоленск уже подошли главные силы Великой армии Наполеона. Поэтому на усиление корпуса Дохтурова были приданы 3-я и 27-я пехотные дивизии и егерский полк. На смоленских оборонительных позициях больше стало и артиллерийских батарей.

Командиры дивизий, доблестно удержавших город Смоленск до подхода главных сил и давших им возможность соединиться, получили много слов благодарности. Среди главных героев дня 4 августа назывался и командир 26-й пехотной дивизии Иван Федорович Паскевич, отбивший все атаки французских войск на Королевский бастион...

В августе в русскую действующую армию пришла долгожданная радостная весть. Императорским указом наконец-то был назначен единый главнокомандующий, и им стал человек любимый в русской армии, полководец со славой суворовского ученика — генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Наступил день Бородина — 26 августа по старому стилю (7 сентября по новому) 1812 года. День подлинной славы русского воинства и торжества духа армии России.

7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Николая Николаевича Раевского в Бородинском сражении защищал Центральный редут на Курганной высоте. Это полевое укрепление вошло в военную летопись под названием «батареи Раевского». Борьба за Центральный редут в день Бородина могла быть сравнима по своему накалу и кровопролитию только со схватками за Багратионовы флеши и Семеновские высоты.

Схватка за батарею на Курганной высоте стала не только центральным событием Бородинского сражения, но и превра-

тилась, фактически, в символ Бородина. Не случайно главный памятник Бородинского поля был сооружен на этой высоте у реки Колочъ. Французы назвали это русское укрепление «большим редутом».

Батареею на Курганной высоте, находившуюся в самом центре русской позиции, защищали четыре полка 26-й пехотной дивизии: Полтавский, Ладожский, Нижегородский и Орловский. Они составляли пехотное прикрытие курганной батареи, причем один из батальонов полтавцев занял позицию во рву Центрального редута, ширина которого достигала семи метров. Второй батальон полтавцев с Ладожским пехотным полком расположился с южной стороны укрепления. Позиции с севера заняли Нижегородский и Орловский пехотные полки.

Командир дивизии находился большей частью на батарее, чтобы руководить защитой высоты. По свидетельствам очевидцев, генерал-майор Иван Федорович Паскевич показал в Бородинский день образец бесстрашия и самоотверженности, командирской решимости в отдаваемых приказах.

Когда стало ясно, что на Курганную высоту обрушился главный удар наполеоновских войск — 4-го корпуса под командованием маршала Франции вице-короля Евгения Богарне, генерал-майор И.Ф. Паскевич приказал при штурме батарейной позиции на высоте орудия с нее не свозить из-за опасности оставить их неприятелю. Дивизионный командир отослал назад только лошадей и зарядные ящики.

Настойчивые до отчаянности атаки французов следовали одна за другой. На приступ Курганной высоты батальоны дивизии генерала Морана шли сильными штурмовыми колоннами. Позиции пехотных полков 26-й дивизии непрерывно обстреливались орудийным огнем. Ряды батальонов таяли прямо на глазах у генерала Паскевича, который поставил на защиту Центрального редута все, что имел под рукой.

«Неприятель шел прямо на фронт наш, — писал генерал-лейтенант Н.Н. Раевский в своем рапорте после сражения. — Подойдя же к оному, сильные колонны отделились с левого его фланга, пошли прямо на редут и, несмотря на сильный картечный огонь моих орудий, без выстрела головы оных перелезли через бруствер».

Наконец настал тот момент Бородинской битвы, когда ликующие французы ворвались на Центральный редут и захватили на высоте 18 русских орудий (по другим данным, их было 24 или 12). Но им не удалось воспользоваться ими против отступивших с батареи русских. Зарядные ящики были уже увезены с Курганной высоты и уведены лошади артиллерийских упряжек.

26-я пехотная дивизия, одна из немногих в русской армии, на Бородинском поле оказалась под мощнейшим ударом неприятеля. Были минуты, когда она могла быть разрезанной надвое штурмовой колонной французов. Видя такую опасность, дивизионный командир собрал всех, кто оказался подле него, и контратаковал фланги противника у высоты. Тем самым удалось немного выправить положение, хотя вражеский натиск не ослабевал.

В день Бородина дивизия Паскевича, ее пехотные полки держались на позиции у батареи Раевского из последних сил. И она сумела выстоять до начала второй половины дня, потеряв большую часть своих бойцов. После этого времени остатки защитников «большого редута» были выбиты с высоты.

В своих воспоминаниях о Бородинском сражении А.П. Ермолов дал самую высокую оценку мужеству защитников Курганной высоты и стойкости полков 26-й пехотной дивизии. Он отмечал в своих «Записках» критичность ситуации того боя:

«Долго при неравных средствах слабое укрепление наше держалось против сосредоточенного огня сильных неприятельских батарей, но при находящихся в нем восемнадцати орудиях не было ни одного заряда, и угасший огонь их облегчил приближение французов. По тесноте укрепления весьма мало пехоты помещалось в нем во внутренности его; стоявшая снаружи, истребляемая картечью, рассеяна. Недостаточны были способы для защиты местности, при всех усилиях известного неустрашимого генерал-майора Паскевича, командующего дивизиею...»

В самый критический момент борьбы за Курганную высоту, которая примерно в три часа дня была уже захвачена французами, к ее отступившим защитникам подоспела небольшая помощь. Начальник объединенного штаба 1-й и

2-й русских Западных армий генерал Алексей Петрович Ермолов и начальник всей русской артиллерии в Бородинском сражении генерал А.И. Кутайсов (погибший смертью храбрых на батарее Раевского) подоспели с одним-единственным батальоном Уфимского пехотного полка. Затем подоспел на выручку генерал Богдановский с четырьмя пехотными батальонами. Паскевич, собравший вокруг себя остатки своих полков, тоже участвовал в этой контратаке.

Главкомандующий русской армией Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов в рапорте Императору Александру I о Бородинском сражении упоминал и генерала Паскевича, командира 26-й пехотной дивизии, которая сражалась героически, но в конце концов не смогла удержать Курганную батарею. Или, как писалось в рапорте, — «...не могла противостоять превосходящим силам неприятеля».

Об участии командира дивизии в ермоловской контратаке на Курганную высоту в кутузовском рапорте говорилось следующим образом: «Генерал-майор Паскевич с полками ударил в штыки на неприятеля, за батареею находящегося... и неприятель был совершенно истреблен; вся высота и поле оной открыто неприятельскими телами...»

Действительно, таких малых сил, пришедших на помощь, оказалось достаточно, чтобы русские пехотинцы ударили в штыки и ворвались в Центральный редут. Французов на батарее Раевского опрокинули, обратили в бегство, а немалую часть перебили на высоте. Генерал-майор И.Ф. Паскевич был сам в том жарком деле, командуя поредевшими рядами своих пехотинцев. Под ним была убита ударом штыка одна лошадь, немного позже ядром убило другую. Сам же всадник в последнем случае не был даже контужен. Судьба хранила его на Бородинском поле.

«Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, возвышение отбито, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела» — так описывал ту контратаку русской пехоты на батарею Раевского очевидец события.

О том, какие большие потери понесли французские войска из корпуса Евгения Богарне, свидетельствуют воспоминания

наполеоновца Франсуа из 30-го линейного полка, уничтоженного более чем на три четверти: «Полк отошел в тыл с этого фатального редута с 11 офицерами и 257 унтер-офицерами и солдатами, остальные были убиты и ранены...» В роте Франсуа осталось в строю всего пять человек. Утро же Бородинского сражения 30-й линейный полк Великой армии императора французов встретил, имея в строю 4100 человек.

В день Бородина полки 26-й дивизии в ходе почти беспрестанных схваток потеряли три тысячи солдат и офицеров только погибшими. Еще больше оказалось раненых, хотя воины с легкими ранениями не покидали строй до конца битвы.

26-ю дивизию, вконец обескровленную, с полками, потерявшими прежнюю стройность, сменила у Курганной высоты 24-я пехотная дивизия генерала П.Г. Лихачева. Людей при орудиях на батарее Раевского переменили два раза, поскольку почти все артиллеристы пали на поле битвы. Для артиллерийской прислуги солдат брали из пехотных полков.

За примерное отличие в Бородинском сражении генерал-майор Иван Федорович Паскевич удостоился ордена Святой Анны 1-й степени...

Его дивизия оставила обезлюдевшую на глазах Москву одной из последних, находясь в арьергарде кутузовской армии. Да и дивизией ее можно было назвать только с большой натяжкой. Под ружьем насчитывалось не более 1200 нижних чинов и офицеров. Людей по большому счету едва ли хватало только на один-единственный пехотный полк. Остальные остались лежать на Бородинском поле да в госпиталях. Артиллерии в 26-й дивизии не имелось.

Командовавший арьергардом уходившей из древней русской столицы армии ученик Суворова генерал М.А. Милорадович приказал, в случае появления французов в Москве, сражаться на городских улицах и площадях до последнего человека (если, как он сказал, французы не дадут русским войскам спокойно выйти из Москвы со всей артиллерией и обозами).

Дивизия Паскевича, отличившаяся при обороне Смоленска, лучше многих годилась для ведения уличных боев в большом городе. Она была главной надеждой Милорадовича на прикры-

тие уходившей по Рязанской дороге кутузовской армии. Маршал Франции Мюрат не пошел на сражение на улицах Москвы и согласился на кратковременное перемирие.

К 6 часам вечера, так и не потревоженные французским авангардом, войска генерала М.А. Милорадовича покинули город. Пехотные полки 26-й дивизии выходили из Москвы в числе последних войск. Генерал-майор И.Ф. Паскевич ехал по улицам, забитым повозками и беженцами. Вдоль домов лежало большое число тяжело раненных солдат, которых не было никакой возможности взять с собой.

Неприятельские авангардные колонны угрожали вне Москвы отрезать русский аррьергард. Но все обошлось. Совершив свой знаменитый в военной истории фланговый марш-маневр, главнокомандующий генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов расположил свои войска в укрепленном Тарутинском лагере.

Русская действующая армия скоро восполнила свои ряды. 26-я пехотная дивизия пополнилась обученными рекрутами и вновь обрела свой прежний вид. К тому времени наполеоновская Великая армия уже уходила с московских пожарищ, но она еще сохраняла свою прежнюю боевую мощь, а ее генералитет и маршалы Франции вместе с императором не считали Русский поход 1812 года для себя проигранным.

Наполеоновская армия попыталась прорваться через Калугу в южные губернии России, не тронутые войной и где можно было в достатке добыть провиант и фураж. Однако это движение неприятеля не ускользнуло от прозорливого Кутузова. Под городом Малоярославцем 12 октября произошло решительное и на редкость упорное сражение.

На помощь сражавшемуся здесь корпусу генерала Дохтурова в 14.00 подошел 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского. Малоярославец восемь раз переходил из рук в руки! С той и другой стороны в битве участвовало по 25 тысяч человек. Генерал-майор И.Ф. Паскевич со своей 26-й пехотной дивизией несколько раз врвался в атакующем порыве в город, под ним была ранена лошадь. Все же в конце концов под вечер русские выбили французов из горящего Малоярославца и закрепились в нем.

В итоге сражения под Малоярославцем кутузовская армия вынудила Великую армию Наполеона Бонапарта отступить из России по разоренной старой Смоленской дороге. Стратегическая инициатива в войне окончательно перешла в руки русского главнокомандующего.

Генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов отправил к Медыни для блокирования пути к городу Калуге по Медынской дороге конный корпус войскового атамана Донского казачьего войска Матвея Ивановича Платова. Тот со своими донцами и конной артиллерией без промедления ушел вперед, но без пехоты.

В подкрепление Платову главнокомандующий по совету генерал-майора А.П. Ермолова 15 октября направил генерал-майора И.Ф. Паскевича с его пехотной дивизией, особо отличившейся под Малоярославцем. Ермолов, организовывавший преследование наполеоновской армии, писал генерал-фельдмаршалу: «Армии нужна скорость. Генерал-майора Паскевича выдвинуть вперед от Адамовского (село на Медынской дороге. — А. Ш.)...»

Дивизии предстояло стать преградой для врага на дороге из Медыни в Калугу и «воспрепятствовать покушению неприятеля... имеющего намерение идти по сей дороге в Калугу». Такое серьезное поручение Кутузова говорило только об одном: он тоже верил в боевые качества 26-й пехотной дивизии и поэтому поручил ее командиру выполнение столь ответственной самостоятельной задачи.

19 октября генерал-майор И.Ф. Паскевич поступает под начальство генерала от кавалерии М.И. Платова, преследовавшего отступающих французов с тыла. Иван Федорович Паскевич командует у самого прославленного в истории России казачьего атамана всей пехотой и регулярной кавалерией, а именно: своей пехотной дивизией, егерским и гусарским полками, 36 артиллерийскими орудиями.

В тот же день донская казачья конница атамана Платова у Колоцкого монастыря настигла аррьергард наполеоновской армии, которым командовал все тот же опытный маршал Франции Даву. Платов атаковал неприятеля и взял в бою у отступавших французов 27 орудий. Пехота Паскеви-

ча с артиллерией спешным маршем шла за казачьими полками.

22 октября произошло сражение под городом Вязьмой. Авангард русской армии под командованием генерала Милорадовича совместно с платовскими казаками (всего русских сил набралось 25 тысяч человек) нанес чувствительное поражение четырем французским корпусам, шедшим в арьергарде армии Наполеона. Противник насчитывал в своих рядах в Вяземском сражении 37 тысяч человек.

Под Вязьмой 26-я пехотная дивизия вновь отличилась. Генерал-майор И.Ф. Паскевич в ходе сражения руководил атаками в центре и на правом фланге русской позиции. Его пехотинцы в тот день прославили себя тем, что в тот день согнали стойко оборонявшихся французов с четырех позиций. И в числе первых ворвались в горящий город. В решающей штыковой атаке полки 26-й дивизии прорвались через мост и заняли верхнюю, возвышенную часть Вязьмы, взяв в плен около трех тысяч неприятельских солдат и офицеров.

Ермолов в своих «Записках» говорит о том, как в числе первых пошел в бой 300 егерей 5-го егерского полка дивизии Паскевича, посаженные на коней. А 26-я пехотная дивизия с «чрезвычайною скоростию» приближалась к Вязьме. О бое в самом городе А.П. Ермолов, среди прочего, пишет следующее:

«...Генерал-майор Паскевич с 26-ю дивизиею штыками открыл себе путь по телам противоставшего неприятеля и, минуты не остановясь, перешел реку, преследуя бегущих до крайней черты города».

Ночью дивизия Паскевича оседлала большую дорогу, заградив своими полками путь французам. Те безуспешно попытались прорваться сквозь ряды русской пехоты. Кончилось дело тем, что врагу пришлось взорвать сто зарядных ящиков (!) своих орудийных расчетов и сжечь собственные обозы. Только избавившись от всего лишнего, что сдерживало их движение, отступающие французские войска смогли продолжить бегство от города Вязьмы на запад.

Главнокомандующий генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов в донесении Императору Александру I о сражении под городом Вязьмой писал:

«...22-го числа поутру генерал Милорадович атаковал неприятеля у города Вязьмы. Сражение продолжалось при отступлении неприятеля до самого сего города, из коего неприятель вытеснен на штыках нашими 11-ю и 26-ю дивизиями под командою генерал-майоров Паскевича и Чоголокова...»

После сражения под Вязьмой 26-я пехотная дивизия присоединилась к основным силам нашей армии, которая преследовала армию императора французов, идя параллельно ей, но южнее. В составе главных сил кутузовской армии полки Паскевича следовали до самой Ельни. Затем дивизия по решению главнокомандующего была вновь передана в состав авангардного отряда генерала Милорадовича, идя в голове ее колонны по старой Смоленской дороге.

Затем произошло сражение под городом Красным за Смоленском. Кутузовская армия нанесла здесь жестокое поражение отступающей армии Наполеона Бонапарта, еще имевшей в своем боевом составе 50—60 тысяч человек. Потеряв под Красным 32 тысячи человек и 116 орудий, французы и их союзники в беспорядке отступили к реке Березине. Потери русских в сражении составили около двух тысяч человек.

Под городом Красным генерал-майор И.Ф. Паскевич с бригадой егерей (два полка) своей дивизии напал на хвост колонны наполеоновской гвардии. Завязался упорный бой. Сержант наполеоновской гвардии Франсуа Бургонь писал в своих мемуарах:

«Около 2 часов ночи началось движение; мы выступили тремя колоннами. Фузильеры-Гренадеры и Фузильеры-Егеря образовали центр. Тиральеры и Вольтижеры составили правую и левую колонны. После получаса пути по колено в снегу мы очутились среди русских — от них нас отделяло всего 80 метров, они направляли в нас убийственный огонь. Их кавалерия (кирасиры) не осмеливалась подступить к нам, а их артиллерия сыпала в нас картечью. Но это не остановило нас; мы пошли в атаку и ворвались в их лагерь. Мы дрались при свете пылающих пожаров.

При начале этого движения мы увидели в снегу несколько сот русских, которых сначала приняли за убитых. Лишь мы миновали их, как они вскочили и принялись стрелять в нас; мы сделали полуоборот, чтобы защищаться...

Пройдя через русский лагерь и атаковав селение (Кутьково), мы вступили в рукопашную. Произошла страшная резня, мы рассыпались, каждый сражался сам по себе...

После этого мы подобрали своих раненых и сомкнулись вокруг полковника. В таком положении мы дождались утра.

Русские отступили со своих позиций, но не удалились, и мы остались на поле сражения весь день и всю ночь... находясь постоянно в движении...»

О том, как сражались пехотинцы 26-й дивизии генерал-майора И.Ф. Паскевича на Смоленщине, говорит и другое свидетельство. И тоже человека военного и иноземного.

Будущий блистательный английский генерал сэра Роберт Вильсон с большой свитой британцев почти всю Отечественную войну 1812 года находился при главной квартире русской действующей армии. Имел Вильсон официальную должность комиссара английской короны в России. Более того, он получил Высочайшее соизволение лично писать всероссийскому Императору Александру I Павловичу обо всем, заслуживающем внимание монарха.

Однако наделенный таким Высочайшим доверием, сэра Роберт Вильсон подробнейшим образом информировал о ходе военных действий не только своего покровителя в лице русского Государя. При штаб-квартире главнокомандующего англичанин представлял прежде всего интересы Великобритании, пока еще союзницы России в антинаполеоновских войнах.

Хорошо осведомленный о ходе боевых действий при изгнании армии Наполеона из российских пределов, сэра Роберт Вильсон 7 ноября в письме своему шефу лорду Каткарту писал:

«Имею честь уведомить вас, что корпус маршала Нея оказался вчера на Смоленской дороге в пяти верстах от Красного и в предположении, что только отряд российской армии пересекает ему дорогу, неоднократно делал отчаянные усилия штыками открыть себе дорогу сквозь сильную артиллерию и бригаду генерала Паскевича.

Русские штыками же с неустрашимостью отразили нападения неприятеля и, наконец, гвардейские уланы, сделавши быструю атаку, истребили совершенно три колонны и при этом взяли одного генерала, шесть пушек и три штандарта...»

В том деле генерал-майор И.Ф. Паскевич лично возглавил штыковую атаку Орловского, Ладожского и Полтавского пехотных полков своей дивизии. Маршалу Франции Нею со своим корпусом пришлось уйти с большой дороги на проселочную, утопавшую в глубоком снегу. Такое произошло даже несмотря на то, что французы с иступлением обреченных шли на картечные залпы 40 русских орудий. Они атаковали русских с «неимоверною твердостью в полном молчании, ни одного не делая выстрела».

Имя генерала Паскевича упоминается во многих воспоминаниях участников Отечественной войны 1812 года. Пишут и об его деятельном участии в сражении на Смоленщине под городом Красным. В своих мемуарах барон, тогда майор, Вольдемар (Владимир Иванович) фон Левенштерн, офицер для поручений при кутузовском штабе, писал в своих мемуарах:

«Ней с 12000—15000 человек шел по большой дороге в полном порядке, с бодрым видом и с твердою решимостью пробиться, чтобы соединиться с отрядами вице-короля и Даву, коих печальная участь еще не была ему известна...

Между тем приехал генерал Корф и приказал мне известить генерала Милорадовича о приближении Нея. Я приехал к генералу Милорадовичу за несколько минут до того, как подошла колонна Нея. Милорадович был видимо удивлен внезапным появлением этого генерала (маршала Франции. — А. Ш.) и хотел переменить позицию; но генерал Паскевич, подошедший в эту же минуту, убедил его не делать этого и выждать атаки со стороны Нея. Пять минут спустя град пуль и картечи осыпал корпус Милорадовича; Ней, воспользовавшись туманом, перешел через овраг, никем не замеченный, и атаковал наши батареи, стоявшие на большой дороге.

Стремительность, с какою совершилась эта атака, увенчалась бы успехом, так как французы овладели уже несколькими орудиями, но в это время Паскевич подошел со своей дивизией; неприятель был опрокинут штыками и отброшен в овраг.

Генерал Милорадович послал меня к фельдмаршалу с известием о появлении Нея и о начале сражения.

...Он (главнокомандующий Голенищев-Кутузов. — А. Ш.) отослал меня обратно со своим зятем, князем Кудашевым,

и мы были свидетелями окончательного поражения корпуса Нея.

Он сражался как лев, но время побед для французов миновало. Он был разбит наголову и вынужден спастись бегством с несколькимистами офицеров и тремя- или четырьмястами солдат. Остальная часть колонны положила оружие...

Я не имею претензии критиковать действия наших генералов во время трехдневного сражения при Красном, но не подлежит сомнению, что если бы они выказали более энергии, то ни Даву, ни вице-король, и в особенности Нея, не могли бы ускользнуть от них... Только Милорадович и Паскевич были деятельны...»

За сражение под Красным Иван Федорович Паскевич был высочайше пожалован в кавалеры ордена Святого Владимира 2-й степени. А наиболее отличившийся в боях Орловский пехотный полк получил в награду серебряные трубы — гордость орловцев, полковая реликвия, бережно хранившаяся ими вплоть до 1918 года, когда старая русская армия была расформирована и прекратила свое существование.

Преследование Великой армии Наполеона, еще весной насчитывавшей в своих рядах 600 тысяч человек, собранных с пол-Европы, продолжалось. 26-я пехотная дивизия вновь шла в авангарде наступавших кутузовских войск. Теперь в боевых столкновениях с отступавшими французскими войсками ее полки почти не несли потерь, если, конечно, не считать заболевавших в связи с начавшимися сильными морозами.

Сражение на берегах реки Березины завершило полный разгром неприятеля.

Остатки Великой армии императора французов были победно изгнаны из пределов России. Сам Наполеон, незаметно оставив свои войска, уехал в Париж собирать новую армию.

Прибывший в освобожденный город Вильно Император Александр I Павлович, вошедший в российскую историю как Благословенный, 12 декабря 1812 года устроил торжественный прием по случаю своего дня рождения. Главнокомандующий русской действующей армией М.И. Голенищев-Кутузов представил Государю на приеме генерал-майора Паскевича

как лучшего армейского генерала. Тому от роду было тогда всего тридцать лет.

Прием у Императора круто изменил военную биографию Ивана Федоровича Паскевича, героя боев у Салтановки, Смоленска, Бородина, Малоярославца и Красного. Вскоре ему вверяется в командование 7-й пехотный корпус вместо серьезно заболевшего генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. Корпус состоял в то время из восьми пехотных полков и 48 орудий и мог на той войне действовать вполне самостоятельно.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ

В начале 1813 года русская действующая армия перешла пограничную реку Неман и начала свой знаменитый заграничный поход в Европу. 27 января генерал-майор Паскевич в местечке Вилянуве принял от городской делегации ключи города Варшавы, столицы созданного императором Наполеоном «независимого» Варшавского герцогства.

По этому поводу главнокомандующий Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов писал ему: «Воля Его Императорского Величества не занимать Варшавы, ключи принять и расположиться как можно ближе в предместья города...»

23 февраля генералу Паскевичу поручается блокада сильной крепости Модлин близ впадения реки Западный Буг в Вислу. Пехотный корпус подкрепляется тремя полками 13-й пехотной дивизии, двумя драгунскими и четырьмя казачьими полками. Против этих русских войск оборонялся 6-тысячный гарнизон, обладавший 200 орудий самых различных калибров и большими военными запасами.

Наполеоновский гарнизон Модлинской крепости решительно отказался капитулировать. Он состоял из много повоевавших французских, саксонских и польских войск, которые в самых трудных для них сражениях «не шли в плен», а продолжали стойко сражаться. К тому же засевшие в Модлине французы сильно надеялись на выручку от главных военных сил Наполеона, его новой армии. Началась формальная осада Модлина, которая длилась шесть месяцев.

За это время к крепости подвезли 60 осадных орудий и 60 тысяч боевых зарядов к ним. Под ружьем в осадном лагере находилось уже 28 тысяч человек. Начались ожесточенные артиллерийские бомбардировки укреплений Модлина и последние приготовления к генеральному штурму вражеской крепости. Но он не состоялся.

Россия заключила с Францией перемирие. Русские осадные войска отступили от непобежденного Модлина, а его выстоявший в блокаде крепостной гарнизон получил возможность соединиться с главными силами Наполеона. После этого Паскевич скажет, что он предпочитает атаковать неприятеля в поле, а не «томиться на блокадах».

Вскоре, в июле 1813 года, формируется так называемая Польская армия под командованием генерала от кавалерии А.А. Беннигсена, куда вошел и 7-й пехотный корпус. Новая армия вошла в Богемию (Чехию) через две недели после сражения при Кульме и стала прикрывать сообщения главной армии, двинувшейся тем временем к саксонскому городу Лейпцигу.

Генерал-майору И.Ф. Паскевичу доверяется командование авангардом Польской армии, то есть решение большой самостоятельной задачи. Он состоял из 26-й пехотной дивизии, подкрепленной шестью эскадронами регулярной кавалерии и тремя казачьими полками. Армейский авангард имел и немалую артиллерию.

26 сентября 1813 года генерал Паскевич удачно атакует одной кавалерией неприятельский походный лагерь при селении Кесюбле и овладевает им. На следующий день русские войска сбивают французов с позиций у деревни Линдигт. Авангард Польской армии устремляется на корпус маршала Франции Лорана Сен-Сира, хорошо укрепившегося при городе Донау на выгодных позициях для обороны.

Завязался упорнейший бой, который долго не давал успеха ни той ни другой стороне. Противники то и дело атаковали и контратаковали друг друга. Но 26-я пехотная дивизия русских и их кавалерия все же принуждают войска Сен-Сира отступить к городу Дрездену, к главным силам наполеоновской армии. Город Донау и его окрестности полностью очищаются от французских войск.

За отличия в этих делах командиру 7-го пехотного корпуса императорским Высочайшим указом жалуются алмазные знаки к ордену Святой Анны 1-й степени. Император Александр I отмечает дивизионного командира Паскевича в числе лучших своих военачальников...

Продолжая теснить перед собой французские войска, генерал-майор Паскевич с успехом участвует в сражении у деревни Плауен. Затем его войска совершают по саксонской земле стремительный марш-бросок до города Мейсена, проделав за два дня путь в 90 верст. Это был переход в лучших суворовских традициях.

В знаменитой «Битве народов» под Лейпцигом Иван Федорович Паскевич вновь командует ставшей ему родной 26-й пехотной дивизией, с которой он прошел всю Отечественную войну 1812 года. Во главе своих доблестных полков он врывается в городские предместья Лейпцига и отбивает у противника более 30 орудий, заставив тем самым замолчать несколько вражеских батарей. Четыре тысячи французов, продемонстрировавших большое мужество в «Битве народов», сдаются в плен его дивизии.

Лейпцигское сражение, в котором с обеих сторон участвовало около полумиллиона человек и было задействовано более двух тысяч орудий, закончилось полной победой союзных армий России, Пруссии, Австрии и Швеции. Наполеон потерял в этой битве 80 тысяч человек. В плен союзными войсками было взято 22 генерала, 37 тысяч солдат и офицеров, захвачено более 300 артиллерийских орудий.

За отличия в «Битве народов» под стенами Лейпцига Паскевич производится в генерал-лейтенанты. Ему было тогда всего тридцать два года.

После Лейпцигского сражения Паскевичу поручается блокада неприятельских крепостей сначала Магдебурга, а затем Гамбурга вблизи побережья Северного моря. Из-под Гамбурга он отзывается Императором Александром I во Францию, где принимает командование над 2-й гренадерской дивизией. Гренадерские войска, равно как и гвардия, традиционно являлись лучшей частью русской армии. Командование ими само по себе являлось честью для любого военачальника.

В новой должности генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич отличается в битве при Арсисе на реке Обу 18 марта 1814 года. В ходе этого сражения на французской земле русские гренадеры несколько раз «поражали» каре войск маршала М. Нея и преуспели в разгроме войск противника. Дивизионный командир оставил об этом бое воспоминания:

«Я построил свои батальоны в каре и, отправив артиллерию во вторую линию, двигался вперед. Вдруг на меня летит со всех сторон кавалерия, и так как уже темнело, я не знал — наши ли, или французы. Ветром дошли до меня польские слова. А! польские уланы, подумал я, и сразу открыл огонь. Через несколько минут все снова исчезло. То были действительно польские уланы, оставившие след свой ранеными и убитыми. Я медленно продолжал наступление...»

Гренадерские полки 2-й дивизии наступали на Париж в авангарде русской армии. Учитель поэта А.С. Пушкина, К.Н. Батюшков писал в одном из своих писем в Россию в марте 1814 года о той наступательной операции:

«...Мы дрались между Нанжинсом и Провинс... откуда пошли на Арсис, где было сражение жестокое, но не продолжительное, после которого Наполеон пропал со всей армией. Он пошел отрезать нам дорогу от Швейцарии, а мы, пожелав ему доброго пути, двинулись на Париж всеми силами от города Витри. На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывающих столицу и... проглотили. Зрелище чудесное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы — все досталось победителям, но и здесь французы дрались как львы».

В тот же день, 18 марта, но уже под городскими стенами Парижа, полки 2-й гренадерской дивизии после скоротечного боя преследуют разбитого неприятеля до самых городских ворот. Коалиционная война монархий Европы против наполеоновской Франции завершается полной победой. Победенный и теперь уже бывший император французов Наполеон Бонапарт становится на первый раз правителем маленького остро-

ва Эльба у итальянских берегов. Союзные войска с большой торжественностью занимают Париж.

Наградой за взятие французской столицы Парижа генерал-лейтенанту И.Ф. Паскевичу, командиру гренадерской дивизии русской армии, становится орден Святого Александра Невского. Боевой орден, учрежденный еще первым всероссийским Императором Петром I Великим.

Другой наградой стала серебряная медаль. На лицевой стороне ее было помещено погрудное, вправо обращенное, изображение Императора Александра I в лавровом венке и в сиянии расположенного над ним лучезарного «всевидящего ока». На оборотной стороне, по всему обводу медали, в лавровом венке прямая надпись в пять строк: «За взятие Парижа 19 марта 1814».

В первые же дни после взятия Парижа везучему во многом Паскевичу улыбнулась, наверное, самая большая удача в его долгой жизни. О случившемся Иван Федорович писал сам:

«В Париже начались, как и в Петербурге, гвардейские разводы, и мы из гренадерского корпуса поочередно туда ездили. В один из сих разводов Государь, увидев меня, подозвал и совершенно неожиданно рекомендовал меня Великому Князю Николаю Павловичу (будущему Императору Николаю I. — А. Ш.). Познакомься, сказал он ему, с одним из лучших генералов моей армии, которого я еще не успел поблагодарить за его отличную службу. Николай Павлович после постоянно звал меня к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами по целым часам вдвоем разбирали все движения и битвы 12-го, 13-го и 14-го годов...»

Так между Великим Князем, которому пока никак «не светила» императорская корона России (он был третьим сыном Павла I), и боевым генералом завязалась прочнейшая, как считают многие историки, дружба длиной в сорок лет. Она и преопределила дальнейший, после 1825 года, взлет карьеры Ивана Федоровича Паскевича на военном и государственном поприще.

Дружба между одним из первых лиц династии и армейским генералом, человеком, конечно, интересным и лично оба-

ятельным, объясняется довольно просто. Одиноким по натуре Великий Князь Николай Павлович, которому тогда было только 18 лет, искренне привязался к Паскевичу. Более того, во всех своих дальнейших взаимоотношениях они всегда находили полное понимание друг у друга.

Почти девять лет непрерывной боевой службы дали будущему полководцу Российской империи хорошую школу. Сражаясь против турок-османов и войск императора французов, участвуя в крупнейших сражениях той эпохи, Иван Федорович Паскевич, как старательный ученик великих славой учителей, добился «совершенства в военном ремесле».

Примерная неустранимость пехотного начальника дала ему в рядах русской армии именование генерала «храброго». А лучшим подтверждением этого была ратная слава 26-й пехотной и 2-й гренадерской дивизий и орденские награды, полученные только за личные заслуги на поле брани. К тому времени он еще не был лицом, лично приближенным к Государю Императору, и даже самый большой недоброжелатель не мог еще назвать его ни императорским фаворитом, ни царедворцем.

Как известно, в 1815 году Наполеон снова дал миру о себе знать своими знаменитыми «Ста днями», закончившимися битвой при Ватерлоо. Россия не успела к участию в этой битве, однако русская армия вновь вошла во Францию. И генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич со своей 2-й гренадерской дивизией вторично совершил поход по Европе, но уже без боев.

В августе 1815 года дивизия участвовала в смотре русской армии во французском городе Вертю.

В тот год между двумя соратниками по антинаполеоновским войнам, двумя талантливыми русскими полководцами — И.Ф. Паскевичем и А.П. Ермоловым — начались первые взаимные «неудовольствия», имевшие впоследствии длинную историю. Подбирая по поручению Императора Александра I части для содержания караулов в Париже, Алексей Петрович Ермолов вызвал в Париж дивизию генерала Л.О. Рота, находя ее лучше обученной, чем 2-я гренадерская дивизия И.Ф. Паскевича. Из дивизии Паскевича он взял только один прусский полк. Самого же дивизионного командира во фран-

цузскую столицу Ермолов вообще не вызвал, хотя Паскевич, как военачальник вполне заслуженный, мог рассчитывать на участие в торжественных церемониях, проводившихся в Париже с участием европейских монархов. Естественно, что такое самовластное ермоловское решение Паскевича глубоко оскорбило.

НА ПУТИ НАВЕРХ

...Русская армия с триумфом возвращалась из заграничных походов в Отечество. В городе Вильно генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич получает начальство над Гренадерским корпусом (после Гвардейского он считался в иерархии русской армии вторым по значимости). Новый корпусной командир доводит гренадерские полки и батареи до назначенных квартир в Смоленске и его окрестностях. Император Александр I теперь не забывает Ивана Федоровича и дает ему ряд ответственных поручений. Так начиналось «вхождение» Паскевича в царское окружение.

В 1816 году Император Александр I Павлович дает Паскевичу на расследование дело о «бунте» государственных крестьян Липецкого приказа Смоленской губернии, приговоренных местными властями к наказанию плетью и каторге. Разобравшись до конца, генерал-лейтенант донес в столицу, что смоленские крестьяне, отказавшиеся платить губернским чиновникам недоимки, совершенно правы. И что все «бунтарское дело» затеяно мошенниками управителями и чиновниками, решившими нажиться на поборах с государственных крестьян.

Более того, Иван Федорович Паскевич просил российского Государя не только освободить смоленских крестьян-«бунтовщиков» от наказания, но и назначить им денежное пособие. «Пример человечности и сострадания никогда еще не был вреден» — так осмелился писать боевой генерал Царю-самодержцу. Крестьяне были помилованы. Что же касается кары для злодеев управителей, то и она, хотя и не очень суровая, все же состоялась. Проведенное разбирательство привело к снятию с должности главного виновника возмущения мужиков-хлебопашцев и переводу в другое место.

Случай со смоленскими государственными крестьянами очень характерен для личности Паскевича. Так было почти всегда и в дальнейшем. Паскевич на всех занимаемых им высоких государственных и военных постах сам никогда не делал того, что считал чисто по-человечески несправедливым. Он старался восстановить справедливость там, где она была нарушена властью имущими людьми.

Но, с другой стороны, И.Ф. Паскевич, наделяемый на различных должностях немалыми правами, почти никогда не вступал в активную борьбу с прямыми виновниками преступлений и безобразий. На такие дела он не решался и всегда старался уклониться от любых судебных разбирательств. Зачастую он просто закрывал глаза на подобные, ставшие гласными факты, считая их, по-видимому, недостойными своего внимания...

В Смоленске, тогда одном из крупнейших городов России, Иван Федорович Паскевич, генерал-красавец с полным бантом боевых орденов, знакомится с помещиком Смоленской губернии статским советником Алексеем Федоровичем Грибоедовым. Командующий Гренадерским корпусом был сразу принят в семье Грибоедовых. В 1817 году он женится на дочери хозяйина от первого брака с княжной Одоевской — Елизавете Алексеевне Грибоедовой. Как считают исследователи, личная жизнь будущего полководца сложилась вполне удачно. Они и умерли в один год, один за другим. Елизавета Алексеевна приходилась троюродной сестрой автору «Горя от ума».

С каждым последующим годом герой Отечественной войны 1812 года пользуется все большим доверием к нему Императора Александра I. Он назначается командиром 2-й Гвардейской дивизии, расквартированной в Санкт-Петербурге. Теперь Паскевич становится частым посетителем Зимнего дворца и постоянным почетным участником всевозможных торжеств в российской столице. Обходительный, хорошо воспитанный, с безукоризненными манерами, гвардейский военачальник делается желанным гостем во многих домах столичной аристократии.

Это было вполне объяснимо: столичная гвардия в царской России с самого начала своего существования в рядах русской армии находилась в исключительно привилегированном поло-

жении. Служба в гвардейских полках даже в младших — обер-офицерских чинах была весомым «авансом» для последующей служебной карьеры в армейских частях, особенно в условиях военного времени.

Генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич получает известность во многих европейских столицах, поскольку сопровождает Великого Князя Михаила Павловича (младшего из Павловичей) в путешествиях по Германии, Голландии, Англии и Италии. Путешествуют они и по Российской империи.

Паскевич быстро оказывается в «придворной обойме» — Императорская фамилия к нему благоволит. К тому же он давно снискал к себе расположение вдовы Императора Павла I Императрицы Марии Федоровны.

Однако Иван Федорович Паскевич не стал «царедворцем» в полном, привычном понимании этого слова. Свои мнения при дворе он старался выражать твердо, не боясь возвысить голос даже на младшего брата Императора. Он позволял себе открыто не соглашаться с методами, избранными Великим Князем Константином Павловичем, для управления Царством Польским (а ведь Константину Павловичу в случае смерти старшего брата предстояло «по старшинству» стать монархом Российской империи). При этом, конечно, можно не сомневаться, что великолепно воспитанный генерал выражал это с большой долей такта.

Императорские почести продолжают сыпаться на Паскевича. В 1819 году он награждается алмазными знаками к ордену Святого Александра Невского. В 1821 году назначается начальником 1-й Гвардейской дивизии, в которую входили старейшие гвардейские полки русской армии, в том числе Преображенский и Семеновский. Именно в этих полках начинали свой послужной список многие Великие Князья из правящей династии Романовых.

1-й бригадой 1-й Гвардейской дивизии командовал в то время Великий Князь Михаил Павлович, 2-й — будущий всероссийский Император Николай Павлович. Назначение Паскевича еще больше сблизило его с последним. Теперь до конца жизни в многочисленных письмах Государь будет называть своего полководца задушевно просто — «отец-командир».

Вскоре генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич официальным порядком входит в Императорскую свиту и круг царских придворных: он получает звание генерал-адъютанта. И вскоре назначается на должность командира 1-го пехотного корпуса, квартировавшего в прибалтийском городе Митаве (современной Елгаве в Латвии). Этот пехотный корпус относился к тем войскам русской армии, которые стояли на прикрытии западной границы Российской империи.

После восстания заговорщиков-декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге корпусного командира Паскевича вновь призывают в столицу. По указу нового всероссийского Императора Николая I он вводится в число членов Верховного уголовного суда над государственными преступниками. Только что воцарившемуся Государю требовалось окружение из надежных, преданных ему людей, в первую очередь из числа военных.

Генерал Паскевич во время длительного следствия по делу декабристов вел себя «достойно». Он проголосовал за все суровые приговоры офицерам-дворянам, некоторых из которых он знал лично. Невольное участие Ивана Федоровича в Верховном уголовном суде над декабристами станет потом «главной обвинительной статьей» против этого государственного мужа со всеми его полководческими заслугами перед Россией.

Суд над декабристами станет подлинной исторической голгофой для полководца Ивана Федоровича Паскевича. Правда, произойдет это только спустя шесть с небольшим десятков лет после его смерти, то есть в советское время. Советские историки, начиная с 20-х годов XX столетия, будут именовать генерал-адъютанта И.Ф. Паскевича не иначе как николаевским сатрапом, царедворцем «жандарма Европы», палачом революционеров-декабристов (хотя они были еще «так далеки от народа»), душителем революций в Польше, Венгрии, освободительного движения горцев Северного Кавказа и т. д. и т. п. Пожалуй, из больших полководцев старой России только Паскевич получил от большевиков столько самых «нелестных» эпитетов в свой адрес. О его же огромных личных воинских заслугах старались просто не упоминать — их замалчивали.

В числе высшей российской знати и генералитета И.Ф. Паскевич присутствовал в древней столице Русского государства Москве на торжественной коронации Императора Николая Павловича (Николая I Незабвенного). И тот с первых дней своего царствования стал благоволить к своему генерал-адъютанту с такой богатой боевой биографией и с явными задатками большого государственного деятеля. Кроме того, новый Государь достоверно знал, что хорошо известный ему генерал Паскевич никогда не был замечен в «вольнодумных словах и речах».

Во время коронационных торжеств в Москве начинается новая страница в биографии Ивана Федоровича Паскевича. Он направляется для продолжения царской службы на Кавказ, чтобы уже вскоре заменить там Ермолова на посту наместника (первоначально Император Николай I хотел послать в Тифлис боевого генерала Котляревского, но, к сожалению, многочисленные тяжелые ранения не позволили тому продолжить военную службу).

В Кавказском наместничестве Паскевич получит новое, одно из самых высоких назначений в иерархии Российской империи. А вместе с назначением — и многообещающее напутственное слово нового российского Государя, верившего в него и надеявшегося с его помощью кардинально изменить позиции России в Закавказье.

УСМИРЕНИЕ ПЕРСИИ

Здесь на самом юге Российского государства назревала война с шахской Персией (Ираном), грубо нарушавшей условия мирного Гюлистанского трактата. Этим мирным договором завершилась первая русско-персидская война 1804—1813 годов. Она получилась длительной и накалом боевых действий не отличалась. Тогда иранский Фетх-Али-шах признал присоединение к России Грузии, Дагестана, Северного Азербайджана и ряда закавказских мусульманских ханств.

Однако персидский владыка совсем не собирался до конца выполнять статьи Гюлистанского трактата. А о некоторых ста-

тнях договора в Тегеране вообще «забыли». Шахские власти всячески тянули с вопросом разграничения пограничных земель в районе озера Гокча (Севан). Персы явно не желали уходить даже из малой части армянских земель с христианским населением.

Чтобы предотвратить назревавшие военные события и как-то отклонить персидского монарха Фет-Али-шаха от войны, Император Николай I послал в Тегеран дипломатическую миссию. Но само посольство было расценожено персидским шахом как знак слабости России на Востоке.

Посольство во главе с генерал-майором А.С. Меншиковым, правнуком всем известного сподвижника Государя Петра I Великого, не добилось желаемых результатов. Более того, все письма посла к главнокомандующему русскими войсками в Грузии генералу А.П. Ермолову перехватывались персидской стороной.

Тем временем наследный персидский принц Аббас-Мирза, некоронованный правитель Южного Азербайджана, стягивал войска, почти исключительно конницу, к границам Карабахской провинции. Резервная персидская армия сосредотачивалась в Агаре, находясь в полной готовности подкрепить главные военные силы Персии. Сардар Эриванский (правитель-военачальник Эриванского ханства) получил шахское повеление открыть военные действия против России и наступать.

К 1826 году шахская Персия смогла сформировать большую армию, обученную английскими офицерами-инструкторами. Регулярная пехота состояла из 38,5 тысячи человек, иррегулярная — насчитывала пять тысяч. Конницы, преимущественно иррегулярной и племенной, набиралось до 94 тысяч всадников, не считая особой охранной стражи самого Аббас-Мирзы. Полевая артиллерия насчитывала 42 орудия, при которых находилось 910 по-европейски обученных солдат и офицеров. Иначе говоря, в 20-х годах XIX века Персию нельзя было считать слабой в военном отношении азиатской страной.

«Превысочайшия и Прехвальныя степени, Великодержательную власть древнюю Великих Государей, Персидских Царей приемшему, Магометанских Царей честью превосходящему, коего мудрость, правосудие и милосердие, подобно благотвор-

ным лучам солнца, освещают, животворят и благотельствуют несчетному множеству народов, сильнейшему и могущественнейшему Персидского Государства Обладателю и многих народов на Востоке, украшающему собою корону Царств, Его Величеству, Пресветлейшему Фет-Али-Шаху Коджарскому» (таков был официальный титул персидского шаха) удалось создать армию, во много раз превышающую русские войска в Закавказье. Эта армия была вымуштрована и снаряжена на европейский лад колониальными инструкторами Англии, которая вечно интриговала против России в кавказском и черноморском регионах.

Наследный принц Аббас-Мирза, командуя преимущественно конной армией в 60 тысяч человек, сопровождаемый огромным числом иррегулярной конницы кочевых и полукочевых племен Персии, намеревался стремительным маршем вклиниться в принадлежавшее России Закавказье. Шахский сын-главнокомандующий намеревался захватить город Тифлис и вытеснить малочисленные русские войска из Грузии и Армении далеко за реку Терек.

В Тегеране считали, что земли народов Северного Кавказа, исповедовавших мусульманство, должны стать владениями персидской шахской династии Каджаров. Само собой разумеющимся было и восстановление персидского протектората над ханствами Северного Азербайджана к северу от реки Куры, чьи правители и население не раз присягало на верность российскому Государю.

На Востоке заинтересованно наблюдали за событиями в Российской империи. В Тегеране вооруженное выступление декабристов восприняли как государственный переворот, который должен был ослабить Российское государство в военном отношении и надолго отвлечь его внимание от Кавказа.

19 июля 1826 года огромная шахская армия неожиданно вторглась в пределы южных государственных границ России со стороны Эриванского ханства, в районе Карабаха. Так началась вторая по счету русско-персидская война.

В день нападения персидской конницы в пограничной зоне насчитывалось всего около трех тысяч русских войск, разбросанных по аванпостам на большом удалении друг от

друга. Еще задолго до начала войны царский наместник на Кавказе генерал А.П. Ермолов неоднократно писал в столицу о предполагавшейся войне.

Поскольку основные силы Отдельного Кавказского корпуса были задействованы в борьбе с воинственными горцами Чечни и Дагестана, Ермолов требовал со свойственной ему прямотой дополнительных воинских сил.

Однако официальный Санкт-Петербург, занятый европейскими проблемами, остался глух к его донесениям. С началом же второй русско-персидской войны царский наместник на Кавказе мог выставить против численно огромной шахской армии всего лишь 10-тысячный Отдельный Кавказский корпус. Но его еще предстояло собрать в единый кулак, чтобы бросить на перешедшего государственную границу неприятеля.

Главные силы конной армии Аббас-Мирзы ринулись в долину реки Куры к городу-крепости Елизаветполю (бывшей и сегодняшней Гяндже), чтобы перерезать коммуникации россиян от Каспийского моря с Грузией. Но на своем пути к городу Тифлису (современному Тбилиси) персидская армия столкнулась с негнубаемым перед опасностью гарнизоном крепости Шуши в Нагорном Карабахе. Шахская армия, заполнившая своими конными тысячами ближние и дальние окрестности Шуши, неожиданно прервала свой стремительный поход через азербайджанские области на грузинскую столицу.

Древняя крепость Шуша, расположенная на высокой скале, была неприступной для врагов и испокон веков являлась оплотом Нагорного Карабаха, населенного армянами-христианами. Но главной ее бедой являлось отсутствие источников питьевой воды. Осажденный персами русский гарнизон и население Шуши, при летней жаре, оказались в тяжелых условиях вражеской блокады.

Шушинский гарнизон из 1300 русских солдат и офицеров (девять рот егерей и один донской казачий полк всего при четырех полевых орудиях) под командованием неустрашимого полковника Реута непоколебимо стоял на виду огромной персидской конной армии. После получения ультиматума о сдаче крепости комендант Шуши писал в приказе по гарнизону:

«...Остаюсь совершенно уверенным, что всякий из моих товарищей до конца выполнит воинский долг перед Отечеством».

...Известие о вторжении персидской армии в Закавказье Император Николай I получил в Москве, где еще продолжались торжества по случаю его коронации. Из находившихся в Москве боевых генералов Император без долгих колебаний избрал генерал-лейтенанта Ивана Федоровича Паскевича для роли «победителя» персидского шаха. Государь отправил своего избранника в Грузию на должность «командующего войсками под главным начальством Ермолова».

В своих отношениях с прославленным кавказским полководцем Алексеем Петровичем Ермоловым российский монарх был вежлив и предусмотрителен. Об этом свидетельствуют письма Императора того времени.

1 августа Николай I отправил со специальным фельдъегерем своему наместнику на Кавказе Высочайшее предписание немедленно выступить против персиян. Собственноручное царское предписание гласило:

«С прискорбием читал Я донесение ваше, Алексей Петрович. Стало, не всегда добрые намерения венчаются успехом, и за скромность и миролюбие наше платят нам коварством.

Сколь ни избегал Я войны, сколь ни избегал оной до последней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство России терпеть могло от наглости соседей безумных и неблагодарных. Хотя надеюсь и полагаю, что происшедшие военные действия суть собственное нахальство Сардаря Эриванского, но в Государствах, столь благоустроенных, каково Персидское, можно, требуя удовлетворения, и самим оное себе доставлять; а по тому, и предписать вам немедленно выступить против Эриванского Сардаря, и Эривань с его областью занять вами: вы и 15 тысяч Русских достаточный мне залог успехов.

Прочее увидите в предписании; одно здесь прибавлю: вы Христианский вождь Русский; докажите Персиянам, что мы ужасны на поле битвы, но что мирный житель может найти верный покров и всегдашнее покровительство среди стана нашего...

Вам искренне доброжелательный

Николай».

Собственноручный царский приказ зачитали всему командному составу русского Отдельного Кавказского корпуса...

Относительно Паскевича Император писал в Тифлис следующее:

«Для подробнейшего изъяснения вам моих намерений, посылаю к вам генерал-адъютанта Паскевича. Это мой бывший начальник, пользующийся всей моей доверенностью, и он лично может объяснить вам все, что по краткости времени и по безызвестности не могу я вам приказать письменно. Я уверен, что вы употребите с удовольствием сего храброго генерала, лично вам известного, препоручив ему командование войсками под главным начальством вашим».

Можно лишь добавить, что Николай I все же не до конца доверял герою Отечественной войны 1812 года Алексею Петровичу Ермолову из-за его известных в обществе связей со многими лицами, причастными к движению декабристов. Более того, в придворных кругах и сам генерал Ермолов считался «вольнодумцем», хотя прямых обвинительных фактов против А.П. Ермолова у Императора не имелось.

Одновременно с направлением Паскевича на Кавказ Царь-самодержец в письме от 10 августа выразил открытое недовольство кавказскому наместнику по поводу его «оплошностей» в начавшейся войне с Персией. Государь считал войска Ермолова достаточно сильными, чтобы хотя бы на время перейти в наступление, так как «...после несчастного начала надо ободрить войска блестящим успехом».

Генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич прибыл в Тифлис 29 августа. Он сразу же принял под свое начальство войска, сосредоточенные вблизи города. От главнокомандующего А.П. Ермолова получил приказ соединиться с отрядом генерала князя Валериана (Ростома) Григорьевича Мадатова, который уже вел боевые действия против персидской армии. Тот поступал в непосредственное подчинение Паскевичу. Ермоловым предписывалась в приказе и ближайшая задача: освободить от вражеской блокады крепость Шушу.

Знакомство «царедворца», хотя и с большими боевыми заслугами, генерал-адъютанта И.Ф. Паскевича с кавказскими войсками сразу «не получилось». Паскевич просто не знал по-

вседневной жизни русских войск на Кавказе, разительно отличавшейся от мирной жизни войск в самой России и особенно в столице.

Известный российский историк Василий Александрович Потто в своем труде «Кавказская война», с известной предвзятостью к личности Паскевича, описывает такой случай:

«Памятна старым кавказцам первая встреча Паскевича со знаменитым Ширванским полком, с этим «десятым римским легионом», как называл его Ермолов. Возвращавшийся в то время после многолетних походов по горам Дагестана и лесам Чечни и Черкесии, полк вступал в Тифлис, как вступал всегда и всюду, с музыкой и песнями. Веселые, бодрые, уверенные, что получают похвалу, проходили ширванцы мимо дворца главнокомандующего, с балкона которого смотрел на них Паскевич. Взглядевшись в одежду солдат, из которых многие вовсе не имели панталон и были в лаптях или в азиатских чувяках — дело весьма обыкновенное для тогдашних кавказцев, — Паскевич пришел в такое негодование, что прогнал полк долой со своих глаз, и ширванцы никак не могли уяснить себе, что такое случилось. Уже готовился грозный приказ по корпусу с объявлением строжайших взысканий полковому начальству. К счастью, Ермолов в качестве главнокомандующего признал за самим собою право отдать приказ и в самых сильных выражениях благодарил Ширванский полк за оказанные им в боях чудеса храбрости и за твердость в перенесении необычайных трудов и лишений, выпаавших на его долю».

С приездом Паскевича, Высочайше облеченного весьма широкими полномочиями, отношения между ним и главнокомандующим русскими кавказскими войсками А.П. Ермоловым, и без того ранее неприязненные, еще более обострились. На сей раз между генералами возникли серьезные разногласия по плану ведения войны с Персией. Дипломат А.С. Грибоедов, оказавшийся в то время на Кавказе, писал своему другу С.Н. Бегичеву:

«...Плохое мое житье здесь... Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят...»

Пока шли «местные» ссоры, генерал А.П. Ермолов докладывал в столицу о движении русских войск в Карабах к городу-крепости Шуше против стоявшей там армии наследного

персидского принца Аббас-Мирзы. Первый рапорт шел Императору Николаю I Павловичу:

«...Исполнение сего предприятия, в настоящее время важнейшего, возлагаю я на генерал-адъютанта Паскевича, известного военною своею репутациею и удостоенного особенной доверенности Вашего Императорского Величества».

Второй рапорт главнокомандующего русскими кавказскими войсками шел уже по команде начальнику Главного штаба генералу от инфантерии Ивану Ивановичу Дибичу:

«...Войска в команде Г. Генерал-Адъютанта Паскевича, на сие предназначенные, состоят из двух батальонов Херсонского гренадерского полка, шести рот Грузинского гренадерского, шести рот 7-го карабинерского, одного батальона Ширванского пехотного, и одного батальона 41-го егерского полков, Нижегородского драгунского полка, 700 Донских Казаков и артиллерии 16 батарейных и 8 легких орудий. При войсках сих будет находиться Грузинской конницы до 600 человек.

В настоящих обстоятельствах действие против Аббас-Мирзы есть важнейший предмет, и по числу войск, которыми могу я располагать, я употребил на оный все возможные средства...»

По свидетельству генерала Дениса Давыдова, перед отправлением своим под город Елизаветполь (Гянджу) генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич, естественно, явился на доклад к главнокомандующему. Алексей Петрович Ермолов, придавший Паскевичу двух отличных генералов кавказских войск — Вельяминова и князя Мадатова, собственноручно начертил карандашом на своем предписании диспозицию войск на случай большого сражения с персидской армией.

Такая опека «столичного» генерала, еще незнакомого с особенностями войны в условиях Кавказа, была не случайной. А.П. Ермолов, полководец опытный, советовал Паскевичу строить для боя пехоту в двухротные каре. Причем он нарисовал подобного рода каре и объяснил тактику его действия во время столкновения с конными тысячами персов.

Почитатели Паскевича впоследствии утверждали (правда, далеко не все и не из людей военных), что самолюбивый Ермолов специально отправил генерал-адъютанта с ничтожными

силами против полчищ Аббас-Мирзы. Что это было сделано якобы с намерением погубить царского любимца и оборвать его блестящую придворную карьеру. При этом ссылались на их взаимную неприязнь еще со времени пребывания русской армии во французской столице, в Париже.

В опровержение этого можно сказать следующее. Алексей Петрович Ермолов, находившийся в зените полководческой славы, не раз доносивший в рапортах еще во время Отечественной войны 1812 года о мужестве и усердии генерал-майора И.Ф. Паскевича, никогда не почитал подчиненного ему генерала человеком умным и еще менее опасным для себя. Войск же, как известно, в Грузии находилось весьма мало. А потому главнокомандующий Ермолов верил Паскевичу начальство над теми силами, коими лишь мог располагать сам.

Среди мемуаристов и исследователей в дореволюционной России преваляло мнение о том, что царедворец Паскевич какими-то интригами сумел добиться разрешения от командира Отдельного Кавказского корпуса возглавить воинский отряд, уходивший к Елизаветполю. Объясняют такое прежде всего недоверием Императора Николая I к личности авторитетного в русской армии и российском обществе Ермолова, одного из самых прославленных военачальников Отечественной войны 1812 года.

После восстания декабристов на Сенатской площади в столице и Черниговского полка на Украине, еще ряда безуспешного «возмущения» некоторых воинских частей у воцарившегося Императора Николая I сложились устойчивые суждения о всех известных лицах в государстве. Он едва ли не до самого конца своей долгой на престоле жизни судил о них по тому, как они относились к государственным преступникам-декабристам или выказывали ли «вольномудство» в обществе.

Близость генерала А.П. Ермолова к тайным обществам не подтверждалась ни письменными свидетельствами, ни показаниями подследственных декабристов. Но уже сам ничем не оправданный факт с затяжкой приведения к присяге кавказских войск новому престолонаследнику просто настораживал императорское окружение и лично самого Государя. К тому же

независимый характер и порой резкие суждения боевого генерала не раз ставили его в конфликтные ситуации с близкими ко двору сановниками.

Все это было действительно так. Но, с другой стороны, в далеком Санкт-Петербурге не могли не видеть значимости опального генерала от инфантерии для разворачивающихся военных событий на Кавказе. Уж слишком высок оказался личный авторитет А.П. Ермолова для русского воинства, равно как и для противников России в Закавказье и на Северном Кавказе. Особенно в лице персидского Фетх-Али-шаха и его воинственного наследника Аббас-Мирзы.

В откровенном желании заменить строптивного Ермолова на верного Паскевича Император Николай I, думается, сделал хорошо продуманный и верный шаг. Более того, достаточно тактичный, чтобы не вызвать в кавказских войсках открытого недовольства Высочайшим решением. Государь поступил просто — он личным письмом подтвердил право командира Отдельного Кавказского корпуса в определенных случаях не участвовать самому в больших операциях против персидской армии.

Из Москвы 11 августа 1826 года в город Тифлис отбыл императорский фельдъегерь с царским письмом. То было Высочайшее разрешение Алексею Петровичу Ермолову, на случай его болезни, вверить начальство над русским Кавказским корпусом генерал-адъютанту И.Ф. Паскевичу. В письме говорилось:

«Алексей Петрович! На основании Учреждения о большой действующей армии, в случае болезни или отсутствия Главнокомандующего, или командира Отдельного корпуса, именованных их управляют армиями или корпусами, Начальники их Штабов. Искренне желая, чтобы сей случай не мог представиться в отношении к вам, я нужным, однако же, считаю, в предосторожность, для предупреждения всякого недоразумения, разрешить вам, в случае нездоровья вашего, или какого другого непредвиденного препятствия, вверить начальство над корпусом Генерал-Адъютанту Паскевичу.

Николай».

Так что быть или не быть Ивану Федоровичу Паскевичу во главе главных сил кавказских войск, выступивших против пер-

сидской армии, решал лично главнокомандующий на Кавказе А.П. Ермолов. А Император Николай I в вышеизложенном письме лишь предопределил назначение в поход на армию Аббас-Мирзы своего любимца.

Если бы Алексей Петрович Ермолов со своим богатейшим военным опытом усмотрел в конных полчищах Аббас-Мирзы, шедших в это время к Шамхору, действительно грозную опасность для закавказских владений России, то он, вне всякого сомнения, принял бы иное решение. То есть выступил бы в поход во главе русских войск сам. То есть всю ответственность за одно из решающих столкновений с неприятелем Ермолов конечно же взял бы только на себя.

А так, взвесив все «за» и «против», главнокомандующий уже нанес упреждающий разгромный удар по наступающим персам отрядом генерала князя В.Г. Мадатова. Тот разгромил и обратил противника в бегство у Шамхора. Эта победа значительно облегчила положение осажденного гарнизона города-крепости Шуши. Поздравляя подчиненных с одержанной победой, генерал Мадатов провозгласил:

— Вы русские воины, я с вами никогда не буду побежден!

Предвидя же дальнейший ход войны с Персией, Ермолов отправил к Елизаветполю еще и начальника корпусного штаба Паскевича. Он уходил навстречу главным силам шах-заде Аббас-Мирзы с теми войсками, которые он только мог собрать по русским гарнизонам в Грузии, в том числе и с линии государственной границы.

Паскевич шел со своим сводным отрядом на соединение с князем Мадатовым быстрым маршем и не опоздал к главным событиям. Большое сражение в долине реки Куры еще не замышлялось, когда императорский генерал-адъютант во главе своего авангарда, прославленного в войнах на Кавказе Нижегородского драгунского полка, в 7 часов утра 10 сентября прибыл в стан передовых русских войск.

Теперь их численность составляла около семи тысяч человек при 22 артиллерийских орудиях. Это была несоразмерно малая, ничтожная цифра при сравнении с многотысячной шахской армией. Три дня ушло на заготовление провианта (преимущественно выпечку хлеба на солдатские сухари) и произ-

водство «примерных» маневров для предстоящего боя, то есть для небольшого войскового учения.

Используя опыт войны с французами, генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич провел реорганизацию подчиненной ему пехоты, состоявшей из отдельных батальонов и рот самых различных полков. Он разделил всю пехоту на 13 так называемых полубатальонов, чтобы легче было ею управлять в предстоящем сражении.

13 сентября в 9 часов утра русское войско собиралось выступить в поход к крепости Шуше, в Карабахскую область. Но ночью в походный полевой лагерь явились два армянина. Они сообщили тревожную новость: персы, собрав в один кулак все свои огромные силы, приближаются к Елизаветполю. Во главе конных персидских полчищ стоял сам наследный принц Аббас-Мирза, объявивший о начале победного похода на Тифлис и обещавший своим воинам на грузинской земле богатую добычу.

Паскевич, после короткого военного совета, тотчас же выступил навстречу неприятельской армии. Боевой порядок русских войск он выстроил в три линии с резервом. В первой боевой линии в атакующих колоннах находилось четыре полубатальона егерей и пехотинцев Ширванского полка с 12 орудиями. Во второй — четыре полубатальона карабинеров и гренадеров Грузинского полка.

На флангах первой линии встали два донских казачьих полка и конница грузинского и азербайджанского ополчений. На флангах второй линии — два полубатальонных каре с двумя орудиями в каждом. Нижегородский драгунский полк составил третью линию. В резерв отрядили шесть орудий и три полубатальона Херсонского гренадерского полка.

Высланные вперед конные разведывательные дозоры вовремя сообщили о появлении впереди персидской армии. Противники сошлись на поле брани в семи верстах от города Елизаветполя. Они встали друг против друга на расстоянии половины полета пушечного ядра.

Шахское войско приобрело «европейское лицо». Оно состояло в тот день из 15 тысяч регулярной пехоты и 20 тысяч конницы, преимущественно племенных ополчений. Орудий персы

имели всего 25, но силу артиллерийского огня они могли дополнить множеством фальконетов, которые перевозились на верблюдах.

Принц Аббас-Мирза заблаговременно выстроил на поле битвы свои огромные числом войска. Почти вся шахская пехота находилась в центре боевых порядков. На флангах встала конница, подкрепленная шестью батальонами пехотинцев-сарбазов на каждом крыле. Артиллерия — пушки и фальконеты — была расставлена по всей боевой линии. Все войсковые тяжести вместе с обозами, мешавшие движению и маневрированию, наследник шахского престола приказал оставить за Тертером.

В сражении под Елизаветполем Аббас-Мирза командовал всей персидской армией и ее центром. Правым флангом начальствовал его старший сын, Магмет-паша, ставший впоследствии шахом Персии. Левым флангом — зять шаха опытный военачальник Аллаяр-хан.

Русские войска едва успели остановиться, следуя в боевых порядках, а их орудийные расчеты сделать первые выстрелы, как персидская армия начала общую атаку. Шахский полководец явно спешил реализовать свое преимущество числом, видимое всем его воинством. 18 пехотных батальонов сарбазов, подойдя нестройными линиями поближе к «гяурам», открыли частый огонь из нескольких тысяч ружей.

В такой ситуации генерал-лейтенант Паскевич приказал полубатальонам Ширванского, Грузинского и 41-го егерского полков ударить в штыки. Их атакующий удар подкрепил дивизион бесстрашных нижегородских драгун. Неприятельская пехота враз смешалась и была разбита. Преследуемая русскими пехотинцами буквально по пятам, она в полном беспорядке стала отступать. Шахская артиллерия замолчала и тоже повернула назад, персы стали спешно «грузить» фальконеты на верблюдов. Так уже в самом начале сражения центр персидского войска оказался разорванным на две части.

Однако на этом сражение не завершилось. По приказу Аббас-Мирзы неприятельская конница всей своей массой стала обходить фланги русских войск. За атакующими конными персами торопились еще не участвовавшие в деле фланговые ба-

тальоны сарбазов. Так в сражении под Елизаветполем наступила действительно критическая минута.

Паскевич, находившийся на небольшом возвышении в окружении конных адъютантов, видел продолжение вражеской атаки. Не растерявшись, он проявил должную распорядительность. Генерал-адъютант взял из резерва батальон херсонских grenадер, четыре орудийных расчета, дивизион нижегородских драгун и быстро выдвинул их влево. Фланговое «покушение» персов русские из резерва отбили столь убедительно, что многотысячная масса персидской конницы была отброшена назад после первого же ее наскока.

Но сложнее и опаснее всего складывалась обстановка на правом фланге русской позиции. Здесь персидская конница стремительно пошла в обход и стала своей массой теснить противостоящих ей чуть более полтысячи донских казаков и кавказских конных ополченцев в сторону Елизаветполя. Неприятельская же пехота силой в шесть батальонов оказывала сильное давление на две крайние фланговые роты херсонцев и дивизион драгун-нижегородцев. Те с трудом отбивались на удерживаемой позиции.

Русский командующий вовремя подкрепил правофланговые силы тремя полубатальонами карабинеров, еще не участвовавшими в битве. Паскевич приказал им любой ценой зайти в тыл атакующим персам. И пресечь здесь их сообщение с главными силами шахской армии.

Маневр полубатальонов карабинеров 7-го полка удался просто блестяще. Отрезанному от главных сил неприятелю при всем своем численном превосходстве ничего не оставалось, как начать отход в близлежащие горы. В противном случае персам, зашедшим русским в правый фланг, угрожал полный разгром. Шахские военачальники надеялись в предгорье перестроить свои войска и вновь вернуться на поле битвы.

Заметив наметившийся успех, генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич без промедления отрядил для преследования отступающих персов два полубатальона херсонских grenадер, уже давно рвавшихся в бой. Отборная русская пехота дружно пошла в штыки. Теперь персы уже не отступали, отбиваясь саблями и прикладами, а бежали куда глаза глядят, думая только о собственном спасении.

Император французов Наполеон Бонапарт

Бертъе

Мюрат

Даву

Ней

Удино

Понятовский

Богарне

Жюно

Груши

Виктор

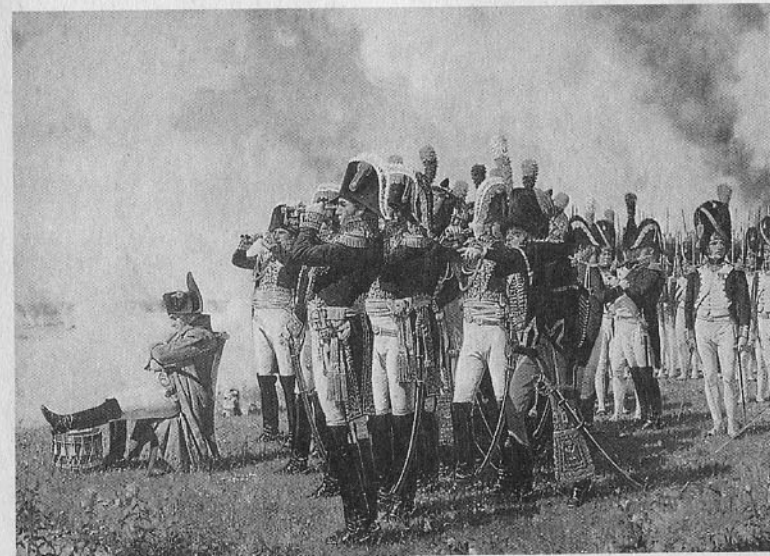
Макдональд

Сен-Сир

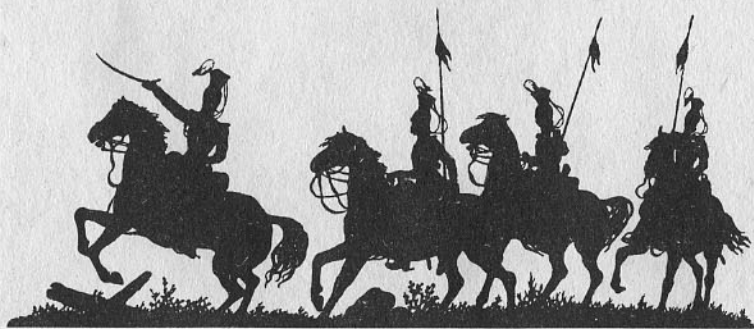
М.И. Голенищев-Кутузов на Бородинском поле

Наполеон на Бородинских высотах

Французская кавалерия идет в атаку

Русские уланы перед атакой

Рейд казаков Платова в тыл наполеоновских войск

Эпизод Бородинского сражения

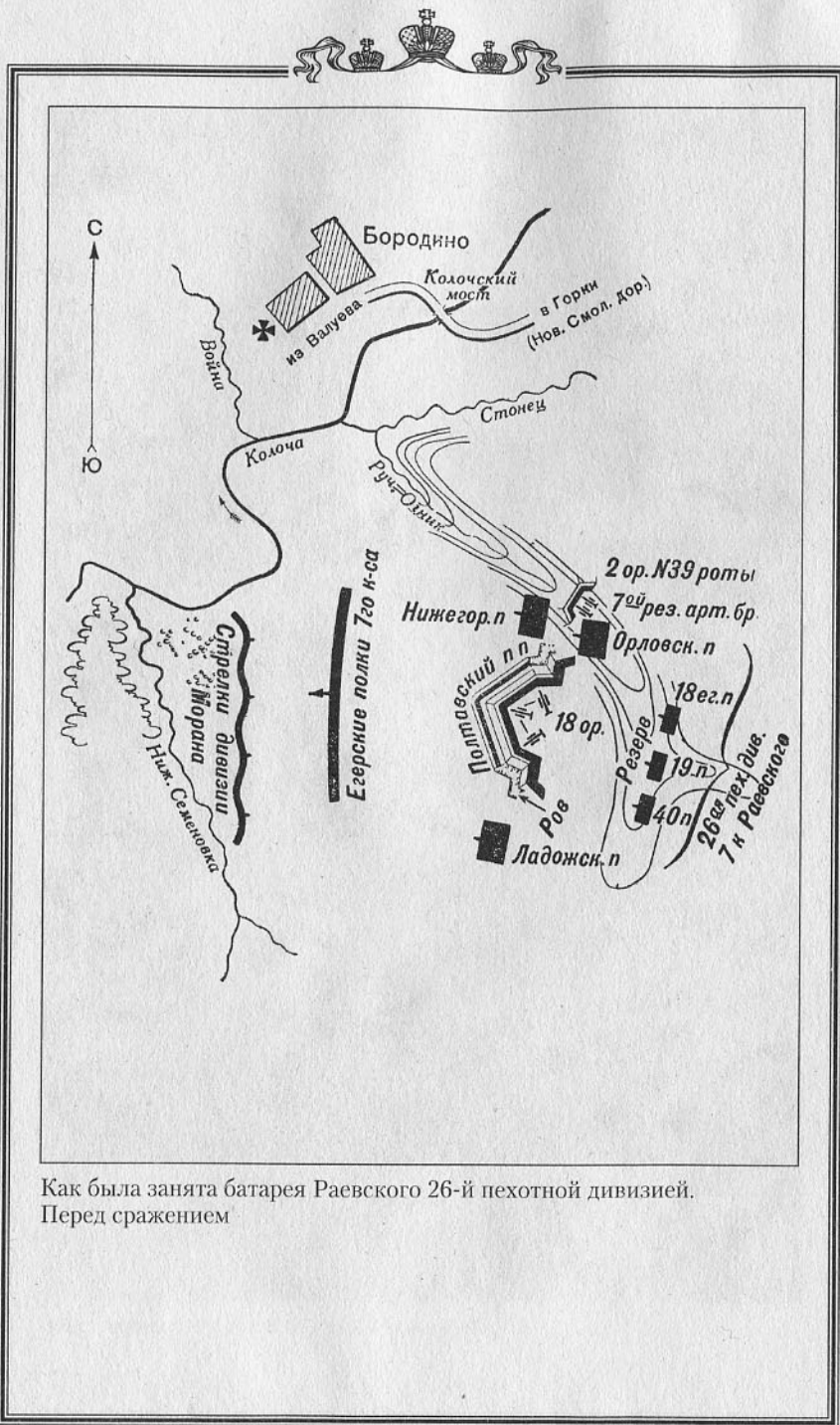
Бородинское поле после сражения

Мост через реку Колоча у села Бородино

После Бородинской битвы

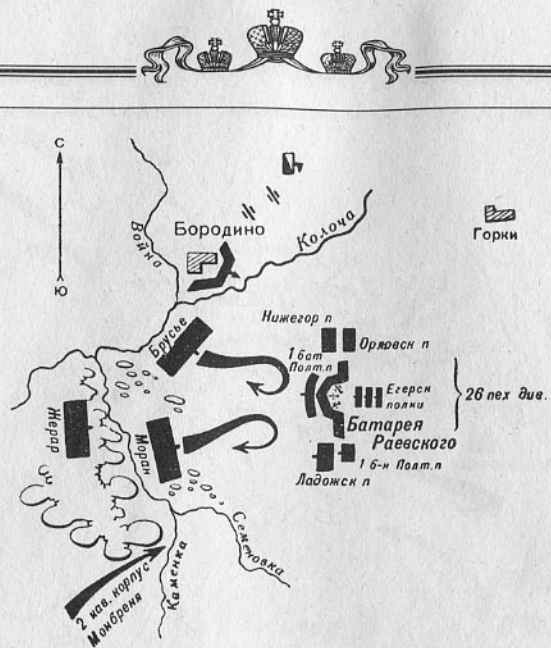
Как была занята батарея Раевского 26-й пехотной дивизией.
Перед сражением

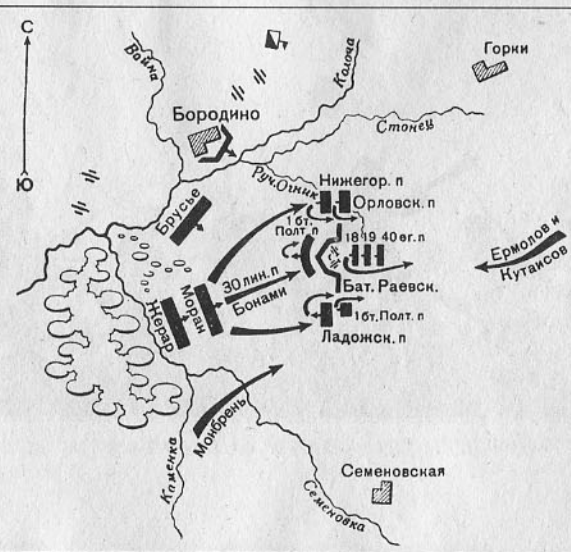
Положение батареи Раевского перед первой атакой

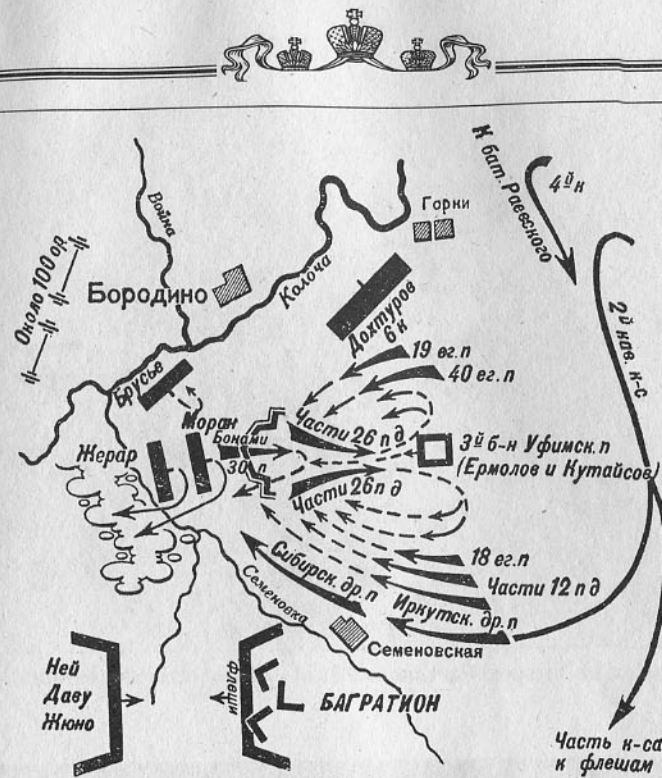
Бородино. Бой на русской батарее

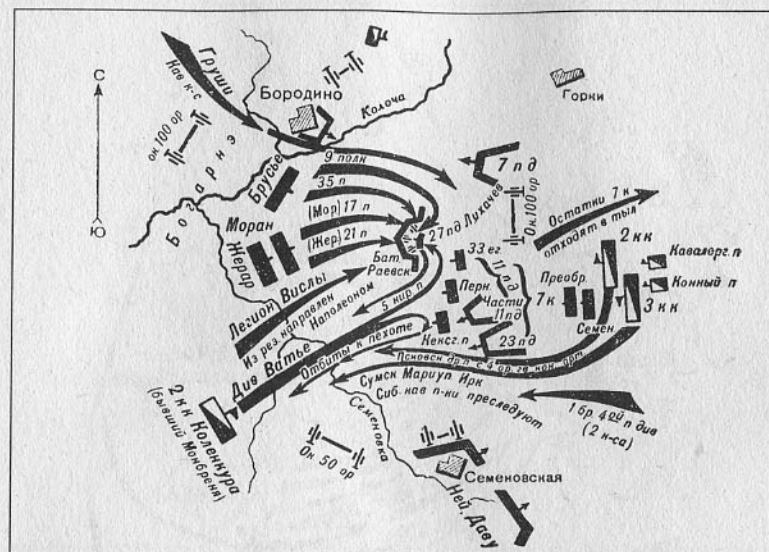
Первая атака на батарею Раевского

Вторая атака на батарею Раевского

Вторая атака на батарею Раевского (конец атаки)

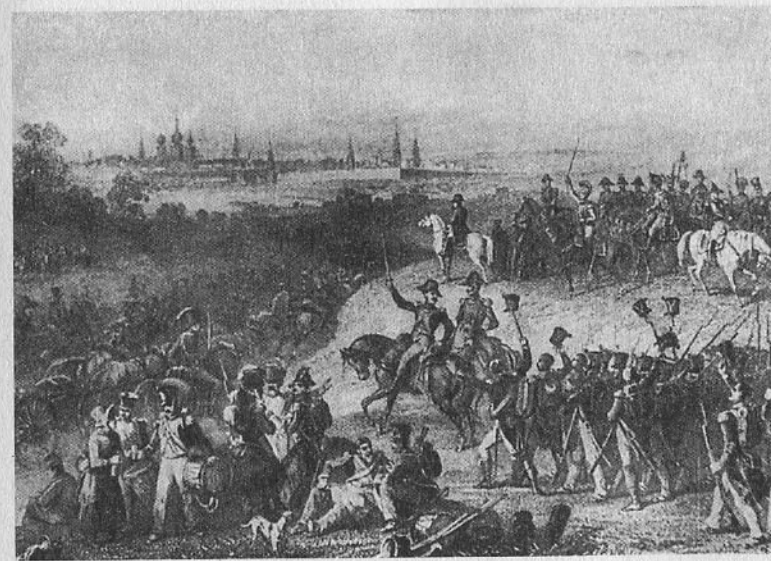
Третья атака на батарею Раевского

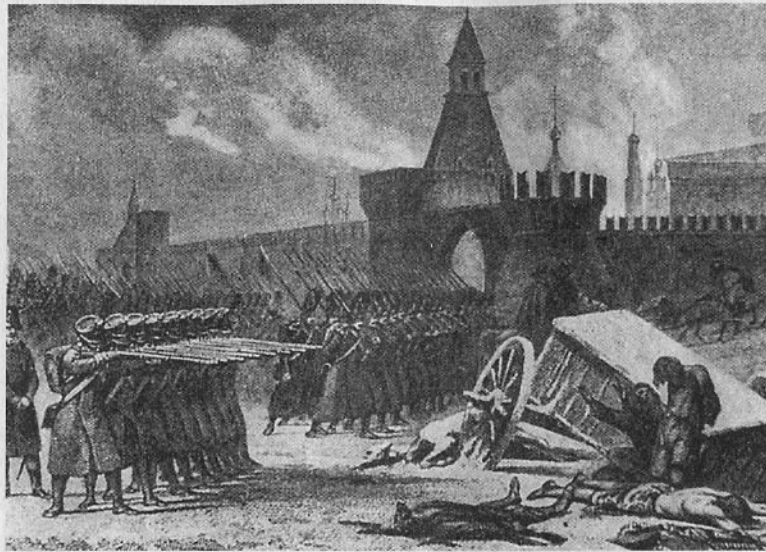
Военный совет в Филях

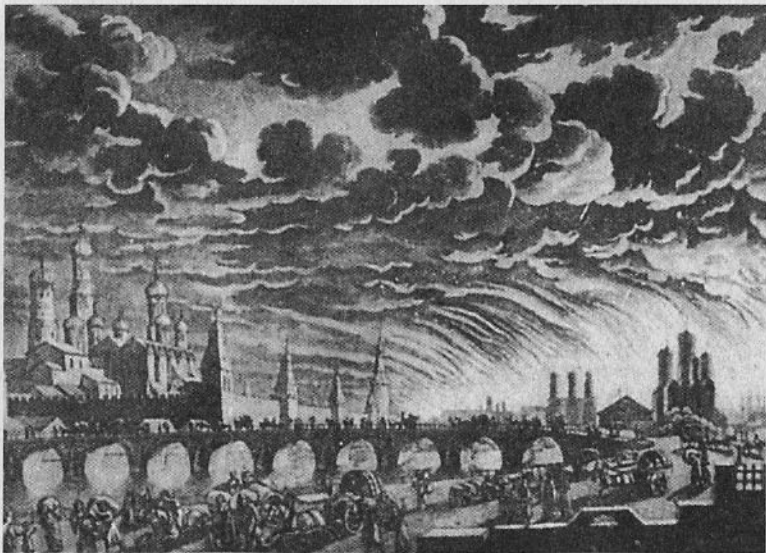
Москвичи покидают город. 1812 г.

Французская армия под Москвой

Пожар в Москве. Расстрел поджигателей

Пожар Москвы

Часть шахской пехоты окружили на невысоких курганах — здесь персидские сарбазы проявили немалую стойкость. Тогда к высотам подоспело несколько орудийных расчетов, и русские артиллеристы картечью принудили вражескую пехоту к сдаче на милость победителей вместе с двумя батальонными командирами.

Чтобы разгром неприятельской армии был действительно полным, Паскевич отрядил в преследование генерал-майора князя Мадатова. Разбитое персидское войско преследовалось на расстоянии 12 верст. Противник, совершенно разбитый и деморализованный, рассеялся большей частью в окрестных лесистых горах.

Таким образом, под Елизаветполем многолетние, хорошо оплаченные труды английских инструкторов оказались напрасными. Армия персидского шаха, обученная и частично вооруженная «на европейский лад», оказалась наголову разгромленной в первом же полевом сражении с относительно малочисленными русскими кавказскими войсками.

Победителям достались два походных лагеря персов, четыре знамени и только одно орудие и один фальконет. Но зато трофеями стали 80 зарядных и патронных ящиков — большая часть огневых припасов вражеской армии. В плен попало 1100 персов. Сверх того, войско наследного принца Аббас-Мирзы потеряло до двух тысяч человек убитыми и ранеными. Такое сравнительно небольшое количество потерь объяснялось тем, что сражение продолжительным не было, а побежденные не упорствовали на поле брани, обратившись в повальное бегство после первой же атаки, которая оказалась для них неудачной.

С русской стороны погибло три офицера и 43 рядовых. Ранено было девять офицеров и 240 нижних чинов. Самой серьезной утратой оказалась гибель храброго батальонного командира Ширванского полка подполковника Грекова, известного на Кавказе своей доблестью и умелой организацией боя.

Общий итог Елизаветпольского сражения, волею случая разыгравшегося вблизи могилы знаменитого поэта древности Низами, был таков: около семи тысяч воинов России совершенно разбили шахское войско в 35 тысяч человек. Но не просто нестройное войско восточного владыки, а «образован-

ное по примеру европейского» и имевшее сильную артиллерию.

Шах-заде Аббас-Мирза спас свою артиллерию почти всю во время бегства шахской армии по следующей причине. Его пушки, которые не в пример русским, вперед в атаку не пошли, а бежали с поля битвы, да притом еще и очень удачно, в числе первых. Что же касается верблюжьей артиллерии, то скорости ее передвижения могла позавидовать и конная артиллерия.

Россия действительно блестящей по исполнению победой была обязана неустрашимости и твердости сражавшихся бойцов. И, разумеется, решительности, военному искусству полководца, умело «устроившего» свои малые силы в боевой порядок, им придуманный, видевшего ход битвы во всех ее перипетиях и не позволившего полководцу шаху ни овладеть инициативой, ни вырвать ее в ходе битвы.

Император Николай I, очень порадованный большой победой на Кавказе, наградил генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича почетным Золотым оружием — драгоценной шпагой. Ее украшали бриллианты и надпись: «За поражение Персиянь при Елисаветполе».

Наследный принц Аббас-Мирза после проигранного сражения скрылся за пограничную реку Аракс с одной лишь артиллерией и личной охраной. Пехота же и конница шахской армии рассеялись в окрестных горах. Затем они не один день перебиралась из Северного Азербайджана в Южный, принадлежавший Персии. Созданная за большие деньги регулярная армия шаха на время перестала существовать...

Одержанной убедительной победой в начавшейся войне русскому командованию воспользоваться не удалось. Генерал-лейтенант Паскевич многократно предлагал главнокомандующему перенести боевые действия на территорию сопредельного государства и ручался за успех похода на Тавриз (Тебриз) — столицу Южного Азербайджана и второй город по значению в персидских землях после столичного Тегерана. В Тавризе, ко всему прочему, находилась резиденция Аббас-Мирзы.

Но такой военный поход по ту сторону реки Аракс в то время не состоялся. Главнокомандующий генерал А.П. Ермолов высказался против такого военного предприятия. Причина

оказалась на удивление простой — в магазинах (складах) Отдельного Кавказского корпуса испытывался большой недостаток провианта. И подвоз его в ближайшее время из России не предвиделся

Тем временем деятельный Аббас-Мирза с большими трудами собрал рассеянную персидскую армию и вновь стал угрожать закавказским границам России. Он стал тревожить их конными «партиями», больше напоминаями разбойничьи шайки. Персидским наездникам удалось даже захватить и увести к себе около 600 семей кочевых карабахцев вместе с их стадами. Вспыхнули инспирированные шахскими лазутчиками волнения в Ширванском ханстве. Русскому командованию приходилось разбрасывать свои и без того малые силы по новым приграничным гарнизонам.

Паскевич решил устроить воинственного шахского сына. 25 октября он с небольшим отрядом переходит реку Аракс у селения Марельян. «Демонстрация» наступления удалась — Аббас-Мирза незамедлительно отступил от границы к городу Ардебилу, прикрывшись спереди сильными отрядами конницы. В Ардебиле наследный принц решил отсидеться и выждать, пока русские не вернутся к себе.

Однако ситуация в приграничье вышла из-под его контроля. Кавалерия русских кавказских войск всюду обратила в бегство выставленные против нее персидские конные заслоны. При этом было отбито до пяти тысяч голов скота, большей частью пошедшего на «мясные порции» солдатского довольствия. Через неделю генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич повернул со своим отрядом обратно и вновь беспрепятственно вброд перешел пограничную реку. Однако для безопасности, опасаясь внезапного удара вражеской конницы, он сделал это уже в другом месте.

Такой успешный рейд на чужую территорию позволил Паскевичу, как военачальнику, ознакомиться с будущим театром военных действий. Это имело большое значение, поскольку русско-персидская война еще только начиналась.

Успешные действия русских войск по ту сторону Аракса имели немаловажные последствия. Угнанные в Южный Азербайджан, семьи кочевых карабахцев смогли вернуться на род-

ные земли и вновь стали российскими подданными. Разбойничьи конные персидские отряды, действовавшие в Карабахской, Ширванской и Шекинской провинциях, сочли за лучшее побыстрее покинуть их и удалиться за Аракс.

Рейд русских войск в Южный Азербайджан оказался успешен как в военном, так и политическом отношении. За это Император Николай I прислал из столицы своему генерал-адъютанту весьма лестный рескрипт. Царское похвальное слово было вполне заслуженным.

Вскоре после этих событий русский главнокомандующий на Кавказе А.П. Ермолов предписал войскам расположиться на зимних квартирах. В войне наступил привычный для той эпохи «зимний перерыв».

В своей предельно краткой «подлинной автобиографии», написанной собственной рукой, Алексей Петрович Ермолов описывает участие генерала И.Ф. Паскевича в боевых действиях против Персии. Автобиография, написанная в 1858 году, звучала как бы от второго лица, и поэтому ее изложение выглядит необычно:

«...В царствование Императора Николая I-го по несогласию с Персией в определении некоторой части границ, без объявления войны наследник Персидской державы Аббас-Мирза вторгся с войсками в пределы наши и овладел некоторыми из провинций. Ермолов отправил против него присланного под его главное начальство генерал-адъютанта Паскевича. Авангард персидский был уже разбит совершенно, взято много пленных, командовавший им ближайший родственник Аббаса-Мирзы убит, и город Елисаветполь в руках наших. Вскоре затем генерал-адъютант Паскевич встретил Аббас-Мирзу. Регулярные войска его атаковали стремительно, и опрокинутые столь же стремительно побежали; несколько батальонов сдалось, артиллерия до окончания сражения ушла...»

Убедительная победа над персидской армией, одержанная при Елисаветполе, внушила Императору мысль, что теперь он вполне может верить генералу И.Ф. Паскевичу войска Отдельного Кавказского корпуса. И тем самым удалить неблагонадежного Ермолова от командования немалыми царскими войсками. Ему Николай I все больше показывал свое явное неблаговоление.

В феврале 1827 года Император направил на Кавказ свое особо доверенное лицо — начальника Главного штаба генерала от инфантерии И.И. Дибича. Тот был заранее уполномочен Государем, если он посчитает нужным, сместить именем монарха кавказского главнокомандующего. Но при этом монарх предписывал своему полномочному посланцу:

«...Только без шума и скандала, я воспрещая всякое оскорбление самым положительным образом и делаю вас всех в том ответственным; пусть все совершится в порядке, с достоинством и согласно точному порядку службы...»

Император в своих целях торопился разрешить давний конфликт между Ермоловым и Паскевичем в пользу последнего. По мнению же самого начальника Главного штаба, на Кавказе ни тот ни другой не могли оставаться. Но, исполняя волю самодержца, Дибич стал стараться склонить Алексея Петровича Ермолова на добровольную подачу просьбы на имя Императора об увольнении со службы по возрасту и состоянию здоровья.

Дибич добился своего. 5 марта А.П. Ермолов направил царю письмо с просьбой об увольнении его «от командования Кавказским корпусом». Однако еще до получения этого письма Император Николай I секретным посланием предписал начальнику Главного штаба Российской императорской армии И.И. Дибичу безотлагательно объявить «неблагонадежному» Ермолову об отставке.

Получив из столицы такое, не терпящее отлагательства, предписание Государя, генерал от инфантерии Иван Иванович Дибич 28 марта в весьма вежливой форме объявил герою Отечественной войны 1812 года Алексею Петровичу Ермолову устно, а на следующий день письменно, что:

«Государь император соизволяет на увольнение его в Россию и на назначение командующим войсками и главноуправляющим здешним краем генерал-адъютанта и генерала от инфантерии Паскевича».

Так 28 марта 1827 года Алексей Петрович Ермолов сошел со сцены кавказских войн, уступив свою историческую роль Ивану Федоровичу Паскевичу. Такая смена главных действующих лиц в последующих событиях на Кавказе значила очень многое.

Придворный поэт Василий Андреевич Жуковский в своем стихотворении «К портрету Ермолова» трогательно писал:

Пред ним, за ним нет пышных титл,
Не громок он средь гордой знати,
Но за него усердный глас молитв
Непобедимой русской рати.

...Высочайшее соизволение было сказано и отмене не подлежало. По совету опального Ермолова близкий ему по духу боевой кавказский генерал Николай Николаевич Муравьев оставался при Паскевиче помощником начальника штаба. Такое решение у начальника Главного штаба русской армии И.И. Дибича было выговорено с тем, чтобы продолжить прежнюю, результативную политику покорения Кавказа, разумную и по возможности гуманную.

Приводя в порядок личные дела, Алексей Петрович Ермолов прожил в Тифлисе еще месяц. 3 мая, желая избежать многолюдных проводов, он «в три часа пополуночи» в простой дорожной рогожной кибитке, в которой приехал в столицу Грузии десять лет тому назад, выехал из Тифлиса.

В своих «Записках» он так описывал свой отъезд из города Тифлиса, столицы Кавказского наместничества, во главе которого теперь стоял совсем иной человек:

«Новое начальство не имело ко мне даже и того внимания, чтобы дать мне конвой, в котором не отказывают ни одному из отъезжающих. В Тифлисе я его выпросил сам, а на военных постах по дороге давали его начальники по привычке по-виноваться мне».

Ермолов уезжал с Кавказа в Россию по Военно-Грузинской дороге. В те годы это был опасный путь по горам и лесам, поэтому без конвоя, обычно казачьего, путешествовать через Кавказский хребет было просто нельзя. Всего лишь за час до приезда бывшего главнокомандующего в Урухское придорожное укрепление, «чеченская партия» напала на соседний осетинский аул, отогнала в лес табун лошадей, и в перестрелке был убит старшина — «владелец» этого аула Татар-хан.

В России, куда кавказский полководец прибыл с глубокой раной в сердце, его ждала продолжительная царская опала и

более тридцати лет тяжелого для него вынужденного бездействия. После жительства в губернском Орле А.П. Ермолов поселяется в древней Москве, окруженный там глубоким почитанием местного общества и простого люда...

Таким образом, кампания 1827 года русско-персидской войны началась кавказскими войсками с новым главнокомандующим. Вернее, началась персами, которые в марте месяце возобновили грабительские набеги на сопредельную территорию, имея задачей прежде всего угон скота и потому всячески избегая столкновений с русскими гарнизонами в приграничье.

Генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич обладал теперь самостоятельным начальством над всем Отдельным Кавказским корпусом. Со всеми правами, властью и преимуществом, присвоенными главнокомандующему большой действующей армии. Теперь он стал полководцем в полном смысле этого понятия.

Отдельный Кавказский корпус во все времена своего существования, по сути дела, являлся русской действующей армией на Кавказе. Его войска вели боевые действия как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Противников было много: турки, персы, «немирные горцы», различные разбойничьи шайки.

Император Николай I требовал от Паскевича начать поход против Персидской державы безотлагательно. Но запоздалая весна только наступала, дороги в горах оказались основательно испорченными проливными дождями и таявшим снегом. К тому же запасы продовольствия нуждались в немалом восполнении, а артиллерийские парки не были в полной мере готовы к дальнему переходу. С большим трудом удалось собрать по всей Грузии до 800 арб и отправить их с продовольствием вперед, в Амамлы.

Чтобы исполнить волю Государя, Паскевич на первых порах двинул в Эриванское ханство свой авангардный отряд под командованием боевого кавказского генерала К.Х. Бенкендорфа. (Константин Христофорович Бенкендорф был родным братом известного в российской истории А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов, будущего графа, «правой руки» Императора Николая I. — *Примеч. ред.*)

Бездорожье стояло полное. Дорога при весенней распутице стала почти полностью непроходимой для обозных повозок, артиллерии и зарядных ящиков. Но к таким походным условиям кавказские войска уже давно привыкли. Генерал Бенкендорф в одном из своих донесений восторженно писал:

«Довольно было одного слова, одного взгляда, чтобы целые роты бросались в воду и в грязь и на плечах вытаскивали обозы...»

Персы даже и не предполагали возможности вторжения русских войск на их территории весной, в такое бездорожье. В это время года горные проходы считались ими неприступными. Поэтому появление наших кавказцев в пределах Эриванского ханства стало полной неожиданностью для шахского командования.

В Эривани переполошились, и навстречу русскому авангарду была выслана отборная куртинская (курдская) конница под командованием Гассан-хана и Измаила-хана Айрюкского. Бой произошел у урочища Карасу-Баши, в 12 верстах от Эчмиадзина. Схватку решил удар донских казачьих полков Карпова и Андреева. Казачий урядник Кульгин ударом пики сбросил с коня Измаил-хана и взял его в плен. Куртинская конница с места боя унеслась к крепости Сардар-Абад.

Русский авангард, несмотря на все трудности горного перехода, занял в середине апреля Эчмиадзинский монастырь и древний армянский город Эчмиадзин, которые находились на ближних подступах к городу-крепости Эривани, столицы ханства. Затем русский авангардный отряд, почти не встречая сопротивления персов, обложил и сам Эривань. До подхода главных сил Отдельного Кавказского корпуса стала разрабатываться дорога через лежащие на их пути горные хребты и перевалы.

Однако для начала боевых действий в Эриванском ханстве требовалось обеспечить безопасность восточной государственной границы. Для прикрытия от вражеских набегов северных азербайджанских земель у Ахского караван-сарая на берегах реки Аракс главнокомандующий И.Ф. Паскевич выставляет заградительный отряд. Командование им поручается опытному кавказцу генерал-майору Н.П. Панкратьеву.

Иван Федорович Паскевич показал себя на Кавказе действительно большим, искусным дипломатом. В это же время кавказский главноуправляющий вошел в сношение с бывшим владельцем Карабаха Мехти-Кули-ханом, удалившимся в Персию еще в 1822 году. На восстановление с ним добрососедских отношений были серьезные причины.

Бывший хан Карабаха, опасный своими набегами, кочевал по ту сторону государственной границы с тремя тысячами семейств. Мехти-Кули-хан мог во всякое время года выставить до четырех тысяч вооруженных всадников. На дружественное предложение нового царского наместника принять российское подданство хан после недолгих раздумий ответил согласием. Под прикрытием сильного отряда русских войск он переселился со своими подданными в Закавказье.

На исходе мая кавказский главнокомандующий во главе 15-тысячного корпуса испытанных во многих военных событиях войск выступил в поход. Совершив быстрый марш-бросок через приграничные горы, войска Паскевича соединились с авангардным отрядом. Ожидая подхода отставших частей и обозов, генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич лично проводил ежедневные рекогносцировки блокированной крепости Эривань, в которой находился сильный персидский гарнизон.

Главнокомандующий приказал корпусным инженерам выстроить на берегу реки Занги осадные батареи для обстрела неприятельской крепости. Однако прибытие крупнокалиберной осадной артиллерии из России ожидалось только осенью, в лучшем случае в сентябре. Полевая же армейская артиллерия была бессильна против сильных крепостных укреплений.

Взвесив все «за» и «против», генерал от инфантерии Паскевич понял, что без взятия Эриванской крепости нечего было и думать идти походом на город Тавриз. Блокированный многотысячный вражеский гарнизон мог не только прервать сообщения русских войск с Грузией, но и ударить в спину. Тем самым наследный принц Аббас-Мирза мог получить сильную поддержку из Эриванского ханства.

Паскевич, при всей противоречивости суждений о его характере, относился к числу тех людей, которые к умным советам прислушивались. Поэтому новый кавказский главнокоман-

дующий решил в сложившейся ситуации воспользоваться планом на войну, разработанным ранее Алексеем Петровичем Ермоловым.

Суть ермоловского плана заключалась в следующем. Не задерживаться под стенами сильной во многих отношениях Эриванской крепости, а для начала просто блокировать ее, да как можно плотнее. Главным же силам кавказских войск неуклонно двигаться вперед, стремясь прежде всего разгромить полевые войска персидского шаха. А затем уже заняться осадой и штурмом Эривани, гарнизон которой уже не мог получить сильной помощи извне.

На такое разумное решение повлияли еще два обстоятельства.

Первое: осада Эриванской крепости заменялась блокадой по причине самой неблагоприятной летней погоды. Паскевич мог сам убедиться, что в летние месяцы днем жара в Араратской долине доходила до 40 градусов. Она изматывала русские войска, которые, как правило, были лишены крыши над головой.

И второе обстоятельство. Уход из-под Эривани главных сил кавказских войск был сделан не без совета неожиданно оказавшегося в корпусе крупного эксперта по осадным делам, каковым был осужденный декабрист Михаил Пущин. Бывший гвардейский капитан теперь служил под знаменами генерала от инфантерии Паскевича рядовым солдатом-пехотинцем. Этот Пущин — родной брат Ивана Ивановича Пущина, пушкинского «бесценного друга» — был разжалован Императором в рядовые за связь с декабристами, и более сурового наказания он не понес. Осужденный капитан лейб-гвардии отменно знал осадное дело и отсоветовал главнокомандующему начинать многотрудные осадные работы летом.

Иван Федорович Паскевич, всегда ценивший знающих людей, счел за благо согласиться с Пущиным. Он убедился в деловитости предложений сосланного на Кавказ гвардейского офицера. И решение главнокомандующего оказалось единственно правильным.

А когда в сентябре главные силы русских войск вернулись из похода в Персию к Эривани, главнокомандующий назначил М.И. Пущина главным «техническим» руководителем под-

готовки генерального штурма. При этом, отстраняя нерадивого и плохо знакомого свое военно-профессиональное дело полковника Литова от должности главного инженера кавказских войск, И.Ф. Паскевич выразился прямо:

«...Я мог бы тебя сделать солдатом, но не хочу, а его (он указал на разжалованного в рядовые гвардейского капитана Михаила Пущина) я хотел бы произвести в полковники, но не могу».

Главнокомандующий Паскевич принял следующее решение. Блокада города-крепости Эривани поручалась генерал-лейтенанту А.И. Красовскому. Главные же силы Отдельного Кавказского корпуса уходили в дальний поход на юг, по долине пограничной реки Аракс. Целью похода было овладение городом Нахичевань и пограничной персидской крепостью Аббас-Абад.

Много повоевавший на Кавказе генерал-лейтенант А.И. Красовский получил приказ удерживать главную позицию в горах около селения Джангули, где свежий прохладный воздух более благоприятствовал здоровью русских воинов. Такое расположение осадных сил позволяло прикрывать Эчмиадзинский монастырь, где находился полевой госпиталь для больных и раненых, войсковые запасы, доставленные по горным дорогам из Грузии. Одновременно своими войсками Красовский надежно защищал коммуникации, которые вели из-под Эривани в Грузию.

На левом фланге расположения главных сил кавказских войск генерал-майору Панкратьеву предписывалось надежно защищать пути, по которым шло снабжение кавказцев, уходивших в поход по долине реки Аракс. Одновременно Панкратьев должен был препятствовать набегам конницы Магмет-Мирзы, который с немалыми силами стоял лагерем против него за Араксом. Шахский военачальник имел под своим командованием не менее 12 тысяч войск.

Таким образом были обеспечены тылы главных действующих кавказских войск. 20 июня генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич сосредоточил их на речке Гарничай, в 50 верстах от города Эривани. Он разделил Кавказский корпус на две походные колонны. Первой командовал генерал-майор князь И.М. Вадбольский, второй — генерал-лейтенант князь Г.Е. Эристов.

Корпусным авангардом по-прежнему начальствовал генерал К.Х. Бенкендорф, умело организовавший ближнюю и дальнюю разведку неприятеля. Паскевич всерьез опасался, что наследный принц Аббас-Мирза, собрав под своими знаменами необходимое число легкоконных персидских воинов, мог совершить неожиданное нападение на русские войска, которые находились на марше.

31 июня русские войска выступили к крепости Аббас-Абад, следуя через Нахичевань. Утомительный переход продолжался шесть дней, хотя расстояние составляло всего 72 версты. Дневной зной изнурял и людей, и лошадей.

Жара в полдень доходила до 43 градусов на солнце. Плохо обстояло дело с питьевой водой. Дорога шла по выжженной солнцем полупустыне, где коням почти невозможно было найти подножный корм. Войсковые колонны двигались с огромными обозами и артиллерийскими парками. В солдатских ранцах сухарей имелось на несколько дней вперед. Однако воины-кавказцы, имея на плечах всю походную амуницию, держались бодро, идя вперед с песнями.

26 августа русский авангард без боя занял город Нахичевань, расположенный на левобережье Аракса. В тот же день на противоположном речном берегу показалась персидская конница числом до трех тысяч всадников. Ею, как потом стало известно, предводительствовал Наги-хан. Видя перед собой большое число русских с артиллерией, он так и не решился на активные действия, оставшись простым наблюдателем со стороны.

В одном из удобных, как казалось, для переправы мест передовой русский отряд попытался вброд перейти реку Аракс. Но глубина речной воды и быстрое течение Аракса воспрепятствовали переправе. Все же эта безуспешная попытка форсировать реку заставила персидскую конницу удалиться в ближайшие горы. Такое решение Наги-хан принял после того, как русские пушки сделали по его коннице несколько метких выстрелов.

Движение по долине реки Аракс крупных сил русских войск возымело свое действие. Кочевники здешних мест начали добровольно принимать подданство России. У них было куплено несколько тысяч голов рогатого скота на продоволь-

ствие для русской армии. Заинтересованное хорошей платой (платили серебряными монетами), местное население стало с охотой поставлять в походный лагерь русских различные съестные припасы.

Вблизи Нахичевани русские войска расположились на отдых по течению родника Нахи, славившегося в округе чистотой своей воды. Здесь солдаты по приказу Паскевича приняли участие в жатве посевов пшеницы и сарацинского зерна — риса. Часть собранного урожая поступила на довольствие кавказских войск.

Тем временем конными разъездами разведывались удобные подступы к крепости Аббас-Абад. Ее укрепления, выстроенные под руководством английских инженеров по правилам европейского фортификационного дела, почти вплотную примыкали к Араксу. Ров, шириной около шести метров и глубиной более четырех, хорошо простреливался с флангов. Гарнизон пытался воспрепятствовать рекогносцировкам противника. В эти дни произошло несколько сшибок между нижегородскими драгунами и персидскими наездниками...

1 июля русские войска походными колоннами подошли к персидской крепости и заняли позиции по реке, в двух верстах от Аббас-Абада. В первую же ночь были отрыты траншеи для пехоты и к утру возведено несколько батарей. С рассветом они предстали перед изумленным шахским гарнизоном во всей своей артиллерийской мощи.

Придя в себя, неприятель начал частую пушечную пальбу по русским позициям, мало заботясь о точности стрельбы. Русские пушки на батареях только того и ждали: выстрелы выказали орудийные амбразуры. Лично удостоверившись в этом, главнокомандующий Кавказским корпусом приказал поразить вражеские пушки прицельным огнем и одновременно пробить брешь в крепостной стене. Это место было выбрано там, где стена виделась тоньше.

Весь день продолжалась жаркая артиллерийская перестрелка. К вечеру неприятельские крепостные орудия один за другим замолчали. Взрывы метко выстреленных русских бомб засыпали амбразуры. Пехотные линии охватывали персидскую крепость все ближе и ближе. Персидский гарнизон, не-

малый по численности, на контратакующие действия не решался.

В ночь на 6-е число русские возвели осадную батарею из шести пушек прямо перед одним из бастионов Аббас-Абада. Утром, при виде этого, персы пришли в смятение. Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич все осадные дни проводил в траншеях, лично руководя «правильной» осадой вражеской крепости на Араксе. Во время антинаполеоновских войн он получил хороший опыт проведения осадных работ и теперь имел хорошую возможность продемонстрировать их и в русско-персидской войне.

Вскоре все осадные работы завершились. 24 артиллерийских орудия, поставленные на подготовленные батарейные позиции, громили бастионы Аббас-Абада и не позволяли гарнизону брать воду из реки (в самой крепости источников питьевой воды не имелось). Скоро крепостная стена во многих местах обрушилась, а в одном из бастионов снаряды проделали такую брешь, что через нее с противоположного речного берега просматривались внутренние строения. Но персидский гарнизон, надеясь на скорую помощь от Аббас-Мирзы, держался стойко, не теряя бодрости духа, хотя и нес большие потери.

Наследный принц действительно спешил на помощь к осажденной шахской крепости. Собрав в недалеком городе Хое 16-тысячный корпус, он уже стоял походным лагерем на виду русского авангардного отряда. Конные отряды персов стали в ряде отдаленных мест перебираться и на противоположный берег реки Аракс.

Главкомандующий Паскевич решил опередить противника в атакующих действиях и сам напасть на него. Оставив часть войск в Нахичевани и у осажденной крепости для прикрытия походного лагеря, осадных батарей и обозов, генерал от инфантерии выступил навстречу главным силам Аббас-Мирзы, которые постоянно усиливались подходившими из различных мест Южного Азербайджана конными отрядами.

С собой Иван Федорович Паскевич взял всего несколько легких орудий, почти не мешавших марш-броску, восемь батальонов пехоты и всю кавалерию, состоявшую из улан 2-й дивизии,

Нижегородского драгунского полка и казаков. При всей их малочисленности это были испытанные службой на Кавказе войска, славные своей неустрашимостью и боевой выучкой.

Кавалерия и конная артиллерия перешла Аракс в брод. «Странно было видеть, — рассказывает один из очевидцев, — как конная артиллерия шла вплавь через реку: лошади плыли, а орудия катились на своих лафетах по дну Аракса, так что на поверхности воды видны были только одни их правила». Драгуны и уланы перевезли на своих руках артиллерийские заряды, чтобы их порох не подмок.

Для пехотинцев же устроили наплавной мост из бурдюков воловьих шкур. Орудия, поставленные у переправы, надежно охраняли ее на противоположном речном берегу. Персы при всем своем желании так и не смогли помешать форсированию реки русскими войсками. Как оказалось потом, это была только вражеская уловка.

Но как только русская кавалерия, да еще не вся, оказалась на противоположном речном берегу, шахская конница всей своей массой атаковала ее. Однако Аббас-Мирза явно переоценил силу своих всадников, блиставших прекрасными конями и богатым убранством, но почти не имевших должного понятия о дисциплинированности и стойкости в конном бою. Русские уланы, драгуны и казаки без особых потерь выдержали и отразили вражеский удар.

Когда на помощь по наведенному мосту подоспели первые пехотные батальоны, а орудийные расчеты конной артиллерии открыли картечный огонь почти в упор, персидская конница отхлынула от речного берега. Сперва она отступила назад, на дальность прямого пушечного выстрела, а затем и вовсе ушла к главным силам наследного принца Персии. Тот пока только помышлял о том, как бы отбросить русских на противоположный берег Аракса.

Но полководец Паскевич и тут не стал ожидать ответного хода Аббас-Мирзы. В знойный летний день по каменистому берегу реки его войска проделали быстрый марш-бросок в 15 верст трудного пути. И наши кавказцы неожиданно оказались перед персидским походным лагерем, одним своим появлением ошеломив врага. Персы, собравшись конными силами, атаковали

русскую пехоту, но неудачно и отошли обратно к лагерю, который перекрывал небольшую горную равнину тысячами палаток, шатров и шалашей.

Когда паника в персидском стане улеглась, Аббас-Мирза приказал своей коннице обскákat фланги наступавших русских. Сам он лично возглавил удар против левого крыла кавказцев, который казался ему слабее правого и центра. С громкими возгласами тысячи персидских конников понеслись вперед, прямо на орудийные залпы легких пушек противника. И те не смогли остановить конную лаву.

Русская кавалерия, развернувшись для конной схватки, мужественно встретила атакующих. Завязалась жаркая сеча. Видя превосходство персов в силах, Паскевич бросил в бой все свои и без того малые резервы. Пехотные батальоны, а за ними и кавалерия двинулись вперед и, ведя рукопашный бой, сбили неприятеля с занимаемых перед боем позиций. Это уже было предвестием победы.

В той битве Нижегородский драгунский полк дважды блистательно ходил в атаку. Преследуя отступавших перед ними персов, нижегородцы в схватках захватили два вражеских знамени. Одно из них имело на шелковом полотнище многозначительную надпись на персидском языке — «Победное».

Наследник шахского трона, главнокомандующий персов в войне с Россией, попытался удержаться на гребне каменистых холмов. Выбранная им позиция была укреплена самой природой. Но все усилия Аббас-Мирзы оказались тщетными. Шахская армия все более охватывалась паникой и выходила из подчинения своего вождя.

Русская пехота, несколько перестроив свои ряды, устремилась к вершинам каменистых холмов. Персидская пехота, укрывшись на гребне за валунами и скалами, вела частый ружейный огонь. Однако когда дело дошло до штыкового боя, персы его не приняли и обратились в бегство, которое почти сразу стало общим для шахских войск. Русская кавалерия устремилась в преследование, которое успешно велось на протяжении восьми верст.

Это сражение вошло в историю второй русско-персидской войны как битва у ручья Джеван-Булак. Победа русского оружия в тот знойный летний день оказалась полной.

Сам наследный принц Аббас-Мирза со своей личной охраной едва успел уйти на резвых скакунах-иноходцах от донских казаков, степные кони которых оказались заметно уставшими. Но драгоценное любимое ружье сына владыки Персидского государства с личным оруженосцем принца оказались в руках преследователей. Изукрашенное золотом и драгоценными камнями ружье Аббас-Мирзы оказалось самым почетным трофеем победителей в сражении у Джеван-Булака.

Персы в тот день потеряли только убитыми до 400 человек и до сотни пленными, захваченными в основном во время преследования. В числе пленников оказались три персидских хана, прямых шахских родственников. У русских вышло из строя три офицера и 38 нижних чинов.

Пока на берегах горного ручья Джеван-Булак шло сражение, гарнизон осажденной крепости Аббас-Абад неожиданно для осаждавших сделал сильную вылазку. Однако персидская пехота была отбита от русских осадных батарей и траншей и с уроном поспешила вернуться в полуразрушенную крепость. Воспользоваться уходом из осадного лагеря большей части русских войск шахскому гарнизону так и не удалось. Хотя дело завязывалось жаркое, персы не пошли на повторную вылазку.

После победы у ручья Джеван-Булак генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич вернулся к Аббас-Абаду. Русская артиллерия по команде дала общий залп по крепости, и вслед за ним на самой ближней батарее были выставлены захваченные знамена шахской армии, хорошо видимые с крепостных стен и бастионов.

Самого знатного пленного перса опытный в таких делах Паскевич приказал отпустить в крепость. Это было сделано для того, чтобы знатный персидский хан во всех красках рассказал осажденным о полном разгроме войска наследного принца и передал предложение русского главнокомандующего сдаться.

Отчаяние и страх овладели шахским гарнизоном. Но комендант крепости, хитря, попросил у русского главнокомандующего три дня отсрочки на раздумья, но получил от Паскевича решительный отказ. Весь день шла слабая перестрелка. И только к вечеру из крепостных ворот вышел шахский офицер с

белым флагом. Вслед за ним вышли командиры двух батальонов сарбазов, составлявших основу вражеского гарнизона. Они с поклоном объявили, что отворяют перед русскими ворота Аббас-Абада.

В 7 часов утра 7 июля состоялась заранее обговоренная сторонами церемония капитуляции. Персидский гарнизон, состоявший из 2700 человек, сложил свое личное оружие и в полном параде выстроился на крепостном плацу в ожидании прибытия русских военачальников.

Начальник гарнизона сардар Магмет-Эмин-паша, зять шаха Персии, в окружении старшин и офицеров, вручил генералу И.Ф. Паскевичу символические ключи от крепости. Мимо него церемониальным маршем прошли оба безоружных пехотных батальона персов. Их командиры вручили русскому главнокомандующему батальонные знамена. За сарбазами мимо Паскевича и его свиты прошло духовенство и жители Аббас-Абада.

Честь занятия крепости Аббас-Абад была предоставлена лейб-гвардии Сводному полку. Он был составлен по приказу Императора Николая I из нижних чинов полков, которые по призыву своих офицеров-декабристов когда-то выходили на Сенатскую площадь в Санкт-Петербурге. «Мятежные» солдаты и унтер-офицеры из числа наименее опасных государственных преступников были посланы на Кавказскую войну «заглаживать» свою вину перед Российской империей и ее самодержцем.

Лейб-гвардии Сводный полк с распущенными знаменами и полковой музыкой вошел в полуразрушенную крепость и занял в ней караул. После торжественного молебна дали 101 пушечный выстрел из захваченной крепостной артиллерии. Впоследствии Император Николай Павлович в качестве дружественного дара прикажет возвратить эти 23 крепостных орудия наследному принцу Персии Аббас-Мирзе. Такой царский дар будет с благодарностью принят.

В крепости оказалось довольно много пороха и разных воинских припасов. Походный штаб русских не без удивления осмотрел довольно внушительную брешь в одном из бастионов. Осажденные, опасаясь штурма именно здесь, заложили брешь огромными мешками бумаги, изготовленной из хлопчатника. Она тоже стала частью военных трофеев.

В далекой российской столице высоко оценили одержанные победы кавказских войск. Из Санкт-Петербурга было доставлено немало боевых наград. В Высочайшем императорском рескрипте от 17 августа в воздаяние «искусных распоряжений» генерала от инфантерии Ивана Федоровича Паскевича и «мужества, которым войска воодушевляются его примером», полководцу пожаловали орден Святого Равноапостольного князя Владимира 1-й степени. Награда была высокой, но и заслуженной.

Следствием нового успеха русского оружия в Закавказье стало то, что кочевавшие за рекой Аракс местные жители добровольно перешли на земли Нахичевани, где имелись более удобные пастбища. Сюда же с правобережья переселилось много армянских семейств, исповедовавших христианство. Российское подданство приняли наиб Нахичеванский Эсанхан и его брат Ших-Али-бек.

По указанию кавказского наместника русского Царя нахичеванским владельцам было разрешено набрать для защиты края от персов батальон в 400 человек. На их вооружение были переданы трофейные ружья гарнизона Аббас-Абада. К ружьям была добавлена еще и одна трофейная пушка.

В ожидании прибытия под Эриванскую крепость осадной артиллерии главнокомандующий Паскевич расположил войска на отдых в 30 верстах от Аббас-Абада. Людям и лошадям требовался отдых. Поизносившаяся форма и обувь требовала сильного ремонта, равно как и обозные повозки.

Между тем неожиданно осмелевший эриванский сардар (начальник крепостного гарнизона) попытался овладеть Эчмиадзинским монастырем. Персы хотели овладеть запасами русских, складированными там, и истребить их полевой госпиталь. Но у нападавших из такой затеи ничего не вышло. Тогда Гассан-хан через лазутчиков вновь запросил скорой помощи у шахского главнокомандующего Аббас-Мирзы.

Тот всерьез обеспокоился судьбой крепости Эривань и всего Эриванского ханства, которое со всей вероятностью «уплывало» из владений Персии в сторону России. Аббас-Мирза сумел собрать под свое командование 10 тысяч пехоты и 15 тысяч конницы при 22 орудиях. По повелению самого шаха, пришедшего

из Тегерана, со всей Персии к берегам Аракса стягивались всевозможные войска, готовые сражаться с «неверными».

Наследный принц Аббас-Мирза, собравшись с силами, пошел на смелую и искусную «диверсию». Во главе своей новой армии он обошел русский лагерь дальней стороной и 8 августа стал походным лагерем на эчмиадзинских равнинах у села Аштарак. В то же время эриванский гарнизон вторично подступил к Эчмиадзинскому монастырю, угрожая его защитникам штурмом.

Немногочисленный отряд генерал-лейтенанта А.И. Красовского, стоявший лагерем у села Джингули, оказался в весьма затруднительном положении. Следовало помочь Эчмиадзинскому монастырю, но дорогу к нему перекрыла во всем своем множестве шахская армия. К тому же она занимала крепкую позицию, расположившись между обрывистыми берегами речки Абарони и труднодоступной горой Алагез.

Афанасий Иванович Красовский все же твердо решил прорваться к осажденному Эчмиадзинскому монастырю. Из походного лагеря в горах он смог взять с собой всего около 2500 человек: четыре пехотных батальона, пять сотен донских казаков и 12 полевых орудий. Однако за ночь, идя трудной горной дорогой, русский отряд не успел незаметно миновать позицию неприятеля. Утро застало войска А.И. Красовского у входа в ущелье вблизи селения Аштарак.

Армия шах-заде Аббас-Мирзы, изготовившись к бою, ожидала русский отряд на противоположном речном берегу. Персы были абсолютно уверены в своем превосходстве — подошедшие ночью с гор русские были у них на виду как на ладони.

Надеясь пробиться сквозь вражеские ряды, генерал-лейтенант А.И. Красовский приказал своему отряду продолжить движение вперед. Персы предусмотрительно пропустили русских дальше по ущелью. После этого с фланга по ним был открыт губительный огонь из всех 22 орудий, которые имелись в армии наследного принца. Одновременно многотысячная масса персидской конницы зашла с тыла, отрезала отряду Красовского путь к отступлению и атаковала противника.

В нешироком ущелье завязался редкий по ожесточенности и кровопролитию бой. Персы в нем явно уповали на свое по-

давляющее преимущество в силах. Русский отряд, к тому же обремененный большим обозом с припасами, мужественно отбивался среди скал. Наскоки вражеской конницы отбивались часто броском в штыки, реже — ружейными залпами в упор. Красовский понял одно: надо пробиваться и идти только вперед, сокрушая перед собой любые вражеские заслоны.

Русский отряд совершил в том бою просто чудо — он пробился сквозь ряды большой персидской армии на помощь защитникам Эчмиадзинского монастыря. Пробился во многом благодаря личной храбрости своего командира, стойкости в собственных рядах и мастерству пушкарей, действовавших в тот день выше всяких похвал.

Однако поданная помощь Эчмиадзину досталась дорогой ценой. Убитыми и ранеными русский отряд потерял почти половину своего состава — больше тысячи человек. Персам в том продолжительном бою достался и почти весь отрядный обоз с припасами.

Тем временем, с получением донесения об обходном движении армии Аббас-Мирзы к Эривани, главнокомандующий Паскевич по тревоге поднял войска, находившиеся на отдыхе на берегу Аракса. Он поспешил на помощь отряду генерал-лейтенанта А.И. Красовского, оставив на берегах Аракса в качестве подвижного заслона часть сил под командой генерала Эристова. Тем самым прикрывался тыл уходивших к Эриванской крепости русских войск со стороны территории Персии.

Совершив спешный марш-бросок, генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич во главе своих главных сил 5 сентября прибыл в Эчмиадзин. Там он к своей большой радости нашел осадную артиллерию, доставленную наконец-то из России. Артиллеристам пришлось проделать многомесячный труднейший путь по Кавказу, прежде чем они прибыли к месту своего назначения.

Сын шаха, полководец Аббас-Мирза при появлении новых русских войск тотчас же оставил занимаемую позицию и отошел к замку Каракалы на Араксе. Эта небольшая приаракская крепость находилась в 15 верстах от Сардар-Абада — крепостного преддверия Эривани. В этой крепости находился двухтысячный отборный персидский гарнизон, возглавляемый

самим Гассан-ханом. Сардар-Абад являлся «сердцевиной» обороны города Эривани.

13 сентября к крепости Сардар-Абад подступили главные силы кавказских войск. Главнокомандующий Паскевич, проведя со своими генералами рекогносцировку, решил атаковать южную сторону крепостной, почти во всех местах двойной, стены. Штурм предвиделся тяжелый, с неизбежно большими потерями в людях.

Открытие осадных траншей проходило под прикрытием большого сада, принадлежавшего эриванскому хану. Персы, прознав про осадные работы русских, переполошились. Гарнизон Сардар-Абада сделал сильную вылазку в то время, когда одна часть ханских воинов билась с русскими у траншей, другая — торопливо вырубала сад, который был прекрасным прикрытием для штурмующих. Вышедший из-за крепостных стен на вылазку персидский гарнизон удалось вогнать обратно в крепостные ворота только картечными залпами из подвезенных орудий. На этом и завершился яростный рукопашный бой среди деревьев, чьи ветви были отягощены обильными плодами.

16 сентября на глазах у осажденных к Сардар-Абаду была осадная артиллерия. Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич лично руководил постановкой тяжелых орудий на батарейные позиции и бомбардировкой ханской крепости. Вскоре от прямых попаданий рухнула одна из крепостных башен, а в стене появились зияющие бреши. Защитники Сардар-Абада оказались не в состоянии их заделывать.

19 сентября из крепостных ворот вышел персидский парламентар с письмом от Гассан-хана. Тот просил у русского главнокомандующего три дня на раздумье. Паскевич дал правителю Эриванского ханства на размышления всего 24 часа, пригрозив в противном случае общим штурмом и штыковой атакой через проделанные в крепостной стене бреши.

Угроза русского главнокомандующего подействовала на осажденных самым неожиданным образом. С наступлением темноты хитрый Гассан-хан со своим отборным войском смог улизнуть из Сардар-Абада. Русские дозоры в ночи просмотрели такой «ход» неприятеля.

Узнав об этом с опозданием, генерал от инфантерии Паскевич приказал пехоте со всей предосторожностью вступить во вражескую крепость. Кавалерии же и казакам было приказано начать преследование. Оно оказалось успешным, поскольку ханские воины не ожидали за собой столь скорой погони, да еще большими силами. Персидские отряды рассеялись в горах, но с огромными для себя потерями. Гарнизон Сардар-Абада потерял в общей сложности полтысячи человек убитыми и ранеными, 250 — пленными.

Крепость Сардар-Абад была подготовлена к длительной осаде. Вступившие в нее русские войска нашли здесь 16 орудий, а самое главное — огромные хлебные запасы и много другого провианта. Это было как нельзя кстати — в русском осадном лагере в хлебе стала появляться нужда, запасы сухарей подходили к концу.

Не теряя времени даром, командующий Отдельным Кавказским корпусом двинулся с главными силами к Эривани и 24 сентября под обстрелом с крепостных стен лично провел рекогносцировку крепости. Паскевич убедился, что затворившая перед русскими войсками городские ворота крепость с сильным персидским гарнизоном не зря считается одним из оплотов шахской Персии на ее границах.

Расположенная на крутом, утесистом берегу горной реки Занги, крепость имела внушительные двойные стены (внутренние были выше внешних) с крепкими башнями и глубокий ров, заполненный водой. К югу от крепости, на расстоянии в четверть версты, располагался сам город Эривань, тоже окруженный крепостными стенами.

Полководец решил взять крепость Эривань штурмом. По его приказу на расстояние пушечного выстрела к городу подтягивались войска. Одно за другим к крепости подвозились крупнокалиберные осадные орудия, батареи полевых орудий, боевые припасы к ним.

Еще в мае 1827 года Иван Федорович Паскевич предписал тифлисскому военному губернатору генералу Сипягину приступить к формированию добровольческих батальонов из местных жителей — грузин и армян. Тот набрал три дружины добровольцев: две армянские и одну грузинскую.

Эти три дружины местных добровольцев, выступив из Тифлиса на войну против персов, значительно выросли по пути. Так, 1-я армянская добровольческая дружина численностью в 117 человек пришла к осажденной Эривани в составе уже почти тысячи человек.

В ночь на 26 сентября на Эриванскую крепость полетели первые несколько бомб крупного калибра. В следующую ночь русские саперы заложили осадную траншею под сильнейшим огнем персов с крепостных стен. Однако Паскевич приказал не отвечать на огонь неприятеля ни одним выстрелом. Это было сделано для того, чтобы осадные инженерные работы не прекращались из-за перестрелок, а возведение осадных батарей не прерывалось ни днем ни ночью.

28 сентября начавшаяся канонада осадных батарей потрясла крепостные стены Эривани. Это сразу же возымело действие на горожан. Они стали умолять своего правителя Гассан-хана, столь удачно спасшегося из Сардар-Абада, сдать город и не подвергать разрушению артиллерийским огнем городские кварталы.

Однако Гассан-хан, гордясь успешной защитой Эриванской крепости от русских в 1808 году (те тогда подступили к городу в малых силах и почти без артиллерии), не терял надежды на помощь от шаха Персии, своего монарха. Персидский хан приказал своим войнам силой подавить ропот христианского армянского населения осажденного города. Персидскому гарнизону удалось такое сделать, и горожане приумолкли, правда до поры до времени.

Эриванский хан по тем временам считался лицом значительным в обширном Персидском государстве. Как правителю ключевого пограничного ханства, ему было присвоено высокое воинское звание сардара, и в иранской иерархической лестнице он являлся третьим человеком. Гассан-хан носил также титул «беглербея», что давало ему от имени коронованного владыки Персии неограниченные полномочия в собственных владениях на армянских землях.

Гассан-хан имел собственное многотысячное войско из персидских (мусульманских) воинов, собственный двор и сановников и диван (ханский совет), выполнявший при нем функ-

ции местного правительства. И среди прочего эриванский хан имел полное право на жизнь и собственность своих подданных армян. Весь существующий государственный строй в Эриванском ханстве держался на неограниченной власти его правителя и страхе перед ним. Шариатский суд лишь «освящал» его правление. Местное христианское население в мусульманском ханстве «обладало» только полным бесправием.

Хорошо познавший механизм власти в Персидской державе российский дипломат Александр Сергеевич Грибоедов в своих путевых заметках так характеризовал ее в Эриванском ханстве:

«Лестница слепого рабства и слепой власти здесь непрерывно восходит до бека, хана, беглербея и каймака и таким образом выше и выше...»

После очередного обстрела из осадных орудий рухнула юго-восточная угловая башня вместе с частью крепостной стены. Через эту брешь осаждающие могли пойти на штурм. 29 сентября генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич предложил Гассан-хану сдать Эриванскую крепость на условиях свободного выхода из нее персидского гарнизона. Но правитель и тиран Эривани ответил гордым отказом в самых изысканных «восточных» выражениях.

Шахский беглербей попытался привлечь к обороне крепости горожан-армян, но безуспешно. Те не хотели ни защищать родной город от русских войск, ни укреплять его разрушаемые осадной артиллерией крепостные укрепления. К тому же персидские военачальники самым серьезным образом опасались раздачи горожанам огнестрельного оружия.

Траншейные работы продолжались круглые сутки, все ближе подбираясь к крепости. Осада велась по всем правилам европейского фортификационного искусства. Ставились новые артиллерийские батареи, которые вели сосредоточенный огонь по крепостной ограде, проделывая в ней проломы. Персы по ночам уже не успевали их заделывать.

В конце концов непрерывные бомбардировки поколебали дух осажденного гарнизона. Гассан-хан выслал из крепости парламентаря с изъявлением своего согласия сдать Эривань. Но при этом он просил русское командование приостановить артилле-

рийские обстрелы и подождать решения на сей счет наследного принца Аббас-Мирзы. Но очередная хитрая уловка эриванского хана не удалась.

Теперь русский главнокомандующий потребовал сдачи Эриванской крепости без всяких условий. Паскевич заявил неприятельскому парламентарю: или немедленная капитуляция гарнизона, или скорый штурм с его кровопролитием и позором для оставшихся в живых и попавших в плен ханских воинов. Паскевич сказал присланному к нему ханскому посланнику:

— Скажи Гассан-хану, что если он не сдастся в двадцать четыре часа безусловно, то будет со всем своим гарнизоном поднят на штыки моих гренадеров...

Всю ночь на 1 октября продолжалась артиллерийская дуэль. Вражеские пушки вели ответный огонь. Кавказский наместник приказал подвергнуть Эриванскую крепость действительно сильной бомбардировке, чтобы разрушить как можно большую часть крепостных укреплений и тем самым обеспечить успех предстоящего штурма. Одних бомб было прицельно брошено на персидскую крепость за ночь 900 штук. Многочисленные пожары охватили крепость, освещая окрестности Эривани.

На рассвете пальба осадных батарей утихла. Персы с крепостных стен и башен к своему великому ужасу увидели, что осадные траншеи русских за эту ночь дошли до крепостного рва. Очевидец взятия Эриванской крепости свидетельствовал:

«Я бы желал, чтобы ты сам лично был свидетелем сей... картины! Нет слов описать ее в полной силе! скажу тебе только, что все четыре стены Эривани, мало сказать, были освещены как нельзя более, нет! Они, казалось мне, все были огненные и сыпали на себя град ружейных и картечных пуль! В это же время до сорока наших разнородных орудий не огонь — ад открыли против крепости! Двадцатичетырехфунтовые пушки по части разрушенной стены стреляли картечью, а остальные громили ее бомбами, ядрами и гранатами. Только соедини в воображении своем все это вместе и прибавь еще к тому с обеих сторон гром выстрелов, треск и шум разрушающихся стен, строев, визг пуль, ядер, дикий крик гарнизона...»

Ядра и бомбы проделывали бреши в крепостных стенах одну за другой. Персидские воины в страхе, что сейчас в кре-

пость ворвутся русские штурмовые колонны, спешно занимали проломы, стараясь хоть как-то заделать их камнями и бревнами. Видя такие усилия неприятеля, осадные батареи били по проломам картечными зарядами, которые в большом числе поражали людей, заделывающих проломы.

Утром в городских кварталах Эривани вспыхнули волнения. 18-тысячное армянское население города потребовало от Гассан-хана немедленной сдачи крепости, угрожая в противном случае восстанием. Армян-христиан было в шесть раз больше гарнизона, состоявшего из сарбазов — шахских солдат и ханских дружинников.

Сильная ночная бомбардировка крепости, ожидание скорого генерального штурма, а теперь и вооруженного возмущения христианского населения города просто деморализовали гарнизон. Гассан-хан и его военачальники впали в растерянность. Их состояние усугублялось еще тем, что, несмотря на все обещания, наследный принц Аббас-Мирза со своей огромной армией так и не приходил на выручку осажденному шахскому гарнизону.

Гассан-хан, предвидевший неизбежность падения своей крепости — символа собственного могущества, колебался. Он больше всего опасался последующей кровавой мести Фетх-Алиша Каджара и его сына-наследника. Эриванский властелин еще надеялся на спасительное чудо в лице персидской армии, которая так много раз прокатывалась по землям Закавказья, сея по пути смерть непокорным и оставляя за собой безлюдные пожарища.

Днем многие сотни горожан-армян, вооруженных чем попало, бросились на крепостные стены и в башни. Они прогнали оттуда почти без сопротивления ошеломленных шахских сарбазов и стали призывно размахивать белыми платками. В это время русские войска в штурмовых колоннах стояли перед крепостными стенами в полной готовности по условному сигналу пойти на приступ Эривани.

Генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич, видя все это, приказал отменить штурм. Через зияющие бреши в крепостной ограде и в открытые жителями городские ворота русские войска беспрепятственно вошли в Эривань. Сопротивле-

ния со стороны деморализованного персидского гарнизона они не встретили.

Шесть рот лейб-гвардии Сводного полка стали занимать крепостные стены и башни. Ставились караулы у замолкших вражеских орудий и пороховых погребов. Русский главнокомандующий послал сильный отряд к северным воротам города-крепости, чтобы пресечь возможную попытку шахского гарнизона прорваться через кольцо осадных войск в окрестные горы, а затем уйти на соединение с персидской армией.

Через несколько часов после вступления лейб-гвардии Сводного полка в Эривань Гассан-хан, его телохранители и собравшиеся у главной городской мечети три тысячи сарбазов сложили оружие, сдаваясь в плен русским войскам. Победителям, среди прочего, доставались сотни прекрасных коней ханских воинов.

Эриванская крепость пала 13 октября 1827 года, то есть в день назначенного генерального штурма, который так и не понадобился. Горожане-армяне высыпали на улицы, приветствуя своих избавителей от персидской власти, больше походившей на ханский произвол.

Армянский просветитель-демократ Хачатур Абовян в своем широко известном романе «Раны Армении» следующим образом запечатлел волнующую картину вступления русских войск в Эривань, в последний день ее истории как столицы Эриванского ханства Персидской державы:

«Солдаты стали входить в крепость, а в тысячах мест, в тысячах окон люди не в силах были рот открыть, — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные в небо глаза говорят и без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян...»

Старики, дети, девушки, старухи... бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении. С тех пор как Армения потеряла свою славу, с тех пор как армяне вместо меча подставляли свою голову, не видели они такого дня, не испытывали подобной радости».

Выходцы с древней армянской земли, расчлененной иноземными захватчиками, вынужденные бежать в чужие страны, при-

ветствовали победу русского оружия в войне России против Персии. Так, армяне из далекой Индии прислали архиепископу Нерсесу Аштаракскому письмо, в котором заявляли:

«Армения воскресла из пепла... солнце жизни возшло над Араратской страной... и в этом наша нация обязана человеколюбивой московской нации, среди которой мы всегда можем жить безопасно и защищенно».

Освобождение города Эривани, столицы Восточной Армении, вызвало самый горячий отклик у народов Закавказья, веками страдавших от нашествий персидских полчищ. Во время этих нашествий земли армян, грузин, азербайджанцев предавались безжалостному и всепоглощающему мечу. А тысячи и тысячи людей, угоняемых в рабство, бесследно исчезали.

Грузинский поэт Григорий Орбелиани дню 13 октября 1827 года посвятил стихотворение «Заздравный тост».

К слову сказать, грузинские добровольцы, вооружившиеся за свой счет, участвовали в боях за освобождение Эривани. Отличилась здесь конная грузинская милиция, руководимая генерал-майором князем Р.И. Багратионом, братом всем известного генерала князя П.И. Багратиона — героя Бородинского сражения и Отечественной войны 1812 года.

С началом второй русско-персидской войны грузинская и армянская православные церкви оказали самую деятельную поддержку кавказским войскам России. Их активное содействие всегда чувствовали русские главнокомандующие — и А.П. Ермолов, и И.Ф. Паскевич. Для боевых действий на территории Закавказья это значило очень многое — прежде всего горячую поддержку местного христианского населения.

Так, архиепископ Нерсес еще 29 июля 1826 года обратился с патриотическим воззванием к армянскому народу. Он призывал православноверующих людей: «...вместе с поками воинства Российского... в случае же нужды, не пощадите и последней капли крови нашей».

Император Николай I, по представлению своего кавказского наместника, высоко оценил заслуги архиепископа Нерсеса Аштаракского в русско-персидской войне. Он писал ему:

«...С давнего времени оказывали Вы отличную приверженность к России, и в особенности в нынешнюю войну с персия-

нами, когда Вы приняли деятельное участие при наших войсках, подвергая себя даже личной опасности. Генерал-адъютант Паскевич неоднократно доносил о таковых похвальных подвигах ваших, извясняя, что во все продолжение войны Вы ознаменовали себя особым усердием к пользе России, постоянно сохраняя в народе Армянском приятное расположение не только благоразумными советами и внушениями, но и личным своим примером. В ознаменование столь важных заслуг, и в знак особенного Моего благоволения ко всему народу Армянскому, я сопричисляю Вас к ордену св. Александра Невского».

Православное духовенство Армении не только призывало народ к вооруженному сопротивлению персам, но и становилось во главе бойцов-добровольцев. На полях сражений воинской доблестью отличался отряд шамшадильского епископа Г. Манучаряна, который, как и архиепископ Нерсес, участвовал в боях с шахскими войсками на стороне русских еще во времена генерала князя Цицианова.

Лишь архиепископ Саркис, захваченный персами в плен, был принужден обратиться к бесстрашным защитникам города-крепости Шуши с призывом сдаться. Этого, кстати, простой народ ему не простил...

Победителям в Эриванской крепости достались богатые трофеи: шахские и ханские знамена, 38 пушек, две гаубицы, девять мортир, 50 фальконетов, многие тысячи единиц огнестрельного и холодного оружия, множество артиллерийских зарядов и полторы тысячи пудов пороха.

Но самым почетным эриванским трофеем оказался меч великого завоевателя Тамерлана, который являлся личным оружием Гассан-хана. Меч, в свое время украшавший сокровищницу шахов Персидских, был отправлен в Санкт-Петербург как дар российскому Государю от воинов-кавказцев. В столицу был отправлен и сам эриванский Гассан-хан. Это известие он принял с видимым удовольствием:

«Я знал, что великому русскому императору угодно будет увидеть старого заслуженного воина, которого имя доньне с ужасом произносится турками... Я не боюсь предстать перед лицом великого монарха, он великодушен и простит мне, что я верно служил моему государю».

Но все же ханское коварство не знало пределов. В главном пороховом погребе крепости солдатам-гвардейцам удалось вовремя найти и погасить горящий фитиль. Если бы это не было замечено, мощный взрыв в самом центре Эриванской крепости мог унести жизни многих людей.

Персидская крепость была хорошо подготовлена к длительной обороне. На гарнизонных складах было найдено до 14 тысяч четвертей муки, зерна и круп. Всего этого провизанта ханскому войску хватило бы на пять осадных месяцев.

Немало знатных пленных оказалось в капитулировавшей Эриванской крепости: сам сардар ханства, командир батальона шахской гвардии Касум-хан, араклинский хан Аслан, много других персидских ханов и беков, рангом поменьше. Некоторые из них, из числа тех, кто был ненавистен горожанам за содеянные злодеяния, попытались скрыться.

Так, комендант Эриванской крепости Суван-Кули-хан, которого местные жители искали по всему городу, был пойман в одном из крепостных подземелий уже переодетым и с запасом провизии на дальнюю дорогу. Его нашел в крепостных подземельях и взял под арест гвардейский поручик Чевкин, впоследствии ставший одним из министров Российского государства.

Большая победа русским войскам досталась на удивление малой кровью. С их стороны во время осады (без потерь отряда генерал-лейтенанта А.И. Красовского) убитыми и ранеными оказалось только 52 человека, в том числе три офицера.

После вступления в город и принятия капитуляции вражеского гарнизона русские войска были собраны перед южными воротами крепости и построены в одно огромное каре. Им был зачитан следующий приказ главнокомандующего:

«Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русского оружия. Я был с вами днем и ночью свидетелем вашей бодрости неустойчивой, мужества непоколебимого: победа везде сопровождала вас. В четыре дня вы взяли Сардарь-Абад, в шесть — Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступным оплотом Азии. Целые месяцы ее прежде осаждали, и в народе шла молва, что годы нужны для ее покорения. Вам стоило провести несколько но-

чей без сна, и вы разбили стены ее, стали на краю рва и навели ужас на ее защитников. Эривань пала перед вами, — и нет вам более противников в целом персидском государстве: где ни появитесь — толпы неприятелей исчезнут перед вами, завоевателями Аббас-Абада, Сардар-Абада и Эривани; города отворят ворота свои, жители явятся покорными, и угнетенные своими утеснителями соберутся под великодушную защиту вашу. Россия будет вам признательна, что поддержали ее величие и могущество. Сердечно благодарен вам. Поздравляю вас, храбрые офицеры и солдаты кавказского корпуса! Мой долг донести великому Государю истину о подвигах и славных делах ваших».

Кавказский главнокомандующий действительно оказался весьма щедр на наградные представления, отправленные на Высочайшее утверждение в Санкт-Петербург. Многие из участников взятия Эриванской крепости удостоились различных боевых наград и поощрений, повышений в воинском звании.

Что касается самого генерала от инфантерии Ивана Федоровича Паскевича, то «быстрый» Императорский указ «за отличное мужество, твердость и искусство, оказанные генерал-адъютантом Паскевичем при покорении Сардар-Абада и важном завоевании знаменитой в Азии крепости Эривани», жаловал ему 29 октября 1827 года орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени.

Орден Святого Георгия 2-й степени был в России редкой полководческой наградой. В соответственном наградном листе генерала говорилось: «...За взятие крепости Эривани 1 октября 1827 года».

...Так в осенний для южных гор день, памятный для Армении на всю ее последующую историю, 1 октября 1827 года пал главный оплот персидского владычества в Закавказье — Эриванская крепость. Значение победы русского оружия выходило далеко за рамки заурядного захвата сильно укрепленного неприятельского города с сильным гарнизоном.

В силу исторических событий на древней армянской земле расположенный в Восточной Армении город Эривань (современный Ереван) становился ее центром. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом отмечал:

«Самое приобретение Эривани, по знаменитости ее, по сосредоточению в ней торговли персидской и турецкой, по местоположению на границе трех государств доставляет нам выгоды неизъяснимые».

Присоединение к России Эриванского ханства для жестоко угнетавшегося армянского населения означало одно — раз и навсегда было покончено с деспотической системой персидского правления в Восточной Армении. Уходила безвозвратно в историческое прошлое система ничем не прикрытого грабительства со стороны местных персидских беков и ханов, самогo эриванского сардара, и полнейшего беззакония.

Для управления Эриванским ханством по настоянию И.Ф. Паскевича создается временное правление под председательством распорядительного генерал-лейтенанта А.И. Красовского. Ему давалась власть областного начальника и командующего войсками Эриванской области, которые должны были обеспечивать прикрытие границы с Персией.

Для «пособия» русскому областному начальнику в состав правления вводились архиепископ Нерсес Аштаракеци, пользовавшийся в Армении исключительной личной популярностью, и комендант Эриванской крепости подполковник Бородин.

Кандидатура генерал-лейтенанта А.И. Красовского на такую высокую военно-административную должность удивила многих. В Кавказском корпусе хорошо знали о неприязненных отношениях между боевым «ермоловским» генералом и новым главнокомандующим, выразившихся не только в словесных колкостях.

Но не зря Иван Федорович Паскевич слыл человеком большого государственного ума. Он умел перешагивать через личное, через личную неприязнь к какому-то должностному лицу на пользу делу российской государственности. Особенно это проявлялось у него в военное время.

В крепости Эривани, расположенной в опасной близости от персидской и турецкой границ, поставили сильный русский гарнизон. Он непосредственно подчинялся генерал-лейтенанту А.И. Красовскому, способному и решительному военачальнику, вполне готовому к самостоятельным решениям и действиям в случае военной опасности. Паскевич, как кавказ-

ский главнокомандующий, возлагал на этого генерала большие надежды в еще не завершенной войне с Персией.

В состав эриванского крепостного гарнизона вошли: четыре полка 20-й пехотной дивизии со всей ее артиллерией, пионерская (саперная) рота, два донских казачьих полка, дивизион улан. Эти силы были дополнены добровольческими формированиями — местным армянским и грузинским пехотными ополчениями, отрядом азербайджанской милиции.

БОРЬБА ЗА МИРНЫЙ ДОГОВОР

Русско-персидская война 1826—1828 годов поставила Императора Николая I перед настоятельной необходимостью усиления контроля над событиями, происходящими в Закавказье. Первоочередной задачей в столице России виделось определение контура южных государственных границ, обеспечение их безопасности и выработка политики в отношении новых кавказских владений Российской империи.

Император Высочайшим указом в сентябре 1827 года прикомандировал специального «знающего» человека к собственной канцелярии шефа Отдельного корпуса жандармов генерала А.Х. Бенкендорфа. На должность чиновника для особых поручений назначался служащий Министерства иностранных дел Х.Е. Лазарев. Выбор Государя был не случаен.

Выходец из известной армянской фамилии, человек лично состоятельный, Лазарев на свои средства основал Московский институт восточных языков. Он же организовал через собственных «корреспондентов» сбор информации разведывательного характера о положении дел в Персии, Османской империи и Закавказье. Такие конфиденциальные донесения докладывались лично Императору Николаю I.

Вопросами Закавказского края стал заниматься так называемый Комитет 1827 года. Он возглавлялся управляющим штаба Его Императорского Величества графом Толстым. В состав комитета входили малороссийский военный губернатор князь Репнин-Волконский, командир резервного корпуса граф де Витт и начальник штаба военных поселений генерал Клеймихель.

На своих заседаниях члены комитета обсуждали, к примеру, вопрос о переселении к персидской границе 80 тысяч малороссийских казаков с их семьями. Это позволило бы, по мнению участников обсуждения, создать защитный пояс из поселений военнообязанных христиан среди иноверцев. По своим масштабам такой план выглядел весьма впечатляющим и встретил в Санкт-Петербурге и при Императорском дворе неофициальное одобрение.

В своем предложении комитет указывал на значимость такого мероприятия. Это, вне всякого сомнения, способствовало бы дальнейшему сближению с армянским населением Закавказья, «по вере и усердию к России, не вовсе нам чуждое».

Однако Император не торопился с принятием подобного решения. В кавказских делах он теперь во многом доверял лично Ивану Федоровичу Паскевичу, уже прославившемуся своими уверенными победами на Кавказе. И проект плана Комитета 1827 года был направлен на рассмотрение главнокомандующему Отдельным корпусом русских войск и главноуправляющему Кавказом генералу от инфантерии Паскевичу. Но того в это время больше всего заботил ход русско-персидской войны, которую он старался победно закончить как можно скорее.

Паскевич, как уже достаточно опытный царедворец, не стал с ходу отвергать план переселения в Закавказье 80-тысячного украинского казачества. План этот, даже по николаевским временам, не выдерживал серьезной критики и грозил внутренним потрясением для империи.

Поэтому кавказский главнокомандующий делает встречное предложение Царю, исходя прежде всего из реальной военной обстановки в Закавказье. Задумка И.Ф. Паскевича виделась весьма дипломатичной, простой в исполнении и, что самое главное, с реальной отдачей на благо государства Российского.

Николаю I, как самодержцу, предлагалось следующее. При присоединении Эриванского и Нахичеванского ханств к России надеялось отдать их в качестве высокой «царской награды» местной аристократии, родовитым ханам, оказавшим России немалые услуги в войне против Персии. Обосновывалось это тем, что недостаточная «цивилизованность» местного

населения и пограничное положение присоединенных территорий не позволяли в обозримом будущем ввести здесь российскую административную систему.

Как главноуправляющий И.Ф. Паскевич вообще негативно относился к отмене Ермоловым ханского правления в мусульманских закавказских провинциях. В сравнении со своим предшественником он предпочитал дипломатическими волеизъявлениями решать и чисто военные вопросы. На то у него были веские причины.

Так, Паскевич опасался, что лишённые былой родовой власти местные ханы и беки Северного Азербайджана во время войны перейдут на сторону персов. При этом они увлекут за собой приближенных и какую-то часть бывших подданных. Как мы помним, главнокомандующий предложил вернуть Мехти-Кули-хана Карабахского, находившегося вместе с семьей в бегах. А в Эривани оставить местного правителя, сардара Гуссейн-хана, но, конечно, под «присмотром» начальника местного гарнизона.

Можно не сомневаться, здесь Иван Федорович Паскевич откровенно схитрил. Он просто хорошо знал содержание письма Императора Николая I к генералу А.П. Ермолову, присланного в Тифлис из столицы еще в октябре 1826 года и в котором говорилось:

«Не должно однако ж упускать случая, если бы таковой представился, к овладению Ереваном силою оружия, посредством денег или тайных сношений с Ереванским сардарем».

...Эриванская победа не дала кавказским войскам большой передышки. Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич вновь пошел «искать» неприятеля. Во главе главных сил своего Отдельного Кавказского корпуса он начал походное движение через Нахичевань к столице Южного Азербайджана городу Тавризу.

Но перед этим вперед ушел авангард под начальством генерал-лейтенанта Эристова. Его отряд, переправившись через реку Аракс, беспрепятственно прошел Дорадинское ущелье и занял город Маранд. По преданию, на этом месте была когда-то похоронена жена праведного Ноя. В переводе Маранд означал «Мать там». Местные жители-азербайджанцы встре-

тили русские войска самым дружелюбным образом, о чем стало известно в Тегеране.

Наследный принц Аббас-Мирза со своими войсками стоял верстах в двадцати, в городе Хое. Шахская армия таяла прямо у него на глазах. В ней оставалось всего три тысячи человек с 12 орудиями. Сарбазы, уже многие месяцы не получавшие жалованья, разбежались толпами, и никакие земные и небесные кары и увещевания начальственных лиц не могли их остановить. Весть о взятии сильной Эриванской крепости привела в трепет персидское войско.

Засевший в городе Тавризе «первый министр» шаха Аллаяр-хан готовил город к обороне от «неверных». При этом употреблялись все средства для принуждения местных жителей к военным приготовлениям: угрозы и просьбы, уговоры и насилия. Нарушителям ханских приказов отрезались уши и носы, выкалывались глаза. Но все было тщетно. Из 60 тысяч горожан, способных держать в руках оружие, лишь очень немногие изъявили желание воевать с русскими.

Тем временем главные их силы подходили к Тавризу, не встречая по пути вооруженного сопротивления. Когда 13 октября перед городом еще только-только показался русский авангард, то Аллаяр-хан для устрашения «неверных» приказал палить из всех пушек и фальконетов. И он даже вывел за городские ворота собранное им войско.

Однако сражения под стенами города Тавриза так и не случилось. После третьего орудийного выстрела из боевого порядка отряда князя Эристова персидская пехота просто разбежалась. Сарбазы разбежались и с крепостных стен и батарей. А конница, состоящая из местных всадников, и «ожесточенная чернь» бросились грабить дворец наследного принца Аббас-Мирзы.

Из Тавриза с небольшой охраной бежал гарем наследного принца Аббас-Мирзы. Но ему было лучше оставаться в городе и отдаться под охрану русских. Куртинцы (курды), грабившие персов по дорогам, напали и на гарем шах-заде и ограбили его дочиста. Даже с любимой жены наследника персидского престола были сняты шитые золотом бархатные шальвары.

В городских стенах Тавриза начались беспорядки и повальные грабежи. О том, чтобы встретить русских с оружием в руках, больше уже никто и не думал. Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы в разыгравшиеся городские события лично не вмешался глава азербайджанского мусульманского духовенства тавризский муштеид (муджтахид) Ага-Мир-Фетали-Сеид (Ага-Мир-Феттахе). Он был тайным врагом шахской династии Каджаров.

В сопровождении многих городских мулл он явился во дворец к Аллаяр-хану и решительно потребовал от него отказаться от любых попыток защиты города-крепости. Хан, лишившийся всего войска, а теперь и поддержки местного духовенства, бежал с небольшим числом телохранителей в тавризские пригороды и укрылся там в одном из своих загородных домов. Ключи же от городских ворот были по его приказу спрятаны.

В такой ситуации муштеид Ага-Мир-Фетали-Сеид принял власть в Тавризе на себя. Он обратился к верующим с призывом разломать городские ворота, что те и сделали. Процессия духовных лиц и почетных горожан вышла навстречу подходившим к Тавризу русским войскам.

Часть их под командованием генерал-майора Никиты Петровича Панкратьева с полковой музыкой и барабанным боем вступила в Тавриз и заняла караулами городскую цитадель. Походный же свой лагерь русские расположили между тавризской крепостью и ее пригородами. К дому английского посольства на всякий случай выставили «крепкий» караул.

В городе-крепости Тавризе в качестве военных трофеев нашлось: два знамени шахской армии, «повелительный» жезл наследного принца Аббас-Мирзы, 31 пушка, девять мортир, два фальконета, до трех тысяч ружей, много артиллерийского боезапаса и заготовленного для шахских войск продовольствия и литейный завод. Последний представлял собой крупнейшее предприятие «военной промышленности» Персидского государства.

В число немногочисленных пленников (беглецов из шахской армии особо никто и не вылавливал) попал отысканный с помощью местных жителей Аллаяр-хан. Вместе с ним в плену оказался и тальшский хан Кельб-Гуссейн. Это было почти все,

что осталось от разбежавшегося 6-тысячного тавризского гарнизона.

Занятие почти без боя столицы Южного Азербайджана произвел авангардный отряд, ушедший вперед главных сил налегке. Главные же силы подошли к Тавризу несколько позднее. Навстречу генералу от инфантерии И.Ф. Паскевичу выехал тавризский военный губернатор Фет-Али-хан с обещанием оказывать содействие в управлении местным краем и обеспечении русских войск продовольствием.

Одновременно Паскевич получил письмо от наследного принца. Аббас-Мирза впервые заговорил о мире и даже собирался лично приехать на переговоры, о которых он уже сносился с отцом-шахом. Принц боялся и дальнейшего наступления российских войск, и выхода из повиновения населения Южного Азербайджана.

Шах-заде Аббас-Мирза и его сановники не могли не знать, что к русскому полководцу уже по пути к городу Тавризу присоединилось до двух тысяч азербайджанских добровольцев из числа противников персидской династии. Более того, в городе Ардебиле восставшие жители-азербайджанцы разоружили гарнизон персидских сарбазов, а тавризское население изготвилось восстать против наследника шахского престола.

По прибытии Ивана Федоровича Паскевича к Тавризу состоялся его торжественный въезд в город-крепость. Мусульманское духовенство, местные беки и старшины встречали русского главнокомандующего у городских ворот. Дорогу «Победителю» по улицам устилали цветами и в его честь публично закалывали быков для предстоящего торжественного пиршества.

Под артиллерийские залпы многих орудий с крепостных башен и бастионов русские войска побатальонно и поэскадронно прошли церемониальным маршем перед своим главнокомандующим. Вечером тавризская цитадель празднично осветилась факелами. Большой азербайджанский город праздновал избавление от военной напасти.

В столичном Тегеране падение Тавриза произвело потрясающее впечатление. Известен такой исторический факт. Гнев шаха был беспределен и обрушился, как рассказывают, преж-

де всего на Каймакама, знатного сановника, женатого на одной из шахских дочерей и носившего почетный титул «Соломона государства». Шах призвал его к себе.

— Ты знаешь, что неверные овладели Тавризом? — спросил он.

— Великий шах! — отвечал тот. — Слышал я, что непобедимая твоя армия разбита проклятыми неверными, и сердце мое, преданное моему повелителю, растаяло от горести.

— Но ты должен знать, что в этом виноват ты сам! — сказал ему шах.

— Избави Боже. Могу ли я, ничтожный раб, недостойный лобызать прах туфель твоих, быть причиной такого несчастья? Что я за собака, чтобы быть причиной взятия Тавриза?

— Не ты ли мне советовал начать войну с русскими?

— Правда, я был в числе тех, которые советовали тебе, падишах, стяжать рай и прославить оружие уничтожением злых. Но успех зависел не от меня.

— Врешь! Ты уверял меня, что войско мое непобедимо.

— Да кто же может противостоять силе падишаха, убежища мира?

— Молчи! Я выучу тебя вперед подавать мне советы мудрые и знать толк в делах...

Шах хлопнул в ладоши, и явились четыре ферраша, исполнявшие наказания по приговорам персидского владыки, с колодкой и палками. Они свалили «государственного Соломона» на ковер, заключили ноги его в роковые доски и по знаку «тени Аллаха на земле» распорядились с ним так, что шахский зять лежал три недели в постели с распухшими ногами...

Тем временем персидские военные отряды торопились уйти из Южного Азербайджана, в своем большинстве уходя к персидской столице Тегерану. Русскими войсками была взята небольшая крепость Аланки, выстроенная на неприступных утесах, где хранились под защитой четырех пушек большие запасы хлеба.

Город Марага добровольно отдался под покровительство Российской империи. Власти этого города в лице местного хана передали русскому командованию 22 офицеров-кавказцев, томившихся у них в плену. Слепец Атта-хан Мешкинский сам прибыл к Паскевичу с изъявлением покорности...

Кавказский корпусной главнокомандующий мог не без личной гордости подвести победные итоги трех месяцев боевых действий против шахской армии. Силою были взяты три крепости, покорен важный в стратегическом отношении укрепленный Тавриз. В качестве военных трофеев взято 112 пушек, не считая мортир и фальконетов. Девять персидских батальонов, обученных английскими инструкторами, сложили оружие.

В числе почетных пленных оказались два сардара и двенадцать ханов. Остальная пехота и многотысячная конница Аббас-Мирзы была или истреблена, или, в большом числе, разбежалась. Сам персидский шах в великом страхе перед возможным походом русских войск еще дальше на юг оставил собственную столицу Тегеран.

Наследный принц Аббас-Мирза выслал к русскому главнокомандующему для переговоров третье лицо в шахском кабинете министров Каймакама, наделенного всеми полномочиями. Одновременно послу давалось тайное поручение взбунтовать против «неверных» жителей Тавриза и создать там для русских самую неблагоприятную обстановку.

Заранее предупрежденный об этом, Паскевич приказал задержать полномочного посла Персии в семи верстах от города и под почетным крепким караулом препроводить его со свитой в местечко Карашелик. Кавказский наместник отправил туда для ведения переговоров опытного дипломата действительного статского советника Обрезкова, большого специалиста по Востоку.

Посол Каймакам и действительный статский советник Обрезков довольно быстро договорились о личной встрече генерал-адъютанта И.Ф. Паскевича с шах-заде — сыном и наследником шаха Персии в заранее обговоренном месте. Им стало селение Дехкорган на Марагской дороге, в 60 верстах от Тавриза. Туда был послан с небольшим отрядом отборных русских войск генерал-майор Панкратьев. Причина его отправки сводилась не только к созданию торжественной обстановки для переговоров между двумя высокопоставленными лицами, но и в опасности вероломных действий персидской стороны.

Перед этим Иван Федорович Паскевич тактично, но решительно отказался от навязчивого предложения ответственного

сотрудника британской миссии в Персии Кембэлла. Дипломаты из Туманного Альбиона с известной настойчивостью предлагали свои услуги в качестве посредника в деле заключения скорого мира между двумя воюющими государствами. Объяснялось такое просто: в Лондоне никак не желали усиления позиций России на Азиатском Кавказе.

По этому поводу кавказский наместник докладывал рапортом в Санкт-Петербург следующее:

«Англичане не скрывают своего опасения, что Азербайджан по всей справедливости может за нами остаться и тогда могущество их истинного союзника рухнет. Здесь, в Тавризе, в корне их настоящего влияния, кроме Аббас-Мирзы, несмотря на расточительность их дипломатов, никто их не только покровительствовать, но и терпеть не будет; с утратой Азербайджана английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер-Бушире и возвратиться в Индию».

На встрече посланцев двух воюющих сторон договорились о следующем. Мирные переговоры начинаются только после ухода всех шахских войск в саму Персию, южнее озера Урмия. Русские же войска в это время занимают весь Южный Азербайджан. В противном случае военные действия возобновились.

Создается временное управление Южным Азербайджаном. Генерал-лейтенант князь Вадбольский с отрядом русских войск посылается в город Ардебиль для овладения местной крепостью и собранными в ней запасами шахской армии. Операция проходит без какого-либо сопротивления со стороны персов.

24 октября царский наместник на Кавказе устраивает в городе Тавризе военный парад. Приглашенный на него в качестве почетного гостя английский посланник при тегеранском дворе полковник Джон Макдональд, первый военный советник Фетх-Али-шаха, не скрывал своего изумления бодростью и выправкой русских полков и состоянием их полевой артиллерии.

Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич, как разумный военачальник, старался не отягощать местное население постоем русских войск. Он их разместил в окрестностях Тавриза, что давало большие удобства в обеспечении войск дровами, а ка-

валерии и конной артиллерии — фуражом. Не меньшее значение имело наличие источников чистой питьевой воды.

В то же время шло «исправление» дорог, ведущих на север: в узких местах они расширялись, заделывались промоины, устраивались переправы через реки, среди ущелий убирались камнепады. В ряде мест дороги спрямлялись. Этим хлопотным и многотрудным делом занималась рота пионеров и пехотный батальон. На всякий случай они работали под прикрытием казачьего отряда и двух горных орудий, которые выставлялись на горных перевалах.

Чуть ли не каждый день в Тавриз прибывали посланцы из разных мест Южного Азербайджана. Депутация из города Хоя изъявляла покорность царскому наместнику. Марагский хан, выражая личную преданность Государю России, возвратил 42 человек русских военнопленных. Старшины шахсеванский и шагангрийский говорили о своей преданности северной стране...

Наследный принц Аббас-Мирза согласился на все предложения русской стороны, привезенные ему отцовским «министром» Каймакамом. Предусмотрительный Паскевич выслал на юг от города Тавриза «внешне представительный» воинский отряд под командованием К.Х. Бенкендорфа, составленный специально для почетной встречи наследника шахского престола. За отличия в войне с персами Константин Христофорович Бенкендорф был произведен в генералы от кавалерии и назначен генерал-адыютантом в Императорскую свиту. (Заметный военачальник, он, увы, умрет через год на Балканах во время войны с Турцией. Но Император Николай I не забудет его заслуги и в 1832 году пожалует графский титул одновременно двум Бенкендорфам: Александру Христофоровичу и Константину Константиновичу, сыну покойного Константина Христофоровича. — *Примеч. ред.*)

Первая мирная встреча сторон состоялась на равнине близ озера Урмия. Шах-заде пожелал, чтобы его встречали артиллерийским салютом — он любил пышность встреч. Русский отряд отсалютовал наследному принцу залпом из шести орудий, который далеко разнесся по равнине, отдавшись эхом в окрестных горах.

Аббас-Мирза одет был скромно, но восседал на изукрашенном богатой сбруей с золотыми бляхами белом иноходце. Остановившись перед фронтом выстроившихся русских солдат, он поздоровался с ними по-русски. Наследника персидского престола сопровождал только один хан и два английских офицера, одетые в красные мундиры. Побужденный в войне шахский сын-полководец сказал генерал-адъютанту Бенкендорфу:

— Весьма рад, что генерал, обнаживший меч против меня в нынешнем году, первый и встречает меня в канун мира.

Затем Аббас-Мирза, скромно одетый, но восседавший на великолепной белой лошади, которая была украшена, пожелал принять парад русских войск. Константин Христофорович Бенкендорф доставил восточному владыке и такое удовольствие.

Кабардинский пехотный полк, дивизион нижегородских драгун с конной артиллерией прошли мимо шах-заде церемониальным маршем. Особенно впечатление на шах-заде произвела русская конная артиллерия и ее подвижность. Осмотрев орудия, Аббас-Мирза сказал сопровождавшим его хану и офицерам британской короны:

— У нас есть пушки, но нет артиллерии...

Наследный принц во время встречи казался весел и держался среди встречавших его русских военных довольно непринужденно. Но этого нельзя было сказать о сопровождавшей его пышной свите. Лица персов из окружения шах-заде выражали только чувство глубоко оскорбленного самолюбия.

Русский конвой проводил шахского сына-наследника до Чевистера. Там у шатра Аббас-Мирзы встали в почетный караул русские драгуны и воины-курды из личной охраны наследного принца Персии, правившего населением Южного Азербайджана.

Узнав о его прибытии, И.Ф. Паскевич в сопровождении полка пришедших по такому торжественному случаю донских казаков выехал из Тавриза. На подороге его встретил со всеми подобающими почестями пятнадцатилетний сын шах-заде Хосров-Мирза, которому со временем тоже суждено будет стать шахом Персии. Сойдя с коня, он почтительно приветствовал полководца российского Государя.

Встреча в «верхах» произошла, как и заранее договаривались, в местечке Дехгоргане. Наследного персидского принца встретил дивизион улан и офицеры штаба главнокомандующего во главе с генерал-лейтенантом П.П. Сухтеленем. Русские офицеры заняли место впереди свиты шах-заде. Такое право во время торжественной церемонии встречи они имели как посланцы победившей стороны.

Почетный караул у самого просторного и богатого дома Дехгоргана, где проходили переговоры, составили рослые, как на подбор, лейб-гвардейцы «штрафного» Сводного полка. Как мы уже писали, они по повелению Императора Николая I отмывали на Кавказе своей кровью участие или причастность к восстанию декабристов на Сенатской площади в российской столице.

В честь высоких персидских гостей в гвардейском полку накрыли большой стол. Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич, Аббас-Мирза с сыном, втроем, обедали в отдельной палатке. Только потом начались мирные переговоры, которые оказались для победителей намного труднее, чем это ожидалось.

Дипломатическим советником Ивана Федоровича Паскевича и официальным уполномоченным российского правительства для ведения переговоров с Персией являлся А.С. Грибоедов. Паскевич приводился ему родственником по жене. Поэтому он всячески протезировал автору нашумевшей в свое время пьесы «Горе от ума».

Российская сторона, помимо территориальных приобретений, потребовала от шаха Персии уплаты военной контрибуции в сумме 20 миллионов русских рублей. Как и следовало ожидать, наследный принц Аббас-Мирза не сразу принял предъявленные Грибоедовым столь великие для побежденной Персии требования победителей. Шах-заде оспаривал каждый пункт будущего мирного трактата.

Обстановка в ходе мирных переговоров осложнялась интригами из Тегерана. За переговорами внимательно следили Фетх-Али-шах и его вельможи, а также иностранные дипломаты, аккредитованные в иранской столице. 28 ноября, после очередной личной встречи с И.Ф. Паскевичем, наследный принц подписал два протокола: об уступке Персией России Эриван-

ского и Нахичеванского ханств и об уплате военной контрибуции. Ничего другого ему просто не оставалось делать.

В ответ на это персидский шах открыто выразил неудовольствие действиями своего сына-наследника. Британские дипломаты в столичном Тегеране «трудились» не покладая рук. К тому же соседняя с Персией Блистательная Порта, готовившаяся после Наваринского морского поражения к новой русско-турецкой войне, всю старалась восстановить шахское окружение против России. Ободренный такой поддержкой Лондона и Стамбула, Фетх-Али-шах приказал задерживать уже отправленные в Тавриз контрибуционные деньги.

В довершение всего Фетх-Али-шах отказался утверждать предварительное соглашение сторон, достигнутое в Дехгоргане. И более того, владыка Персидской державы лишил своего сына-наследника всех полномочий для ведения переговоров с Россией.

Для их продолжения с русским командованием из Тегерана отправили шахского министра иностранных дел Абдуль-Хасан-хана. Ни для кого в персидской столице не было большим секретом, что он получал от английской дипломатической миссии в Иране ежегодное жалованье в три тысячи туманов. Впрочем, в шахском окружении «второе жалованье» получал не только один глава внешнеполитического ведомства этой страны Востока.

Естественно, что англичане «выдали» Абдуль-Хасан-хану соответствующие инструкции на ведение переговоров. Под предлогом «нездоровья» новый посланец Фетх-Али-шаха затратил на дорогу целых 22 дня и только 5 января 1828 года прибыл к столу мирных переговоров с целым «букетом» извинений по поводу неожиданно резко ухудшившегося своего драгоценного здоровья.

На первой же встрече с ним кавказский главноуправляющий И.Ф. Паскевич решительно заявил, что главные статьи мирного трактата уже подписаны шах-заде на основании грамоты персидского владыки Фетх-Али-шаха. Если же Персия не признает их, то, а об этом русский полководец сказал прямо, войска Российской империи возобновляют военные действия повсеместно.

К их вполне вероятной возможности генерал от инфантерии Паскевич подготовился заранее. По его приказу левый фланг войск Отдельного Кавказского корпуса продвинулся от берегов Аракса в Мешкинское ханство. Это давало русскому командованию хорошую возможность в случае возобновления войны сразу же «стеснить» неприятеля. Противная сторона такую угрозу поняла сразу.

На последнем свидании с наследным принцем Аббас-Мирзой Иван Федорович Паскевич прямо высказал шах-заде:

— Я давно примечал, что персияне хотят меня провести, и нарочно казался отдавшимся в обман. Но мое молчание происходило только оттого, что наш левый фланг был еще позади. Теперь мы готовы...

Новое шахское полномочное посольство поняло без лишних объяснений, что слова «сардара белого царя» не есть пустая угроза за столом переговоров. В случае неизбежного похода русских войск на Тегеран персидскую столицу вряд ли удалось бы защитить вооруженной рукой. У Фетх-Али-шаха значительных военных сил просто не имелось, поскольку его армия была наголову разгромлена и рассеяна на севере страны.

На другой день персидским послам объявили декларацию о разрыве затянувшегося перемирия. Наследник шахского престола поспешил к отцу в Тегеран, чтобы лично обрисовать Фетх-Али-шаху все безрадостные последствия возобновления войны с Россией. Однако на того слова шах-заде повлияли не сразу.

А тем временем русские войска начали наступление на юг во всю ширину своего фронта. Сопротивления сколько-нибудь организованного они пока не встречали. Кавказский главнокомандующий «громогласно» для жителей Южного Азербайджана объявил большой военный поход на столичный Тегеран. Шахские лазутчики донесли туда такую тревожную весть незамедлительно.

Правофланговый отряд под командованием генерал-майора Панкратьева занимает без боя важный город Урмию, расположенный на пересечении торговых дорог Южного Азербайджана. Это сразу же повлияло на позицию в вопросе продолжать или не продолжать войну с «неверными» не только местного купечества.

Левобланговый отряд генерал-лейтенанта Сухтелена быстро продвинулся к городу Ардебилю. Этот древний город был известен тем, что здесь короновались шахи Персидской державы. Двухтысячный гарнизон Ардебилля возглавляли сыновья наследного принца — Мегмет-Мирза и Джангир-Мирза. Они в запальчивости вознамерились обороняться, но персидские воины не пожелали умирать за Фетх-Али-шаха. Русские войска, подошедшие к городу, овладели им без кровопролития. Но у операции по взятию Ардебилля была своя предыстория.

Сообразительный российский главноуправляющий Кавказом попросил тавризского муштеида повлиять на верующих Ардебилля, поскольку этот город являлся одним из самых значительных в Персии. Муштеид не отказал Паскевичу в такой просьбе и послал в Ардебиль своих людей объявить его жителям о мире, который несут на землю Южного Азербайджана русские. Ага-Мир-Феттах призвал ардебильцев, в своей массе азербайджанцев, последовать примеру населения Тавриза.

Когда 25 января русский отряд подошел к Ардебилю, из городской крепости прозвучало всего несколько выстрелов, никому не причинивших вреда. Вышедшие большими толпами горожане выразили покорность, заставив тем самым сыновей Аббас-Мирзы сложить оружие. Шахскому гарнизону была предоставлена личная свобода, которой персидские сарабазы не промедлили воспользоваться.

Трофеями русских в Ардебиле стали 27 разнокалиберных пушек, стоявших на крепостных стенах. К немалому удивлению воинов генерала Сухтелена и его самого, четыре из них оказались русскими орудиями, когда-то захваченными персами в крепости Ленкорани у Талышских гор на берегу Каспийского моря.

Между тем сам генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич вел главные силы кавказцев по прямой дороге на Тегеран. По всей Персии население стало выражать немалое неудовольствие безрассудными действиями своего правителя Фетх-Али-шаха, поступавшего по указкам англичан. Кавказский наместник через верных людей сумел всячески поддержать таких недовольных и преуспел в этом.

Громом среди ясного неба для шахского двора стало известие о том, что тавризский муштеид, не терпевший даже самого звучания имени Фетх-Али-шаха из персидской династии Каджаров, пообещал пойти войной на Персию. Глава азербайджанского мусульманского духовенства пообещал выставить на стороне России 12 тысяч конных воинов-азербайджанцев.

Положение для неуступчивого Фетх-Али-шаха стало складываться, что говорится, «аховое». Дальнейшее упорство могло стоить ему монаршего престола, а может быть, и самой жизни. Страну могла охватить уже и междоусобная война феодальной знати. В таком случае противники Каджаров поддерживались бы русскими штыками.

Шах, потерявший прежнюю самоуверенность, поспешил отправить навстречу Паскевичу своего старшего сына для продолжения прерванных по его вине мирных переговоров. При этом Фетх-Али-шах не поскупился на драгоценные подарки русским военачальникам и дипломатам. Однако хитроумные уловки персов на возобновившихся переговорах продолжались. На сей раз они стали настаивать на посредничестве английской миссии в Тегеране.

Иван Федорович Паскевич, как человек военный, еще раз проявил твердость на дипломатическом поприще. Без долгих разговоров он заявил шахскому посольству следующее:

— Все статьи мира уже согласованы. Полномочным остается только съехаться в ближайшей деревне и подписать окончательный акт.

Персидские сановники, видя полную непреклонность русского полководца, поняли, что возражать им на это очень трудно, поскольку дорога до самого Тегерана никаких воинских заслонов не имела, и это они видели собственными глазами. Да и численность гарнизона шахской столицы оставляла желать много лучшего.

Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич желал скорейшего подписания мира с Персией еще по одной весьма весомой причине. По поступавшим к нему сведениям он чувствовал, что назревает скорая война с Оттоманской империей. Если не заключить мир с Персией, Отдельному Кавказскому корпусу придется сражаться на два фронта — на «два фаса». Не счи-

тая, разумеется, военных действий против северокавказских горцев.

Всерьез озабоченный главноуправляющий Кавказа со всем откровением писал начальнику Главного штаба русской армии генералу от инфантерии Ивану Ивановичу Дибичу:

«Дай бог, чтобы турецкая война не началась до заключения мира, а то мне весьма трудно будет».

По общему согласию договаривающихся сторон местом для подписания мира между Россией и Персией избрали небольшую деревушку Туркманчай, расположенную на пути от Тавриза к Тегерану. Последние переговоры велись в доме деревенского старосты, кеят-худе. Здесь в 12 часов ночи с 9-го на 10 февраля 1828 года был и подписан Туркманчайский мирный трактат, который подвел итоги второй и последней в истории русско-персидской войны.

Почему ровно в 12 часов ночи? Личный астролог наследного принца Аббас-Мирзы посчитал полуночные часы самым благоприятным для персов временем. С этим согласился и Иван Федорович Паскевич, не имевший ничего против такого «заинтересованного» предложения персидской стороны.

В мирном договоре между Россией и Персией было сказано, что он «заключен в селении Туркманчай 10 февраля в лето от Рождества Христова 1828 года и 5 Шабана 1243 года Хиджры».

Мирный договор от имени своих государств и их правителей подписали шах-заде Аббас-Мирза и кавалер многих российских орденов генерал-адъютант И.Ф. Паскевич. Заключенный трактат состоял из шестнадцати статей.

Статья 3-я гласила, что шах Персии «уступает Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по эту и по ту сторону Аракса, и ханство Нахичеванское». При этом шах обязывался в течение шести месяцев «сдать российским начальникам все архивы и публичные документы, относящиеся до управления обеими вышеозначенными ханствами».

Статья 6-я устанавливала права России на получение от шахского правительства 20 миллионов рублей серебром военной контрибуции (10 куруров или пять миллионов иранских туманов). Большая часть этих огромных денежных сумм уже находилась в дороге на север от персидской столицы.

Статья 8-я подтверждала свободу торгового мореплавания русских и персидских судов на Каспийском море и исключительное право Российского государства иметь здесь военный флот. Стороны обязывались оказывать всю необходимую помощь экипажам судов, потерпевших у их берегов кораблекрушение.

Заключенный мирный договор обязывал стороны в течение четырех месяцев освободить всех военнопленных. Обмен пленными должен был произойти в крепости Аббас-Абад в ближайšie четыре месяца. При этом они должны были быть обеспечены «жизненными припасами и прочими потребностями» на дорогу.

Однако собрать всех русских военнопленных шахские власти просто не могли. Поскольку пленные представляли для них живой товар, многие уже оказались проданными в ходе войны в Хивинское ханство или попали в самые удаленные уголки Персии. Там обнаружение шахского фирмана являлось гласом вопиющего в пустыне.

Одновременно Фетх-Али-шахом даровалось «совершенное и полное прощение» всем жителям и государственным чиновникам Южного Азербайджана за их поступки в поддержку русских войск. По особой статье договора перебежчики не выдавались.

Со своей стороны Россия обязывалась признать побежденного полководца принца Аббас-Мирзу прямым наследником персидского престола. И в случае вступления его на отцовский трон — законным государем Персии. Для династии Каджаров в условиях постоянной внутривосточной борьбы за власть этот пункт мирного договора имел особое значение.

До 4 марта происходил прием денег и драгоценностей в счет военной контрибуции. Выплата контрибуции оказалась тяжелым бременем для всего Персидского государства. Многочисленным женам и сановным придворным Фетх-Али-шаха пришлось «сдать» в государственную казну бриллиантовые пуговицы со своих парадных нарядов. В переплавку пошли золотые дворцовые канделябры, и даже пришлось заложить золотой шахский трон, самое большое украшение дворца персидского владыки.

Только такой ценой удалось наскрести по всей стране и в столице восемь куруров. После этого финансовые возможности Персии оказались действительно на пределе. В шахской казне так и не нашлось двух последних куруров для выплаты всей контрибуции. Бескомпромиссный в этом договорном вопросе генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич оставил на территории Персии сильный воинский отряд под командованием генерал-майора Панкратьева для ожидания их сбора и доставки.

8 марта город Тавриз был официально передан его прежней владыке шах-заде Аббас-Мирзе. В тот же день русский главнокомандующий со своим конвоем выехал из столицы Южного Азербайджана. А уже 13 марта первая колонна кавказских войск с настроением победителей переправилась через реку Аракс на ее левый берег. Теперь Аракс становился новой государственной границей Российской империи в Закавказье.

ДОЖДЬ НАГРАД И ГРАФСКИЙ ТИТУЛ

Генерала от инфантерии и генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича не только много прославляли, но и буквально осыпали высокими наградами. Помимо «Высочайшей благодарности» 15 марта 1828 года ему пожаловали «графское достоинство Российской империи со славным именованием Эриванского». Теперь полководец, выигравший русско-персидскую войну, именовался как граф Паскевич-Эриванский.

Сверх всех наград, по указу Императора Николая I полководец был высочайше одарен одним миллионом рублей серебром из сумм, поступивших из шахской казны в счет военной контрибуции. Но эти огромные деньги виновник победы над Персией получил в основном бумажными ассигнациями. Большая часть «шахского миллиона» пойдет на обустройство роскошного гомельского имения Паскевичей с великолепным парком.

Персидский шах по случаю заключения мира наградил русского полководца с титулом графа Эриванского орденом Льва и Солнца, украшенного бриллиантами, на такой же драгоценной цепи стоимостью в 60 тысяч рублей. Высший орденский

знак отличия государства, по законам Персии, разрешалось носить и потомкам награжденного — старшему в роду по мужской линии.

В России такой традиции не существовало, и это вызвало немалые толки при царском дворе. Но Император Николай I специальным указом подтвердил такое наследственное право своего полководца — победителя Персии.

Не остались без боевой награды и все непосредственные участники русско-персидской войны — как нижние чины, так и офицеры и генералы. 15 марта 1828 года Императорским указом утверждается специальная серебряная наградная медаль, впервые отчеканенная необычным для ранее учрежденных диаметром в 26 миллиметров.

На ее оборотной стороне шла трехстрочная надпись: «За персидскую войну». Надпись украшалась узорной подчеркивающей линией, которая шла под ней.

На аверсе, лицевой стороне наградной медали, по обеим сторонам поля медали, были полувенком изображены две лавровые ветви, перевязанные внизу лентой. Между лавровыми ветвями указаны в две строки даты заверченной войны — «1826, 1827 и 1828». Над ними, в самом верху медали — традиционное для таких русских наград — лучезарное «всевидающее око» Бога.

Эта серебряная медаль предназначалась только участникам военных действий против Персии и носилась на двойной комбинированной Георгиевско-Владимирской ленте. Несколько измененной в рисунке медалью награждались кавалеристы. Предшественницами медали за русско-персидскую войну (вторую) были наградные медали «В память 1812 года» и «За взятие Парижа в 1814 году».

В Высочайшем приказе Николая I по войскам Отдельного Кавказского корпуса говорилось:

«...Да послужит знак сей памятником мужества и примерного кроткого поведения нашего. Да будет он новым залогом верной службы Российского войска и Моей к вам признательности».

Всем офицерам, участвовавшим в персидской кампании, было пожаловано «не в зачет» годовое жалованье. Нижние

чины получили в награду, кроме медали, еще и по пять рублей ассигнациями.

Нижегородский драгунский полк получил почетнейшие Георгиевские штандарты. 42-й егерский полк — боевые знамена с надписью «За оборону Шуши против персиян в 1826 году». Полки Кавказской гренадерской бригады — надпись на кивера: «За отличие». Эти воинские части в русско-персидской войне отличились среди полков Отдельного Кавказского корпуса больше всех.

Кроме того, в память покорения крепости Эривани 7-му карабинерскому полку было Высочайше повелено именоваться Эриванским карабинерным полком (будущим 13-м гренадерским Эриванским полком Кавказской гренадерской дивизии; полк был расформирован в 1918 году). Шефом Грузинского полка был назначен новорожденный Великий Князь Константин Николаевич — сын Императора России.

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ. ГИБЕЛЬ ГРИБОЕДОВА

...Русско-персидская война еще официально не закончилась, и еще не был подписан Туркманчайский мирный договор, а главноуправляющий Кавказа уже начал заботиться о безопасности новой государственной границы по реке Аракс. Задача эта была довольно многосложной по исполнению.

Генерал-лейтенант А.И. Красовский по поручению царского наместника деятельно принялся за организацию охраны беспокойных границ с побежденной в войне Персией. На мирное время он предложил создать армянский добровольческий легион из 1500 человек пехоты и 500 человек конницы. При этом учитывался опыт борьбы за Эриванскую крепость.

29 февраля 1828 года Император Николай I дал Высочайшее указание приступить к формированию Эриванского армянского батальона и Первого армянского конного полка. Все мероприятия и предложения генерала Красовского, с подачи легкой руки кавказского главнокомандующего, были приняты самодержцем России с «удовольствием».

Осенью 1828 года в Отдельном Кавказском корпусе сложились напряженные отношения в среде высшего командования. Некоторые генералы все еще с настороженностью относились к своему главнокомандующему, видя в нем не столько военного вождя, сколько придворного сановника. В силу многих причин, которые осложняли присутствие русских войск на Кавказе, они хотели видеть в генерале И.Ф. Паскевиче не царедворца, а второго Алексея Петровича Ермолова, их боевого в недавнем прошлом кавказского соратника.

Но «бешенохрабрый» Иван Федорович Паскевич, уже завоевавший большое самомнение, повел настоящую атаку на «непочтительных» подчиненных. Он подал Государю рапорт, преследовавший цель кардинальной перестановки командного состава Отдельного Кавказского корпуса. Рапорт получил одобрение Царя.

В феврале 1828 года генерал-лейтенант А.И. Красовский, один из самых прославленных сподвижников Ермолова, получил отпуск по состоянию здоровья. Иными словами, он «отлучался» от кавказских дел. Вместо него, по рекомендации Паскевича, временно исполняющим обязанности начальника Эриванской области назначается грузинский князь А.Г. Чавчавадзе.

Как полноправный царский наместник в беспокойном регионе, Иван Федорович Паскевич делал многое для стабилизации положения в присоединенных к России землях. Он содействовал переселению в российские пределы семей армян-христиан и азербайджанцев из Персии, жизнь которых на новых местах в Закавказье становилась несравненно лучше, чем на прежних местах жительства. Главным для них было то, что теперь эти семьи избавлялись от полного произвола шахских властей, хотя, разумеется, и российская законность многим казалась далекой от совершенства.

В феврале 1828 года И.Ф. Паскевич рапортом начальнику Главного штаба генералу от инфантерии графу Ивану Ивановичу Дибичу ходатайствует о материальном обеспечении тавризского муштеида. Муштеид после заключения Туркманчайского мира покинул город Тавриз и переселился с семейством в Северный Азербайджан. Граф Эриванский писал в рапорте:

«...Мир-Фете-Ага, сын славившегося святостию в Персии шейх-уль-ислама Мирзы-Юсуфа, благочестивою жизнью и строгою нравственностью стяжал к себе особенную любовь и доверенность здешнего народа, во всех случаях внимавшего его наставлениям и слушавшего его советов.

Перед вступлением еще войск наших в Тавриз Мир-Фете-Ага заявил преданность свою к русским, увещевая жителей тавризских, дабы они не оказывали нам никакого сопротивления, и его влиянию отчасти приписать должно занятие сего города без всякого сопротивления.

...Во все время пребывания нашего в Азербайджане мушкетер Мир-Фете-Ага не переставал доказывать новыми опытами неизменное усердие и преданность к нашему правительству, и один из всех мусульман был назначен мною для присутствия в Азербайджанском временном правлении. Много способствовал он безропотному вносу податей и снабжению войск потребностями, вообще же увещеваниями своими и примером удерживал весь почти Азербайджан во власти нашей находившийся, в совершенном повиновении и покорности, так что все время 4-месячного пребывания нашего в сей области не только не было нападения на малые отдельные наши команды, но не происходило даже никакого волнения или смятения в народе...»

Рапорт в столицу получил скорый ответ. Император Николай I наградил главу шиитского духовенства в Закавказье орденом Святой Анны 1-й степени.

А через три года главе мусульман Закавказья передали в пожизненное владение богатое имение в Ширванской провинции (ранее оно принадлежало бежавшему за границу в 1820 году Касым-беку и состояло из 15 деревень, в которых проживало 405 семейств). Совершена была эта акция в возмещение имущества, оставшегося в Персии, и «в вознаграждение оказанных им в последнюю войну с Персией важных заслуг и особенной преданности его к России, генерал-фельдмаршалом графом Паскевичем-Эриванским засвидетельствованных», Царским указом, собственноручно написанным в 1831 году.

Как видим, в этом Императорском указе Иван Федорович Паскевич, граф Эриванский, упомянут уже в воинском звании

генерал-фельдмаршала. Этот чин он получит за успешные действия на Кавказском фронте во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов, равно как и за прежние ратные заслуги и наместнические труды на Кавказе.

При всей сложности исторических оценок личности И.Ф. Паскевича современниками и последующими, особенно советскими, исследователями можно смело утверждать, что все свои награды, включая и звание генерал-фельдмаршала, великий кавказский полководец России получил все-таки не как царедворец, а как настоящий военный и государственный деятель николаевской эпохи.

..Вернемся, однако, в 1828 год. Хотя война с Персией победно и закончилась, небо над Закавказьем спокойствием не дышало.

Более того, Туркманчайский мирный договор «лишил» российскую литературу Александра Сергеевича Грибоедова, который только входил в зенит своей популярности как талантливый драматург и поэт. Вот как это произошло. Наш поэт погиб именно тогда, вскоре после официального замирения с Персией.

Грибоедову, как одному из главных участников подписания трактата о мире, кавказский наместник поручил в марте 1828 года доставить текст мирного договора в Санкт-Петербург. Подобные миссии всегда бывали очень почетны и сопровождались Высочайшими благоволениями и наградами. Наверное, Паскевич не мог не замолвить перед благодарным ему Императором слово за своего родственника, к тому же и явно способного дипломата.

По ходатайству Ивана Федоровича Паскевича и по желанию самого Грибоедова писателя вскоре назначили министром-резидентом России в Персии. Некоторые исследователи утверждают, что такое высокое назначение состоялось вопреки желанию автора «Горя от ума». Это не так. К тому времени Грибоедов женился на дочери грузинского поэта князя Чавчавадзе — княжне Нине Чавчавадзе и очень полюбил Кавказ.

Предшественник Грибоедова в качестве русского посла при шахском дворе Симон Иванович Мазарович был умным и «отлично-способным» дипломатом. Венецианец по рождению и

врач по образованию, он назначается первым постоянным посланником Российской империи в Персии еще при содействии А.П. Ермолова. Грибоедов некоторое время состоял при Мазаровиче в качестве советника. Теперь он сам стал первым лицом в российском посольстве. Будучи человеком блестящего ума и превосходных способностей, он тем не менее оказался «бесполезным для службы» в мусульманской стране.

В Тегеране русского посланника встретили с такими почестями, которые никогда не оказывали в Персии ни одному европейцу. Фетх-Али-шах принял его весьма благосклонно: он пожаловал ему высший орден Льва и Солнца 1-й степени. Богато были одарены все сотрудники российской миссии.

Однако действия А.С. Грибоедова в Тегеране — пылко и неосмотрительного посла страны-победительницы — вскоре возбудили негодование Фетх-Али-шаха и персиян. Грибоедов открыто заявлял противной стороне: «Уважение к России и к ее требованиям — вот что мне нужно». Поэтому трагический финал пребывания писателя в персидской столице не заставил себя долго ждать. Повод для этого дал сам Александр Сергеевич Грибоедов, который вопреки советам и предостережениям армянина-переводчика, самым категоричным образом потребовал выдачи нескольких российских подданных — женщин (взятых в плен во время вторжения армии персов в Грузию). По его сведениям, они находились в гареме Аллаяр-хана в должности прислужниц. А Аллаяр-хан был зятем шаха, и претензии к нему шахским окружением были расценены как оскорбление особы самого персидского монарха. Наверное, нашему послу это надо было предвидеть.

Требования русского посла были предъявлены, вероятно, вследствие недостаточно тонкого понимания им порядка вещей в персидском свете. И, вне всякого сомнения, с явным намерением Грибоедова доказать всем в Тегеране свое влияние и могущество (ведь за его спиной стояла военная мощь победительницы-России) при шахском дворе. Однако русскому писателю в той ситуации следовало бы знать, что в окружении Фетх-Али-шаха по-прежнему «верховодили» англичане.

Хотя шах не мог не видеть в требовании министра-резидента России прямого нарушения персидских обычаев, но, не

желая отвечать на его требование полным отказом, он позволил ему самому взять пленниц. Посланные в гарем Аллаяр-хана русские конвойные казаки привели плененных грузинок-рабынь в посольский дом. Персы, увидевшие в таком поступке явное неуважение русских к особе шахского зятя, к самому Фетх-Али-шаху и к существующим в мусульманской стране обычаям, взволновались.

Антирусские волнения начались в традиционном для подобных случаев месте — центральном рынке иранской столицы. В тот день рынок закрыли, и «правоверные» стали собираться у тегеранской соборной мечети. Вне всякого сомнения, Аллаяр-хан лично приложил руку к раздуванию фанатического возмущения действиями русского посла. Городскую, вернее, рыночную, «чернь» долго агитировать не пришлось — «неверные» покушались на неприкосновенность гаремов шахской родни.

Когда огромная вооруженная толпа подступила к дому, где размещалось посольство России, охрана из шахских сарбазов разбежалась, а их ружья оказались спрятанными на чердаке дома. После этого персы многотысячной толпой, вооруженные преимущественно кинжалами, пошли на штурм и ворвались во двор посольства.

Вне всякого сомнения, последовавшее убийство посла России и сопровождавших его людей, около сорока человек, произошло при прямом попустительстве Фетх-Али-шаха. Вернее, с его молчаливого одобрения действий своих верноподданных. Грибоедов и казаки конвоя защищались от многотысячной толпы вооруженных фанатиков, штурмовавших посольский дом, до последнего, около часа. Сам Грибоедов отчаянно защищался шашкой и пал под ударами нескольких кинжалов. Посольское имущество было разграблено.

Над телами погибших русских издевались и после разгрома посольства России. Обезображенный труп посла Российской империи вместе с другими был три дня игралischem тегеранской черни и узанан был только по руке, некогда простреленной из дуэльного пистолета. Из всей русской миссии в живых случайно остался только Мальцев, исполнявший при Грибоедове обязанности первого секретаря.

Останки Грибоедова долгое время оставались в Тегеране. Только спустя три месяца были вывезены оттуда шестнадцатилетней вдовой его, которая свято исполнила желание мужа, сказавшего ей однажды, в минуты мрачного предчувствия:

— Не оставляй костей моих в Персии и похорони меня в Тифлисе, в церкви Святого Давида...

В российские пределы прах А.С. Грибоедова сопровождали поручик и несколько солдат Тифлисского полка. В пути гроб, который везли по горной дороге на простой грузинской арбе, был встречен около Гергер оказавшимся на Кавказе поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным. Об этой встрече он рассказал в своем «Путешествии в Арзрум»:

«Два вола, впряженные в арбу, поднимались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откула вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что везете?» — «Грибоеда». Это было тело Грибоедова, которое сопровождали в Тифлис».

Согласно просьбе мужа вдова Нина Александровна Грибоедова похоронила мужа в монастыре Святого Давида. Похороны проходили при огромном стечении горожан. Надгробное слово сказал экзарх Грузии митрополит Иона. На могиле был поставлен бронзовый памятник. На одной стороне пьедестала барельефом сделан портрет писателя, автора «Горя от ума», а под ним начертано золотыми буквами:

«Александр Сергеевич Грибоедов. Родился 1795 года, января 4. Убит в Тегеране 1829 года, января 30».

На другой стороне пьедестала надпись: *«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя».*

...Злодейское убийство писателя грозило возникновением нового военного конфликта между Россией и Персией. Первыми это осознали в шахском окружении. В случае возникновения новой войны с северным соседом персам даже на призрачную победу рассчитывать не приходилось.

Высокопоставленные посланцы восточного владыки поспешили в далекий от Тегерана Санкт-Петербург. Извинительную миссию возглавил принц Хосров-Мирза, который вез с собой на берега Невы не только самые изысканные извинения за случившееся, но и драгоценные подношения, которые

только отыскились в опустевшей шахской сокровищнице. На первый случай Хосров-Мирза прибыл в Тифлис, где имел аудиенцию у царского наместника.

Аудиенция была непродолжительной. К тому же Хосров-Мирза знал, что убитый посол России приходился близким родственником царскому наместнику на Кавказе. После взаимных приветствий граф Паскевич-Эриванский в открытом экипаже сам проводил персидского принца до приготовленной ему квартиры в доме военного губернатора Тифлиса. На том они и расстались.

В доверительном разговоре с Хосров-Мирзой генерал Паскевич выведал многое из секретов персидско-британских отношений. Об этом незамедлительно был оповещен глава российского Министерства иностранных дел граф Нессельроде. Ко всему прочему тому приходилось принимать посланца шаха Персии в российской столице.

Миссия принца Хосров-Мирзы преуспела в своих намерениях. Он привез на берега Невы правителю России извинительное, многословное послание персидского шаха в виде верительной грамоты. В ее заключении говорилось:

«От обширного ума великого вашего благоприятеля, украшающего вселенную, — писал шах Персии, — зависеть будет, принять милостиво или отринуть извинение».

Грамота оканчивалась стихами великого поэта Востока Саади:

Пришла пора опять скрепить
Союз приязни снисхожденьем —
И все минувшее затмить
Благотворительным забвеньем...

Император Николай I принял подарки и официальные извинения за убийство русского посла (виновные уже понесли заслуженное наказание). Всероссийский Государь тут же одалжил Хосров-Мирзу и членов его свиты бриллиантовым орлом, редкими сибирскими мехами, перстнями с бриллиантами и изумрудами, золотыми часами, сервизами и изделиями из фарфора и несколькими тысячами золотых червонцев. Персам прощался последний курур серебром из военной контрибуции.

Но главной причиной императорских милостей были, конечно, не персидские дары и даже не бесценный большой алмаз «Шах», ставший одним из главных украшений царской сокровищницы. Главная причина состояла в нейтралитете, который Персия должна была сохранять во время напряженной тогда для России международной обстановки.

РАЗГРОМ ТУРЦИИ

Война с Османской Портой уже назревала.

И действительно, вскоре началась русско-турецкая война 1828—1829 годов. Она велась на двух больших театрах военных действий — за Дунаем на болгарской земле и на Кавказе. Флот России действовал и на Черном море, и в Восточном Средиземноморье — в Греческом архипелаге.

В последних числах марта 1828 года в Тифлис с императорским фельдъегерем пришло уведомление о «совершенном» разрыве отношений России с Блистательной Портой.

Николай I предоставлял своему наместнику на Кавказе — графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому — «выбор способа действий против Турции» со стороны кавказской границы.

Государь поручал уже прославленному русскому полководцу отвлечь как можно больше османских войск из европейских владений турецкого султана и покорить два приграничных пашалыка (провинции) — Карский и Ахалцыхский, взять приморскую крепость Потти в Гурии. Дальнейшее продвижение кавказских войск в глубь азиатских владений Османской империи считалось нецелесообразным и воспрещалось.

Война с Турцией виделась совсем иной, чем с Персией. Противник был посерьезнее, с более мощной, многочисленной и лучше обученной армией, с сильными приграничными крепостями. Они своими башнями и стенами олицетворяли могущество Османской империи в Закавказье, и было их много — Потти, Батум, Кабулети, Карс, Ахцур, Ахалкалаки, Хертвис, Ахалцихе, Баязет, Байбурт (Бейбурт), Магазберт,

Кагызман, Трапезунд, Эрзерум... К тому же империя турок-османов имела давний опыт противоборства с русской армией.

Для ведения же широких боевых действий, особенно наступательных, Отдельный Кавказский корпус сил имел совершенно недостаточно. Уже не говоря о том, что в его ближнем тылу в ряде областей Северного Кавказа шла нескончаемая война с горцами. Разбойным нападениям из ичкерийских лесов и тогда подвергалась даже хорошо охраняемая Военно-Грузинская дорога.

На момент начала очередной русско-турецкой войны за Кавказским хребтом насчитывалось следующее количество российских войск (вместе с прибывшими сюда в ходе второй войны с Персией): 56 батальонов пехоты, пять полков регулярной кавалерии, 17 казачьих полков и 13 с половиной артиллерийских рот.

Общая численность русских войск, находившихся в Закавказье, к весне 1828 года составляла 36 423 штуки, 8583 сабли (но больше, конечно, казачьих шашек) и 148 артиллерийских орудий. Сила на первый взгляд была внушительная.

Но... Из этого числа русских войск в северных персидских провинциях до сих пор находилось шесть пехотных батальонов, два казачьих полка и полторы артиллерийские роты. Они оставались там как гарант полной выплаты военной контрибуции. По численности сводный отряд генерал-майора Н.П. Панкратьева равнялся 2691 штуку и 615 саблям при 16 полевых орудиях.

Лейб-гвардии Сводный полк, «штрафной», как мы его называли, в середине лета выступил из столицы кавказского наместничества Тифлиса в обратный путь, в Россию. Гвардейцы «штрафного» полка в русско-персидской войне показали себя с самой лучшей стороны, отличившись буквально во всех боевых схватках. По представлению Паскевича Император Николай I Высочайшим указом простил нижних чинов столичной гвардии, оказавшихся на Сенатской площади по воле своих офицеров из числа заговорщиков-декабристов. На гвардейцев, путь которых на берега Невы лежал через Кавказский хребет и Первопрестольную Москву, возложили обязанность конвои-

ровать драгоценности, полученные от Фетх-Али-шаха в счет военной контрибуции.

Персидские трофейные сокровища состояли из следующих вещей (не считая огромной денежной суммы). Это был драгоценный трон шах-заде Аббас-Мирзы и представлявший собой старинное кресло с резной раззолоченной работой, обитое малиновым бархатом. Везли в Россию и многие другие вещи: семь пушек, отлитых в тавризском арсенале персидскими мастерами, ключи от ворот столицы Персии, изготовленные специально для поднесения Императору Николаю I искуснейшим оружейником наследного принца, его походная палатка с двумя дорогими коврами, восточные ружья, две любопытные исторические картины, взятые в Уджанском дворце и, наконец, богатая Ардебильская библиотека, заключавшая в себе древнейшие манускрипты Персии.

Лейб-гвардии Сводный полк прибыл в российскую столицу со своим «грузом» в самом конце 1828 года.

Вместе со «штрафным» гвардейским полком по Императорскому повелению ушла в Россию и вся 2-я уланская дивизия с приданной ей конно-артиллерийской ротой. В Закавказье остался лишь один Сводный уланский полк. Два пехотных батальона — Навагинский полк — отправили на Северный Кавказ, на усиление Кавказской укрепленной линии.

Гарнизонную службу в Закавказье несли 31 пехотный батальон, три эскадрона славных нижегородских драгун, девять казачьих полков и пять рот артиллерии. Эти военные силы обеспечивали коммуникации и тылы Отдельного Кавказского корпуса, защищали собой северные районы Грузии и Азербайджана от постоянных набегов горцев, прикрывали государственную границу с Персией. Численность таких войск составляла 25 тысяч штыков, четыре тысячи сабель и 62 артиллерийских орудия.

Только в пределах Грузии, для обеспечения безопасности ее столицы города Тифлиса, охраны штаб-квартиры Отдельного Кавказского корпуса и на Алазанской укрепленной линии, охранявшей Восточную линию от горцев-лезгин, стояло шесть пехотных батальонов. Из них девять пехотных рот сто-

яло в самом Тифлисе, но все они были из состава третьих, резервных батальонов пехотных полков.

И в итоге для действий против азиатской турецкой армии оставалось всего 15 пехотных батальонов, 8 эскадронов регулярной кавалерии, шесть казачьих полков и шесть артиллерийских рот. По численному составу это были почти те же самые войска, с которыми главнокомандующий граф Паскевич-Эриванский победно окончил русско-персидскую войну.

Действующие силы Отдельного Кавказского корпуса составляли всего 27 процентов всех его войск, сосредоточенных на начало войны с Блистательной Портой в Закавказье, то есть менее девяти тысяч штыков и 3500 сабель при 70 полевых орудиях. Прикрывать же ими приходилось всю 500-километровую приграничную линию.

Три года военных действий против персиян, боевые потери и еще большая потеря людей из-за болезней и эпидемий (так называемые санитарные потери) губительно отразились на численном составе кавказских войск. В строй можно было поставить в лучшем случае не более 12 тысяч человек пехоты, кавалерии (регулярной и казачьей) и артиллерии. К тому же эти войска только 25 апреля возвратились из Персии на отведенные им квартиры.

Батальоны пехотных полков насчитывали всего по 400—600 бойцов. Прославленный Нижегородский драгунский полк имел в строю всего около 500 человек. А в донских казачьих полках в строю насчитывалось не более 300 всадников в каждом — всего по две казачьи сотни.

Воинам-кавказцам требовались и хороший отдых, и новое обмундирование с обувью. Последнее истрепалось за три военных года преимущественно в горах, как говорится, «донельзя». Еще предстояло пополнить запасы продовольствия в опустевших войсковых магазинах, вновь сформировать обозные транспорты и артиллерийские парки. На скорую помощь из России рассчитывать просто не приходилось, поскольку главные боевые действия в войне с Турцией разворачивались на берегах Дуная.

Таковы были веские причины более позднего начала боевых действий на Кавказе, чем на европейском Дунайском театре

войны. Там 2-я русская действующая армия стояла отобилизованной, хорошо подготовленной к форсированию Дуная и походу в Болгарию, обессиленную от векового османского ига. Русские войска, сосредоточенные на Дунае, превышали общую численность Отдельного Кавказского корпуса в четыре раза и имели при этом скорую возможность пополниться резервами.

Получив Высочайший указ о разрыве отношений со Стамбулом, кавказский главнокомандующий И.Ф. Паскевич прежде всего разделил российскую пограничную линию с Турцией на пять оперативных участков. При этом он исходил, соображаясь с условиями горной местности. Действующие корпусные силы соответственно разделялись на пять самостоятельных отрядов.

Одновременно кавказский наместник приказал в самый кратчайший срок обмундировать полки и артиллеристов, назначенные в состав действующих сил корпуса. В приграничных пунктах были развернуты временные госпитали на две тысячи человек и сверх того еще и один подвижный на тысячу человек. В составе последнего имелось отделение подвижного карантина на случай появления чумы на театре военных действий.

Наличные деньги в корпусной казне стали тратиться на закупку у местного населения провианта, фуража, водки и скота для мясных порций войскам. Часть армейского снабжения шла по Каспийскому морю из далекой Астрахани. А потом на казенном, вольнонаемном и земском транспорте немедленно свозилось в тылы районов предстоящих боевых действий.

Был создан войсковой магазин Отдельного Кавказского корпуса. Он состоял из 1070 двухколесных арб и 2250 вьюков. Магазины предстояло поднять треть закупленного провианта с целью переброски в места передвижений русских войск.

Воедино были собраны корпусные артиллерийский (преимущественно возимый боезапас) и инженерный парки. На арбы погрузили и разборный понтонный мост. Спешно стала разрабатываться новая дорога из Тифлиса на Гумры и оттуда на крепость Эривань.

Созданный весной 1828 года запасной артиллерийский парк корпуса имел полный комплект готовых зарядов для 72 бата-

рейных и 60 легких артиллерийских орудий, два миллиона ружейных патронов и пороху мушкетного до 700 пудов, пушечного — до 500 и винтовочного — до 160 пудов. Помимо этого организуется особый парк для крупнокалиберной осадной артиллерии.

Всего в арсеналах и на корпусных складах в Закавказье накануне войны с Турцией имелось 66 тысяч артиллерийских снарядов (в среднем по 450 снарядов на каждое орудие) и свыше трех миллионов ружейных патронов.

Генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, как полководца, еще при жизни за глаза осуждали за излишнее пристрастие к полному обеспечению действующей армии, уходящей в поход. Что, мол, громоздкие войсковые обозы сковывали движение его армейских колонн и что это особенно проявлялось в горах. Что при этом терялась удивительная способность русской армии к стремительным марш-броскам — ведь еще в недалеком времени суточные переходы суворовских чудо-богатырей в любых условиях поражали всю Европу.

Но мудрость Паскевича-полководца заключалась в предвидении характера предстоящих боевых действий. И особенно в знании «опытов» из военной истории. Войны России с Турцией в Закавказье не часто «баловали» воюющие стороны большими полевыми сражениями. Зато они постоянно изобиловали осадами мощных крепостей в азиатской части Османской империи.

А осады требовали для своего осуществления больших сил полевых войск, а еще больше средств — всевозможных осадных припасов, особенно для тяжелой артиллерии. Ведь только одну мощную турецкую крепость Карс русская армия за всю историю войн с Ближневосточной Портой осаждала четыре раза! И три раза успешно ею овладевала, брала с бою.

Крайне плохое состояние немногочисленных горных путей сообщения с Закавказьем заставляло не только одного главнокомандующего Паскевича-Эриванского создавать большие военные запасы. Причем значительно выше принятых тогда норм полного обеспечения действующих полевых войск.

Империя турок-османов не менее серьезно готовилась к войне с Россией на Кавказе. Если султанский главнокоманду-

ющий в Болгарии Гуссейн-Али-паша предполагал в основном ограничиться обороной многочисленных и сильных дунайских крепостей, то в Азиатской Турции дело обстояло совсем иначе. Направленный султаном весной 1828 года в крепость Эрзерум опытный полководец Киос-Мухаммед-паша немедленно стал готовиться к решительному вторжению в Грузию.

К началу войны турки старались найти себе «союзников» среди грузинской феодальной знати, во многом лишенной былой власти и владений. Российское правление в Грузии «подрезало» их бывшее величие. Именно на это и рассчитывали султанские эмиссары, засылаемые на грузинскую территорию с той стороны государственной границы.

В начале 1828 года уже номинальная правительница пограничной в то время Гурии княгиня Софья Гуриели получила от константинопольского султана фирман, которым он «принял Гурийское княжество под свое покровительство». По поручению княгини ее фаворит князь Давид Матучадзе ездил в соседний Батум, столицу турецкой Аджарии, договариваться с турецкими пашами о порядке отторжения Гурии от Российской империи.

Противник Паскевича в лице султанского командования стремился обеспечить себе верный успех уже в самом начале войны. Главным военачальником в Западной (Горной) Армении и Восточной Анатолии являлся тогда сераскир Галиб-паша. В свое время он был турецким послом во Франции и исполнял одно время обязанности великого визиря светлейшего султана.

Роль султанского полководца выполнял при нем трехбунчужный паша Киос-Мухаммед — во многом опытный, прославленный и мужественный османский воин. Он воевал с наполеоновскими войсками в Египте, участвовал в четырех войнах на полях Европы: против русских, сербов и греков. Его длинный послужной список имел немало побед. Паша поклялся султану Махмуду II очистить от русских «турецкое» Закавказье, огнем и мечом привести в былую и полную покорность христианские народы грузин и армян.

В Эрзерумской крепости султаном велено было собрать 40-тысячный действующий армейский корпус. Для чего из

Стамбула (Константинополя) отправили в Эрзерум отборнейшие войска — три тысячи обученной европейскими военными инструкторами пехоты и 24 способных офицера, получивших образование за границей.

К началу военных действий все турецкие приграничные крепости на Востоке успели исправить и усилить их в фортификационном отношении. В них были поставлены сильные гарнизоны. Крепости были в достатке обеспечены самыми необходимыми припасами. Еще перед началом войны на всех горных дорогах были выставлены сильные конные дозоры. У местного армянского христианского населения в принудительном порядке турецкие власти отобрали оружие, прежде всего огнестрельное.

В приграничной зоне турецкими лазутчиками велась усиленная разведка за приготовлениями и перемещениями русских войск. Мусульманское духовенство по обе стороны государственной границы призывало всех правоверных в начавшейся войне взяться за оружие против русских. В этом случае воинам султана за их гибель на поле брани обещали все блаженства неземного рая.

С официальным началом войны султанское командование было сильно обеспокоено кажущимся бездействием русских войск на Кавказе. Сераскир Галиб-паша приказал карскому паше собрать более точные и верные сведения о замыслах русского главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского и его военных силах. Такая разведывательная задача выполнялась с известной «азиатской» хитростью.

В первой половине мая в Грузию прибыл важный султанский чиновник с ничтожным дипломатическим поручением. На государственной границе стража предусмотрительно задержала быстроглазого турка вместе с многочисленными спутниками. Уж слишком явными смотрелись цели его поездки в столицу кавказского наместничества.

Однако, поразмыслив, царский наместник Кавказа приказал пропустить этого чиновника со свитой в город Тифлис. Но при этом главнокомандующий приказал провезти вражеского лазутчика в ранге дипломата через места сосредоточения русских войск. Их многочисленность и бодрый вид произвели на

высокопоставленного султанского шпиона подобающее впечатление.

Вдобавок ко всему Иван Федорович Паскевич в присутствии турецких «дипломатов» провел 23 мая большие военные маневры с участием лейб-гвардии Сводного полка, тогда еще не покинувшего Тифлис. Они закончились показательным штурмом древней тифлисской цитадели — Метехского замка, расположенного почти на неприступной скале над рекой Курой. Вместе с пехотными батальонами маневрировали кавалерия и артиллерийские роты, блеснувшие своей действительно высокой выучкой.

Изумленный стройностью рядов и натренированной быстротой действий русских солдат, присланный карским пашой опытный лазутчик невольно обронил в кругу своей свиты пророческие слова:

— Так они возьмут и Карскую крепость!

Сказанные «дипломатом» противной стороны слова передали кавказскому наместнику, и Паскевич только улыбнулся в ответ. Словом, спектакль с военными маневрами и демонстрацией силы Отдельного Кавказского корпуса вполне удался. Турецких посланников, продержав несколько дней в Тифлисе, отправили назад, сопроводив до государственной границы под надежным конвоем.

Вскоре конные турецкие отряды своими разбойными набегами стали тревожить приграничные грузинские селения. Караульные разъезды из казаков, пограничной стражи, отбивали «покушения». Действующий Кавказский корпус стал сосредоточиваться близ Гумров (советского города Ленинакана). Сам главнокомандующий Паскевич-Эриванский пока оставался в Тифлисе, страдая от сильного ушиба ноги и простуды.

Русский полководец еще не имел достоверных сведений ни о численности противника, ни о его замыслах даже на начальный период войны. Сведения разведчиков-армян, как показала впоследствии захваченная в крепости Карс переписка султанских официальных лиц, далеко не соответствовала действительному положению вещей. Так, по данным лазутчика из числа местного армянского населения, турки имели войск

намного больше, чем их было на самом деле. А карский крепостной гарнизон оказался вдвое меньше.

Главные свои армейские силы султан Махмуд II, как и предвиделось в Санкт-Петербурге, бросил к берегам Дуная. А сераскиру Галиб-паше султан приказал в начавшейся «священной войне» сколько возможно погромить владения России в Закавказье.

Большой совет султанских властей и военачальников, собравшийся в Эрзеруме, решил повести против русских на Кавказе войну большую. Совет решил для этой цели собрать в крепости Карс, расположенной вблизи государственной границы, действующую армию в 60 тысяч человек.

Турецкие лазутчики доставили сераскиру Галиб-паше желанные для него, но ложные по своему содержанию разведывательные сведения. Что, мол, в Закавказье свирепствует голод, продовольствия для русской армии там почти нет, а сам «Паскевич-паша» одержим тяжелой, трудноизлечимой болезнью.

Получив такую самую благоприятную разведывательную информацию, султанский правитель Западной Армении и Восточной Анатолии поспешил передать ее карскому паше. Весь свой неподдельный восторг Галиб-паша изложил в следующих фразах:

«Душа моя полна радости! Враг наш, генерал Паскевич, на краю гроба; да поразит его пророк хладом смерти, и да померкнет счастливая звезда этого страшного гяура, в войне непобедимого! Теперь легче мы совершим предприятие наше; спешите сообщить мне о своих действиях».

Получив такое ободряющее послание из Эрзерума, карский Эмин-паша особо не возрадовался. Он с полной достоверностью знал, что от Тифлиса к Гумрам проложена большая, хорошо обустроенная дорога и прихода русских войск под стены Карской крепости можно было ожидать в самом скором времени.

Карский паша, выслав к границе сильный заслон из четырех тысяч конницы для совершения набегов на сопредельную сторону, запросил у вышестоящего начальства немалой помощи. Султанский главнокомандующий на Востоке Киос-Мухаммед пообещал ее скоро, добавив при этом в ответном письме:

«...Войска твои храбры, крепость неодолима. Русские мало-численны; умеи внушить гарнизону, что неверные слабы; мужайся, доколе я прибуду».

Султанский сераскир отправил в подвластные ему области повторные подтверждения в самых строгих выражениях о спешном сборе всех войск к крепости Карс. Галиб-паша решил даже на такой шаг, как преждевременная отправка денег на содержание войск, прибытие которых еще только ожидалось. Последнее смотрелось совсем вопреки стародавним обычаям восточных властителей.

Боевые действия на Кавказе в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов начались только спустя два месяца после того, как войска 2-й русской действующей армии перешли реку Прут, осадили город-крепость Браилов, а после этого успешно форсировали полноводный Дунай и силой овладели турецкими крепостями Мачин, Гирсово, Кюстенджа и Тульчи.

По расписанию на время войны походный штаб главнокомандующего русскими кавказскими войсками состоял из следующих лиц. Должность начальника корпусного штаба исполнял генерал-майор барон Д.Е. Остен-Сакен. Обер-квартирмейстером являлся гвардейский полковник Генерального штаба Вальховский. Начальником артиллерии был генерал-майор Гиленшлит. Должность дежурного штаб-офицера исправлял полковник Леман, а начальника корпусного тыла — генерал-интендант 4-го класса Жуковский. Походным атаманом донских казачьих полков назначили генерал-майора Леонова.

Действующая пехота корпуса состояла из трех бригад, которыми командовали генерал-майоры: 1-й — Муравьев, 2-й — Берхман и 3-й — Корольков. Всего под ружьем в кавказской инфантерии числилось 8561 нижний чин. Они составляли пятнадцать батальонов из Грузинского гренадерского, Эриванского карабинерного, Ширванского и Крымского пехотных, 39-го, 40-го и 42-го егерских полков.

По своему составу полки, уходявшие в поход, были мало-численны, поскольку пополнения они еще не получили. Немало больных и раненых еще оставалось в госпиталях. Самым сильным по числу штыков выглядел Эриванский карабинерный —

1393 бойца, тогда как в 40-м егерском по списку числилось всего 709 человек, по сути дела, один батальон.

Корпусная кавалерия состояла из четырех бригад. Сводной в составе восьми эскадронов Нижегородского драгунского и Сводного уланского полков командовал полковник Раевский. Под начальством походного атамана генерал-майора Леонова находились следующие казачьи бригады по два полка в каждой: 1-я — полковника Победнова, 2-я — полковника Сергеева и 3-я — генерал-майора Завадовского. Всего в них числилось семь донских казачьих полков и один Конно-Черноморский (кубанский) казачий полк. Численность казачьих полков была от 112 до 322 конников.

Остальная кавалерия составляла личный резерв главнокомандующего. При главной квартире находились сборный Линейный казачий полк и конница, состоящая из местных, закавказских добровольцев. Всего действующей кавалерии в Отдельном Кавказском корпусе числилось 3446 человек при 18 донских конных орудиях.

Действующая полевая артиллерия корпуса состояла из 70 орудий. В том числе полевых — 58 (включая четыре горных единорога), осадных — 12 пушек. Огневых припасов к ним имелось достаточное количество.

При всех этих действующих силах кавказских войск ни о каком преимуществе перед турецкими войсками говорить просто не приходилось. Можно было только уповать на известное мужество и профессиональную выучку бойцов — нижних чинов и их командиров, на их бесстрашие и воинское искусство старших военачальников.

Паскевич понимал, что в турецких провинциях, пашалыках, ему придется иметь дело с враждебно настроенным мусульманским населением. Поэтому с началом военных действий он прибег к своему обычному средству общения с местными жителями — через прокламации. В одной из них говорилось:

«Ополчаясь за дело правое и вступая в землю вашу, мы не нарушим спокойствия поселян, не коснемся их собственности. Войска Государя нашего будут сражаться только с теми, кто дерзнет им противиться. Пребывайте безбоязненно в домах ваших, и вы не почувствуете тяжести войны.»

Так поступали мы в побежденной Персии, и персияне с удивлением превозносят великодушие русских».

...14 июня в 8 часов утра, после торжественного молебна в походных церквах, войска Отдельного Кавказского корпуса двинулись походными колоннами к крепости Карс. И, перейдя в четырех верстах от Гумров в брод горную реку Арпа-чай, вступили в пределы Оттоманской империи. Русские войска хорошо смотрелись со стороны: они отличались бодростью духа и большим желанием поскорее сразиться с неприятелем.

Корпусной авангард состоял из 1-й казачьей бригады полковника Победнова с шестью орудиями и батальона саперов-пионеров, имевших обязанность исправлять дорогу. Войсковой обоз вез 40-дневный запас провианта и 20 тысяч артиллерийских выстрелов — почти по 300 снарядов на один орудийный ствол. За войсками погонщики гнали две тысячи голов рогатого «порционного» скота и три тысячи «порционных» баранов.

Русские войска двигались марш-бросками по тяжелым горным дорогам, хорошо натренированные в этом в войне против персов. В батальонных колоннах певчие лихо напеваали любимые полковые песни в такт барабанам. Среди них особенно часто исполнялась только что сложенная терскими казаками песня «Солдаты Паскевича в походе», сразу полюбившаяся в Отдельном Кавказском корпусе своими словами и напевом:

Уж вы, горы мои, горы турецкие,
Уж вы, горы, вы крутые мои горы!
Вы позвольте, мои горы, под собою ночь ночевать,
Под собою ночь ночевать и ту всю не спать,
Всю ночь не спать — порох, заряды получать.
Стойте вы, турки, не стреляйте,
Вы заряды свои не теряйте!
Мелкого ружья да я не боюсь,
До Больбурта я доберуся,
В Крзарюме расположуся!

...По сведениям русской разведки, карский вали (губернатор) Эмин-паша уже имел в своем распоряжении около четырех тысяч пехотинцев и восемь тысяч — конников. Не считая при этом четырех тысяч вооруженных ополченцев из числа мусульманского населения города. Сил начальник гарни-

зона Карской крепости имел вполне достаточно не только для защиты самого города, но и для сражения в чистом поле.

Скоро узнав о направлении движения главных сил русских кавказских войск, Эмин-паша сразу же послал гонцов за помощью к эрзерумскому сераскиру. И сразу же получил от того заверение, что вскоре к вверенной вали крепости Карс подойдет большое султанское войско под командованием самого сераскира Киос-Мухаммед-паши. Тот писал карскому губернатору:

«Войска твои храбры. Карс неодолим, русские малочисленны. Мужайся, пока я не прибуду к тебе на помощь...»

17 июня, на самом исходе дня, Кавказский корпус сосредоточился в районе деревни Мешко, расположенной в 30 верстах от крепости Карс. По сообщениям лазутчиков, ожидалось скорое нападение турецкой конницы и подход большого числа султанских войск из Эрзерума.

Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич, чье скорое выздоровление было большой неприятной вестью для неприятельского командования, принимает решение совершить фланговое движение. Он задумал со своими военачальниками обойти Карскую крепость с юга, выйти на эрзерумскую дорогу и поставить укрепленный походный лагерь в разоренном селении Кичик-Эв.

Кавказский главнокомандующий доносил рапортом в Санкт-Петербург, что маневр главными корпусными силами совершен, чтобы «пресечь сообщение между Карсом и Эрзерумом и тем самым лишить крепость ожидаемого подкрепления от сераскира, которого полагали в следовании с 30-тысячным корпусом к Карсу».

Фланговое движение русские совершили в два дневных перехода. Главнокомандующий, учитывая постоянную опасность появления значительной числом вражеской конницы, перестроил походную колонну своих войск. Ее правый фланг он прикрыл наряду с пехотой и кавалерией большей частью наличной полевой артиллерии. Она на походе находилась в готовности в любую минуту встретить конницу османов картечью.

Так, держась ежечасно настороже, кавказские войска дошли до деревни Азатк-Эв. Ночи проходили в охранении далеко выдвинутых во все четыре стороны сильных по составу

конных пикетов. В артиллерии по ночам бодрствовали дежурные орудийные расчеты.

На следующий день, 19 июня, к месту будущего осадного лагеря отправили весь обоз с надежным прикрытием. С остальными силами И.Ф. Паскевич предпринял разведку боем. В восемь часов утра он пошел прямо на Карскую крепость. Как только русские вышли на дальность стрельбы турецких тяжелых орудий, бастионы карского форштадта покрылись пороховыми дымами. Османы повели интенсивный огонь, не очень заботясь о верном поражении появившихся перед ними целей.

Турецкая конница все же попыталась атаковать походную колонну русских. Пять тысяч всадников, развернувшись лавой, покрыв Карскую долину тучами поднятой пыли, с яростными криками понеслись вперед. Со стороны казалось, что неудержимо идущая в бой конная масса вот-вот начнет обтекать фланги русских и выйдет им в ближний тыл. Впереди неслись делибаши, название которых означало в переводе «обрекшие себя на смерть».

Бой этот с неприятельской конницей под стенами Карса примечателен тем, что Паскевич, как опытный полководец, пошел на известное «усовершенствование» боевого построения своих войск в начинающемся полевым сражении. При этом он исходил из условий горной местности. Русский главнокомандующий вместо привычных каре применил против запальной и некогда столь страшной массивированным ударом турецкой конницы боевое построение в колонны.

К этому русское военное искусство в своем развитии шло долгим путем. Генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский первым из русских полководцев отбросил оборонительные рогатки и начал строить войска в несколько больших каре, дав им при этом большую подвижность. В сражении на реке Ларге он атаковал авангард османской армии во главе с крымским ханом Каплан-Гиреем пятью малыми каре, подкрепив их одним большим.

В другом большом полевым сражении на реке Кагул главные каре значительно уменьшили, но и здесь генерал-фельдмаршал Румянцев-Задунайский имел пять пехотных каре с артиллери-

ей, поставленных в одну боевую линию. В ее промежутках находилась кавалерия, также построенная в каре.

Военный гений российского Отечества генералиссимус Александр Васильевич Суворов-Рымникский, князь Итальянский еще более усовершенствовал такой боевой порядок. Уже в Рымникском сражении он поставил пехоту в шесть небольших, двухбатальонных каре, расположенных уступами в две боевые линии. И противник, имевший большое численное преимущество, оказался против них бессилён. Кавалерия в баталии на реке Рымник находилась позади линии каре в полной готовности пойти в атаку турецких позиций и в преследование разгромленного неприятеля.

Князь Репнин подражал в этом Суворову в битве при Мачине.

М.И. Голенищев-Кутузов в сражении под Рущуком строил пехоту в девять каре по три батальона в каждом и тоже уступами в две боевые линии. Третья, позади, состояла из армейской конницы. Во время обложения русскими войсками Молдавской армии многотысячной турецкой армии на левобережье Дуная у Слободзеи Михаил Илларионович составил уже 14 батальонных каре с кавалерией в промежутках.

Боевой порядок, введенный полководцем А.В. Суворовым, придал русской армии на поле брани большую подвижность, поражая при этом самых различных противников — турок, французов, поляков. Великий русский военный вождь при жизни не знал поражений на поле брани, хотя почти во всех случаях ему противостояли численно превосходящие неприятельские силы.

Но, как у каждой военной системы, здесь имелась и известная слабость, которая со временем стала неизбежно сказываться. Артиллерия разбрасывалась по углам пехотного каре. И тем самым она не приносила «суммарной» пользы — порой в дело вступала лишь только четвертая часть русской артиллерии. А ведь, как известно, картечь разила врага лучше ружейной пули и надежного для русского пехотного солдата штыка.

Полководец же Иван Федорович Паскевич против все той же восточной — на сей раз турецкой — армии применил иное построение. Он стал ставить войска колоннами в три линии:

первая и вторая из пехоты, третья из кавалерии и имел еще колонну пешего резерва. Такое боевое построение больших сил войск лучше всего отвечало горной местности.

Пехота в таком случае могла для отражения удара больших масс турецкой конницы, в случае необходимости, быстро развернуться в каре. И тем самым совершенно прикрыть собой свою кавалерию. Боевые линии имели артиллерию и собственный резерв. В первой линии орудия размещались в ее середине и могли вести огонь по команде все одновременно. Такой залп для атакующих турок был особенно устрашающим.

...Полевой бой под Карсом получился скоротечным. По приказу главнокомандующего с русского правого фланга лихо вынеслись казачьи полки и началась рубка с османской конницей. «Здравшись» таким образом с турками, донцы по сигналу трубы разом развернулись и стали «убегать» назад. Обрадованный неожиданной удачей конный неприятель поспешил пойти в преследование. Тем временем восемь орудий Донской конно-артиллерийской роты уже изготовились к ведению огня в упор.

Казачи «вывели» карскую кавалерию прямо на позицию донской казачьей батареи. Несущиеся вслед донцам турецкие конники из-за пыли, поднятой копытами скачущих впереди казачьих коней, не смогли вовремя заметить ряд русских орудий, стоявших совершенно открыто на равнине. И попали под прицельный картечный залп. Донские канониры-казачи «меткими и скоро повторяющимися выстрелами» привели неприятеля в совершенное «замешательство».

Используя эффективность картечной палубы донских пушек (османы явно не ожидали такого сюрприза), Паскевич-Эриванский бросил во фланг вражеской коннице свою, еще не участвовавшую в деле. Но при этом главнокомандующий подкрепил ее шестью орудиями конно-линейной роты и пионерским батальоном. Лава турецких всадников, в числе которых были и делибаша, не принимая рукопашного боя, развернулась и понеслась назад под защиту карских крепостных батарей, торопясь войти в открытые для них городские ворота.

Но здесь-то их ожидал новый сюрприз. Они вновь попали под пушечную картечь. Это русские саперы-пионеры захватили всего в 800 метрах от бастионов Карской крепости высоту

и быстро помогли расположиться на ней шести орудийным расчетам. А в это время мимо высоты начала проноситься вражеская конница численностью в несколько тысяч всадников. Штурмовать высоту с расположившейся на ней русской батареей никто из них и не помышлял.

По такому же сценарию развернулись события и на левом фланге русских войск. Здесь донские казачьи полки Измайлова и Иловайского не менее удачно «навели» атакующих конных турок на 12-орудийную батарею, которая тоже открыла картечный огонь. А после ее нескольких залпов донские казаки контратаковали пришедшего в полное замешательство неприятеля.

Так в первом же полевом бою конницы под стенами Карской крепости османы потерпели полное поражение, потеряв только убитыми до 400 всадников и несколько десятков пленными. Местный Эмин-паша получил хороший урок, познав, что в полевой битве с кавказцами победы ему не видать. К тому же крепостной гарнизон уже в первый день осады раскрыл систему артиллерийского огня с бастионов крепости, хотя речь о штурме города-крепости в русском лагере еще не шла.

К 7 часам вечера 19 июня Отдельный Кавказский корпус, благополучно совершив неблизкий переход, сосредоточился в укрепленном походном лагере Кичик-Эв. Трудную горную дорогу пехотные и конные полки, артиллерия, а самое главное — войсковые тылы, большие обозы прошли без потерь. Под осажденную крепость Карс были доставлены огромные военные припасы. Те, кто критиковал кавказского наместника за медлительность, теперь могли по достоинству оценить результаты хорошо подготовленного и продуманного марш-броска через государственную границу к сильной турецкой крепости. А осада любой крепости всегда начинается с извечных «осадных» проблем, связанных в первую очередь со снабжением войск...

Старинная крепость Карс располагалась на утесистом берегу речки Карс-чай. В ней сохранились укрепления, выстроенные еще в 1586 году султаном Амуратом III: двойной ряд зубчатых, более метра толщиной, крепостных стен. Они были сложены из массивных каменных плит высотой в четыре-пять метров. Крепостные стены того времени имели множество ба-

шен. Часть из них была дозорными. Крепостная стена по окружности достигала 1300 метров и окружала сам город.

Поскольку за два с половиной столетия крепостные стены Карса как укрепления морально устарели, их со временем усилили шестью удачно расположенными на местности угловыми бастионами. Эти мощные с виду бастионы фланкирующим огнем своей артиллерии защищали подступы к четырем крепостным воротам.

Город самой природой с севера и запада надежно прикрывался Чахмахскими и Шорахскими высотами. На них еще не были выстроены грозные укрепления, которые к началу Восточной (Крымской) войны 1853—1856 годов возведут здесь опытные английские фортификаторы. Только на ближайшем к Карсу отроге горы Карадаг был сооружен каменный редут, прикрывавший подступы к городскому предместью Байрам-паша. В редуте размещалась сильная батарея из 14 орудий.

Другое, соседнее городское предместье Орте-Капы («Средние ворота») турки обнесли крепкой каменной стеной с двумя бастионами. Оба эти предместья связывались высоким земляным валом, пересекавшим находившийся между ними заболоченный пустырь.

Западное карское предместье — Армянское — располагалось за рекой Карс-чай. Каких-либо укреплений оно не имело. Однако здесь на крутом склоне левобережных высот грозно смотрели на равнину четыре угловые башни древнего замка Темир-паши. Да еще близ городского кладбища были устроены полевые укрепления.

В северо-западном углу турецкой крепости, на высокой скале, омываемой мутными водами быстрого Карс-чая, стояла старинная цитадель Нарын-кала. В своем предназначении она надежно хранила в себе склады гарнизона султанских войск.

Такой предстала в 1828 году перед русскими войсками вражеская крепость Карс. Русские уже один раз, но гораздо меньшими силами и с совсем малой полевой артиллерией, в 1807 году подступали к ней, но безуспешно. О взятии тогда турецкой Карской крепости не могло быть и речи.

Карская крепость считалась турками неодолимой каменной твердыней. И не без веских на то в истории оснований.

В 1735 году огромное войско в 90 тысяч человек персидского владыки и прославленного завоевателя Надир-шаха почти четыре месяца осаждало Карскую крепость, но безуспешно. Ее гарнизон турок-османов на славу выдержал длительную борьбу за крепостной город.

Воспоминания об осадных победах, вне всякого сомнения, поднимали боевой дух султанского гарнизона, затворившегося в крепости. К тому же вали Эмин-паша и его воины верили в обещанную скорую помощь Киос-Мухаммед-паши, чья военная слава была известна всем в Блистательной Порте.

Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич в окружении своих военачальников два дня потратил на то, чтобы провести рекогносцировку карских укреплений. Под охраной небольшого конвоя граф Эриванский объехал их, внимательно рассматривая крепостные стены и бастионы в подзорную трубу. План вражеской крепости, и довольно подробный, у него уже имелся.

Русский полководец знал и то, что иностранцы (англичане) сравнивали крепость Карс со своей крепостью Гибралтар. Так утверждали британские военные, давно интересовавшиеся южными границами России, поскольку, как с тревогой считали в Лондоне, эти границы находились в опасной близости от самой крупной жемчужины короны Британской империи — Индии. Подступы к ней англичане стерегли и на таких дальних подходах, каковым являлся Кавказ.

Рекогносцировка позволила сделать кавказским генералам следующие выводы на предстоящую осаду. Наиболее удобным естественным подходом для больших воинских сил смотрелась открытая, слегка всхолмленная каменистая равнина. Она подступала к крепости с южной и юго-восточной сторон.

Однако равнина находилась в зоне огня артиллерии Карса, насчитывавшей 151 орудие самых разных калибров. Кроме того, здесь на пути атакующих встали бы хорошо укрепленные городские предместья. А бой в городских кварталах с его узкими улочками и каменными строениями всегда чреват большими потерями в рядах штурмующих.

Посоветовавшись со своим корпусным генералитетом, русский главнокомандующий решил нанести главный удар по Карсу с юго-запада, вдоль левого берега Карс-чая. Препятстви-

ем здесь служили Шорахские высоты, на которых стояло боевое охранение турецкого гарнизона. Но егеря и казаки после нескольких огневых и рукопашных стычек очистили Шорахские высоты, сбив оттуда вражеские заставы.

В ночь на 20 июня русские пионеры заложили на Шорахских высотах осадную батарею номер один. Сотни людей из рабочих команд долбили каменистую землю кирками, лопатами, мотыгами. И уже к утру следующего дня закончили устройство батарейной позиции. Теперь четыре пушки с достаточным числом зарядов надежно прикрывали фланг предстоящих осадных земляных работ.

Утром 21-го числа осадная батарея на Шорахских высотах первой открыла по неприятельской крепости редкий, беспокоящий турецкий гарнизон огонь. Первый ее выстрел как бы громкогласно возвестил воюющим сторонам об «официальном» начале осады Карской крепости.

Через несколько дней и сам укрепленный походный лагерь русских приобрел посреди Эрзерумской дороги весьма грозный вид. За выдвинутыми далеко вперед полевыми караулами на защищенных позициях встала побатарейно полевая артиллерия Кавказского корпуса. Ее орудийные расчеты были готовы в любой момент встретить прицельным огнем любое «покушение» неприятеля как со стороны Эрзерумской крепости, так и со стороны карского гарнизона.

Естественно, что самое большое число орудийных стволов смотрело в сторону Карской крепости. Егеря и пехота в полевых укреплениях обеспечивали надежную преграду врагу по дороге из Карса в Эрзерум. В центре походного лагеря расположились драгуны и уланы, казаки и азербайджанская добровольческая конница.

Для кавказского наместника солдаты-саперы вместо походной палатки поставили на берегу ручья около мостика через него небольшой деревянный домик. Рядом с ним располагалась корпусная штаб-квартира. Прямо перед домиком главнокомандующего стояло несколько артиллерийских батарей. Они, в случае выхода турецких войск из крепости по направлению к русскому лагерю, первыми должны были встретить атакующего врага огнем.

День 21-го числа и следующий день генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич посвятил размещению осадной артиллерии. Он окончательно наметил расположение осадных батарей — 2-й, 3-й, 4-й... и 9-й. Главной стала 4-я батарея, расположенная всего лишь в 300 метрах от турецкого укрепленного лагеря на левом берегу Карс-чая. Значимость ее в системе осадного кольца виделась огромной.

Направление амбразур 4-й (береговой) батареи с большой точностью определили при помощи колышков. Здесь на позицию поставили четыре двухпудовые мортиры, которые могли вести огонь в любом направлении. И 12 батарейных орудий: шесть для флангового обстрела вражеского лагеря и по три — на два угловых бастиона укрепленного предместья Орта-капи.

При возведении осадных батарей вновь отличился упоминавшийся нами разжалованный в рядовые бывший командир гвардейского Конно-пионерного дивизиона Михаил Иванович Пущин. Он лично, как мы писали, не участвовал в заговоре декабристов, но многих знал лично. На допросе во время следствия по делу восстания он отказался назвать их имена, за что и был сослан на Кавказ рядовым. Главнокомандующий И.Ф. Паскевич несколько раз представлял его к боевым наградам за «выказанную» воинскую доблесть, но всякий раз Император Николай I отклонял представления.

Справедливость восторжествовала только через тридцать лет. Воцарившийся Император Александр II приказал найти в архивах наградное дело на Пущина, и давно прощенный дворянин был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

По решению военного совета для непосредственного участия во взятии крепости штурмом выделялось пять тысяч пехоты и 38 легких орудий. Остальная полевая артиллерия находилась в походном лагере. Прочие кавказские войска стояли в резерве, стерегли укрепленный лагерь и пути сообщений.

Чтобы дезориентировать турецкий гарнизон, батарея номер один на Шорахских высотах по ночам вела редкий огонь по разным участкам крепости. А на указанных Паскевичем позициях по ночам спешно, в кромешной тьме возводились осадные батареи. Пехотные отряды под начальством полковников Раевского и Бороздина будоражили осажденных под самыми

стенами Карса, имитируя то там, то здесь неудачные попытки начать приступ укреплений города.

Карский губернатор Эмин-паша видел собственными глазами, как со всех четырех сторон против города-крепости выросло девять осадных батарей. Султанский вали и его паши, разумеется, не стали ожидать окончания батарейных работ русских. Возводимые по ночам батареи попытались разрушить огнем крепостной артиллерии, но из этого ничего не получилось. Тогда турки сделали несколько сильных вылазок за крепостные стены. Но пехотное прикрытие русских батарей отбило все вражеские нападения.

Иван Федорович Паскевич все же не зря считался царедворцем в среде высшего командования русской армии. Он наметил генеральный штурм крепости Карс на 25 июня — в день рождения Императора Николая I Павловича. Это было бы для всероссийского самодержца действительно отменным подарком и одержанной победой, и боевыми трофеями. Да еще во время войны, когда на Дунае больших успехов русского оружия все не было.

Такое решение кавказского наместника вызвало немало суждений в осадном лагере. Одни военачальники, считая своего главнокомандующего «полным» царедворцем, указывали, что такая двухдневная отсрочка штурма могла иметь весьма печальные последствия. Довод был таков: сераскир Киос-Мухаммед-паша спешил на помощь осажденным по Эрзерумской дороге с большими силами; русские в походном лагере могли оказаться меж двух огней.

Другие корпусные генералы оправдывали такую отсрочку приступа. Их главным доводом было то, что русская осадная артиллерия еще не подавила со всей надежностью турецкие батареи в крепости.

Пожалуй, все же назначенный главнокомандующим день начала генерального штурма Карса в меньшей степени служил подарком Императору в день его рождения. Гораздо в большей степени усиленная бомбардировка крепости, помноженная на боевой дух русских солдат, давала большую гарантию победы. Спешка — приближение на день или два даты общего приступа при примерном равенстве сил сторон — могла

дорого стоить атакующим. Умудренный опытом трех войн генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич решил зря не рисковать.

Однако, как это часто бывает на любой войне, в планах штабквартиры Отдельного Кавказского корпуса 23 июня произошли изменения. И не по приказу его главнокомандующего. Хотя в тот день граф Паскевич-Эриванский свою волю и распорядительность проявил.

Случилось следующее. Еще перед рассветом русские осадные батареи начали бомбардировать укрепления Карса. Больше всего бомб и ядер «доставалось» турецкому военному лагерю у южных предместий города. Осажденные отвечали частой оружейной пальбой, но в меткости огня заметно уступали русским пушкарям.

Турки психологически не выдержали жаркого обстрела. Около четырех часов утра их пехота в большом числе вышла из укрепленного лагеря южнее предместья Темир-паша и сосредоточилась на мусульманском кладбище. Там османские пехотинцы получили хорошее укрытие за надгробными каменными плитами. Султанские аскеры завязали перестрелку с русскими егерями, прикрывавшими подступы к батарее номер один, самой левофланговой.

Передовая цепь 4-й роты 39-го егерского полка находилась ниже кладбищенской высоты. Ее стрелки несли ощутимые потери от ружейных пуль турецких пехотинцев, прицельно поражавших их сверху. Тогда ротный командир поручик Лабинцев решил штыковой атакой отбросить назад вражескую пехоту и овладеть выгодной позицией в районе мусульманского кладбища.

По собственной инициативе сообразительный и бесстрашный поручик поднял роту в штыки. Но атака егерей не удалась. Их, карабкавшихся вверх, турецкие стрелки вынудили залечь под сильным ружейным огнем на склоне кладбищенской горы.

Выждав несколько долгих минут, пока солдаты низама (турецкого ополчения) вдоволь настреляются сверху, поручик вновь поднял свою уже сильно поредевшую роту в новую атаку. На сей раз егеря почти достигли кладбища, но их в атакующем строю теперь оставалось слишком мало. В рукопашной схватке много-

численным, хорошо укрытым турецким пехотинцам не стоило бы больших усилий отбросить русских егерей назад, на склоны кладбищенской высоты.

В те минуты, когда решалась судьба храбрецов-егерей, атаку поручика Лабинцева поддержал его ближайший сосед справа — командир батальона 42-го егерского полка подполковник А.М. Миклашевский. Он тоже был переведен на Кавказ, как офицер, «прикосновенный» к делу декабристов. Батальонный командир, зримо уловив критичность ситуации у соседей, приказал трем своим ротам идти выручать боевых товарищей. Егеря 42-го полка дружно устремились в рукопашный бой.

Результатом стремительной атаки в штыки стало изгнание вражеской пехоты с мусульманского кладбища. Преследуя турок буквально по пятам, егеря ринулись к укрепленному неприятельскому лагерю около Армянского предместья. Напрасно ротные офицеры стремились удержать «расходившихся» солдат, крича:

— Стойте, братьцы! Дальше не надо! Это только фальшивая атака! Отходите назад!..

Но не тут-то было, поскольку один вид панически бегущих османов так и «манил» за собой егерей. Ротных офицеров, оказавшихся к тому же в схватке почти все израненными, в ходе начавшегося преследования никто не слушал, да и мало кто слышал. Дальше все пошло не по «сценарию» генерального штурма Карской крепости, расписанного по деталям в корпусной штаб-квартире.

Бывалые кавказские егеря просто не могли остановиться, видя перед собой панически убегающего и уже начинающего на ходу бросать свое личное оружие противника. Многолетний боевой опыт седоусых русских солдат подсказывал им, что надо полностью использовать достигнутый первоначальный успех. Иначе повторить его придется лишней кровью, может быть, и жизнью многих своих товарищей. После той лихой и славной атаки с кладбищенской горы егеря говорили:

— Никак невозможно было остановиться — мы турка знаем давно. Пока его по зубам не треснешь, он этой самой фальшивой атаки никак не поймет...

Счет времени в том рукопашном бою шел буквально на минуты. На плечах бегущего в панике неприятеля доблестные егеря ворвались в укрепленный лагерь. Там около многочисленных палаток и землянок завязались жаркие рукопашные схватки. Среди султанских офицеров низама не нашлось человека, который сумел бы взять в свои руки управление обороной военного лагеря.

Завязавшийся рукопашный бой у предместья Темир-паша увидел находившийся на участке позиций егерской бригады недавно произведенный в генерал-лейтенанты князь Иван Михайлович Вадбольский. Старый боевой кавказский генерал, участник всех антинаполеоновских войн и походов с 1805-го по 1814 год, отличившийся в свое время в сражениях под Аустерлицем и Фридландом и раненный при Бородине, не растерялся. Он сразу же и верно оценил внезапно изменившуюся осадную обстановку, теперь уже сулившую значительный успех. Вадбольский немедленно приказал командиру 42-го егерского полка полковнику Реуту с остальными пятью ротами легкой егерской пехоты поддержать усилия подполковника Миклашевского.

Еще совсем недавно, в 1826 году полковник Реут со своим полком геройски оборонял город-крепость Шушу от многотысячной персидской армии шах-заде Аббас-Мирзы. Этот полковой командир заслужил большую личную славу в кавказских войсках. Видя опасность, грозившую «зарвавшимся» в штыковой атаке батальону Миклашевского, полковник Реут не заставил себя долго ждать. Он, перестроив оставшихся на полковой позиции егерей в колонну для атаки, быстро двинулся вперед.

Но в эти минуты обстановка боя в турецком военном лагере изменилась для русских егерей в худшую сторону. Около двух тысяч османов бросились в контратаку из Армянского предместья и вытеснили несколько сот наших егерей из укрепленного лагеря. Миклашевский, собрав вокруг себя человек тридцать бойцов, отбивался с ними от нападавших, будучи прижат к каменной сакле. Одновременно контратакующие турки преградили путь спешившей на выручку своим колонне полковника Реута.

По свидетельству очевидцев, когда опрокинутый турками батальон Миклашевского стал отступать назад, к мусульманскому кладбищу, перед бегущими солдатами внезапно появился священник Крымского пехотного полка Андрей Белицкий и преградил им дорогу. Он был в полном одеянии для своего сана, с высоко поднятым крестом. Белицкий закричал:

— Дети! Остановитесь! Неужели вы оставите здесь и меня, и крест распятого Господа? Если мы не русские, не христиане — бегите. Я один сумею умереть за вас!

Солдаты остановились, и офицеры, воспользовавшись этой минутой, привели их ряды в должный порядок, повернули назад и повели в штыковой бой. Подполковник Миклашевский и еще сражавшиеся в неприятельском лагере егеря были выручены.

Уже четверть часа среди палаток и землянок длился теперь уже неравный бой. Турки снова начали подавлять егерей своей численностью. Генерал князь Вадбольский с волнением следил за ходом близкого рукопашного боя. Рядом с ним находился полковник Иван Григорьевич Бурцев, исполнявший должность «начальника траншей» и числившийся офицером Генерального штаба.

У Вадбольского на этом участке осадного кольца под рукой оставалось всего три роты 39-го егерского полка. Он видел, что их нижние чины и офицеры прямо-таки рвутся в бой. Но боевой и опытный генерал колебался — находившиеся за его спиной осадные батареи могли в случае неблагоприятного изменения ситуации оказаться вообще без пехотного прикрытия.

Однако энергичный и решительный полковник-гвардеец Бурцев, к тому же пользовавшийся особым доверием Паскевича-Эриванского, понимал, что наступал критический момент так внезапно разыгравшегося под стенами Карса уже нештучного боя. Бурцев видел все это своими глазами. Он уговорил старого генерала послать в атаку три последние егерские роты. И Вадбольский в сложившейся ситуации пошел на осознанный большой риск.

Три егерские роты бросились в атаку. Их повел вперед сам генерал вместе с полковником Бурцевым. В Отдельном Кавказском корпусе любили ветерана русской армии генерала Вад-

больского за личную храбрость и простоту в обращении с нижними чинами. Солдаты в шутку называли его «Николаем-чудотворцем» за портретное сходство с иконописным ликом «святого угодника» российского воинства.

Появление князя Ивана Михайловича Вадбольского впереди выстроившейся атакующей колонны с саблей в руке воодушевило егерей, жаждавших поскорее пойти в бой. То, что генералы из числа армейских военачальников водили в атаки свои войска, было давней традицией не только русской армии.

Князь Вадбольский, бывший командир гусарской дивизии, имевший в послужном списке два тяжелых ранения — картечью и кавалерийским палахом, вышел вперед и выкрикнул:

— Братцы! Послужим еще раз Богу, Царю и Отечеству! Мои родимые, вперед!..

Три свежие егерские роты ударили в штыки. Их натиск заставил турецкую пехоту отхлынуть назад. Воспользовавшись сумятицей во вражеских рядах, солдаты полковника Реута наконец-то соединились с батальоном подполковника Миклашевского. Теперь их егеря составили при поддержке подоспевших трех рот генерал-лейтенанта князя Вадбольского единый фронт атаки. Такое обстоятельство придало русским пехотинцам еще большую уверенность в атакующем «предприятии».

Егерские роты заметно усилили свой натиск и вновь ворвались в укрепленный военный лагерь карских османов и овладели им. Преследуя бросившихся бежать в полном беспорядке турок, атакующая русская пехота ворвалась вслед за ними в предместье Темир-паша.

Так, благодаря разумной инициативе поручика Лабинцева, офицера не только бесстрашного и решительного, но еще и сообразительного, вспышка рукопашной схватки на кладбищенской горе за какой-то час превратилась в пламя настоящего сражения за большую крепость Оттоманской империи...

О схватке егерей с турецкой пехотой на мусульманском кладбище без промедления доложили главнокомандующему. Подобных рукопашных схваток за последние дни случалось немало — осажденные старались частыми вылазками помешать ходу осадных работ русских. И видимо, поначалу это не заставило генерал-адъютанта Паскевича-Эриванского садить-

ся на коня и спешить с адъютантами к месту разыгравшегося события.

Но когда кавказскому наместнику где-то через полчаса сообщили, что егеря в штыковой атаке ворвались в турецкий укрепленный лагерь под стенами Карса, Иван Федорович Паскевич взволновался. По плану подготовки общего штурма этот лагерь предстояло бомбардировать еще две ночи и два дня. Главнокомандующий поскакал на передовую позицию.

У него, не знавшего и не видевшего своими глазами начала того дела, возникло большое опасение, что турки могут нанести его егерям немалый урон. Ведь их, затеявших по инициативе поручика Лабинцева нешуточное дело, пока не поддержали ни свои батареи, ни другие пехотные полки, ни кавалерия.

В случае большого неуспеха можно было потерять много людей из числа бывалых воинов, а самое главное — утратить высокий боевой дух кавказских войск. Да к тому же крепостное предместье штурмовалось без приказа на то начальника корпуса.

Генерал-адъютант И.Ф. Паскевич, в окружении нескольких штабных офицеров, быстро прискакал на ближайшую к бою 4-ю батарею. Ее артиллеристы только и ждали команды поддержать прицельным огнем свою атакующую пехоту. С осадной батареи, расположенной на крутом правом берегу Карс-чая, как на ладони просматривался ход большого рукопашного боя уже под самыми крепостными стенами Карса.

В подзорную трубу хорошо виделись ряды егерей, теснивших толпы вражеских пехотинцев, яростные схватки на улочках Армянского предместья. Когда к главнокомандующему с докладом подошел оказавшийся здесь генерал Н.Н. Муравьев, граф Паскевич-Эриванский, не сдержавшись, разразился в гнев:

— Что это значит?! Кто это приказал?! С какого повода сие сделалось без приказания моего? Как смели!..

И споряча, чтобы выговориться уже до конца, царский наместник Кавказа добавил, что отдаст под военный суд того, кто начал такое дело. Такая угроза могла быть исполнена им, разумеется, в случае поражения егерей. Ведь за неоправданную гибель людей на войне кто-то, в конце концов, должен был отвечать.

Состояние «бешенства и недоумения» прошло у Ивана Федоровича Паскевича почти сразу. Завязавшийся на левом фланге бой из рядовой стычки с осажденными перерос в настоящее сражение уже в самом городе. Причем события развивались стремительно. Главнокомандующий стал руководить войсками, насколько позволяла ему обстановка. Поскольку нет в истории сражений, где бы все точно подчинялось воле и замыслу полководца.

В турецком укрепленном лагере, захваченном русскими егерями, находилась высотка, очень удобная для артиллерийской позиции. Там немедленно поставили батарею из четырех пушек (взятых с батареи номер четыре) и два конных орудия донских казаков.

Вновь созданная на самом неожиданном месте для карского гарнизона русская батарея с близкого расстояния буквально ошеломила своим огнем турок. Те к тому времени начали готовиться к контрудару для отражения столь неожиданно начавшегося штурма.

Русская батарея с левобережья Карс-чая «метко бросала ядра в башни предместья Орта-капи и в крепость».

Находившийся при главнокомандующем на 4-й батарее командир Грузинского гренадерского полка полковник Симович попросил разрешения послать в бой на левый берег реки подкрепление. Паскевич после некоторых колебаний (на правом берегу тем самым оголялся целый участок осадного кольца) согласился с Симовичем:

— Пошлите, полковник, две-три роты своих гренадер. Но за них вы отвечаете мне своей головой.

Командир гренадерского полка тотчас же распорядился. Три роты гренадер бегом поспешили на другой берег Карс-чая. Однако им пришлось следовать в обход — через каменный мост у пригородного селения Кючук-кей, что заняло много времени.

Уличные бои в Армянском предместье грозили затянуться. Там сложилось некое равновесие сил сразившихся сторон: бесстрашие и натиск русских стрелков османы уравновешивали со своей стороны числом воинов. Настоятельно требовался кто-то, по своей воле решившийся переломить ход дела.

Таким человеком оказался находившийся рядом с князем Вадбольским полковник Бурцев. Ко всем своим командирским достоинствам он еще и неплохо ориентировался в тесноте городских кварталов. Собрав в единый кулак всего лишь одну егерскую роту, он смело повел ее на штурм древнего замка Темир-паша, который прикрывал собой два моста через реку Карс-чай прямо в Карскую цитадель. Русским егерям удалось, воспользовавшись замешательством турок перед воротами в замок, ворваться внутрь и изгнать оттуда штыками противника.

Полковник Бурцев приказал втащить в одну из угловых башен замка Темир-паша две легкие пушки. Из них открыли прицельный огонь вдоль улиц Армянского предместья, лежащего перед башней как на ладони, расчищая путь атакующим егерям. Ощутив сразу же артиллерийскую поддержку, наступление русской легкой пехоты сразу же ускорило.

Пушкарей Бурцева поддержала, сориентировавшись в обстановке, батарея на высоте в захваченном неприятельском военном лагере. Часть своего огня она перенесла на те каменные строения, откуда, затворившись, вражеские стрелки вели по атакующим егерям ружейный огонь. Метко посланные ядра и бомбы влетали в окна и двери, рушили стены домов. Турки в ужасе бежали из них подальше в город.

Неожиданно для всех загрохотали пушечные выстрелы на северной окраине предместья Темир-паша. И громкое «ура!» послышалось в тылу оборонявшихся турок. Это, опять же по собственной инициативе, пошел в бой батальон Ширванского полка. По ранее намеченному плану штурма Карской крепости ему предписывалось производить отвлекающие — «фальшивые» атаки против северо-западного фаса крепости. Командовавший батальоном полковник Бородин решил на свой страх и риск поддержать егерскую бригаду.

Бородин решительно повел батальон ширванцев не в «фальшивую», а в настоящую атаку. Его пехотинцы в рукопашной схватке выбили противника из каменных шанцев-окопов. Полковник сразу же подтянул сюда два имевшихся в его распоряжении полевых орудия. Их орудийные расчеты открыли по туркам огонь прямой наводкой. Под надежным огнем при-

крытием двух пушек ширванцы ворвались на северную окраину Армянского предместья.

Наступая навстречу егерям, ширванцы заняли несколько городских кварталов и захватили каменный мост через реку Карс-чай. Причем отдельные группы русских стрелков успели даже перебежать мост на правый берег и засесть в приземистых саклях, сложенных из дикого камня, лепившихся к самому подножию старинной крепостной стены. Русские стреляли из-за домов, турки — из-за зубцов каменной стены.

В это самое время командовавший левобережной группой осадных войск генерал Корольков, уже больше не дожидаясь приказаний от главнокомандующего Паскевича, взял два батальона Крымского пехотного полка, прикрывавшие до этого 2-ю осадную батарею, и лично привел их на место боя для поддержки егерей. Помощь оказалась как нельзя кстати и солидной.

Турки оборонялись отчаянно, понимая всю опасность завязавшегося боя. Но теснимые с двух сторон — егерями и пехотинцами-крымцами с юга, а ширванцами — с севера, они стали оставлять один городской квартал за другим. Прибывшие, наконец, с правого берега Карс-чая три роты Грузинского гренадерского полка позволили усилить натиск в штыковой атаке. Вскоре атакующие русские сбросили остатки оборонявшихся османов в мутные воды Карс-чая...

Прошло всего два часа с начала рискованной атаки егерской роты поручика Лабинцева, и вся заречная часть города и крепости Карс оказалась в руках русских и была полностью очищена ими от неприятеля. Более того, часть русской пехоты закрепилась под стенами Карской цитадели, завязав с турками перестрелку из ружей на близком расстоянии.

С успешным окончанием упорного боя на левобережье Карс-чая улучшилось и настроение генерал-адъютанта И.Ф. Паскевича, безотрывно наблюдавшего за ходом событий с четвертой батареи. По воспоминаниям очевидцев, «видя», что на левом фланге атаки удалась, он начал уже улыбаться и «говорить по-человечески».

Действительно, такой неожиданный ход утренних событий заставил Ивана Федоровича Паскевича, да и все командование

Отдельного Кавказского корпуса, изрядно поволноваться. Судьба осажденного города-крепости прямо отражалась и на судьбах людей — командиров осадных войск.

На батарейной позиции быстро собрался импровизированный военный совет, обсуждавший один-единственный вопрос: что предпринять дальше? Царский наместник выслушал всех и единовластно принял решение наступать на правом фланге. И тем самым лишить противника всех внешних, вне городской цитадели, укреплений. В случае успеха можно было начать общую атаку Карской крепости.

Все осадные батареи с получением единого приказа открыли сильнейший огонь по бастионам южного предместья Орта-капи, из коих некоторые были уже повреждены предшествовавшими бомбардировками. Артиллерийский ответный огонь других слабел с каждым часом. Русские артиллеристы, пристрелявшись к назначенным целям, повели беглый огонь на поражение. Хотя турецкий гарнизон имел над осаждавшими заметное превосходство по числу орудий, он так и не смог навязать русским контрбатарейную борьбу.

Отряд русских войск под начальством начальника штаба корпуса генерала Сакена пошел на штурм предместья Орта-капи. Первыми в него ворвались батальон карабинеров и две роты grenадер. Но их дальнейшее продвижение было задержано сильным встречным огнем из бастиона Юсуф-паша, прикрытого с востока болотом.

Тогда один из ссыльных на Кавказ декабристов, полковник В.Д. Юровский, лично повел grenадер на штурм этого бастиона. Русская пехота овладела им и тотчас же повернула захваченные там орудия против османов. Почти одновременно с бастионом Юсуф-паша пал и левый, приречный бастион с батареей из четырех орудий.

Трофейные пушки с захваченных бастионов стали громить близкую городскую цитадель. Их прицельный огонь усилился с прибытием к Вальховскому двух расчетов конных орудий, составлявших батарею номер семь. Артиллерийский обстрел с близкого расстояния цитадели оказался весьма эффективным, так как «брал восточную часть стены крепости, по всему ее протяжению, и три башни, там стоявшие, во фланг».

Русские пушкари блестяще справились с задачей, которую им еще заранее поставил на штурм главнокомандующий. Они сумели надежно прикрыть пехоту, когда та беглым шагом преодолевала открытую местность в предместья Орта-капи и Байрам-паша. В боевых порядках устремившихся на штурм пехотных рот и батальонов находились легкие орудия. Они вели огонь «ближней» картечью, то есть били по врагу почти в упор. Оба атакованных предместья пали — к 7 часам утра штурмующие полностью очистили их от оборонявшихся здесь турок.

В ходе приступа предместья Байрам-паша русские войска овладели турецкими укреплениями на вершине горы Карадаг, что «стерегали» дорогу на Гумры. Четыре пушки крупных калибров с Карадага повернули против Карса, и те повели по осажденному султанскому гарнизону неожиданный для него огонь. Паскевич в своих распоряжениях приказал поставить за болотом двенадцатиорудийную батарею номер восемь. Встав на новую позицию, она сразу же повела огонь против юго-восточного фаса неприятельской крепости.

Теперь войска карского вали Эмин-паши владели только одной городской цитаделью, укрывшись за ее крепкой каменной оградой и засев в башнях. Беспорядочная стрельба из цитадели лучше всего свидетельствовала о том, насколько султанский гарнизон ошеломлен неожиданным штурмом, который развивался явно не по «правилам» военного искусства, начавшись с пустяковой стычки.

Следствием победно развившегося для русских штурма Карса стало то, что турецкая конница стала покидать крепость через те ее ворота, которые еще не осаждали атакующие. Вали Эмин-паша не смог удержать в цитадели подчиненную ему кавалерию, да и всех тех, кто имел коня. Всадники налегке, пригнувшись, жестоко погоняя своих коней, старались побыстрее проскочить равнину и поодиночке, небольшими группами скрыться в близких горах. Русские их не преследовали, поскольку их волновала судьба прежде всего самого Карса.

В крепости от артиллерийского огня начались пожары. Над цитаделью поднялись клубы дыма. Возле дома губернатора Эмин-паши взорвались со страшным грохотом три за-

рядных ящика, наделав большой переполох среди турок, оказавшихся в цитадели.

Меткий сосредоточенный огонь русских батарей довольно скоро заставил замолчать всю турецкую артиллерию, расположенную в башнях, обращенных к Карадагу. Выдвинутые вперед по приказу Паскевича-Эриванского осадные батареи, легкие и донские казачьи орудия били по цитадели почти в упор. Ответный огонь осажденных ослабевал с каждой минутой.

Участники штурма крепости Карс свидетельствовали: «...многие башни были повреждены, на некоторых сбиты орудия, на других сосредоточенные выстрелы наших батарей отнимали у турецких артиллеристов саму возможность действовать».

Сподвижники генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича в его бытность командования Отдельным Кавказским корпусом отмечали следующее. Изменение даты генерального штурма Карса произошло не по его вине. Его величество случай придвинул большую победу на два дня вперед. По сути дела, тщательно продуманный во всех деталях план овладения сильной неприятельской крепостью остался на бумаге. Но только ли на ней?

Ведь и егеря, и пехотинцы-ширванцы, и другие войска шли на приступ там, где того требовала от них диспозиция на назначенный день общего штурма. Русские войска рано поутру 23 июня (5 июля по новому стилю) шли на приступ городских предместий по предписанным им заранее направлениям. Поэтому и не произошло никакой свалки действовавших, по большей части самостоятельно, рот и батальонов. Одним словом, действовали по-суворовски — каждый знал свой маневр.

Выше всяких похвал оказались действия артиллеристов. Но ведь в этом была немалая заслуга самого главнокомандующего, лично заранее взявшегося за размещение осадных батарей. По его приказу легкоконные орудия, пушки донских казаков шли на крепость в боевых порядках штурмующей пехоты. Сработала, наконец, сама система артиллерийского огня, разработанная в штабе Отдельного Кавказского корпуса. Она позволила «досрочно» подавить огневое сопротивление более 150 вражеских орудийных стволов и волю, стойкость самого многочисленного гарнизона Карса...

Прикрываясь каменными строениями предместий, кавказские пехотинцы накапливались у самой крепостной ограды. Егеря собрались в роты в прибрежных кварталах города, захваченных ранее ширванцами, карабинеры и гренадеры — на северной окраине Орта-капи — у южных крепостных ворот. Ружейными выстрелами русские стрелки сбивали со стены укрывавшихся за ее зубцами вражеских солдат.

Когда сил пехоты для общего штурма под цитаделью накопилось достаточно, Паскевич-Эриванский отдал приказ пойти на ее приступ одновременно с двух сторон — с южной и западной сторон крепости. Решающая атака на вражеский гарнизон началась в восьмом часу утра.

На северной окраине предместья Орта-капи русские стрелки, будучи поддержаны общим движением штурмовых колонн, смело устремились на цитадель. Они пробрались по плоским крышам каменных домов под самые стены цитадели. И в считанные минуты обхватили их с южной и западной сторон. Приведенный в смятение неприятель успел дать по русским пехотинцам лишь несколько картечных выстрелов.

Солдаты-кавказцы отважно перелезали через крепостные стены, спрыгивали с них во двор цитадели и, работая всюду штыками, отбили крепостные ворота, заваленные с внутренней стороны камнями и бревнами. Одновременно с боем были захвачены ближайшие башни с 25 пушками, установленными в них.

Стремительная и бесстрашная атака бойцов Эриванского карабинерного полка, по существу, решила судьбу Карской крепости. Солдаты и офицеры этого полка показывали настоящие чудеса личного мужества, наступательного порыва и воли к победе. Один из карабинеров, в числе первых взобравшийся на стену, был смертельно ранен и сброшен турками вниз. Но вместо просьбы о помощи солдат крикнул подхватившим его товарищам:

— Прощайте, братцы. Да только город-то возьмите...

Местные жители-армяне, как могли, помогали русским войскам овладеть султанской крепостью. Они подавали русским солдатам бревно, доски — все, с помощью чего можно было перелезть через крепостную стену. Указывали в лабиринте го-

родских улочек путь стрелкам-егерям, предупреждали о «неприятельских засадах». Такая помощь христианского населения города-крепости только поднимала дух штурмующих войск.

Быстрый успех карабинеров-эриванцев поддержали гренадеры, егеря, ширванские стрелки. Для них тоже в то памятное утро не оказалось неодолимых вражеских преград. Когда ширванцы, ведомые полковником Бородиным, овладели западными крепостными воротами Су-капи и отворили их, колонны штурмующих ворвались в крепость и со стороны реки Карс-чай.

Показательно было то, что штурмующие войска обеспечили между собой полную согласованность в своих действиях. Подкрепив их еще решительностью продвижения метр за метром, дом за домом только вперед, к городской цитадели.

Ведя ожесточенный рукопашный бой против яростно сопротивлявшихся в большинстве мест турок, русские пехотные роты и батальоны действительно неудержимо продвигались по городским улочкам и переулкам в центр. Наступление велось в основном с южной и с западной частей городских кварталов. Атакующие с разных сторон пехотинцы спешили встретиться и общим фронтом выйти к Карской цитадели. Сопротивление отходивших к ней османов неумолимо для двухбунчужного Эмин-паши ослабевало.

К 8 часам утра штурмующие соединились в самом центре городской крепости, которая к тому времени уже почти вся была очищена от неприятеля. Остатки гарнизона во главе с вали Эмин-пашой укрылись в цитадели, стоявшей на высокой и крутой прибрежной скале Карс-чая.

Подавленный неожиданной быстротой утренних событий и не видя никакого спасения, карский вали приказал вывесить белый флаг над воротами цитадели. Вслед за этим он выслал к русскому командованию переговорщиков. Карский военачальник просил для всех затворившихся в цитадели султанских воинов пощады победителей.

Со своей стороны генерал-адъютант граф И.Ф. Паскевич-Эриванский отправил к туркам в цитадель полковника князя Бековича-Черкасского. Тот объявил остаткам султанского гарнизона следующие два условия безоговорочной капитуляции.

Первое. Чтобы все турецкие войска, укрывшиеся в городской цитадели, безотлагательно сложили оружие, после чего им будет дозволено разойтись по домам (русское командование знало, что там было много местных ополченцев из низама). Но отпускались они домой под честное слово или даваемую клятву, что в эту войну против русских они воевать больше не будут.

Второе. Чтобы карский вали признал себя военнопленным и следовал в Грузию вместе с теми своими воинами, которые были захвачены в плен во время осады и штурма города и за его пределами. В плену паше гарантировались хорошие условия содержания, в соответствии с высоким чином в султанской армии.

Чтобы зрительно подкрепить условия предъявленной капитуляции, главнокомандующий Паскевич приказал пехоте в колоннах, с музыкой и песнями выдвинуться к южной стороне цитадели. И всю наличную артиллерию направить против последнего убежища османского гарнизона. Установка орудий на новые позиции производилась так, чтобы это хорошо видели из цитадели. Зрелище для подавленных событиями дня турок получилось устрашающим. В намерениях русских они не сомневались.

При объявлении полковником князем Бековичем-Черкасским условий капитуляции о безоговорочной сдаче турецкий гарнизон (или, вернее, его остатки) стоял густой толпой у ворот цитадели. Османы безмолвствовали, подавленные всем происходящим и собственным бессилием отстоять Карскую крепость. Ведь с минуты начала боя на кладбищенской горе солнце еще даже не поднялось в зенит. В довершение всего стоявшие под стенами цитадели ширванцы грозили ружьями и кричали:

— Сдавайтесь же, а то полезем!

Начальник Карской крепости вали Эмин-паша, бывший сельский мулла, в своем ответе русскому главнокомандующему просил целых два дня на размышление. Султанский военачальник хитрил, до последнего все еще надеясь на приход армии сераскира из Эрзерума. По всей вероятности, он точно знал о ее выступлении.

Однако Паскевич-Эриванский уже усвоил «значение» подобных просьб на размышления неприятельских предводителей о своей дальнейшей судьбе. Наукой здесь ему стала русско-персидская война. Он приказал ответить Эмин-паше и его солдатам следующее: «Пощада — невинным. Смерть — непокорным. Час времени на размышление».

Когда ответ русского полководца зачитали перед воротами цитадели, турецкий гарнизон взбунтовался против своего паши. И они принудили карского губернатора ускорить сдачу, опасаясь, что русские в самом деле пойдут на штурм, в котором не будет милости к побежденным. Над башнями цитадели появились два больших белых флага.

Генерал Н.Н. Муравьев писал о двухбунчужном паше, губернаторе Карса и одноименного пашалыка: «Звук оружия слишком сотрясал его нервы, и слабый Эмин вовсе не был похож на правителя, а тем более на предводителя войск».

В 10 часов утра (!) 23 июня (5 июля) 1828 года вали Эмин-паша капитулировал с остатками карского гарнизона. Над цитаделью, одной из сильнейших крепостей Османской империи, стали развиваться боевые знамена армии России. Караул в цитадели занял батальон Грузинского гренадерского полка. Остальные русские войска выводились из поверженной крепости в осадный лагерь...

В первую же ночь после одержанной победы из-под Карса поскакал курьер с кратким донесением Императору об одержанной большой победе следующего содержания:

«Знамена Вашего Императорского Величества развеваются на стенах Карса, взятого штурмом сего числа в восемь часов поутру».

Первый из четырех в истории русско-турецких войн штурмов Карса — сильной приграничной крепости — отличался необычной динамичностью и скоротечностью. Ведь с того момента, как поручик Лабинцев поднял под роем ружейных пуль в атаку свою егерскую роту перед мусульманским кладбищем, и до окончательной капитуляции турецкого гарнизона прошло всего шесть часов. Из них два ушло на недолгие переговоры с укрывшимися в городской цитадели остатками османских войск.

За такое короткое время для большого сражения русские кавказские войска сломали сопротивление почти равного им по численности противника и овладели современной для того времени крепостью. Впрочем, Карская крепость оставалась таковой и в будущем. Даже через три четверти века — в ходе Первой мировой войны.

Соотношение сил сторон говорило само за себя: около 12 тысяч человек у русских, свыше 11 тысяч — у турок. 70 русских артиллерийских орудий, из которых крупнокалиберных осадных было всего 12, против 151 орудия в осажденной крепости. При таком соотношении сил артиллерии искусство русских пушкарей оказалось полностью подавляющим для врага.

....Трофеями победителей столь необычного и знаменательного штурма стала вся карская крепостная артиллерия: 22 мортиры и гаубицы, из которых три 5-пудовых, 22 пушки и единорога от 48- до 12-фунтовых, 98 разных крепостных орудий меньшего калибра и девять полевых орудий.

Сверх того в крепости и особенно в цитадели нашлось семь тысяч пудов пороха, до тысячи пудов свинца, множество различных боеприпасов, ружей, инженерных инструментов, большие запасы продовольствия. Одним словом, султанский гарнизон Карса мог бы держаться еще очень долго.

Если бы, разумеется, не «дело» егерского поручика Лабинцева, подлинного героя того дня, и не готовность кавказского главнокомандующего Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского осуществить уже подготовленный генеральный штурм Карской крепости.

Победители взяли 33 знамени султанской армии. В плен попали двухбунчужный Эмин-паша, три десятка чиновников карского вали, 13 байракшаров (знаменщиков) и прочие начальные военные люди. Всего 1361 человек. Кроме того, турки потеряли за четыре часа штурма до двух тысяч человек убитыми и ранеными.

Потери русских войск составили до 300 убитыми и ранеными, в том числе 15 офицеров, шедших в первых рядах штурмующих. Больше всего потерь понесли егеря — главные «виновники» победы в полном смысле жаркого июньского дня. Среди их офицеров почти все оказались в числе погибших или раненых...

Надо добавить: 5 июля казачьи пикеты обнаружили передовые сторожевые отряды спешившего на помощь карскому гарнизону от Галиб-паши 20-тысячного эрзерумского корпуса всего в километрах пяти от русского осадного лагеря Кичик-Эв. Главные же силы сардара Киос-Мухаммед-паши, обремененного артиллерией и обозами, находились в 15 километрах, то есть на расстоянии всего одного дневного перехода большого войска.

Узнав от бежавшей из крепости конницы о падении крепости Карс, эрзерумцы сначала в нерешительности постояли на виду казачьих разъездов, а потом повернули прочь. Они отошли большей частью сил к крепости Ардаган, прикрыв тем самым важный в начавшейся войне укрепленный пункт приграничья.

Взяв с бою Карс, главнокомандующий И.Ф. Паскевич объявил местным жителям всеобщее помилование (мужчины-мусульмане участвовали в обороне городских укреплений, а с началом приступа в своем большинстве разбежались по домам, побросав или попрятав личное оружие). На следующий день русские чиновники приступили к управлению Карским пашалыком. Во главе его был поставлен полковник князь Бекович-Черкасский. Законы пока оставались турецкие. Судебная власть предоставлялась все тем же кадию и муфтию.

Падение сильной крепости Оттоманской империи на ее востоке вновь прославило русское оружие. Штурм Карса получил широкую известность. Тем более, что 1828 год для 2-й русской действующей армии на дунайских берегах не принес таких громких побед.

Император Николай I весьма лестным Высочайшим рескриптом почтил графа Паскевича-Эриванского. Старшую дочь кавказского полководца, графиню Александру Ивановну, чета всероссийских монархов пожаловала во фрейлины Императорского двора. А самого царского наместника Государь наградила двумя пушками из числа взятых при штурме Карской крепости. При этом Государь предоставил победителю самому выбрать наградные пушки.

Многие командиры, отличившиеся при штурме, получили орденские награды. Георгиевскими кавалерами стали главные

герои дня — Лабинцев, Муравьев, Вальховский, Бурцев, Фридерикс и Черноглазов.

Сакен получил орден Святого Георгия 3-й степени...

Недоброжелатели обвиняли Ивана Федоровича Паскевича в том, что в последующие двадцать дней он простоял с войсками в бездействии в осадном лагере под поверженной крепостью. Говорили, что он якобы не решался ни преследовать сардара Киос-Мухаммед-пашу, ни наступать на крепость Эрзерум, в глубь Османской Порты, и тем самым давал возможность туркам собраться с большими воинскими силами.

Так могли рассуждать только те, кто не знал истинного положения дел в действующем Отдельном Кавказском корпусе. Русское войско поразила эпидемия чумы — страшнейшая болезнь не столь далекого от нас времени, которая своим неожиданным появлением поражала любые армии гораздо сильнее, чем ядра, пули и мечи, голод и измены.

Под взятым Карсом в кавказских войсках не оказалось ни одного полка, в которых не обнаружилась бы эта страшная зараза. Чума пришла под Карс из недалекого Эрзерума. Возможно, что ее и специально занесли. В войнах прошлого и современного эпидемии тоже являлись оружием из числа самого коварного и бесчеловечного. Сперва заболел чумой раненый пленный турок. Потом явные признаки чумы оказались у одного из рядовых Грузинского гренадерского полка.

Царский наместник не медля принял в борьбе с начавшейся эпидемией чумы самые действенные и скорые меры. В осадном лагере с появлением первого заболевшего чумой вводился строжайший карантин. Граф Паскевич делал все от него зависящее. Он во многом спас малочисленные русские войска от массовой гибели заболевших людей, превратив корпус победителей Карса в сплошной карантин, дав корпусным врачам всю полноту власти в военном лагере. От солдата до генерала — никто не мог ослушаться их требований.

Решительная борьба с начавшейся эпидемией чумы уже через двадцать дней дала поразительный результат: страшная зараза в осадных войсках прошла. Умерло только 263 человека — цифра совершенно ничтожная по тому времени и в такой не-

простой ситуации. Даже противники царедворца Паскевича поставили ему это в большую заслугу...

После взятия Карса русские войска могли действовать по трем оперативным направлениям: на Ардаган—Ахалцых, на Ахалкалаки—Ахалцых и на Сарыкамыш—Эрзерум. Главкомандующий Паскевич, хорошо ориентировавшийся в обстановке и на местности, решил в первую очередь идти брать крепость Ахалкалаки. Там ему было удобнее всего соединиться с резервами, хотя и слабыми, вытребованными на театр военных действий из близкой Грузии.

Кроме того, избранный новый походный маршрут обеспечивал немалую безопасность следования действующих сил кавказцев с тремя тысячами обозных подвод. После взятия крепости Ахалкалаки Паскевичем-Эриванским задумывалось наступление на более сильную неприятельскую крепость Ахалцых.

Но прежде всего следовало ввести в тактическое заблуждение командование противника, ищущего сведений о направлении дальнейшего движения русских войск. Разведка, как конная, так и агентурная, эрзерумского паши и прочих местных военачальников османов не дремала. 12 июля генерал-адъютант И.Ф. Паскевич умышленно делает со всеми войсками один дневной переход вперед по Эрзерумской дороге.

Конные партии вражеских лазутчиков с окрестных гор наперегонки поскакали с тревожной вестью, за которую их ждала большая денежная награда, в крепость Эрзерум к сераскиру Галиб-паше. Поскольку в движение в одном направлении перешли все главные силы русских, то у султанского полководца сомнений не появилось в их целях.

Совершив дневной переход, Отдельный Кавказский корпус встал на трехдневную стоянку. Части оставленного в Карской крепости русского гарнизона приказывается спешно идти вдогонку главных сил. Обманутые еще и таким маневром, турки поспешили стянуть свои разрозненные отряды к Эрзеруму, в том числе и от Ардагана. Неприятель стал спешно готовить крепость, стоявшую на пересечении важных для гор путей, к нешуточной обороне.

Пока шла такая тактическая игра, осадная артиллерия русских, артиллерийские парки, перевозившие боезапас, с неболь-

шим прикрытием из пехоты и кавалерии ушли от Карса. Но эти войска направились совсем в другую от Эрзерума сторону. Саперы-пионеры успели подремонтировать горную дорогу на Ахалкалаки. Такой маневр русского командования военачальники султана не смогли разгадать, оставив тем самым ахаллакский гарнизон без поддержки и усиления.

Когда полководец Паскевич-Эриванский через многочисленных разведчиков-армян и опроса пленных османов убедился, что его военная хитрость вполне удалась, Отдельный Кавказский корпус развернулся и «исчез» с Эрзерумской дороги. Такое «исчезновение» стало возможным благодаря тому, что многочисленные турецкие конные дозоры по приказу оттянулись поближе к Эрзеруму.

Стремительными для гор марш-бросками русские войска пошли на Ахалкалаки. Главкомандующий мог взять с собой в этот поход для проведения задуманной операции немного войск. Всего лишь семь батальонов пехоты, два полка регулярной кавалерии (Сводный уланский и Нижегородский драгунский), четыре казачьих полка и 48 полевых орудий. В поход уходили те батальоны и полки, которые во время штурма и эпидемии чумы не понесли больших потерь в людях.

В Карской крепости на всякий случай оставался достаточно сильный гарнизон — прочие, хотя и ослабленные от потерь пехотные батальоны, два полка казаков при 12 полевых орудиях. Казакам предстояло «наблюдать» местность и обеспечивать коммуникации. В городе оставались и госпитали, еще переполненные выздоравливающими. В случае нападения врага со стороны Эрзерума в стойкости оставленных войск сомневаться не приходилось ни кавказскому наместнику, ни неприятелю.

Депутация почетных старшин и знатных людей города завила полководца «белого царя» в том, что мир и тишина в городе Карсе после его ухода не будут нарушены. И благодарили русских солдат за примерное поведение, когда мирных жителей взятого с боя города противной стороны никто не обижал и не грабил. Для султанских войск такое было непременным законом победителя.

Переход на север к крепости Ахалкалаки продолжался шесть дней. Русские войска совершили трудный 120-километровый

марш по горным дорогам при дневной жаре. Путь через Чалдырский хребет, лежащий местами еще в снегу, оказался более трудным, чем это ожидалось по сведениям местных проводников. Однодневная стоянка на берегах озера Чалдыр придала войскам силы — здесь было множество родников с чистой водой и в изобилии оказалось зеленой травы для лошадей.

Корпусной обоз следовал по узкой, с трудом разработанной пионерами дороге, в ширину едва вмещавшей одну повозку. Для помощи ездовым при частых подъемах и спусках выделялись пехотные батальоны. Их приходилось постоянно менять, поскольку люди уставали от такого тяжелого труда.

22 июля русский авангард вышел к неприятельской крепости. Она располагалась на слиянии двух горных рек: Тапа-Гаванчай и Гендары-су. Ее укрепления занимали территорию в длину около 300 метров, в ширину — 80—120 метров. Крепостные укрепления (крепостная стена с бойницами и башнями) находились в запустении и внушительностью не отличались. Трое городских ворот, окованные железом, были завалены камнями с той и другой стороны. Предместья оказались предусмотрительно разрушенными турками. Ахалкалакский гарнизон под начальством Фархад-бека насчитывал примерно одну тысячу человек при 14 орудиях.

На следующий день Паскевич-Эриванский произвел рекогносцировку крепости и послал в Ахалкалаки двух человек с предложением сдаться. В крепость их не пустили, а разговаривали с ними с высоты крепостной стены. Османский гарнизон ответил категорическим и гордым отказом:

«Мы не эриванские и не карские жители — мы ахалкалакцы; с нами нет ни жен, ни имущества, мы умрем на стенах, но не сдадим крепости. Исстари ведется пословица, что один карский бьет трех эриванских, а двое карских не стоят одного ахалкалакца».

Гарнизон крепости Ахалкалаки первым открыл по противнику пушечную канонаду. Местные турки еще хорошо помнили неудачные действия под этой крепостью тоже небольшого русского отряда под командованием генерала И.Ф. Гудовича в 1807 году. Тогда штурм горной крепости оказался неудачным и стоил осаждавшим жизни 1200 человек и двух пушек.

Корпусному командованию волей-неволей пришлось подумать о начале «правильной осады». Штурмовать старинную крепость решили с юга. Войска отвели в устроенный осадный лагерь, расположившийся в 3,5 версты от Ахалкалаки, у реки Гендары-су. Лагерь укрепили на случай внезапного нападения османов с гор, прежде всего их иррегулярной конницы местных карапахов и куртинских (курдских) племен...

С наступлением вечерней темени кавказский наместник отправил часть отдохнувших за день войск закладывать осадные батареи. Самую большую из них устроили всего в 350 метрах от крепости. Из-за отсутствия в окрестностях леса брустверы батарей возводились из мешков с землей, что только ускорило работы.

На случай внезапной вылазки ахалкалакского гарнизона ночные инженерные работы прикрывались 42-м егерским полком, дивизионом драгун-нижегородцев, казачьим полком и двумя ротами пионеров при восьми полевых орудиях. Эти войска стояли в готовности не только отразить внезапную атаку на строителей осадных батарей, но и в случае удачного преследования нападавших ворваться за крепостные стены.

Звуки производимых земляных работ, стук колес артиллерийских лафетов по каменистой дороге привлекли внимание вражеских часовых. Гарнизон, ожидавший ночного штурма, скоро открыл с крепостных стен яростную ружейную пальбу в ту сторону, откуда доносились тревожные звуки. В таких случаях опытный генерал от инфантерии Паскевич приказывал не отвечать на стрельбу. Действительно, стрельба турок с крепостных стен вскоре прекратилась сама собой.

Русские саперы и приданные им в помощь пехотинцы продолжали усердно возводить батарейные позиции. А неприятельский гарнизон с оружием в руках провел всю ночь в ожидании штурма, поскольку хорошо знал о судьбе Карской крепости. Всю ночь на ахалкалакских стенах горели костры и сбрасывались вниз горящие факелы, освещая ближайшие подступы к крепости.

Осадную батарею номер один подготовили уже к 4 часам утра. К рассвету артиллеристы установили на ней две двухпудовые мортиры, восемь батарейных орудий и два легких. Что-

бы усилить мощь огня батареи, впереди нее, метрах в восьмидесяти, выстроили еще одну, небольшую, — на шесть кегорновых мортир. Они с восходом солнца повели по крепости навесную стрельбу — их снаряды падали внутрь турецких укреплений.

С первыми лучами солнца турки с изумлением взирали на появившиеся за ночь русские батареи, по своей мощности превосходившие всю крепостную артиллерию. Около 6 часов утра османы открыли по ним огонь из своих пушек, стараясь прежде всего разрушить возведенные позиции. Русские пушкарки отвечали. С раннего утра завязался артиллерийский поединок сторон.

В этой артиллерийской дуэли был драматический момент — одна из первых турецких бомб пробила крышу порохового погреба на русской осадной батарее и влетела внутрь. Взрыв грозил батарее полным разрушением, а людям — гибелью. Но двое не растерявшихся в минуту страшной опасности фейерверкеров бросились в пороховой погреб и выбросили из него бомбу прежде, чем она успела разорваться.

Довольно быстро меткость русских пушкарки дала о себе знать. Да и стояли русские орудийные расчеты на прибрежных высотах, господствовавших над вражеской крепостью. Метким огнем батарейных орудий 20-й артиллерийской бригады Отдельного Кавказского корпуса оказались сбиты зубцы главной башни, серьезно повреждена крепостная цитадель, а стены и углы крепости во многих местах обрушились.

Осажденные османы, ища спасения от огня русской артиллерии, оставили обороняемый ими вал и стены, поспешив укрыться в крепком каменном каземате. Но он просто не смог вместить всех желающих укрыться в нем. Двор крепости заполнился толпами мечущихся под разрывами бомб турок. Они совсем перестали отвечать из своих орудий на стрельбу батарей осаждавших.

Вражеский гарнизон окончательно пришел в ужас и смятение, когда русские поставили несколько орудий прямо на открытое место против крепостных ворот, находившихся на восточном фесе крепости. Вскоре эти четыре батарейных орудия Паскевич-Эриванский приказал подкрепить еще двумя

легкими пушками. Теперь противнику внутри Ахалкалакской крепости стало совсем тяжко. Рвавшиеся в крепостном дворе бомбы своими осколками поражали много людей.

Тогда на крепостной стене появилось несколько человек, которые отчаянно махали руками и делали знаки, приглашая на переговоры. Русские орудия прекратили огонь. Но когда казачий сотник Обухов подъехал к воротам для начала переговоров, со стены ударил ружейный залп. Обухов был сражен несколькими пулями. После этого русские пушкарки возобновили орудийную канонаду.

С этих минут немалая часть защитников крепости стала по веревкам (их было спущено вниз не один десяток) спускаться со стен и бежать прочь по речному ущелью. Среди бежавших, бросивших часть своего оружия, оказался и сам крепостной комендант Фархад-бек.

Когда крепость внешне приобрела совсем плачевный вид, русские осадные батареи по команде прекратили огонь. Полковник Бородин с батальоном пехотинцев-ширванцев, прикрывавших батарейные позиции, потребовал от неприятеля немедленной сдачи крепости. Оставшийся за ее коменданта начальник Ахалкалакского санджака Мута-бек вновь ответил высокомерным отказом, сославшись на торжественную клятву, данную им султану Оттоманской Порты.

Такой решительный отказ, да еще данный в оскорбительной форме, разъярил командира Ширванского полка. Полковник Бородин лично повел две роты пехотинцев на штурм Ахалкалаки. Его опытные солдаты, воспользовавшись веревками, в большом количестве свисавшими со стен крепости, быстро оказались на ее стенах. Ширванцы в «единую минуту» взобрались на южную часть крепостной ограды и своим грозным появлением вынудили наконец-то султанский гарнизон капитулировать.

Около девяти часов утра над цитаделью крепости Ахалкалаки уже развевался российский флаг. Для ее взятия не потребовалось ни особенно сильной бомбардировки, ни кровопролитного штурма.

Генерал-адъютант И.Ф. Паскевич отправил вдогон бежавшим туркам (а таких оказалось больше половины гарнизона)

казаков и азербайджанскую конную милицию, те в узком речном ущелье быстро нагнали пеших беглецов и почти всех их за сопротивление вырубали. В их числе оказался и комендант крепости Фархад-бек. Спасти удалось лишь немногим — кто сумел взобраться на прибрежные скалы речного ущелья и уйти дальше в горы.

Неприятель в бою за Ахалкалаки потерял убитыми и ранеными до 600 человек. 300 турецких солдат сложили оружие на крепостном дворе. Мута-бек в окружении султанских чиновников местной области-санджака почтительно отдал свою саблю предводителю русского войска. Байракширы сложили на землю 21 знамя. Победителям достались в качестве трофеев 14 пушек.

Небольшая по размерам вражеская крепость, как оказалось, хранила в себе солидные запасы артиллерийских припасов и разного оружия, немало провианта.

Потери русских войск под крепостью Ахалкалаки составили всего 13 человек. Было отчего в корпусном штабе с восторгом писать победную реляцию в далекий Санкт-Петербург.

Под Ахалкалаки, по существу, повторилась сцена, происшедшая в день взятия Карской крепости. Около 12 часов по дороге со стороны крепости Ахалцых появилась турецкая кавалерия численностью до 1500 всадников. Они спешили подкрепить собой оборонявшийся гарнизон. Но, увидев развещающийся над крепостью чужой флаг, вражеский отряд без раздумий развернулся назад и быстро ушел в окрестные горы. Боя с русскими передовыми заставами он так и не принял...

Закрепившись в Ахалкалаки, русский главнокомандующий выслал из нее небольшой отряд. Перед ним ставилась задача взять соседнюю крепостицу Гертвис (Хертыс), стоявшую на неприступной горе в ущелье верховья реки Куры. Ее гарнизон в числе 200 человек сложил оружие по первому требованию русских и отворил крепостные ворота.

В крепости нашли 14 орудий и большие хлебные запасы, что было важнее всего. Кавказские войска начали испытывать затруднения со снабжением провиантом.

Вскоре к кавказскому главнокомандующему пришло радостное известие. На правом фланге русско-турецкой границы

после семидневной осады 15 июля пала неприятельская приморская крепость Поти. Теперь султанский флот в пределах Закавказья мог базироваться только на Батум, имевший хорошую бухту для стоянки многочисленных парусных кораблей и гребных судов.

Небольшая крепость Ахалкалаки стояла на дороге Ахалцых—Карс. С ее взятием Отдельный Кавказский корпус получил удобное сообщение через Цалку и Гумры с Грузией. Теперь на очереди встала задача овладения сильной Ахалцыхской крепостью, которая нависала над границей России и Турции, а ее многочисленный гарнизон был способен совершить в тылах русских войск сильную «диверсию».

30 июля в кавказских войсках, стоявших в Ахалкалаки, прошел благодарственный молебен. Главнокомандующий генерал-адъютант И.Ф. Паскевич-Эриванский по такому случаю издал приказ по корпусу. Он заканчивался следующими словами:

«...Еще несколько дней, и мы явимся пред стенами Ахалцыха, одной из важнейших крепостей; да поможет нам Бог».

Царский наместник на Кавказе имел достоверные сведения, что там гарнизоном в две тысячи человек командует известный своей воинственностью Агмет-паша. Крепость Ахалцых имела 150 орудий (сведения о вражеской артиллерии лазутчики слишком завысили; в действительности имелось всего 62 орудия). Войска местного гарнизона относились к числу отборных и не испытывали недостатка в желании сразиться с «неверными».

По-турецки название Ахалцыха звучало как Ахазка. В переводе это означало «сильная крепость». Город являлся центром обширного по территории пашалыка, состоявшего из 24 санджаков (районов). Некогда это были любимые места обитания прославленной в истории грузинской царицы Тамары (Томар-Депотали). Сам Ахалцых назывался городом князей и был столицей Верхней Картли. С конца XVI века Ахалцыхской областью владели турки-османы.

К Ахалцыху спешили крупные отряды султанских войск до 30 тысяч человек под командованием самого сардара Киос-Мухаммед-паши и его доверенного военачальника Мустафы-паши. После падения сильного Карса Ахалцыхская крепость

становилась для турецкого командования опорной в войне на Кавказе.

Из Ахалкалаки русские войска могли успешно нанести удар и на Ардаган, и на Ахцур. Это были крепости более слабые, чем ахалцыхская, и тем самым более привлекательные для одержания скорой и громкой победы. Однако русский полководец старался в любых условиях войн на Кавказе строго следовать правилу «нападать совокупностью сил на главный пункт» неприятеля. Военный совет кавказских действующих войск высказал ему в этом единогласную поддержку.

Над маршрутом походного движения в корпусном штабе пришлось «поколдовать». Ахалцыхом следовало овладеть до подхода к нему подкреплений или в крайнем случае опередить их появление под стенами этой крепости. Поэтому Паскевич-Эриванский выбрал хотя и трудный, но кратчайший горный маршрут — вдоль берега реки Куры, через горный хребет Цихиди-варе и горы Цхенис-Цкале. К тому же Иван Федорович Паскевич учел еще и следующее — в таком движении Отдельный Кавказский корпус хорошо прикрывал государственную границу.

30-го и 31 июля по избранному маршруту выступили с боевым охранением корпусная осадная артиллерия и обозы. 1 августа за ними последовали главные силы, усилившиеся вызванными из Грузии резервами. Помощь в 2300 человек при четырех полевых орудиях (отряд генерал-майора Попова) подоспела как нельзя кстати. Вышедший раньше всех авангард разрабатывал — улучшал дорогу.

Марш-бросок по извилистой горной дороге с чередующимися крутыми спусками и подъемами потребовал от людей больших усилий. Сплошь и рядом орудия и зарядные ящики перетаскивались вручную, с помощью канатов. Для преодоления круч на каждое артиллерийское орудие выделялось до 200 человек. Для спуска зарядных ящиков к ним сзади и спереди привязывались большие сосновые деревья, которые, волочась по земле, уменьшали быстрый оборот колес, тормозили их опасный разбег.

В организации труднейшего горного марша большую роль сыграли офицеры корпусного штаба, долгое время служившие

в Кавказском крае. Среди них особенно отличился полковник В.Д. Вальховский, занимавший ответственнойшую должность обер-квартирмейстера (начальника оперативного отдела) Отдельного Кавказского корпуса. Генерал Н.Н. Муравьев, подлинный герой войн на Кавказе, с теплотой вспоминал о походных трудах своего боевого товарища:

«Во время следования колонн заботливостью Вальховского присылались к нам описания дорог, по коим нам идти. Точность сих описаний была разительна, и мы всегда знали наперед о каждой канаве, которая могла остановить движение колонны, и брали заблаговременно меры для поправления дороги, знали, где есть корм подножный, вода, где обозы могли строиться в несколько линий или идти поодиночке, где могла быть в теснине продолжительная остановка, во время коей батальоны могли бы не дожидаться в ружье, а расположиться на привал. Словом, все было продумано и приспособлено к порядливому движению войск».

Корпусной главнокомандующий старался в походе побывать всюду. Добрым словом он отмечал усердие и неутомимость нижних чинов, распорядительность офицеров, смекалку и находчивость солдат. В походах, на войне Иван Федорович Паскевич мог по-суворовски общаться с русскими воинами.

Одной из сторон его командирской заботливости было постоянное «поминание» об «исправном» довольствии как нижних чинов, так и офицеров. На ночлегах смертельно уставших за походный день людей ожидал и сытный ужин с мясом, и водочная порция. Последняя не только подкрепляла утраченные силы, но и давала возможность восстановить их еще и крепким сном.

Батальоны, батареи, эскадроны и сотни воинов-кавказцев шли навстречу врагу, опасностям и всем смертям с походными полковыми песнями. Шли к победе, неся в себе и «чувство славы», и собственную гордость за российское воинство, за боевое товарищество однополчан. Полки старой русской армии всегда отличались высоким уровнем воинской спайки, своей коллективностью в ратных трудах.

Пройдя 55 верст труднейшего горного пути, Отдельный Кавказский корпус 3 августа вышел к правому берегу реки

Куры. Здесь его неожиданно из засады, из-за гор атаковала многочисленная вражеская конница. В коротком скоротечном встречном бою нападавших удалось отбросить прочь, в сторону Ахалцыха.

К исходу следующего дня русские войска сосредоточились в шести с половиной верстах от Ахалцыхской крепости. Начались обычные работы по обустройству осадного лагеря, который сам по себе являлся полевым укреплением. Однако с устройством осадного лагеря возникли трудности: местность была изрыта оврагами, которые позволяли туркам делать засады, а по ночам подкрадываться почти к самым палаткам русских.

Утром 4 августа со стороны Ахалцыха раздалась пушечная стрельба. Прискакавший вестник от сторожевой заставы казачков-донцов сообщил: передовые отряды войска сардара Киос-Мухаммеда-паши и Мустафы-паши (преимущественное конное ополчение численностью в 25—27 тысяч всадников) уже входили в крепостной город. Их-то и приветствовали с крепостных стен пушечной пальбой.

Однако для русского командования это оказалось полбеды. Припоздавший многотысячный конный неприятель так и не успел помешать русским войскам выйти из дорожных теснин в речную долину, заблокировать им единственную в тех горах прямую дорогу к Ахалцыху. А это в той ситуации для сторон значило многое.

Усилившись, турки сразу же осмелели и совершили нападение на корпусных фуражиров. Оно вылилось в перестрелку, без потерь у кавказцев. Паскевич-Эриванский, однако же, обеспокоился о защите левого фланга осадного лагеря. Ночью один пехотный батальон перешел реку и занял высоту на противоположном берегу Куры. К утру русские стрелки устроили на ней небольшой окоп, обложив бруствер камнями.

Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич понимал, что столь многочисленной вражеской коннице просто невозможно найти достаточно пастбищ под крепостными стенами. Кроме того, следовало показать противнику, заметно превосходящему числом, собственную неустранимость. Более того — стеснить его в движениях и улучшить собственные занимаемые позиции.

Кавказский главнокомандующий лично провел рекогносцировку и около 8 часов утра 5 августа части корпуса, выстроившись в боевой порядок, стали переходить вброд реку Куру, двигаясь при этом к Ахалцыхской крепости.

Турки решили воспрепятствовать этому. Они большими силами конницы начали атаку на левый фланг русских, но неожиданно «споткнулись» о высоту, где засел батальон русской пехоты. А затем оказались под жестоким артиллерийским огнем. Неприятелю пришлось отойти на исходные позиции ни с чем.

Генерал-адъютант И.Ф. Паскевич, наблюдавший с высоты за кавалерийским боем под стенами Ахалцыхской крепости 5 августа, доложил о нем во всех подробностях Императору Николаю I. Историк В.А. Потто ту конную схватку описывает так:

«Недолго, но упорен был бой. Все перемешалось в одну общую кучу. Не было счета героическим подвигам одиночных драгун, с редким самоотвержением выручавших друг друга в этой неравной сече. Прапорицки Петренко и князь Чавчавадзе (Язон) пробились почти до самых знамен, увлекая за собой эскадроны. Лошадь под Чавчавадзе изранена, переменять ее было некогда, и он рубится на ослабевшем, покрытом кровью коне, рискуя ежеминутно, что не выдержит добрый карабахский конь и рухнет вместе с всадником наземь, под конские копыта...»

Вот толпа конных турок навалилась на прапорицка Буткевича. Издали видно только, как, сверкая на солнце, поднимаются и опускаются вражеские сабли. Рядовой Макаров (из разжалованных) бросается к нему на помощь; он уложил двух-трех турок, но не спас своего офицера и вынес только изрубленное тело его. В другом месте какой-то отчаянный турецкий наездник, врезавшийся в ряды эскадрона, крушит все, что попадает под руку; он уже изрубил двух драгун и насел на третьего, как прапорицк Попков смертельным ударом сабли повергает его на землю. Здесь какой-то драгун схватился один с целой массой курдов, но на помощь к нему летит прапорицк Чавчавадзе Третий (Спирidon); он разгоняет куртин и вырывает из их рук драгуна; уже раненого тремя ударами пик. Под другим Чавчавадзе

(Романом) убита лошадь; он пеший отбивается над трупом ее один от целой кучи врагов...

Его выручают драгуны. Там офицер спасает солдата, здесь солдат умирает за своего офицера...

Возглавляемый кавказским наместником корпус со всеми мерами предосторожности прошел три версты и расположился на привал — чтобы перенести полуденный зной. Солдаты шли с полной выкладкой. Временный походный лагерь окружили густой цепью стрелков, укрывшихся за камнями, выступами скал. Густые толпы османских наездников, подступая раз за разом к русскому стану, вызывали из него кавалеристов на конный бой. Но им отвечали редкой, прицельной стрельбой.

К 16.00 дневная жара стала спадать. Колонны с барабанным боем продолжили движение. Перед кавказскими войсками стояла задача — овладеть горой Тушан-Тапа, господствовавшей над вражеской крепостью. Киос-Мухаммед-паша был опытным полководцем и потому решил воспрепятствовать такому замыслу противника в лице «Паскевича-паши». Он вывел из крепости всю массу султанского конного ополчения навстречу подходившим русским.

Иван Федорович Паскевич-Эриванский в который уже раз положился в бою на кавказских пушкарей. 16 батарейных орудий 20-й и 21-й артиллерийских бригад шли в первой линии. По команде они неожиданно для неприятеля на рысях выскочили на высоты перед атакуемой горой Таушан-Тапа. Там орудийные расчеты разом развернулись и открыли меткий прицельный огонь по турецкой кавалерии.

Та, под залповым огнем русских, стала разворачиваться назад. Полководец Паскевич не медля бросил в дело казачьи полки, атаку которых удачно поддержала вынесшаяся вперед донская конная артиллерия. Остроконечная гора Таушан-Тапа и ряд каменистых холмов, лежащих от Ахалцыха на дистанции прямого пушечного выстрела, оказались в руках кавказцев. Подошедшая беглым шагом пехота закрепила успех лихой атаки казаков-донцов.

К 18.00 по приказу главнокомандующего на новое место военного лагеря начали выдвигаться обозы. Османы, естественно, попытались их разгромить по пути и заставить рус-

ских тем самым отказаться от осады крепости. Одновременно на фланги корпусного обоза ринулось до 10 тысяч турецких всадников. И ту и другую сильные атаки русские мужественно отбили. Боем на ближних подступах к Ахалцыху царский наместник руководил лично.

В тот день очень удачно действовали конные артиллеристы донских казаков. Они быстро меняли позиции, быстро разворачивали орудия и меткими картечными залпами помогали залегшей пехоте отбивать конные атаки, все время повторяющиеся со стороны крепости. В бою совершалось немало подвигов.

Так, сотник Шумков со своим конно-артиллерийским взводом первым выскочил на одну из атакуемых высот и «действовал из орудий с отличным искусством». Другой донской казачий сотник Поляков (однофамилец командира донской конно-артиллерийской роты) и хорунжий Краснянский, командуя взводами, умело поддерживали стрелков-пехотинцев. Все три казачьих офицера за содеянные в том бою подвиги были представлены к орденом наградам.

Эскадрон нижегородских драгун смело контратаковал отряд вражеской конницы. Когда она многократно усилилась, нижегородцы спешили и отразили натиск турок ружейным огнем. Таким образом они продержались до подхода помощи. Полки донских казаков шли вперед, имея в своих рядах конную артиллерию.

К вечеру бой на ближних подступах к Ахалцыхской крепости утих. Русские вышли к ней на ближние подступы, чтобы уже на следующий день начать «правильную» осаду по всем законам фортификационного осадного искусства.

В те годы за Кавказом Ахалцых считался крупным, процветающим городом с населением в 50 тысяч человек. Он располагался на левом утесистом берегу реки Посхов-чай, недалеко от впадения ее в Куру. Городские оборонительные сооружения состояли из старинной цитадели, собственно крепости — высокой, местами в два яруса, стеной и наружных укреплений. Цитадель господствовала над всей крепостью. В городе имелось много больших крепких каменных домов, в которых могли защищаться от 20 до 100 воинов-стрелков. Уличные бои обещали быть трудными и кровопролитными.

Сама крепость стояла на высоком речном обрыве, с трех сторон окруженная городскими предместьями. Крепостной многоугольник имел длину около 1200 метров и ширину до 800 метров. Он как бы состоял из четырех частей, возвышавшихся одна над другой.

Внешняя оборонительная линия города состояла из крепкого соснового палисада, соединявшего четыре бастиона и одну башню. Бастионы были сложены из необожженного кирпича, связанного крепкими бревенчатыми перекладами. В каждом бастионе и в башне стояло в амбразурах по три орудия. Еще по одному стояло в промежутках. Все пушки имели полевые лафеты.

Всего на наружной оборонительной линии размещалось 22 орудия. Крепость же и цитадель имели на вооружении еще 40 пушек. По другим данным, в Ахалцыхе имелось 67 исправных артиллерийских орудий. Гарнизон крепости насчитывал 10 тысяч человек, главным образом местных турок-ополченцев. Прикрывавшие город Ахалцых войска (преимущественно конницы) сардара Киос-Мухаммед-паши и Мустафы-паши оценивались в 30 тысяч воинов, преимущественно ополчения, имевших примерно 15 полевых орудий.

Подступы к крепости Ахалцых защищались самой природой — многочисленными горными оврагами и ступенчатым расположением укреплений. Последнее обстоятельство позволяло обстреливать атакующих трехслойным пушечным огнем.

Против 13-тысячного корпуса русских султанское командование имело примерно 40 тысяч конницы и пехоты. Такое соотношение сил заставило генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича-Эриванского собрать военный совет и поставить на обсуждение один-единственный вопрос дня:

— Остаться ли нам под Ахалцыхе и готовить штурм или отступить через Боржомское ущелье в Грузию и там встречать Киос-пашу?

Мнения корпусных командиров, присутствовавших на военном совете, не разошлись. Об отходе в Грузию, к оставшимся там гарнизонным войскам, никто не вел речи. Все высказывались только за штурм вражеской крепости, скорый и решительный.

По установившейся в русской армии традиции еще со времен Государя-полководца Петра I Великого, первым на военном совете высказывался младший по чину среди присутствовавших. Таковым оказался... прапорщик М.И. Пущин, о котором мы уже не раз писали. Он предложил:

— Надобно всею силою пойти в поле и дать там османам крепкий бой. Разбить их мы обязательно разобьем. Огня наших пушкарей враг не терпит, как и штыка инфантерии. А там дело и до городских стен дойдет.

Пущин словно бы высказывал мнение самого главнокомандующего, который с большим уважением относился к знанию Пушиным военного дела и его личной доблести. «Причастный» к делу декабристов опальный офицер продолжил (как он писал в своих записках) свою мысль:

— Мое мнение — сегодня же ночью внезапно напасть на турок в их собственном лагере, разбить их и тем освободиться от блокады, в которой они держат наши войска.

Мнение прапорщика Пущина поддержали полковники Бурцев, Вальховский, Бородин, Раевский, генералы Корольков, Муравьев, князь Вадбольский... То есть единогласно. О возможном тактическом отходе речи на военном совете даже и не шло. Собственно говоря, главнокомандующий и не ждал иного решения собравшихся в его походной палатке корпусных командиров.

Своим приказом генерал-адъютант Иван Федорович Паскевич-Эриванский утвердил решение военного совета Отдельного Кавказского корпуса.

Началась «правильная» осада Ахалцыхской крепости. Только с немедленным нападением на военный лагерь под ее стенами пришлось немного повременить.

Прежде всего русский осадный лагерь прикрылся линией окопов. Главнокомандующий приказал заложить несколько осадных батарей, чтобы обрушить на крепость шквал артиллерийского огня. Земляные работы велись днем и ночью, под пушечную канонаду турок.

Уже к вечеру 5 августа на горе Таушан-Тапа поднялся редут номер 1 на 200 человек стрелков и четыре батарейных орудия. Командиром батареи назначили капитана Бриммера из Кавказской гренадерской артиллерийской бригады.

На возвышенности правого берега реки Посхов-чай встал редут номер 2 с гарнизоном в 400 пехотинцев и тоже четыре орудия. Командиром редута стал гвардии поручик Черневицкий. Его орудийным расчетам поручался обстрел городской цитадели.

Одновременно полевое укрепление под горой защищало на всякий случай дорогу из осажденной крепости к русскому осадному лагерю, идущую вдоль речного берега. Здесь оборону держала пехотная рота при двух полевых орудиях.

Вскоре из недалекой Грузии прибыло долгожданное подкрепление. В ночь того же дня — 7 августа оборонительные работы для осадного лагеря продолжили. В тылу лагеря, в 500 метрах от него, заложили еще один редут. В 750 метрах от него, тоже на каменистой высоте, выстроили другой — для защиты правого фланга осадного лагеря. При виде такой крепкой оборонительной линии у султанских пашей, сидевших в Ахалцыхе, пропало всякое желание конным наскоком попытаться разбить пришельцев.

Русский полководец сразу же «вычислил» пассивность в действиях противника, думавшего теперь только об усилении защитных сооружений Ахалцыха. У Паскевича-Эриванского вызрел план, которому трудно отказать в безбоязненности и рискованном расчете. Он решил, демонстрируя начало активных осадных работ, внезапным ночным ударом последовательно разбить многочисленные конные войска Киос-Мухамед-паши и Мустафы-паши.

Времени терять не приходилось. На 600 метров впереди редута номер 1 находилась высота с очень крутыми скатами. Здесь в ночь на 8 августа заложили батарею на девять орудий. К утру их уже установили, причем, как отмечают документы, «ввоз артиллерии на весьма крутую гору должно отнести к особенному усердию нижних чинов». Командиром новой батареи стал командир 20-й артиллерийской бригады полковник Цвилленев.

Утром следующего дня батарея повела меткий огонь и без того переполюбовав османов одним своим видом. Два левофланговых орудия стали расстреливать южные контрапроши противника, два правофланговых — северные высоты. А остальные

пять начали действовать против приречного крепостного бастиона.

Надо отдать должное командирам 20-й артиллерийской бригады. Подчиненные полковника Цвилленева вынудили турок снять с южных укреплений пушки и поспешно убрать их в укрытия. Видя в подзорную трубу такой успех, царский наместник подкрепил батарею одной мощной осадной мортирой. Из нее «делано было несколько опытов метания бомб в город».

Начавшийся обстрел городских укреплений и самой крепости окончательно ввел в заблуждение султанских военачальников. Теперь единственным их помыслом стало удержание самого Ахалцыха, а не полевое сражение с русскими войсками под крепостными стенами.

Последующие события показали, что такая тактическая маскировка своих намерений русскому главнокомандующему вполне удалась. Даже опытейший полководец Киос-Мухамед-паша, много и славно пововававший и в Европе, и в Азии, оказался в плену личных заблуждений. Не дали ему откровений и донесения многочисленных лазутчиков, со всех сторон наблюдавших русский осадный лагерь и подходы к нему.

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом торопился. С каждым днем становилось все труднее добывать корм тысячам коней. Разведка донесла, что через несколько дней ожидается прибытие под Ахалцых майданского паши с войском в 10 тысяч человек. Поэтому Иван Федорович Паскевич решил одним ударом уничтожить оба полевых укрепленных лагеря войск эрзерумского сераскира.

В ночь на 9 августа, соблюдая все меры предосторожности, русские предприняли экспедицию против северных от крепости высот. В ночной бой пошло восемь батальонов пехоты, вся регулярная и иррегулярная кавалерия при 25 конных орудиях. Для прикрытия походного лагеря с обозами и осадных укреплений оставалось семь пехотных батальонов и 43 орудия. Войска вышли из лагеря в два часа ночи.

Назначенному для ночной атаки отряду предстояло пройти около 10 верст под носом у турецких аванпостов. Нашелся и именитый проводник. Им оказался плененный в Ахалкалаки Мута-бек, совершенно обвороченный ласковым обхождением

и щедростью царского главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского. Чтобы скрыть начальное движение своих войск, осадные батареи изредка стреляли по крепости.

Казалось, что хитро задуманный и хорошо продуманный, сохраненный в тайне для врага ночной рейд будет во всем иметь удачу.

Но... Темная ночь, частые подъемы и спуски задержали следование войск. Они не успели под покровом ночи выйти на исходные для атаки позиции. Более того, пехотный полк, находившийся в арьергарде и прикрывавший артиллерийский парк, на целых полчаса сбился с назначенного пути. Уже рассветало, а голова походной колонны прошла всего семь верст, и до первого турецкого лагеря оставалось еще три.

С наступившим рассветом передовые вражеские караулы заметили приближающихся русских. В военных лагерях обеих пашей сыграли тревогу. Там не составило большого труда и времени определить малочисленность подступивших кавказцев. Киос-Мухаммед-паша, как старший военачальник султана, решил ударом во фланг смять русский отряд и уничтожить его. Он видел, что силы «неверных» оказались разделенными на две части.

Скоро высоты по пути следования русского отряда стали покрываться толпами конных турок. В поле вышла даже часть крепостного гарнизона. Так уж получилось, что вместо внезапной атаки вражеских лагерей на рассвете русским приходилось принимать полевое сражение в крайне невыгодных для себя условиях вблизи лагерей неприятеля.

В последовавших приказах граф Паскевич-Эриванский не колебался. Войска быстро стягивались для защиты в кулак. Чтобы прикрыть их движение, высоты перед дорогой занимают двумя казачьими полками при четырех конных орудиях. Правый фланг отряда отдается под защиту двух батальонов егерей, тоже при четырех орудиях. Всего через полчаса русский отряд избирает более или менее выгодную оборонительную позицию для надвигающегося неравного боя.

Точность распоряжений главнокомандующего и быстрота их исполнения сделали свое дело. Уже в 6 часов утра отряд выстроился в боевой порядок, имея в первой линии на вы-

сотах всю артиллерию. Пехота и кавалерия выстроились позади, укрывшись в лощине. Два казачьих полка теперь прикрывали тыл.

Кровопролитный и упорный бой в поле начался в 6 часов утра. Султанские паша уже успели сосредоточить воедино все имевшиеся у них под рукой силы — до 30 тысяч конницы и пехоты. Сначала русских атаковали цепью стрелков (часть из них была конными), поддержанных частой пальбой из внешних крепостных укреплений и полевыми орудиями. Завязалась жаркая перестрелка, однако в рукопашную схватку турецкая пехота не пошла. Атаку предстояло начинать турецкой коннице.

Почти одновременно масса неприятельской конницы и следовавшая за ней остальная часть пехоты с конными орудиями поторопилась перерезать дорогу и взять русский отряд в плотное кольцо. Если бы это удалось, русские могли оказаться в крайне опасном положении.

Атаки османов следовали одна за другой. Особенно трудно пришлось поставленному впереди Херсонскому гренадерскому полку с выделенными ему двумя орудийными расчетами. Лишь примерное мужество позволило херсонцам выстоять на занимаемой позиции и отбиться штыками и картечью от наскоков вражеской конницы.

Раздраженный неудачей, Киос-Мухаммед-паша приказал повторить атаку и во что бы то ни стало смять и истребить русских. Вторая атака началась в 7 утра. Турецкие колонны пошли против херсонских гренадер по дну глубокого оврага. От огня русской артиллерии они были прикрыты высокими берегами оврага. Османы шли смело, с распущенными знаменами и с криком «Алла!».

Чтобы сдержать натиск врага, Херсонский гренадерский полк подвинулся вперед к самому оврагу, а стрелковая цепь его спустилась еще ниже, на полускат. Там она лицом к лицу и встретилась с поднимающейся из оврага густой толпой турецкой пехоты. Обе стороны столкнулись и кинулись друг друга с большим ожесточением. Начался упорный штыковой бой. Спорный овраг несколько раз переходил из рук в руки, наполняясь трупами людей.

Сераскир Киос-Мухаммед-паша бросал против центра обонявшихся гренадер и егерей раз за разом конные лавы, чтобы, в конце концов, истребить бесстрашных русских стрелков. Его главной задачей было пробить смертельную брешь в боевых порядках отряда «Паскевича-паши», так неосмотрительно, по его мнению, вышедших на поле из своего укрепленного лагеря. Постоянно меняя в атаках конные тысячи, полководец султана стремился измотать русских, чтобы их усталость сделалась в бою его союзником.

Гренадеры-херсонцы, которыми командовал генерал-майор П.В. Попов, оказались почти отрезанными от главных сил отряда. Свернувшись в кучки, они штыками отбивались от нападавших конников и приходили на помощь друг другу. Яростные рукопашные схватки закончились тем, что гренадерский полк удержал-таки отведенные ему позиции, сумев на какое-то время прикрыться с одного из флангов оврагом.

В том бою был момент, когда около 15 минут гренадеры отбивались от врага, находясь в его полном окружении. В те минуты турки в своих возгласах уже торжествовали победный миг. Но и из этого положения Херсонский гренадерский полк во главе с генералом Поповым вышел с честью, ударом в штыки отбросив нападавших и приведя их в смятение.

Видя тяжелейшее положение авангардного гренадерского полка, Паскевич-Эриванский отправил ему на подкрепление два пехотных батальона. Опять на позиции херсонцев завязался самый отчаянный бой. Султанские паши вновь и вновь бросали вперед многотысячные конные лавы. Однако те успеха не имели, отражаемые ближним картечным огнем и ружейными залпами в упор, а порой и штыковым ударом. При виде блеска надвигающихся штыков испуганные кони вставали на дыбы и поворачивали вспять, сбрасывая с себя всадников.

Трудно пришлось в бою и заслону, который Паскевич выставил на возвышении перед дорогой: батальон егерей при восьми полевых орудиях и два донских казачьих полка. Заслон расположился на позиции, перед которой протекал ручей в каменистых берегах небольшого овражка. Здесь турки начали конную атаку, но перед этим провели сильный обстрел русских из пушек и ружейными залпами своих конных стрелков.

В том полевом бою была критическая минута, когда турецкая артиллерийская граната подорвала в егерском каре зарядный орудийный ящик. Среди окружавших его егерей оказалось много убитых и раненых. На какое-то минутное мгновение ряды русских стрелков расстроились. Каре егерей потонуло в клубах черно-бурого дыма.

Ободренные такой удачей османы с неистовыми криками ворвались на высоту, но тут их остановили беглым картечным огнем в упор. Ротные командиры штабс-капитаны Гуралев, Кириллов и Колпинский (все трое были уже ранены) навели порядок среди своих подчиненных. Вновь завязалась жаркая перестрелка в передовой стрелковой цепи.

Пока пехотные батальоны стойко отражали атаки вражеской конницы, во многом сковав их усилия, русский полководец стал вводить в дело свою кавалерию. Здесь он пошел на военную хитрость. Эскадроны и сотни выдвигались против левого фланга неприятеля, дальнего от крепости. Паскевич-Эриванский стремился в разыгравшемся полевом сражении «увлечь» сюда как можно больше вражеских сил. Разгоряченные боем паши султана поймались на его уловку, выслав сюда большую часть конницы и начав делать «предерзкие» атаки.

Русская же конница стала наводить турок под картечный огонь батарейных орудий. Делалось это так: казаки, драгуны и уланы делали лихой набег на конного неприятеля, схватывались с ним в сабельной рубке и через минуту-другую обращались в бегство к своему отряду.

Там несущихся в сильном запале восточных конников уже поджидали русские артиллеристы из Кавказской гренадерской бригады генерал-майора Я.Я. Гилленшмидта и донские казачьи конные орудия. Несколько разящих залпов заметно разряжали ряды конной лавы турок, поворачивая ее вспять.

Султанские военачальники так и не смогли разгадать такого тактического хода русских, «золотой прием» для конного боя Донского казачьего войска со времени появления у него первой батареи конных орудий. Паши продолжали оттягивать от крепостных укреплений все новые и новые тысячи своих воинов. Огромное численно турецкое войско незаметно для себя

растянулось верст на 10, потеряв прежнюю стойкость и сделавшись трудноуправляемым.

Генерал-адъютант И.Ф. Паскевич добился желаемого. Беспрепятственные атаки и начавшийся полуденный зной истомили противника. Половина же русской пехоты, находясь в отрядном резерве, отдыхала. И русская кавалерия, увлекавшая турок под пушечный картечный огонь, по очереди участвовала в деле.

По сделанному еще до боя распоряжению главнокомандующего часть русских войск около четырех часов дня вышла из осадного лагеря и без помех двинулась на крепость. Пехотные батальоны выдвигались к вражеским укреплениям с северной стороны.

К этому времени начал обозначаться перелом и в полевом сражении под стенами Ахалцыха.

Из оборонительного положения граф Паскевич-Эриванский тотчас перешел в наступательное. Два батальона 42-го егерского полка, поддержанные огнем 14 орудий подпоручика Богдановича, бодро пошли в атаку. Их удар пришелся по шанцам, прикрывавшим правое крыло неприятельского расположения. Вторую волну атакующих составили два батальона Ширванского пехотного полка.

Остальная пехота и кавалерия составили особую колонну, устремившуюся на штурм полевых укрепленных лагерей султанского воинства. Пока эта колонна формировалась и выстраивалась для атаки, егеря и ширванцы уже пошли вперед.

Когда до вражеских окопов оставалось метров 170, на линию стрельбы прямой наводкой вынеслись расчеты четырех донских конных орудий под командованием есаула Зубкова. Быстро развернувшись перед ошеломленными турками, донские пушкари накрыли вражеские шанцы метким огнем картечью. Под прикрытием артиллеристов егеря дружно пошли на штурм вражеских полевых укреплений, которые казались им издали или брошенными, или слабо защищенными.

Спрятавшиеся от картечных выстрелов на дне окопов турецкие пехотинцы, подпустив атакующих на близкое расстояние, внезапно открыли столь губительный ружейный огонь, что егерские батальоны приостановились в атакующем порыве. Шедший во главе их генерал Корольков был убит в числе

первых двумя пулями. Разразившийся в эту минуту сильный ливень, с громовыми раскатами и молниями, только усилил замешательство в батальонных рядах.

Видя такое, обрадованные османские воины с саблями и кинжалами в руках высыпали из шанцев и других лагерных укреплений и напали на русских егерей. Те начали отбиваться штыками и прикладами, завязалась нешуточная рукопашная схватка на полное истребление друг друга. В эти минуты на помощь к егерям уже спешили пехотинцы-ширванцы под командованием полковника Бородина.

Подоспевшие быстрым бегом, запыхавшиеся два пехотных батальона крепко подкрепили егерей. Русские стрелки в грозном порядке обошли правый фланг сражавшихся егерей и с яростью ворвались на штыках в крайний турецкий бастион. Невзирая на сильный ружейный огонь, шанцы были захвачены в единую минуту рукопашного боя. Защитники неприятельских окопов обратились в бегство, бросив четырехорудийную батарею.

Паскевич писал в донесении Государю Императору, что «атака на укрепленный бастионами лагерь сделана была с удивительной храбростью». «Это одно из лучших дел, — отмечалось в победном рапорте, — которые я видел в моей жизни. Офицеры удивительной храбрости...»

Турки в начавшейся панике почти без боя стали оставлять оба укрепленных военных лагеря с расположенными в них обозами и палаточными городками. Егеря и ширванцы преследовали бегущих до самого городского палисада. Русские пехотинцы, так уж получилось, одержали здесь самую убедительную победу еще до подхода главных сил экспедиционного отряда. Атака 42-го егерского и Ширванского полков развивалась буквально в считанные минуты.

На месте полевого боя осталось более пятисот убитых султанских солдат. Бежавшие из полевых лагерей в Ахалцыхскую крепость и в разные стороны от нее турки бросили семь знамен. Среди них оказалось много раненых и тех, кто во время панического бегства бросил на поле брани личное оружие. Основная масса бежавшего с поля битвы султанского войска устремилась по ардаганской дороге.

Видя успех только-только объявленной атаки, генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич-Эриванский приказал тотчас идти вперед кавалерийской колонне. Казачьи полки и кавказская конная милиция на плечах бегущих османов ворвалась в полевые лагерь неприятеля и скоро оказалась в самых отдаленных их уголках. Нижегородские драгуны и легкоконные уланы закрепили успех дела.

Смятых в поле и рассеянных османов из конницы эрзерумского сераскира, сардара Киос-Мухаммед-паши и Мустафы-паши гнали прочь от Ахалцыха на протяжении 12 верст. Лишь поздняя ночь и дальние от города окрестные леса и горные тропы спасли тысячные толпы конных беглецов. Сопротивления преследователям они не оказывали.

Русский главнокомандующий остановил дальнейшее преследование своим приказом. Паскевич сказал окружавшим его генералам, которые попытались было возразить против такого решения:

— Припомните, господа, слова одного римского полководца, что бегущему неприятелю надобно строить золотой мост...

Остатки султанских войск, участвовавших в полевом сражении, числом до пяти тысяч (преимущественно пехотинцев и тех, кто лишился коней) успели укрыться в крепости. Судьба хранила и самого полководца Киос-Мухаммед-пашу, раненного в ногу. Ахалцыхский гарнизон, затворив все городские ворота, сел в глубокую осаду и стал ждать скорого штурма со стороны русских войск.

Победа получилась «совершенная». В руки русских попало 10 орудий, столько же знамен, два укрепленных лагеря, большие транспорты с продовольствием и артиллерийскими снарядами. Всего в тот день неприятель потерял 1700 человек убитыми и ранеными. Число бежавших с поля битвы исчислялось многими и многими тысячами турецких конных ополченцев. Не скоро султанским чиновникам в ближайших азиатских губерниях удалось их вновь собрать в воинские отряды.

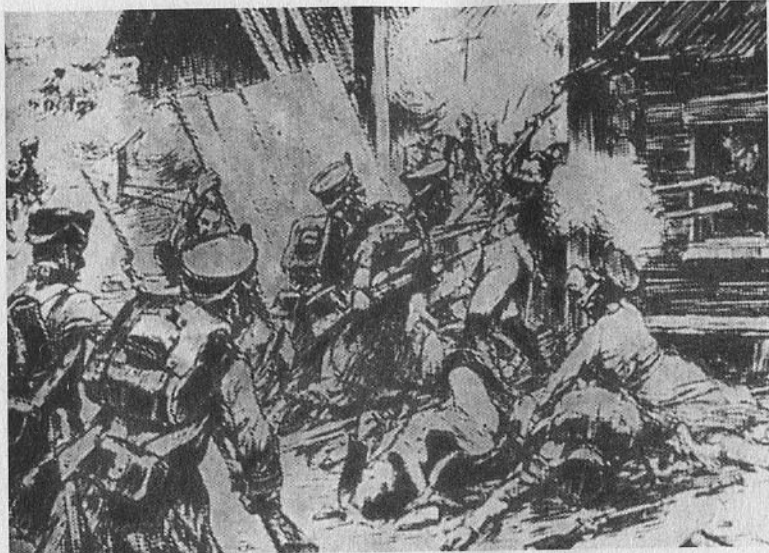
Кавказские войска 9 августа потеряли храброго генерала Николая Васильевича Королькова. Из строя выбыло 31 штаб-и обер-офицер, 350 нижних чинов. В соотношении с рядовыми потери офицерского состава оказались просто огромны.

Пожар Москвы. Наполеон со свитой

Наполеон и Лористон. «Мир во что бы то ни стало!»

Бой под Малоярославцем. 12 октября 1812 г.

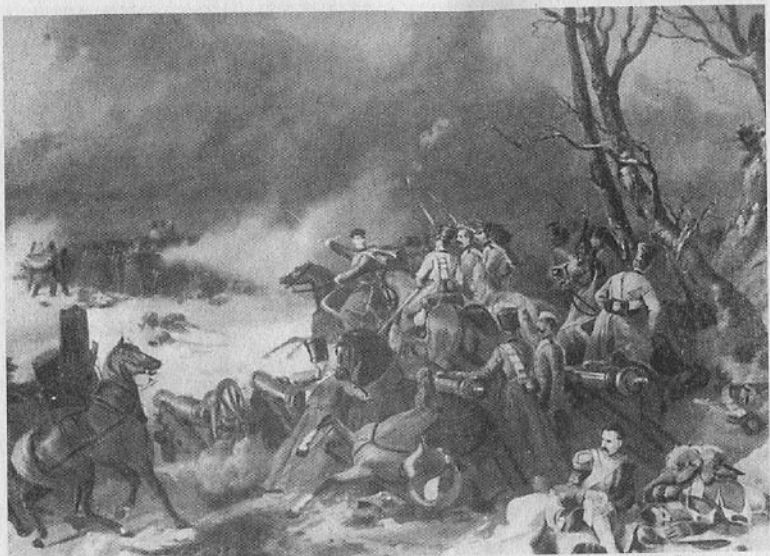
Бой среди городских развалин

Освобождение города Вязьмы

Наполеон в Городно. «Пробиваться или отступить?»

Бой под Красным

Преследование отступающих французов

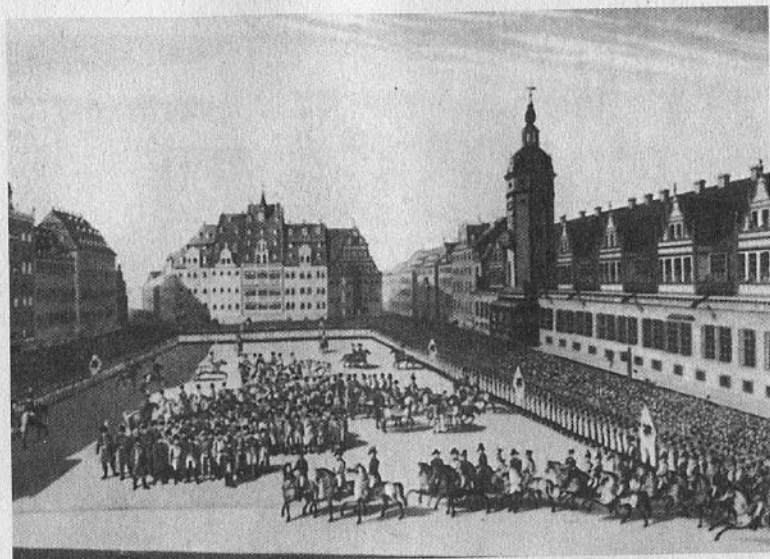
Бегство Наполеона из России

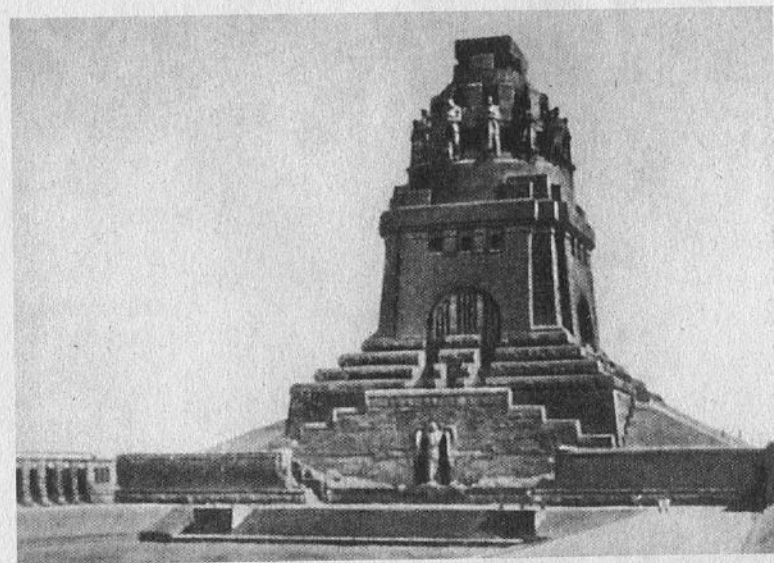
Переход через Березину

«Битва народов» под Лейпцигом

Вступление союзных войск в Лейпциг

Памятник «Битва народов» под Лейпцигом

Переход русской армии через Рейн

Вступление союзных войск в Париж

Император России Николай I

Декабристы. С титульного листа журнала «Полярная звезда»

Генерал-фельдмаршал
князь Варшавский,
граф И. Ф. Паскевич-
Эриванский

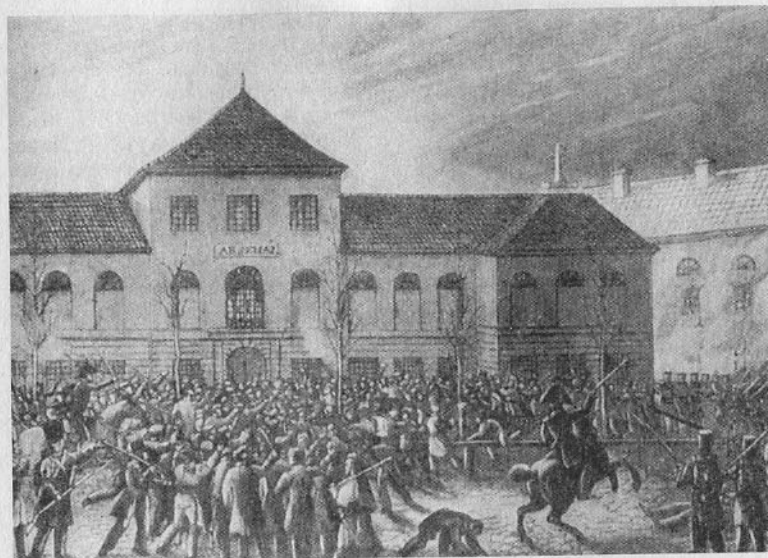
Генерал-фельдмаршал
граф И. И. Дибич-
Забалканский

Осада турецкой крепости Браилов русскими войсками в 1828 г.

Вступление русских войск в Варну. 17 сентября 1828 г.

Взятие варшавского арсенала

Штурм восставшими тюрьмы в Варшаве

Взятие штурмом наружных укреплений Варшавы.
25 и 26 августа 1831 г.

Подпоручик Петр Высоцкий

Генерал от кавалерии П.А. Крейтц

Театр военных действий и важнейшие сражения в период Польского восстания в 1831 г.

Генерал от инфантерии А.Н. Лидер

Было подбито одно орудие и взорван один зарядный ящик. Артиллеристы потеряли 60 лошадей.

На следующий день кавказский главнокомандующий Паскевич-Эриванский отправил в осажденную крепость пленного главу Карса Мута-бека. Султанскому гарнизону предлагалось сдаться. В противном случае его ожидали все ужасы штурма. Закрывшиеся в Ахалцыхе паши гордо ответили:

— Будем драться до последней крайности и умрем с оружием всем гарнизоном под развалинами городских жилищ.

Русский парламентар в лице Мута-бека в ходе непродолжительных переговоров услышал и такие слова:

— Прежде надо снять месяц с неба, а потом уже луну с ахалцыхской мечети...

Такой «гордый» ответ объяснялся весьма просто. За крепостными стенами засел 10-тысячный (по другим сведениям, 15-тысячный) турецкий гарнизон, сохранивший высокий боевой дух. Припасов у него было вполне достаточно. Неприятель вполне достоверно знал, что русский корпус, осадивший Ахалцых, насчитывал примерно 13 тысяч человек при 70 орудиях, из которых осадными являлось всего 12. То есть грозить крепостному начальству каким-то превосходством в силах и артиллерии «Паскевичу-паше» просто не приходилось.

В складывающейся ситуации русский полководец понял, что только быстрота действий может склонить в его сторону победную чашу весов. Уже вечером 9 августа он приказывает обратить против крепости захваченные шанцы лагерей. Они располагались на высоте, господствовавшей над городом. Эта позиция и стала ключевой для всех последующих осадных работ.

Утром следующего дня русские батареи открыли огонь по вражеской крепости. Крепостная артиллерия на этот огонь пока не отвечала. Сильная канонада за день причинила большие разрушения в городе. Строения рушились и погребали под своими развалинами и воинов султана, и целые семьи. Больше всего бед досталось северным кварталам города, жители которого выкинули белый флаг.

Жители города стали просить султанского полководца Киос-Мухаммед-пашу начать переговоры с русскими. Тот, в силу своего положения принявший на себя командование турецким

гарнизонам, ответил депутации старшин-ахалцыхцев известной восточной фразой:

— Пусть сабля решит дело.

Примерно такое же услышал в ответ на предложение Паскевича капитулировать ездивший в крепость штабс-капитан Корганов. Ему сераскир Киос-Мухаммед-паша с не меньшей надменностью ответил:

— Одна сабля разделяет нас...

Однако паша убоился народного восстания в многолюдном городе против османов. Он приказал обезоружить всех находившихся за стенами крепости грузин, армян и вообще все христианское население столицы пашалыка.

Почти пять суток подряд русские осадные батареи вместе с трофейными пушками бомбардировали крепость. Когда турки пытались отвечать орудийным огнем, то их пушки просто сбивались сосредоточенным прицельным огнем артиллеристов-кавказцев. Орудийные расчеты неприятеля боялись после этого даже приблизиться к своим поваленным взрывами русских бомб пушкам.

Осажденный турецкий гарнизон 12 августа вторично получил предложение царского наместника Кавказа капитулировать. И вновь посланный парламентар вернулся с категорическим отказом. Паскевичу-Эриванскому приходилось торопиться: в действующих силах Отдельного Кавказского корпуса стала ощущаться нехватка боевых припасов для артиллерии, продовольствия и фуража. Поступали сведения от лазутчиков о выдвижении из крепости Эрзерум собранных там новых подкреплений для осажденного Ахалцыха.

Штурм крепости назначили на 15 августа — на день Успения святой Богородицы. Это был полковой праздник Ширванского пехотного полка. Ему и предстояло брать ключевую позицию в обороне Ахалцыхской крепости — ее северный бастион.

О действиях русских кавказских войск при штурме Ахалцыхской крепости герой Отечественной войны поэт Денис Давыдов напишет: «То был век богатырей...»

В целях обеспечения тактической внезапности принимается решение начать приступ не на рассвете, а во второй по-

ловине дня — в 16 часов. И тем самым усыпить бдительность турок и «приучить их равнодушнее смотреть на дневные движения». Такое приказание главнокомандующего заключалось в следующем. Было решено в течение трех последних дней перед штурмом регулярно производить в этот же час смену рабочих команд и пехотные прикрытия на всех осадных батареях.

Тем временем осадные артиллерийские позиции подвинулись к северному бастиону на расстояние примерно в 300 метров. Меткий орудийный огонь сгонял турок с бастионов, заставляя их прятать в укрытия пушки. Таким приемом их орудийные расчеты пытались спасти пушечные лафеты от разрушения, поскольку запасных лафетов в крепости не оказалось. По всей видимости, в ней не нашлось и искусных мастеров, которые могли бы за ночь поставить разбитые орудия на колеса.

Сложнее всего обстояло дело с разрушением крепкого палисада, в котором были проделаны бойницы для ведения ружейного огня. 12-фунтовые ядра пробивали вековые сосновые бревна только насквозь, а 24-фунтовые редко ломали их. Городской палисад ко дню штурма удалось с большими трудами разрушить только в нескольких местах.

...Для Ширванского пехотного полка штурм Ахалцыха стал святым праздником. Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич объехал строй русских стрелков и остановился в центре выстроившегося полка. Он обратился к солдатам со словами, близкими и памятливыми ветеранам кавказских войн:

— Дарю, молодцы, вам эту крепость: идите и берите ее!

Ровно в 16.00 грянули залпы со всех осадных батарей, возвестившие о начале генерального штурма. И в ту же минуту вперед двинулись заранее выстроенные атакующие колонны. Привыкший к ежедневной для этого предвечернего времени смене людей на батарейных позициях, неприятель никак не ожидал начала решающего приступа.

Командир Ширванского пехотного полка полковник Бородин, ставший Георгиевским кавалером еще в Отечественной войне 1812 года, получив орден Святого Георгия за Бородинское сражение, выехал вперед на сером коне. Его подчиненные

любили пошучивать по поводу «тезоименности» его фамилии и знаменитой битвы на Бородинском поле. Полковой командир скомандовал:

— Песельники, вперед!

Ширванцы двинулись на штурм. Впереди на сером коне полковник Бородин. Немного позади него — батальонный командир, потом два знамени, около них группа офицеров с саблями наголо и знаменные ряды. За ними шел поющий хор полковых песенников. Затем первый батальон во взводных колоннах. Далее — полковые музыканты. Следом шел второй пехотный батальон, рота саперов, кативших перед собой туры, и, наконец, два орудия донской казачьей батареи есаула Зубкова, другая приданная полку артиллерия.

Песенники во весь голос выводили: «Ой, во поле липонька стояла...» Стрелки-ширванцы дружно подхватывали песню. Им вторил полковой оркестр: рожки, бубны, барабаны, тарелки.

Песня оборвалась на словах: «Выгоняйте вы скотину на широкую равнину...» Из крепостного бастиона начался беспорядочный, все усиливающийся ружейный огонь. Но остановить натиск русских пехотинцев оборонявшимся не удалось. Сильная и сосредоточенная стрельба по ним повелась с явным запозданием.

В эту минуту передовая цепь из 200 охотников-«застрельщиков» и нескольких офицеров-добровольцев находилась уже метрах в 50 от бастиона. «Застрельщиками» командовал майор Родзевский. В корпусной штаб-квартире он исполнял скромную должность смотрителя походных госпиталей. Он выпросился у Паскевича на штурм крепости и получил под свою команду добровольцев в 200 человек. Им предстояло первыми скрестить свое оружие с турками.

Ширванцы дружно ринулись в проделанный в палисаде пролом. С криком «ура!» они перескакивали ров и неудержимо лезли на осыпавшиеся стены полуразрушенного артиллерийским огнем бастиона. С его вала русские стрелки сразу же спрыгивали внутрь бастиона. Турки яростно отбивались саблями, ятаганами, прикладами ружей, стреляли в упор из пистолетов.

Первым взобрался на бастион барабанщик Иван Головченко. Окруженный со всех сторон турками, храбрый солдат стал отбивать на барабане сигнал «тревоги», приведя противника в изумление. Этими драгоценными для боя мгновениями не промедлили воспользоваться его товарищи, густо полезшие на бастион.

Пока охотники-«застрельщики» во главе с майором Родзевским очищали бастион от его защитников, прапорщик Пушин с саперной командой рубил палисад. Когда они проделали достаточно широкий проход сквозь частокол из огромных сосновых бревен, северный бастион крепости ширванцы уже взяли ценой гибели офицера и 20 нижних чинов. Раненых оказалось гораздо больше, но почти все они остались в строю.

В расширенный пролом устремились штурмовые колонны. Саперы перекатили через ров туры для ложемента и стали перетаскивать через пролом и осыпавшийся бастионный ров легкие орудия и зарядные ящики к ним. Давалось это с большим трудом.

А тем временем в Ахалцыхской крепости среди ее гарнизона началось общее смятение. Расширяя фронт атаки, полковой командир ширванцев направил первый батальон подполковника Юдина вправо, а второй батальон подполковника Овечкина — влево. Густая цепь «застрельщиков» развернулась в центре боевого порядка Ширванского пехотного полка. Его бойцы начали продвижение вперед.

Теперь прямо перед ними на открытой возвышенности стояла древняя армянская церковь, сложенная из камня. Под ее мощными сводами укрывалось во время бомбардировок крепости до полутысячи турецких воинов. Они опоздали оказать помощь защитникам северного бастиона, но зато теперь встретили русских стрелков яростной контратакой.

К пролому в крепостной ограде спешили и другие отряды османского гарнизона. Турецким офицерам не приходилось подгонять подчиненных, которые так и горели схватиться с русскими в рукопашном бою. Сераскир Киос-Мухаммед-паша приказывал всем только одно: выбить атакующих «неверных» за палисад. Истребить их всех до одного он уже не требовал.

«Застрельщики»-ширванцы мужественно отбили сильную атаку превосходивших их численно турок. Большинство охотников оказались меткими стрелками. Однако ряды пехотного полка, «открывшего» собой штурм Ахалцыхской крепости, заметно поредели. В рукопашной схватке был убит и командовавший «застрельщиками»-добровольцами майор медицинской службы Родзевский.

Видя такое дело, подполковник Юдин перестроил свой батальон в ротные колонны и нанес удачный штыковой удар вправо, во фланг атакующим османам. Такое для них оказалось полной неожиданностью. Турки в рукопашных схватках бились ятаганами и саблями, которые уступали в ближнем бою ружьям со штыками.

Тем временем командир полка полковник Бородин лично поднял «застрельщиков» в новую атаку и потеснил огромную толпу кричащих турок до самой армянской церкви. Та вновь превратилась в надежное для них укрепление. Некоторые из отважных стрелков-ширванцев попытались даже взобраться на плоскую крышу храма, но вражеские солдаты сбросили их от туда.

Будучи не в состоянии выбить противника из каменной церкви, ширванцы залегли на армянском кладбище возле нее, укрывшись за надгробными памятниками. Завязалась частая ружейная перестрелка. В эти самые минуты саперам и артиллеристам удалось перенести на руках через брешь в палисаде два легких орудия и зарядные ящики к ним. Пушки быстро установили на позиции прямо против храма.

Услышав за спиной первый пушечный выстрел, пехотинцы-ширванцы, не ожидая команды ротных офицеров, снова поднялись в атаку, чтобы ударить в штыки. Однако такой приступ оказался сразу же неудачным. Засевшие в церкви турки продолжали упорно обороняться, стреляя из окон и дверей. Атакующие армянский храм русские стрелки несли большие потери — многие из них оказались у врага как на ладони. Вновь началась жаркая ружейная палба.

Погиб начальник штурмовой колонны полковник Бородин, некогда бывший адъютантом И.Ф. Паскевича, любимый им за необыкновенное мужество. Получил ранение батальонный ко-

манدير подполковник Овечкин. Простреленный в поясницу навывлет, он остался в строю. Это была его шестая рана, полученная им на царской военной службе.

В тот памятный день один за другим выбыли из строя почти все офицеры Ширванского пехотного полка. По ходу боя их заменяли унтер-офицеры или просто бывалые солдаты. В войнах на Кавказе такие ветераны многократно командовали ротами и взводами и преуспевали в таком деле.

К северному бастиону из различных частей крепости пришедший в себя сераскир Киос-Мухаммед-паша все подбрасывал и подбрасывал новые силы. Ворвавшимся в крепость русским помогало то, что никто из гарнизонных начальников «не стремился» взять на себя руководство завязавшимся боем, чтобы потом, в случае его неудачного исхода, понести ответственность. Султанский полководец в таких случаях был скор на расправу, и можно было легко лишиться головы прямо перед его шатром.

В такой критической обстановке боя для штурмующих русских в самом Ахалцыхе командование ширванцами принял на себя полковник Иван Григорьевич Бурцев. О его решительности в кавказских войсках складывались легенды. Он приказал стрелкам любой ценой удержать армянское кладбище и не дать нескольким сотням турецких пехотинцев вырваться в контратаку из каменной церкви.

Полковнику Бурцеву пришлось лично руководить и саперами, возводившими ложементы, ибо в пионерском батальоне в строю тоже почти не осталось офицеров. Тяжелое пулевое ранение в грудь получил расторопный и бесстрашный прапорщик Пушин, сумевший со своими пионерами так быстро «разделаться» с крепостным палисадом.

Бывалые кавказские саперы, выкатывая вперед сплетенные из ветвей туры, под ружейным огнем врага засыпали их землей и камнями и возводили ложементы. То есть солидные на вид и на деле укрепления внутри города, созданные на удобном для оборонительного боя месте. Рядом готовились орудийные площадки.

Около 18 часов вечера внутри крепостной ограды Ахалцыха возникло полевое русское укрепление, фронтом против ту-

рецкого гарнизона. Наконец-то ширванцы смогли хорошо укрыться от ружейного огня и картечных выстрелов османов. Ложементы позволили им самим засыпать неприятеля градом ружейных пуль, ведя при этом прицельную стрельбу. Меткость огня русских стрелков османы почувствовали сразу.

Вскоре расторопные донцы-артиллеристы сумели подвезти сюда пять орудий батареи есаула Зубова. Сам командир батареи почти сразу получил сильную контузию. Приказав подложить под себя бурку, он лежа продолжал руководить огнем казачьей батареи. Вслед за ним поручик Крупенников поставил за бруствер шесть кегорновых мортирок. Теперь пехотинцам Ширванского полка совсем стало легко отбивать беспрестанные атаки толп неистовствовавших гарнизонных турок...

Во время штурма штаб-квартира русского главнокомандующего находилась на позиции главной осадной батареи. Сюда к Паскевичу со всех сторон стекались боевые донесения и отсюда же рассылались его приказы. Рассказывают, что, заметив ширванского солдата, бежавшего мимо с каким-то приказанием, он подозвал его и спросил:

— Откуда, молодец?

— Из крепости, ваше сиятельство! — бойко отвечал запыхавшийся ширванец.

— Ну что, каково там?

— Жарко, ваше сиятельство.

— А что турки?

— Да трудно с ними справиться, упрямятся, ваше сиятельство.

— Знаю, они молодцы, не поддавайтесь, ребята.

— Молодцы-то молодцы, ваше сиятельство; да чего они бьются-то? Ведь знают, что мы назад не попятим...

Пока шел ожесточенный бой между северным бастионом и армянской церковью, русская артиллерия продолжала бомбардировку крепости. Главнокомандующий Паскевич-Эриванский приказал держать вражеский гарнизон в постоянном перенапряжении, в готовности к отражению сильного приступа с любой стороны крепостной ограды. Около 19 часов в городе вспыхнул сильный пожар, который жителям потушить

не удалось. Более того, бушующее пламя стало охватывать один городской квартал за другим.

Наступившие сумерки застали русские войска не в особенно выгодном положении. Ограниченный участок захваченной городской территории не позволял значительно нарастить здесь силы штурмующих. Да и добавить для защиты ложементов легких орудий. Все же умелому Бурцеву удалось закрепить первоначальный успех. Ширванцы, ведомые им, наконец-то выбили штыками османов из христианского храма. После такой серьезной удачи стрелки сразу же завязали уличные бои.

Теперь их поддерживало уже семь орудий. Четыре установили на крышах окрестных каменных домов. Один горный единорог вместе с кегорновыми мортирами стрелял с плоской крыши отбитой армянской церкви. А две трофейные пушки разместили за внутренним бруствером. Боеприпасов к ним оказалось в достатке.

Дела у Ширванского пехотного полка пошли веселее. Кавказские стрелки, привыкшие действовать в рассыпном строю и вести уличные бои в населенных пунктах, не растерялись ночью в незнакомом городе. Цепи ширванцев продвигались от улицы к улице, плоские крыши жилых домов хорошо помогали атакующим продвигаться вперед. Туркам, оборонявшимся в собственной крепости, откровенно приходилось туго в ночных схватках и перестрелках.

Кавказский полководец, трижды награжденный орденами Святого Георгия, знал, какой полк первым послать на штурм Ахалцыхской крепости. Паскевич-Эриванский, держа через рассылаемых во все стороны конных адъютантов, нити управления штурмом в своих руках, нашел возможность усилить пехотинцев Бурцева батальоном Херсонского гренадерского полка. Ввод его в ночной бой оказался удачным.

Вслед за ним по приказанию главнокомандующего в город правее бреши ворвался батальон 42-го егерского полка с четырьмя полевыми орудиями. Однако егерям сразу же пришлось туго: убийственный огонь оборонявшихся турок быстро выбил в батальоне почти всех офицеров. Егерям приходилось с боем брать почти каждый каменный дом, встававший на их пути. Засевшие в них турки, завалив входные двери

чем придется, стреляли из узких окон почти в упор, как из бойниц.

Тогда генерал-адъютант И.Ф. Паскевич велел ручными гранатами забрасывать окошки таких домов и дымоходы. Чтобы выкурить турок из каменных строений, в ход пошли связки соломы и сена. Ветер разнес огонь по южному и западному предместью Ахалцыха, которые пока еще не были охвачены пожаром.

Гонимые пожаром, турецкие войска стали в беспорядке отступать из городских кварталов в цитадель, стоявшую на высокой скале и возвышавшуюся над городом. Султанский гарнизон оказался уже не в силах удерживать внешние городские укрепления, еще не захваченные штурмующими. Оборонявшиеся в них турецкие отряды боялись оказаться отрезанными от цитадели.

В ходе шедшего всю ночь ожесточенного боя, когда горели и превращались в пепелища целые городские кварталы, русские солдаты делали все возможное, чтобы спасти от гибели местных жителей. Очевидец штурма Э.В. Бриммер в своих воспоминаниях пишет:

«Много армян с семействами и с возможным к переноске имуществом старались во время штурма перейти к нашим войскам. Их толпами отправляли на гору, поручая отводу одному, двум или трем солдатам... Я видел, что эти конвойные не только добросовестно провожали их, но многие несли, при ружье, еще тех маленьких детей на руках, которые не могли поспевать».

Впрочем, не только армянское и грузинское население горящего города искало спасение во время штурма Ахалцыха в стане русского войска, но и турецкие семьи. Декабрист Петр Бестужев свидетельствует в своих записках:

«Толпы спасенных женщин и детей с воплями и рыданиями влачили к стороне лагеря...»

Ровно в полночь рота эриванских карабинеров при поддержке двух орудий донских казаков овладела северо-восточным крепостным бастионом. Теперь турки уже отовсюду отступали в пламени горящего города к цитадели. Уже незадолго до рассвета Грузинский гренадерский полк занял последний из ос-

тававшихся в руках неприятеля восточный бастион и примыкавшие к нему городские кварталы.

Русским солдатам удалось за ночь перехватить несколько фанатиков, пытавшихся любыми способами пробраться в армянскую церковь с зажженными факелами. Там, в подвалах, защищенных крепкими каменными сводами, султанский гарнизон хранил значительные запасы своего пороха. Это было одной из причин столь стойкой защиты христианского храма турецкой пехотой.

Перед восходом солнца султанский полководец Киос-Мухаммед-паша выслал из цитадели, над воротами которой появился белый флаг, для переговоров о сдаче начальника гарнизонных янычаров и ахалцыхского муфтия. Они стали выпрашивать у «Паскевича-паши» пять дней перемирия. Русский главнокомандующий дал им на размышления всего пять часов, в противном случае угрожая возобновить штурм.

Вторичная депутация остатков ахалцыхского гарнизона просила дать возможность укrywшимся в цитадели туркам беспрепятственно покинуть город-крепость и уйти в Турцию. Генерал-адъютант Паскевич-Эриванский, после некоторого раздумья, согласился на это, желая избежать лишнего кровопролития при штурме «верхней крепости» Ахалцыха. Но при условии неременной сдачи всего личного оружия и казенного имущества почти четырех тысяч воинов султана, укrywшихся в цитадели.

В 8 часов утра 16 августа 1828 года над далеко видимой отовсюду башней Ахалцыхской цитадели взвилось боевое Георгиевское знамя славного Ширванского пехотного полка. Над той самой сильной и хорошо известной в истории Востока турецкой крепостью, которая за 250 лет своего существования еще никому не покорялась. Хотя противники не раз подступали к ее стенам.

Под барабанную дробь воины-кавказцы вступили в опустевшую цитадель взятой ночным штурмом вражеской крепости. В первых рядах русского войска ехал полководец Иван Федорович Паскевич-Эриванский со своими ближайшими помощниками. Вокруг еще дымились руины уничтоженных ночным пожаром городских кварталов. Среди развалин копо-

шились люди, стараясь отыскать что-то из своего имущества. Всюду виднелись страшные следы артиллерийской бомбардировки Ахалцыха, приграничного города-крепости Блистательной Порты.

Турецкая артиллерия почти вся оказалась разбитой. Она оказалась или сброшенной разрывами бомб с крепостных стен вниз, или стояла, покосив орудийные стволы, с разбитыми лафетами. И в последнем случае стрелять из таких пушек было невозможно. То есть крепостные стены во время осады оказались не самым лучшим местом для установки даже орудий малого калибра.

В Ахалцыхской цитадели кавказскому главнокомандующему показали «наглядность» меткости кавказских пушкарей и силы выстрелов из их орудий. В укромном месте выстроенный пороховой погреб имел три крепких бревенчатых потолка. Или как говорилось — «в три наката». И все их пробил русская бомба. Лишь случайность помешала сильному взрыву в ахалцыхской цитадели, переполненной турецкими солдатами.

Потери храбро оборонявшегося султанского войска за время штурма составили около пяти тысяч человек. Между убитыми нашли до сотни переодетых женщин-турчанок с вычерченными лицами, сражавшихся в рядах защитников крепости. Вражеская артиллерия в своих орудийных расчетах потеряла больше семи восьмых личного состава. Потери Ахалцыхского гарнизона тоже оказались огромны.

Русскими трофеями стали 66 орудий самых разных калибров, большое количество пороха и личное оружие многотысячного гарнизона. Победителям достались 52 знамени и пять бунчуков.

Штурм проходил в день полкового праздника Ширванского пехотного полка. Ширванцы были впереди и понесли самый большой урон в людях: полк потерял за одну ночь четвертую часть своих бойцов. Потери составили убитыми и ранеными 62 штаб- и обер-офицеров и 557 нижних чинов. Большинство из них прослужили на Кавказе долгие годы.

Кавказский главнокомандующий по традиции объезжал свои войска и благодарил воинов за одержанную трудную победу. Благодарил русских воинов от своего имени и от име-

ни российского Государя. Обращаясь к храбрым ширванцам, генерал-адъютант граф Паскевич-Эриванский спросил у них:

— Много ли вас осталось, братцы вы мои дорогие?

Из рядов ширванских стрелков царскому наместнику за всех ответил бесстрашный барабанщик рядовой Иван Головченко:

— Штурма на два еще достанет, ваше сиятельство!..

После смотра войск, участвовавших в «праздничном» штурме, главнокомандующий и главноуправляющий России на Кавказе лично пригласил всех нижних чинов и офицеров Ширванского пехотного полка, отличившегося в день своего полкового праздника, на обед. Он давал его от себя и от имени нового полкового командира полковника Кошкарева. Поднимая тост за одержанную победу, Иван Федорович Паскевич сказал:

— Я горжусь ею, поскольку она сближает меня с вами, славы ширванцы! Ваши боевые дела дороги России... Я много служил на поле чести, но видел только два подобных примера — оба в войну 1812 года!

После одержанной победы в Ширванском пехотном полку одним из рядовых солдат была сложена новая полковая штурмовая песня. Она была сочинена на мотив песни «Ой, во поле липонька стояла», с которой на устах ширванцы шли на праздничный приступ турецкой крепости. В новой полковой песне говорилось:

Ой, меж гор
Ахалцых стоит,
А вокруг стена —
Ров широк лежит,
Там турецкая рать —
Стоит сила грозная...
.....

Ой, солнышко
За горы, горы спряталось,
И на стене
Веет знамя русское,
А русский царь
Хвалит храбрых воинов.
Ширванский полк
Графу он пожаловал...

В российскую столицу с победным рапортом о взятии османской крепости Ахалцых отправили одного из наиболее от-

личившихся при штурме офицеров. Это было стародавней традицией русской армии. Им оказался подпоручик-артиллерист Кавказской гренадерской бригады Маркович.

В столицу он прибыл, «перелетев» через Кавказские горы. В победном донесении Паскевича, которое гренадерский артиллерист подпоручик Маркович вручил монарху, писалось:

«С пепелища Ахалцихе, после штурма, двенадцать часов продолжавшегося, имею счастье поздравить наконец Ваше Величество с покорением этого города, известного в целой Азии».

Овладение Ахалцыхом в русско-турецкой войне 1828—1829 годов было по-настоящему большой победой. В Санкт-Петербурге, при Императорском дворе и в российском Военном ведомстве по достоинству оценили «предусмотрительность» царского наместника на Кавказе при подготовке ставшего знаменитым штурма крепости из разряда сильных.

Государь наградил графа Паскевича-Эриванского высшей орденой наградой Российской империи — орденом Святого Андрея Первозванного — и назначил шефом Ширванского пехотного полка, который с того времени стал носить его имя. Штурм Ахалцыхской крепости в военной биографии будущего генерал-фельдмаршала стал одним из самых трудных дел. Он не раз говорил и писал об этом.

Высоких наград за овладение Ахалцыхской крепостью, по представлению главнокомандующего, удостоились многие командиры русских войск. Так, генерал-майор Павел Васильевич Попов, подлинный герой истории Херсонского гренадерского полка, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В его наградном листе говорилось:

«...Командуя на правом фланге, в продолжение восьми часов находился с батальоном и донскими орудиями в первой линии под сильным огнем, удержал место, несмотря на все усилия превосходных турецких сил, несколько раз мужественно опрокидывал их атаки и к вечеру подкрепил кавалерию в преследовании неприятеля на пространстве 25-ти верст».

Ширванскому полку Высочайше были пожалованы серебряные Георгиевские трубы. 8-й пионерский батальон (будущий 1-й Кавказский саперный батальон) получил Георгиевское зна-

мя с почетной надписью: «За отличие при взятии приступом Ахалцихе в 1828 году». Ордена Святого Георгия 4-й степени получили офицеры из числа подлинных героев кровавого штурма — подполковник Овечкин, штабс-капитан Разнатовский, донской есаул Зубков и подполковник-артиллерист Поляков. Полковник Бурцев стал генерал-майором...

Царский наместник на Кавказе до конца года провел еще несколько успешных операций. 17 августа сдалась крепость Ахцур, затворявшая с юга Боржомское ущелье. В ее овладении участвовал отряд генерал-лейтенанта князя Вадбольского: один батальон пехоты, два казачьих полка при шести орудиях. Здесь взяли 14 пушек, шесть знамен и около 300 пудов пороха. Теперь дорога через Боржомское ущелье в Грузию полностью находилась в руках кавказцев.

Затем русские войска овладели городом-крепостью Ардаганом, стоявшим на важном перекрестке дорог. Султанский гарнизон вместе с ардаганским беком бежали, только узнав о приближении русского отряда из Карса. Ключи от города генерал-майору Бековичу-Черкасскому поднесла духовная процессия. В числе военных трофеев в этой крепости было захвачено 31 орудие.

Успех главных сил Отдельного Кавказского корпуса во многом предопределил победы на Черноморском побережье Грузии. Турецкий флот после оставления Потийской крепости теперь базировался на Батум, и ему стало сложнее угрожать русским крепостям на морском побережье Кавказа. Батум же, в случае надобности, не мог вместить большие силы султанского флота — Поти же выполнял роль ближнего форпоста.

С приближением холодов и окончания зимней кампании 1828 года главнокомандующий И.Ф. Паскевич-Эриванский позаботился о левом фланге развернутых против Турции кавказских войск. Здесь, в Восточной Армении, действовал отряд под начальством генерал-майора князя А.Г. Чавчавадзе. Отряд состоял из 1400 человек пехоты, двух сотен казаков и четырех сотен конных азербайджанских и армянских ополченцев, шести орудийных расчетов.

Отряд Чавчавадзе предназначался для наступательных действий на восточном фланге Отдельного Кавказского корпуса —

в граничащем с Эриванской областью Баязетском пашалыке (губернии), населенном преимущественно армянами. Местное население пашалыка, как было достоверно известно, втайне «благоприятствовало» русским.

В Баязетском губернаторстве местный Балюль-паша, в отличие от пашей Карса и Ахалцыха, с началом боевых действий колебался: начинать или не начинать военные действия. Этим и воспользовался генерал-майор Чавчавадзе. Совершив с отрядом быстрый марш-бросок, без боя заняв Алашкерт, русские 27 августа внезапно оказались под стенами Баязета. Турецкий гарнизон их появления просто не ожидал.

На следующий день, после небольшой взаимной артиллерийской канонады баязетский Балюль-паша с гарнизоном сдался противнику. При этом турки имели орудий вдвое больше, чем русские. Куртинская (курдская) конница, подойдя к Баязету на помощь туркам, ушла к себе в горы. Спустя несколько дней отряд князя А.Г. Чавчавадзе овладел еще и небольшими приграничными крепостями Топрах-кале и Диадин.

Ободренный успехом, Чавчавадзе со своим отрядом двинулся дальше по Алашкертской дороге. Турки организованного противодействия ему не оказывали. Вскоре на левом берегу реки Евфрат, всего в 90 верстах от большой крепости Эрзерум, стали развеяться боевые знамена России. Но к тому времени султанские военачальники местных пашалыков еще не успели разузнать, что эти силы русских малы.

Царский кавказский наместник чуть было не предал «развоевавшегося» грузинского князя на русской военной службе суду за «своевольство». Злые языки говорили по этому поводу разное. Но можно засвидетельствовать одно: небольшой отряд генерал-майора Чавчавадзе мог оказаться совершенно отрезанным от главных сил кавказцев, уходивших к тому же в Грузию на зимние квартиры.

Более того, эрзерумский сераскир Галиб-паша вскоре попытался вытеснить русских из крепости Топрах-кале. Однако у графа Паскевича-Эриванского нелегко было отнять ранее завоеванное. К тому же персидский долг в счет военной контрибуции значительно уменьшился. Посему кавказский главнокомандующий уменьшил число русских войск, расквар-

тированных в Северной Персии — в Южном Азербайджане. Высвободившиеся войска были направлены в Баязетский пашалык, и турки сразу же отказались от активных там действий.

Приближалась зима, всегда суровая в горах. Кампания 1828 года для русского оружия на Кавказе успешно заканчивалась. Кавказские войска овладели Карским, Ахалцыхским и большей частью Баязетского пашалыков (губерний) Османской империи. Войска Отдельного Кавказского корпуса взяли шесть крепостей и три укрепленных замка, захватив при этом около восьми тысяч пленных, 313 орудий и 195 знамен и 11 бунчуков, стали обладателями многих других трофеев.

Потери Отдельного Кавказского корпуса за первую военную кампанию составили 3200 человек. В их число входили убитые, раненые и умершие от различных болезней, главным образом от эпидемии чумы.

Наступившей зимой боевые действия в конце октября прервались. На отбитой у османов территории в крепостях царский наместник оставил сильные гарнизоны — 15 батальонов пехоты, четыре казачьих полка и три роты полевой артиллерии. Они были обеспечены достаточными запасами провiantа и боеприпасов, немалую долю в них составили военные трофеи. Остальные кавказские войска отошли на зимние квартиры, отведенные им в Грузии...

Блистательные победы русского оружия за Кавказским хребтом разительно отличались от боевых дел 2-й русской действующей армии, форсировавшей Дунай. Там войска не всегда успешно осаждали сильные турецкие крепости. Хотя следует указать — главные силы султанской армии находились все же не в азиатских пашалыках, а на территории Болгарии.

Победные донесения генерала от инфантерии Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского Императору Николаю I, его приказы по кавказским войскам с восторгом читались по всей России. Воинов Отдельного Кавказского корпуса сравнивали с суворовскими чудо-богатырями.

Находившийся в то время на Кавказе Александр Сергеевич Пушкин присутствовал на празднике в честь взятия города-крепости Эривань. И вполне возможно, что он был

рядом с полководцем И.Ф. Паскевичем, объезжавшим строй русских войск во время торжеств после падения крепости Ахалцых. Не случайно великий поэт России написал следующие строки:

Видали ль в Персии Ширванский полк?
.....

Уж люди! Мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стае волк —
Все с ревом так и лезут в бой кровавый.
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

Личная популярность кавказского полководца в Санкт-Петербурге была огромной. Фаддей Булгарин писал в Персию А.С. Грибоедову из столицы следующее:

«Повсюду пьют за здоровье Эриванского, портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дождался до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени. В столице против него нет ни одного голоса... Одним словом, герой нынешней войны, наш Ахилл — Паскевич Эриванский».

Успехи русского оружия в Азиатской Турции вызвали переполох в Стамбуле (Константинополе) и сильное негодование султана и членов его дивана (правительства). Киос-Мухаммед-паша и эрзерумский сераскир Галиб-паша лишаются своих высоких постов и ссылаются в отдаленные пашалыки. Звание сераскира получает паша Гаджи-Салех Мейданский, который султаном наделяется неограниченными правами. Главнокомандующим османской армией в азиатской части Турции назначается Гакки-паша Сивазский.

Новому сераскиру и новому султанскому главнокомандующему выделяются значительные средства для одной-единственной цели — вернуть Блистательной Порте потерянные в войне пашалыки. В ближних и дальних к ним приграничных областях султанским декретом объявляется поголовное вооружение. Сераскир Гаджи-Салех Мейданский надеялся таким путем иметь к весне под ружьем до 200 тысяч человек и 136 орудий. Он начинает усиленно укреплять Эрзерумскую крепость.

Султан настойчиво требовал отвоевать город-крепость Ахалцых. Он обещал Ахмет-беку Аджарскому, влиятельней-

шему феодалу в Ахалцыхском пашалыке, титул трехбунчужного паши, звание полновластного правителя этой области и богатую денежную награду за исполнение столь трудного военного предприятия.

...Русское командование всю зиму готовилось к кампании 1829 года. На укомплектование Отдельного Кавказского корпуса из российских губерний «назначается» двадцать тысяч рекрутов из последних военных наборов. Однако новобранцы могли прибыть в город Тифлис по Военно-Грузинской дороге не ранее апреля, да и то первыми партиями. На месте их предстояло еще обмундировать и дать начальную военную подготовку. Так что возобновлять боевые действия приходилось с небольшими численно, в сравнении с противником, действующими силами.

Новый султанский сераскир Армении и Анатолии Гаджи-Салех задумал вернуть не только утерянное в первый год войны. Он решил в своих планах перенести военные действия во владения России — в Карталинию, Гурию, Мингрелию и Имеретию. Грузинским землям в который уже раз за многовековую историю грозило опустошительное нашествие войск турок-османов.

Кавказский главнокомандующий И.Ф. Паскевич-Эриванский в свою очередь намечал развернуть большое наступление на крепость Эрзерум и взять ее. После этого намечалось пойти еще дальше — на Сивас, отстоящий западнее на 350 верст. Тем самым азиатские провинции Оттоманской империи раскалывались пополам. Перерезывалось сообщение Стамбула с Багдадом. Таким образом выполнялся план-максимум на войну России с Турцией за пределами Кавказского хребта.

Царскому наместнику пришлось искать новые пути пополнения людьми вверенных ему войск. Он постарался привлечь на свою сторону куртинцев (курдов), чьи племенные ополчения в султанской армии составляли большую часть иррегулярной конницы не только в этой войне. Переговоры на сей счет велись через пленных турецких пашей, которые в хороших условиях содержались в столице Кавказского наместничества городе Тифлисе.

Действительно, ряд старшин куртинских племен приграничья и даже паша Мушский охотно приняли предложение служить России и ее Государю, но, разумеется, не безвозмездно. Мушский паша просил у царского наместника солидной денежной помощи и сохранения для себя звания паши Муша — генерал-губернатора этой горной области.

К Мушскому паше с тайным поручением от Паскевича-Эриванского под видом армянского купца выехал капитан Вачнадзе. Высокопоставленный султанский сановник принял предложение русского главнокомандующего набрать 12 тысяч конницы при условии ежемесячной выплаты ему десяти тысяч золотых червонцев. Деньги паша требовал большие, но такое соглашение обеспечивало безопасность левого фланга войск Отдельного Кавказского корпуса.

Кроме того, по распоряжению генерал-адъютанта графа Паскевича в закавказских губерниях проводился набор земского ополчения. Для усиления «действующего отряда» из местных добровольцев формируются четыре 5-сотенных полка азербайджанской конницы, два армянских полубатальона (в Эривани и Нахичевани) и еще один пеший добровольческий батальон из баязетских армян.

Попытка же кавказского наместника создать 5-тысячное «земское ополчение» в Восточной Грузии — в отличие от местной временной милиции — вызвало серьезный ропот не только среди простого люда, но и местного многочисленного дворянства. Прошел слух, что в Грузии вводится, как в России, рекрутская повинность и грузинскую молодежь по российским законам будут брать в солдаты на 25 лет.

Грузинские крестьяне решительно заявляли о готовности поголовно вступить в ряды местного ополчения и защищать свои дома от ожидавшегося нашествия турок-османов, как защищали их при грузинских царях. Но при этом грузинское крестьянство требовало от властей гарантий возвращения ополченцев к домашнему очагу после окончания войны. Одним словом, рекрутские наборы и служба в русской армии страшили население Закавказья.

Царскому наместнику пришлось «громогласно» отказаться от идеи создания грузинского «земского ополчения». Остала-

лась милиция (сотни, дружины) — пешая и конная, которую местные князья набирали из добровольцев, прежде всего дворян и их крестьян.

Пока шли приготовления к новой военной кампании, пришло тревожное сообщение из соседней Персии. В Тегеране «чернь истребила» российскую миссию и русского посла Александра Сергеевича Грибоедова, о чем мы писали в предыдущей главе. Напомним, что, отправляясь в столицу побежденной в войне Персии, он словно осознавал свою там неизбежную гибель. Прощаясь с друзьями, он говорил им: «Там моя могила! Чувствую, что не увижу более России...» И предчувствия, как оказалось, не обманули его.

За убийцами-фанатиками стояли шахский двор и английские посланники. Запахло новой войной с Персией. Однако персидский Фетх-Али-шах быстро осознал всю опасность нового вооруженного столкновения с Россией, хотя та и вела войну с Турцией, и поспешил уладить межгосударственные отношения. Император Николай I со своей стороны тоже решил не обострять отношения с Персией...

Весной 1829 года генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич-Эриванский, даже после всех «организационных» стараний, смог отрядить в состав действующих сил из теперь почти 50-тысячного Отдельного Кавказского корпуса всего лишь меньше его трети. Он мог отправить воевать против азиатских войск Турции только 11 800 человек пехоты и 3800 конников при 70 полевых орудиях. В общей сложности (с местными ополченцами) — около 18 тысяч воинов.

Остальные кавказские войска были разбросаны небольшими отрядами для защиты границ Грузии, Черноморского побережья Кавказа и других закавказских областей. Немалое число войск несло гарнизонную службу и обеспечивало охрану коммуникационных линий. Служба у них была беспокойная — разбои на дорогах и угоны сельских стад еще долгие годы будут обычным явлением даже на больших кавказских дорогах.

С началом весны, когда горные перевалы стали очищаться от снежных завалов, Паскевич-Эриванский, как кавказский царский наместник, прежде всего вознамерился защитить Грузию. Он перекрывает небольшим отрядом И.Г. Бурцева Бор-

жомское ущелье. Затем, поразмыслив, добавляет к нему еще и отряд генерал-майора Н.Н. Муравьева. Все прочие проходы через горные ущелья занимают дружинами и сотнями грузинской милиции. Распускается слух, что сам русский главнокомандующий намеревается прибыть с большими силами к крепости Ахалцых.

Однако в 1829 году на Кавказе первыми перешли в наступление турки. Ахмет-бек Аджарский торопился выполнить волю султана. 20 февраля его войско, состоявшее из пяти тысяч регулярной пехоты и 15 тысяч местных ополченцев-мусульман при шести полевых орудиях, пройдя через горные перевалы, неожиданно для русского командования вышло к городу-крепости Ахалцых.

Русский гарнизон крепости насчитывал всего 1164 человека пехоты, три полевых орудия и несколько трофейных легких пушек. Начальствовал над ахалцыхским гарнизоном генерал-майор князь В.О. Бебутов. Ночной штурм крепости ее защитники успешно отразили. Тогда свою неудачу османы выместили на христианском населении городских предместий, безжалостно вырезав его. Положение осажденного Ахалцыха было серьезным.

Двенадцать дней шла осада с бомбардировкой крепости и настойчивыми попытками лишить русских питьевой воды. В первый же день осады турки испортили водопроводную трубу, которая вела от реки Ахалцых-чай к фонтану в цитадели. После этого начались постоянные ночные кровавые схватки у выхода из крепости к реке.

Ахмет-бек хорошо знал местность и потому умело прикрывался трехтысячным отрядом со стороны Боржомского ущелья. По всем его тропам встали бдительные сторожевые заставы из воинов-горцев. Благодаря этому противник перехватывал гонцов генерал-майора Бебутова в Тифлис и посланцев оттуда в осажденный ахалцыхский гарнизон.

Все предложения правителя Аджарии о капитуляции на самых почетных условиях русский гарнизон отверг. Более того, на рассвете 4 марта он совершил неожиданно дерзкую вылазку и разгромил стоявшего в походном лагере неприятеля. Опасаясь полного разгрома, аджарское войско «обратилось» в отступление и больше не подступало к Ахалцыху.

В тот же день на помощь ахалцыхскому гарнизону подошел отряд Бурцева (всего пять пехотных рот), который, переправившись через реку Куру, сумел без боя обойти неприятельские заслоны. Получив такое известие, Ахмет-бек отказался от дальнейших намерений отличиться перед султаном. Он считал, что за авангардным отрядом идут главные силы русских, и поэтому увел свои войска через горы назад в Аджарию.

На другой день, 5 марта, русское оружие ожидала еще одна победа. Отряд генерал-майора Гессе разбил при урочище Лимани, близ пограничной Николаевской крепости, 8-тысячное войско трапезундского паши, изготовившееся для вторжения в Гурии с целью отвоевания портового города-крепости Поты.

Вскоре Иван Федорович Паскевич через лазутчиков узнал о планах нового эрзерумского сераскира. Тот намеревался с главными силами своей армии войти в Закавказье со стороны Карской крепости через Гумры. Чтобы отвлечь внимание русского командования, хитроумный Салех-паша приказал тревожить государственную границу всюду, чтобы тем самым не дать противнику больших возможностей для сосредоточения своих войск в каком-то одном месте или на определенном направлении.

Особые надежды эрзерумский сераскир возлагал на действия против грузинской области Гурии. Перебежавший на сторону Османской Порты гурийский владетельный князь Мачутадзе поклялся Салех-паше «возмутить» местных жителей против России.

Вскоре оправился от военного поражения и аджарский правитель Ахмет-бек, сумевший вновь собрать в единое войско беглецов из числа местного мусульманского ополчения. Теперь он мог вновь принять участие в серьезных боевых действиях. В Ахалцыхской же крепости свирепствовала эпидемия чумы, уменьшавшая с каждым днем и без того малые силы русского гарнизона.

Разгадав на основе полученной разведывательной информации план нового султанского сераскира на продолжение войны, наш полководец решил нанести по врагу упреждающий удар. Удар намечался по главным силам турецкой армии — против Эрзерумской крепости. Царский наместник оставляет

в крепостях Баязетского пашалыка только четыре батальона пехоты, один казачий полк и 12 орудий. Остальным войскам генерал-майора Панкратьева приказывается занять позицию у селения Агузюм, чтобы прикрыть собой Восточную Армению. Со всех концов Грузии к границе начинают подтягиваться большие и малые воинские отряды Отдельного Кавказского корпуса.

Русский главнокомандующий начинает активные боевые действия против сераскира Салех-паши только тогда, когда убедился, что Персия не нанесет предательского удара в спину. 19 мая главная штаб-квартира Отдельного Кавказского корпуса прибывает к крепости Ахалкалаки, затем вместе с отрядом генерал-майора Н.Н. Муравьева переходит к городу Ардагану.

Теперь главные силы русских находились на равном расстоянии и от Карса, и от Ахалцыха. То есть Паскевич-Эриванский, как полководец, получил оперативный простор для предстоящих наступательных действий, в немалой степени смутив неприятеля.

Чтобы иметь о султанской армии самую достоверную разведывательную информацию, во все стороны отправляются многочисленные лазутчики. Тратятся немалые деньги на подкуп султанских чиновников, которые обладали нужными сведениями. Такие действия уже вскоре вполне себя оправдали.

В Ардагане генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич получил свежие сведения разведки о силах сераскира Салех-паши, находившихся в районе Саганлукского хребта. Лагерь султанского главнокомандующего Гакки-паши в 20 тысяч человек находился всего в 50 верстах от крепости Карс, стоя на Эрзерумской дороге. За ним невдалеке стоял сам сераскир с корпусом в 30 тысяч человек пехоты и конницы. Но это были еще далеко не все силы неприятельской армии.

Кягья (начальник штаба) армии сераскира Салех-паши с 15-тысячным отрядом и 20 орудиями держался пока в горах Шаутетского санджака. Там он производил поголовный набор в султанские войска и ожидал удобного случая напасть на Ахалцыхскую крепость и повторить попытку правителя Аджарии захватить ее.

Последнее обстоятельство вынудило кавказского наместника разделить корпусной резерв. На переходе к Ахалцыху он отправил сильный по составу отряд генерал-майора Н.Н. Муравьева на соединение с И.Г. Бурцевым для действия против кягьи сераскира. Сам же главнокомандующий с остальными войсками двинулся через хребет северной дорогой, в обход походного лагеря Гакки-паши, на соединение с отрядом генерал-майора Н.П. Панкратьева.

10 июня, к началу сражения главных сил сторон, в районе селения Котанлы, в 18 верстах от крепости Карс, сосредоточились главные действующие силы Отдельного Кавказского корпуса. Всего набиралось 12 430 человек пехоты и 5770 человек кавалерии при 70 артиллерийских орудиях. Превосходство турецкой армии оказалось весьма значительным.

Первоначальный замысел Паскевича-полководца — разгромить войско Гакки-паши до подхода к нему сил эрзерумского сераскира и разбить их поодиночке — разрушился сразу. Трудный горный марш и турецкие заслоны, вовремя обнаружившие движение русских войск, помешали тому — султанские паши, поняв опасность для них, спешно соединились силами, и теперь за Карсом в готовности к сражению стояла почти вся огромная азиатская армия Турции.

То, что не удалось Паскевичу-Эриванскому, не удалось и кягье сераскира Салех-паши, который решил разбить по отдельности отряды Бурцева и Муравьева, противостоящие ему. В день сражения у селения Чабории на берегу реки Посхов-чай русские отряды успели соединиться и сами наголову разбили более чем вдвое превосходящие силы начальника штаба сераскирской армии. Теперь Ахалцых оказался в безопасности, а его крепостной гарнизон подкрепили пехотным батальоном.

После одержанной победы при Чабории русский главнокомандующий немедленно подтянул к себе отряд генерал-майора Муравьева и часть сил отряда Бурцева. Для прикрытия тыловой Карталинии из Тифлиса в Сурами пришел Крымский пехотный полк.

Разыгравшееся под деревушкой Каинлы полевое сражение стало одним из крупнейших в русско-турецкой войне 1828—1829 годов.

Полководец России на Кавказе разделил русские войска на три части. Правой (главной) колонной он назначает командовать генерал-майора Муравьева. Ему вверяется 4164 человека пехоты и 1167 — кавалерии при 20 полевых орудиях. Этот отряд располагается на правом фланге, к северу от реки Загин-Кала-су.

Левой (вспомогательной по диспозиции) колонной, действовавшей на левом фланге, южнее реки, Паскевич-Эриванский назначает командовать своего любимого Ивана Григорьевича Бурцева, только что произведенного за разгром аджарского хана в генерал-майоры. Бурцев имел под своим начальством пехотный отряд в 1124 человека и 12 орудий.

Примерно в километре от этих главных (ударных) сил располагался сильный корпусной резерв — три с половиной тысячи регулярной и милицейской конницы под командованием уже опытного кавалерийского военачальника генерал-майора Н.Н. Раевского. Недавний полковник, к которому так стремился А.С. Пушкин во время своего путешествия в Эрзерум, Раевский был сыном героя Отечественной войны, вместе с которым Паскевич сражался летом 1812 года под Саатановкой и в других местах. Он имел еще 20 орудийных расчетов, поставленных в две линии. В состав резервных сил вошли четыре «мусульманских» полка из добровольцев-азербайджанцев, курды и конница из Нахичеванского ханства.

Остальные корпусные войска под командой генерала Панкратьева при 16 орудиях прикрывали походный лагерь, укрепившийся на горе Чахар-баба. Вагенбург состоял из трех тысяч повозок с войсковым имуществом и припасами.

Выстроив таким образом к 13 часам 19 июня войска для генерального сражения, генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич-Эриванский сказал окружающим:

— Теперь мой корпус похож на корабль: я отрубил якорь и пускаюсь в море, не оставляя себе обратного пути...

Еще в 10 часов утра русские войска, спустившиеся с высот Чахар-баба, увидели в открывшейся перед их взором горной долине выдвижение многочисленной турецкой конницы. Неприятель крупными силами занимал обе параллельные до-

роги, ведущие к крепости Эрзерум. Османская пехота и артиллерия пока укрывались за массой конницы.

Около 14 часов вражеская конница атаковала правый фланг русских. Для отражения этой массивной атаки кавказский главнокомандующий вновь применил хорошо известный в русской армии прием «наведения» кавалерии противника под огонь в упор своих батарей. Конники из отряда Муравьева вырывались вперед, схватывались на минуту-другую с османской конницей и стремительно отходили назад, увлекая ее за собой. И тем самым подводили их под картечные залпы изготовившихся русских батарей. В таких преследованиях турки несли большие потери и теряли самообладание.

Видя безуспешность атак на своем левом фланге, сераскир Гаджи-Салех приказал ударить по малочисленному отряду генерал-майора Бурцева и сбить его с позиций, обратить в бегство и уничтожить. В атаку пошло сразу шесть тысяч конников Гакки-паши. Им удавалось дважды прорывать цепь русских стрелков, миновать выстроившуюся в каре пехоту и стремительно пройти в ближние тылы бурцевского отряда. Успех прорвавшихся турецких всадников вылился в то, что им удалось разграбить там часть офицерских выюков.

Опытный в кавказских делах Бурцев, находившийся в крайне тяжелом положении, стал маневрировать огнем отрядной артиллерии. Такой ход оказался весьма удачен, и вражеской коннице пришлось приостановить массивные удары по русской пехотной колонне. Но к этому ее вынудило и еще одно обстоятельство. Паскевич-Эриванский, внимательно следивший за ходом начавшегося сражения, вовремя подкрепил левую колонну резервной пехотой и легкими орудиями с достаточным числом картечных зарядов. Подошедшее подкрепление сразу же ввязалось в бой.

Турецкой коннице и здесь не удалось обхватить фланг русской позиции. Потеряв много людей и два знамени, вражеские всадники отхлынули всей массой назад. Часть их ускакала в лагерь Гакки-паши, другая часть ушла к войску Эрзерумского сераскира, пехотинцы которого тем временем укреплялись в окопах на дороге, которая вела из Карса к западу.

Уловив выгоднейший момент после бесплодных атак османской конницы, полководец И.Ф. Паскевич решительно атаковал центр вражеского войска, не давая тому опомниться. Потом в победном донесении в Санкт-Петербург генерал-адъютант писал:

«...Увидев... возможность разрезать неприятельские войска на двое... я обратил стоявшие в центре 4 полубатальона пехоты и 8 орудий артиллерии в полуоборота направо и... открыл по оному (неприятелю. — А. Ш.) сильнейший огонь из артиллерии. Турки не могли выдержать меткой стрельбы наших орудий, действовавших по одному направлению и разделились надвое».

То был переломный момент в сражении при Каинлы. Прицельный огонь русских пушек расчленил султанскую армию на две части. Сараскир Салех-паша и главнокомандующий османов Гакки-паша оказались отрезанными друг от друга. Войска первого оказались отброшенными за реку Каинлы-чай, второго — за Ханское ущелье, к своему укрепленному походному лагерю.

Чтобы закрепить несомненный успех проведенной атаки, русский полководец немедленно ввел в образовавшийся разрыв между двумя частями вражеской армии Грузинский гренадерский полк с восемью орудиями Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. К 16 часам наступавшие русские войска подошли к реке Каинлы-чай.

Наш главнокомандующий намеревался дать здесь отдых измученным в ночном сражении войскам и стать на ночлег, прикрывшись сильными заставами, выдвинутыми по фронту и на фланги. Вперед высылаются конная разведка.

Та ускакала вперед и к 17 часам донесла, что турки спешно закрепляются на весьма выгодных высотах перед рекой Исти-су. Штурм полевых укреплений, да еще на горах, никак не входил в планы русского полководца. К тому же взятые пленные сообщили, что эрзерумский сераскир ожидает к исходу дня 18 тысяч подкрепления. Наиболее ценную информацию дал плененный турецкий сановник Мамиш-ага, некогда бывший главой янычар. Именно он показал гору, на которой среди деревьев был укрыт шатер сераскира.

Полученные сведения заставили Паскевича-Эриванского изменить свое решение, отказаться от отдыха (а войска уже начали располагаться на таковой) и немедленно, ночью, атаковать силы сераскира Салех-паши на укрепляемых позициях. Полководец выставляет против Гакки-паши заслон из двух пехотных полков, одного — конницы и 20 батарейных орудий под командованием генерал-майора Бурцева.

Главные силы кавказцев вновь разворачиваются в три колонны. Правой из двух полков пехоты и 16 легких орудий начальствует Муравьев. В левую колонну Панкратьева вошли три пехотных батальона и 10 легких орудий. Центр занимает Раевский с восемью полками конницы и 18 конными орудиями. Особенностью такого боевого построения было то, что пехота стала на флангах атакующего порядка, упиравшегося флангами в горные отроги.

Остальные силы пехоты и кавалерии с шестью батарейными орудиями составили охрану подошедшего к берегу Каинлы-чай корпусного вагенбурга. Генерал-адъютант И.Ф. Паскевич не решился оставить походный лагерь без надежного прикрытия, зная о наличии у неприятеля огромного числа иррегулярной легкой конницы, большой охотницы до русских тылов и обозов.

Наступление началось под самый вечер, в 19 часов 30 минут, когда только начало смеркаться. Русские войска шли вперед, чтобы навязать противнику ночной бой. Подход кавказцев оказался для турок совершенно неожиданным, и это сразу же вызвало в их рядах замешательство. Оно усилилось, когда обнаружилось, что сильные пехотные колонны русских генералов обходят фланги избранной сераскиром позиции на высотах.

Турецкие пушки уже в темноте начали поспешный обстрел подходившей в полном молчании русской пехоты. А тем временем султанские солдаты, отказавшись подчиняться своим офицерам, стали, где поодиночке, где большими группами, отходить в тыл. В эти минуты вперед к самым вражеским шанцам и вынеслась на галопе 3-я Донская конно-артиллерийская рота под командованием полковника Полякова и с самого близкого расстояния открыла сильный и меткий огонь карте-

чью. Отход пехоты сераскира Салех-паши после первого же залпа превратился в повальное бегство назад по дороге, в спасительную темноту.

Граф Паскевич-Эриванский, получив такое донесение с передовой, отправил в неотступное преследование и пехоту, хотя она, конечно, очень устала, и почти всю наличную кавалерию. Теперь уже османы бежали прочь с поля битвы, бросая на пути любые свои тяжести. Их бегство сопровождалось преследованием всеми силами русских на протяжении восьми верст.

Затем благоразумный кавказский главнокомандующий приказал пехоте остановиться, а преследование продолжал лично дальше только усилиями конницы на рысях, к замку Зивин. Луна освещала дорогу, и преследователи не сбивались с верного пути. Турки в поисках спасения разбегались с Эрзерумской дороги в стороны и рассеивались по пути в окрестных горах.

У замка Зивин преследование и закончилось. Донские казаки и азербайджанские всадники с налета ворвались в походный лагерь армии султанского сераскира. Салех-паша едва ушел от навязчивой погони за своей особой. Турки потеряли в тот день 12 орудий, все армейские войсковые припасы, много людей убитыми и 300 человек пленными.

Войска сераскира Салех-паши, вернее, то, что от них осталось после сражения, были за одну ночь отброшены к крепости Эрзерум. Там они засели за городскими укреплениями и стали поджидать прихода русских войск и осады.

На том и завершилось сражение 19 июня.

«Предприятие мое, — писал в своем донесении в Санкт-Петербург главнокомандующий, — было единственным и необходимым условием будущих наших успехов. Если бы я пропустил только один день, то корпус его (сераскира. — А. Ш.) мог бы стянуться, соединиться с Гакки-пашой, и тогда я был бы атакован сам пятидесяти тысячной армией с фронта, с фланга и тыла. Но, зная турок, я с благословением Всевышнего отвел грозу, мне уготовленную».

На следующий день часть армии сераскира разделили и войска султанского главнокомандующего на Востоке Гакки-паши. Султанский полководец так и не сумел и не отважился прийти на помощь Салех-паше, своему прямому начальнику.

Он надеялся отсидеться в своем укрепленном лагере среди Саганлукских гор.

Ночью кавказцы пошли в атаку на второй вражеский укрепленный лагерь близ деревни Милли-Дюз. При этом им пришлось совершить переход в 13 верст по трудной горной дороге, во многих местах нуждавшейся в «исправлении». Паскевич приказал генерал-майору Бурцеву оставить вагенбург под прикрытием всего одного Севастопольского пехотного полка, а с остальными войсками спешить на соединение с ним.

В 8 часов утра русские штурмовые колонны зашли в тыл войску Гакки-паши. Турки, выставив знамена в окопах и изготовив батареи к стрельбе, решили защищаться стойко. Взятый пленный показал, что здесь еще не знают о полном разгроме армии сераскира и его бегстве в Эрзерум. Султанского солдата отпустили в лагерь Гакки-паши, и вскоре там начался видимый издали переполох. По приказу султанского главнокомандующего возникшую панику попытались «замять» пушечной стрельбой по русским войскам.

Через полчаса она неожиданно прекратилась, и из укрепленного лагеря Гакки-паши прибыл парламентер. Турецкий полководец предлагал покорность подчиненных ему войск, но просил за это личной пощады. Твердый в подобных случаях кавказский наместник ответил в нескольких словах:

— Положить оружие без всяких условий.

Едва переговоры убыл из русского стана, из лагеря османов вновь возобновилась артиллерийская пальба. Паскевич-Эриванский в ответ двинул на высоты, где раскинулся неприятельский походный лагерь, штурмовые колонны. Турки, почти не оказывая сопротивления, в ужасе бежали. Только в одном месте несколько сотен султанских солдат и офицеров попытались обороняться. Казаки и конная кавказская милиция (два конно-мусульманских полка) пошли вдогонку бегущим туркам. На сей раз их гнали почти 15 верст. В общем итоге победители захватили более тысячи пленных и 16 знамен.

Полководец Гакки-паша со всей свитой и многими чиновниками сумел «оторваться» от своих войск и ускакать в ближайший лес в надежде там скрыться от преследователей. Там и настиг султанское военное начальство личный конвой графа

Паскевича-Эриванского под командованием командира Сводного линейного полка подполковника Верзилина.

Гакки-паша и его приближенные оказались в русском плену. Честь пленения султанского паши досталась казачьим урядникам Борису Атарщикову и Александру Венеровскому. Его личный бунчук — белое с массивными кистями и с золотой луной на древке знамя — стал почетным трофеем кавказских войск.

Представленный лично Ивану Федоровичу Паскевичу, полководец султана с покорностью побежденного отдал ему свою драгоценную саблю и попросил пощады. Царский наместник, уже хорошо знавший традиции Востока, обласкал вражеского полководца, угостил чашечкой кофе по-турецки. И после такого неофициального приема приказал разместить Гакки-пашу в его же богатом походном шатре, но под надежной охраной.

Итогом двухдневного сражения у деревни Каинлы стал полный разгром 50-тысячной Азиатской армии Блистательной Порты. Весть о нем потрясла Стамбул (Константинополь) и привела в восторг столицу Российской империи.

Султанский сераскир Армении и Анатолии Салех-паша потерял в битве всю полевую артиллерию (31 орудие), 19 знамен, около трех тысяч палаток в двух укрепленных походных лагерях, около двух тысяч человек пленными и столько же — убитыми. Но главное поражение султанской армии состояло даже не в этом — она рассеялась в горах и не было в ближайшее время такой силы приказов чиновников султана, чтобы вновь собрать хотя бы часть беглецов под знамена эрзерумского сераскира.

Потери победителей оказались несравненно малы. Потери русских войск не превышали 100 человек. Но эти потери во много крат перекрывались победным состоянием боевого духа кавказцев.

Разгромленный полководец султана Махмуда II сераскир Салех-паша попытался было засесть в хорошо укрепленном Гассан-кале. Но он не смог там остановиться, поскольку бегавшие на запад воинские отряды отказывались ему повиноваться. Пришлось правителю Армении и Анатолии и самому бежать дальше от Каинлы.

Сделав за три дня по эрзерумской дороге переход в 80 верст, Отдельный Кавказский корпус занял крепость Гассан-кале, в которой нашлось 29 пушек. Это была древняя византийская крепость, построенная на высокой и крутой горе полководцем Анатолием и названная им в честь своего императора — Феодосиополисом. Теперь до столь важного в войне на Кавказе города-крепости Эрзерума оставалось всего 40 верст — путь, который для русских войск оказался свободен.

Предусмотрительный царский наместник, осмотрев Гассан-кале, приказал пионерам восстановить полуразрушенные укрепления старинной турецкой крепости, вооружить ее трофейными пушками на исправных и надежных лафетах. В Гассан-кале свезли все военные и продовольственные запасы противника, взятые в качестве трофеев в ходе сражения 19-го и 20 июня. Так была создана большая тыловая база Кавказского корпуса для действий против Эрзерумской крепости, если ее гарнизон вздумает защищаться.

Русская кавалерия приблизилась к нему уже на 15 верст. Почти 100-тысячный восточный город, один из крупнейших в Оттоманской империи, оказался охваченным паникой. Его жители не знали, что делать: или отважиться на вооруженную защиту или отдаваться на милость победителей? Сераскир Салех-паша заперся в своей резиденции. Большого войска у него не имелось, а на скорую помощь из Стамбула ему надеяться просто не приходилось.

Узнав через засланных лазутчиков об истинном положении дел в городе, генерал от инфантерии Паскевич-Эриванский отправил в Эрзерум двух добровольцев для начала ведения переговоров. Это были два пленных эрзерумских старшины. Один из них, Мамиш-ага, пользовался большим личным авторитетом среди местных жителей. Под охраной конвоя те ускакали в Эрзерум, увозя с собой письмо «сераскира белого царя».

В Эрзеруме парламентарии русского командования при содействии губернатора города зачитали письмо на совете местных старшин. Началось возмущение горожан, направленное против сераскира Салех-паши. Более того, неожиданно вскрылся его обман — султанский управитель утверждал, что у него

много надежных войск. А как оказалось, большинство палаток в военном лагере под городскими стенами пустовало. Сераскир в страхе хотел бежать из города, но местные жители затворили крепостные ворота и не выпустили правителя Армении и Анатолии из Эрзерума.

Русский корпус выступил к Эрзерумской крепости. Рано утром 26 июня из города навстречу наступавшим выехал эрзерумский Капиджи-Баша, везший согласие сераскира султана Махмуда II на безоговорочную капитуляцию. Огромный крепостной город сдавался войскам России без боя.

В Эрзерум, для окончательных переговоров о капитуляции остатков его гарнизона, по приказу Паскевича-Эриванского усакал с небольшим конвоем генерал-майор Бекович-Черкасский, прекрасно знавший турецкий язык. И не хуже — восточные обычаи и традиции, систему подчиненности в государстве османов.

В 17 часов 27 июня 1829 года Отдельный Кавказский корпус вступил в город-крепость Эрзерум. Правда, неожиданно с передового крепостного укрепления Топ-Дага открыла бесприцельную стрельбу стоявшая там 5-пушечная батарея. Но и тут турки вскоре бежали из бастиона, взорвав его пороховой погреб. Над городской цитаделью торжественно, под барабанный бой подняли флаг России. Многочисленное армянское население Эрзерума с восторгом встретило победителей.

Огромные военные склады, арсенал, обозы, 150 полевых и крепостных орудий, шесть знамен, в том числе и сераскирское, личный жезл Салех-паши стали военными трофеями. Эрзерум не случайно был тыловой базой Азиатской армии Турции, центром ее формирования.

По случаю взятия Эрзерумской крепости в русском лагере был устроен большой праздник с шумным весельем, иллюминацией и фейерверком. На парадном обеде у главного командующего присутствовал весь генералитет, армянские архиепископы, городские сановники султана... И приехавший на Кавказ знаменитый уже тогда поэт А.С. Пушкин, и знаменитый чеченский наездник Бей-Булат, гроза Кавказской укрепленной линии. Он, убийца известных русских военачальников Грекова и Лисаневича, добровольно явился в Эрзерум,

чтобы служить под знаменами военного вождя «белого царя» Паскевича...

В память об этом славном для русского оружия событии в Отдельном Кавказском корпусе была сложена бесхитростная солдатская песня. Она пелась чуть ли не целое столетие и начиналась словами:

Государевы солдаты
Говорят промеж себя:
Трудно быть нам в Арзеруме,
Но мы выкажем себя,
Но мы будем в Арзеруме,
Хоть, примерно говоря,
Этот город у султана
То ж, что Питер у царя...

За взятие крепости Эрзерум генерал от инфантерии граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский удостоился высшей военной награды Российского государства — ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени и благодарственного Императорского рескрипта.

В наградном листе не было привычных «живоописаний» содеянного воинского подвига, удостоенного высшей полководческой награды Российской империи. После привычного вступления говорилось предельно кратко: орден дается «...за взятие Эрзерума»!

Как уже писалось, в историю старой России полководец Паскевич-Эриванский вместе с И.И. Дибичем вошел как один из четырех, удостоенных за ратные заслуги ордена Святого Георгия всех четырех степеней. Первыми были генерал-фельдмаршалы Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов и Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Среди них не было даже русского военного гения Александра Васильевича графа Суворова-Рымникского и князя Итальянского по одной простой причине — свой первый Георгиевский орден Суворов получил не 4-й, самой низшей, степени, а сразу 3-й...

Падение города-крепости Эрзерума — центра управления Азиатской Турции — и разгром султанской армии под Каинлы обеспечили русскому командованию стратегическую инициативу на Кавказском театре военных действий. Последствия достигнутого успеха не заставили на войне себя долго ждать.

Ванский паша, подступивший с сильным войском (девять тысяч пехотного ополчения, пять тысяч конницы при 72 пушках и двух мортирах) к крепостному Баязету, немедленно снял с него осаду и ушел восвояси. Перед этим положение русского гарнизона Баязета под командованием генерал-майора П.В. Попова было тревожным. Он имел в крепости небольшие силы: 13 пехотных рот (1482 человека), казачий полк в 339 сабель и 500 человек добровольной армянской милиции. Из артиллерии — 10 полевых орудий и семь турецких, трофейных.

В первой же атаке ванскому паше удалось захватить большую часть города — его мусульманскую часть и Восточную батарею русских, которые за день боя потеряли 300 человек. Тогда, обстреляв османов в мусульманском квартале, генерал Попов атаковал оставленные батарейные позиции несколькими пехотными ротами под командой капитана Полтинина и вернул утраченные ранее пушки. Бой с войсками ванского паши за обладание крепостью Баязет длился 32 часа, после чего он прекратился.

7 июля отряд генерал-майора И.Г. Бурцева овладел важной крепостью Байбурт в 117 верстах от Эрзерума. Отряд полковника Лемана 9 июля занимает крепость Хнисс, где оказались значительные хлебные запасы. Эта крепость стояла на дороге в Мушский пашалык. При посредничестве местного паши курды из местных племенных отрядов прекратили разбойные набеги на захваченные русскими войсками турецкие территории.

Вскоре пришла печальная весть о гибели в горах под Байбуртом генерал-майора Ивана Григорьевича Бурцева, подлинного героя кавказских войн. Русская армия на Кавказе лишилась талантливого военачальника. Он погиб при штурме укрепленного горного селения Харт (полностью взять его не удалось). Русские начали преследовать бежавших лазов, и один из них выстрелил из «дрянного пистолета» в упор в генерала, почти настигнувшего его. Тот получил смертельное ранение.

По поводу смерти кавказского героя А.С. Пушкин писал: «Все было жаль храброго Бурцева, но это происшествие могло быть печально и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего далеко в чужую землю и окруженного неприятен-

ными народами, готовыми восстать при известии о первой неудаче».

...Оставив в Эрзерумской крепости под начальством Панкратьева, получившего тогда чин генерал-лейтенанта, крепкий гарнизон, Паскевич с остальными корпусными войсками, «установившими» от бездействия, выступил к Байбурту. Туда же по его приказанию подошел из Ахалцыха бывший Ширванский, а ныне пехотный графа Эриванского полк. Встреча между ветеранами-ширванцами и полковым шефом получилась самой трогательной.

Проведя рекогносцировку, русский главнокомандующий 26 июля наносит из Байбурта удар по селению Харт. Там в почти 500 каменных домах укрепилось для обороны до 12 тысяч ополченцев султана из числа местных воинственных горцев. Селение было окружено завалом из деревьев и колючей засекой. Хартский бой среди хаотично разбросанных на взгорье каменных строений закончился полной победой русского оружия.

Большей части лазов, защищавших Харт, удалось вырваться из него. Остальные, отчаянно защищавшиеся, были перебиты в рукопашных схватках. При осмотре селения в нем было найдено до 80 тел замученных русских солдат, ранеными попавших в плен — кровавый след последнего бурцевского штурма. Большая часть их была обезглавлена, со многих содрана кожа. Они были преданы земле в братской могиле со всеми воинскими почестями.

После этой печальной церемонии лазское селение Харт было предано огню солдатами-кавказцами без всякого на то приказа. Его подожгли почти одновременно со всех сторон. Устрашенный таким событием Лазистан оказался «замиренным», а его воины-ополченцы до самого окончания войны ожидали справедливой мести со стороны русских войск. Но те не «восприняли» восточные обычаи.

Затем от османских войск очищаются местности вокруг Сивасской дороги. Одновременно наносятся удары по отрядам воинственных беков Лазистана, примыкавшего к Аджарии. Лазы, одна из ветвей грузинского народа, исповедовали мусульманство и считались в султанской армии лучшими горными стрелками.

После этого перед полным Георгиевским кавалером Иваном Федоровичем Паскевичем, равно как и перед всем кавказским командованием, встал непростой вопрос. Речь шла о направлении дальнейшего наступления в еще не окончившейся войне. Идти на далекий город-крепость Сивас, в самую глубь Малой Азии? Или войскам кавказцев нанести быстрый удар по намного более близкому портовому городу Трапезунду на берегу Черного моря? Во втором случае Отдельный Кавказский корпус получал бы весомую поддержку от русского Черноморского флота.

Один из участников той русско-турецкой войны, полковник А. Родожицкий, писал в своем походном дневнике:

«По пословице «куй железо, пока горячо», пользуясь паническим страхом, наведенным на турок, мы, казалось, могли бы с одной пехотой и артиллерией дойти до Трапезунда и взять его...»

Подобные мнения разделяли едва ли не все воины-кавказцы, настолько силен оказался их наступательный дух после стольких одержанных побед. Но войны, как большие, так и малые, имеют собственные законы, с которыми нельзя было не считаться.

Как главнокомандующий, граф Паскевич-Эриванский трезво взвесил все «за» и «против». Он воочию знал, что во введенных ему Государем Императором войсках царит самый что ни есть боевой настрой. Воины-кавказцы были просто готовы идти за своим прославленным полководцем хоть куда по владениям Блистательной Порты. Но...

Движение корпуса к городу Сивасу заметно удлиняло и без того растянутые коммуникации русских войск. Больших же запасов боевых зарядов и продовольствия, равно как и резервов, они не имели.

С другой стороны, взятие города-порта Трапезунда позволяло организовать снабжение действующих сил Отдельного Кавказского корпуса морским путем из крымского Севастополя или из Грузии. И одновременно отрезать от Турции еще не занятые никем Аджарию и Лазистан. Однако на пути к Черному морю лежали труднопроходимые горные кряжи Понтийского Тавра, в которых вьючные тропы заменяли дороги для повозок.

Разработка на север прямой дороги в горах Понтийского Тавра требовала в лучшем случае не меньше месяца. Проведенная разведка начального пути не обнадеживала. Приближалась же осень, и корма для конницы и обозных лошадей в каменистых ущельях среди горных теснин просто не оставалось. Трава еще летом выгорела от солнца.

Хотя русско-турецкая война 1828—1829 годов уже близилась к своему логическому завершению, генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич-Эриванский склонялся к действиям быстрым и решительным. Он хотел добиться полного осуществления «Высочайше одобренного» плана боевых действий на Кавказе. После занятия крепости Эрзерум предусматривалось дальнейшее наступление на запад, в глубь Османской империи.

Царский наместник, не терявший на войне головы, с большим откровением писал Императору Николаю I из захваченного Эрзерума:

«На войне все зависит от благоприятной минуты, ее не надобно упускать... ибо если неприятелю дать время опомниться, то он соберет новые силы и восстановит дух народа».

Посылка ранее отряда генерал-майора Бурцева к Байбурту и кавалерийской бригады Раевского, усиленной двумя конными азербайджанскими полками, гренадерами и артиллерией, к крепости Аш-кале по Сивасской дороге свидетельствовала о многом. Прежде всего, о намерениях кавказского наместника действовать и дальше активно. Паскевич только ждал подхода из Грузии подкрепления в четыре тысячи человек. Однако они задерживались в пути.

Тем временем в завоеванных русскими пашалыках османы возобновили враждебные действия. Теперь даже доставка почты требовала конвоирования немалой численности воинского отряда. Паскевич, при всех своих полководческих дарованиях и удачах, осознавал, что с горстью отважных воинов невозможно углубляться в самое сердце турецкой Анатолии. Тем самым на произвол судьбы покидалась двухсотверстная операционная линия без должного обеспечения, то есть она лишалась самой элементарной безопасности.

Кроме того, наместник Кавказа знал по сообщениям из Санкт-Петербурга, что в июле должен был начаться Забалкан-

ский поход 2-й русской действующей армии под командованием полководца Ивана Ивановича Дибича. Именно на полях Болгарии, на дальних и ближних подступах к Стамбулу (Константинополю), решалось главное в исходе войны, ее конечная судьба.

Ввиду этого крайне рискованная экспедиция к анатолийской крепости Сивасу или черноморскому Трапезунду казалась просто нецелесообразной. К тому же русские войска находились на чужой территории с фанатично настроенным мусульманским населением. Серьезнейшую же опасность несло все большее дробление и без того малых действующих сил Отдельного Кавказского корпуса по гарнизонам в захваченных турецких крепостях.

Чтобы хоть как-то избежать этого и не растягивать в горах корпусные коммуникации, Паскевич приказал взорвать крепостные укрепления Байбурта. Управление этим городом он доверил офскому беку, изъявившему покорность России. Турецкий бек за хорошую плату обязался содержать в Байбурте собственный гарнизон в три тысячи человек. Однако именно там османы стали собираться с силами, готовясь действовать в тылу кавказских войск. Офский правитель поступал самым вероломным образом и не собирался держать данную им клятву.

Получив такие тревожные известия, русский главнокомандующий, составив экспедиционный отряд из восьми батальонов пехоты, двух полков регулярной и пяти иррегулярной кавалерии при 34 орудиях, пошел 24 сентября на Байбурт. Предпринятая военная экспедиция оказалась весьма своевременной. Засланные в горы лазутчики и пленники в один голос показали, что город спешно укрепляется. Его окружают окопами и завалами. И что там уже скопилось от 12 до 15 тысяч турецкого ополчения.

Русский отряд, совершив ночной марш-бросок по трудной, но уже изведанной горной дороге, на рассвете вышел на высоты западнее Байбурта. Противник появления русских никак не ожидал, не выставив на ночь сторожевые заставы. Однако с восходом солнца турки убедились в малочисленности подошедших кавказских войск, и это обстоятельство воодушевило их на немедленный бой.

Турецкое ополчение смело вышло из городских шанцев и атаковало русских сразу силами пятитысячного «скопища». То есть офский бек и его военачальники без разведки боем начали массированную пехотную атаку. Однако вопреки ожиданиям нападавших их противник, построившись для атаки в две колонны, сам пошел вперед. Под прикрытием артиллерийского огня, с барабанным боем русские пехотинцы ударили в штыки. Впереди шла гренадерская бригада генерала Муравьева.

Рукопашного боя турки-османы не приняли и сразу же бросились назад, под защиту байбуртских укреплений. Тогда кавказская кавалерия, рысью обскакав свою пехоту-инфантерию, отбила у врага пушки (некоторые из них оказались заряженными, и их выстрелы пришлось в спину туркам) и стала преследовать бегущих.

В очередной раз отличился Нижегородский драгунский полк во главе со своим командиром полковником князем Иваном Малхазовичем Андрониковым. Неприятельскому ополчению пришлось отступать по самой невыгодной дороге — выючной, меж крутых горных высот. Но и русские конники не могли здесь развернуться.

К вечеру преследование прекратилось. Победители, вошедшие в Байбурт, стали подсчитывать захваченные в бою трофеи. Их оказалось шесть пушек и 12 турецких отрядных знамен. Османы потеряли в тот день более 700 человек убитыми и 1236 пленными. В русском отряде из строя выбыло 110 офицеров и нижних чинов.

Байбуртское сражение примечательно было тем, что оно произошло уже после подписанного в городе Адрианополе мирного договора между Россией и Турцией. Весть о нем пришла на Кавказ с запозданием в целый месяц...

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

За победы кавказских войск в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов в Азии граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский удостоивается подлинно полководческого чина — генерал-фельдмаршала. Шел ему тогда 48-й год.

Почту с этим Императорским указом царскому наместнику на Кавказе доставил казачий урядник Василий Кубанов. Новоиспеченный генерал-фельдмаршал на радостях произвел его в первый офицерский чин в казачьих войсках — в хорунжий и одарил 50 рублями серебром. После этого был дан пушечный залп.

В столице кавказского наместничества городе Тифлисе генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского уже ожидал присланный из столицы по Высочайшему повелению фельдмаршалский жезл, осыпанный бриллиантами. Впрочем, Паскевич мог гордиться не только им. За победную турецкую войну четыре полка Отдельного Кавказского корпуса были награждены Георгиевскими знаменами: 77-й пехотный Тенгинский, 1-й Хоперский и 1-й Кубанский будущего Кубанского казачьего войска и 2-й Волгский терского казачества...

За Паскевичем прочно утвердилась полководческая слава, и его имя сделалось известным далеко за пределами Российской империи. Военное искусство в сражениях на горных просторах Азиатской Турции стало предметом самого пристального изучения специалистами за рубежом. Между прочим, там отмечали, что война за Кавказским хребтом обошлась России всего лишь в шесть миллионов рублей. Сумма совсем малая для такой войны.

Впоследствии исследователи-историки войну за Кавказом опишут в двух томах под руководством самого генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского. Книга эта будет иметь шумный успех в стране. Ее быстро переведут на французский, немецкий и польский языки. Российская военная академия удостоит исторический двухтомник почетнейшей в отечественной науке полной Демидовской премии...

Русские войска по условиям мирного Адрианопольского договора оставляли почти все завоеванные крепости и пашалыки. Царский наместник Паскевич-Эриванский позаботился о христианском населении тех земель, на которых стояли его войска. Для русского полководца не было секретом, что турки планировали кровавое отмщение армянам и грузинам за их радушное отношение к кавказским войскам, которые встречались как освободители.

По просьбе главноуправляющего Кавказом Император Николай I разрешил переселиться в закавказские провинции России четырем тысячам христианских семей. Такое добровольное желание изъявили же почти 10 тысяч семейств — 90 тысяч человек. Отряды русских войск по всем дорогам, ведущим к российской государственной границе, бдительно охраняли переселенцев от нападений местных, фанатично настроенных османов.

Многие города в Азиатской Турции в результате массового переселения армянского христианского населения в российские пределы заметно опустели. Так, из Карса выехало 2264 семьи, из Баязета — 4215 семей.

...Война же на Кавказе продолжалась. Только теперь не в Закавказье, а на Северном Кавказе против тех горцев, которыми предводительствовал имам Гази-Магомед, учитель будущего основателя имамата Шамиля.

Еще в 1829 году Император Николай I требовательно писал своему кавказскому наместнику о предстоящих перед ним задачах:

«Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит Вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз — гораздо более важное — усмирение навсегда горских народов...»

Всероссийский Император поздравил полководца Паскевича-Эриванского с победным Адрианопольским трактатом. Согласно четвертой статье мирного договора Османская империя лишалась всех своих опорных пунктов на Черноморском побережье Кавказа, включая приморские крепости Анапа и Поти, но исключая Батум. Среди прочего этим прекращалась процветавшая здесь работорговля, поощрявшаяся среди черкесских племен анапскими пашами.

По смыслу четвертой статьи договора султан Махмуд II отказывался от всяких притязаний на все эти земли, которые лежали севернее новой пограничной линии. То есть на земли кавказских горцев, которые почти никогда ему не подчинялись, но длительное время входили в сферу политических интересов

Оттоманской Порты. То есть Турция отдавала России то, чем не владела сама. Последнее касалось прежде всего черкесских народов Закубанья.

Император Николай I потребовал от кавказского наместника реализовать содержание этой статьи Адрианопольского мирного трактата. Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский в начале 1830 года разработал план военной экспедиции, целью которой являлось «продолжение и основание сухопутного по берегу Черного моря сообщения от крепости Анапы до Поти». Управляющий Главным штабом генерал Чернышев одобрил план.

Хотя царский наместник и ожидал кровопролития, он выделил для участия в военной экспедиции по Черноморскому побережью Кавказа сравнительно небольшой отряд. Он состоял из около двух тысяч штыков и сабель при восьми легких орудиях. В июле 1830 года русский экспедиционный отряд направился по морскому побережью на север до Сухуми. И уже в Гаграх, «воротах» в Абхазию, встретил большие затруднения.

Через Гагринский проход в прибрежных горах убыхские (черкесские) старшины совершали разбойные набеги на абхазские селения. Поэтому племя убыхов не имело никакого желания отдавать единственный удобный проход в Абхазию через Кавказский хребет русским. Тем самым черкесы-убыхи лишались одного из главных источников своего существования, в том числе возможности захвата абхазских пленников — детей и женщин — для последующей продажи их в рабство, в Турцию.

Высадившийся на берег с судов 9 июня батальон егерей овладел Гагринским проходом и стал строить здесь полевое укрепление для небольшого горного гарнизона. Однако русский десантный отряд был почти сразу же атакован двухтысячным отрядом крайне воинственно настроенных местных горцев. Они были собраны «на войну» убыхским «владельцем» Хаджи-Берзеком.

Упорная борьба за «Кавказские Фермопиль», как Иван Федорович Паскевич называл и в шутку, и всерьез Гагры, продол-

жалась более месяца. При поддержке пушечного огня двух бригад Черноморского флота, подошедших как можно ближе к береговой черте, войску убыхов пришлось отступить подальше в горные леса. Егеря-десантники отстояли построенное под пулями воинов Хаджи-Берзека Гагринское укрепление. Но на этом так называемая Абхазская экспедиция и закончилась, не получив своего дальнейшего планового продолжения.

Черноморская береговая полоса между Гаграми и Анапой осталась незанятой русскими войсками и укреплениями. «Сухопутное сообщение», в котором в то время особой нужды и не было (все перевозки производились морем), удалось установить только в 1864 году, когда Кавказская война «затухала».

Как уже вскоре оказалось, досрочное окончание Абхазской экспедиции, ее незавершенность оказались большой ошибкой русского военного командования на Кавказе. Начиная с 1830 года через Черноморское побережье на Северный Кавказ стали регулярно проникать стамбульские эмиссары, обещающая горцам большие «надежды на помощь турецкого султана». Эти надежды для убедительности подкреплялись не только красивыми словами...

Султанская Турция стремилась использовать вооруженное движение горцев в своих политических и военных целях. Общность религии давала ей возможность действовать с помощью духовных наставников в лице засылаемых на Северный Кавказ проповедников. Но помогала ли Оттоманская Порта горцам оружием? До сих пор не обнаружено достоверных документов, что Шамиль непосредственно получал помощь в виде вооружения, воинов или деньгами из Турции.

Хотя, вне всяких сомнений, Османская империя на протяжении нескольких десятилетий делала очень большую ставку в борьбе с Россией на «возмущение» горских народов в тылу русских войск. Такое было в начале XIX столетия, продолжалось и позже, вплоть до Первой мировой войны. И вполне естественно, что в таких предприятиях на Востоке без звонкой монеты просто трудно было обойтись.

Любая война требует немалых расходов на вооружение и содержание даже небольшого воинского отряда в тылу противника. Северный Кавказ как раз и был таким тылом воюющей

против Турции России в войнах 1828—1829, 1853—1856, 1877—1878 и 1914—1917 годов. Правда, турецкому правительству никогда не удавалось реализовать здесь во всей полноте свои планы, но военная напряженность создавалась всегда.

Показательна в этом отношении борьба против России имама Шамиля. Известно, что после долгожданного ожидания помощи от турецкого султана Шамиль был настроен против него. И тому есть письменные, достоверные свидетельства.

Поручик князь Илико Орбелиани, попавший в плен к Шамилю и лично познакомившийся с предводителем горцев, однажды спросил его: почему бы ему не взять пример с турецкого султана и не жить в дружбе с Россией? Дагестанцы могли бы тогда извлекать выгоды из торговли с русскими и между тем спокойно бы исполняли свой шариат. Шамиль ответил знатному пленнику:

«Конечно, но разве ты думаешь, что султан — верный исполнитель закона Магомета, а турки — истинные магометане? Они хуже гяуров. Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана. Он видит, что мы, его единоверцы, ведем столько лет борьбу с русскими за бога и за веру, что же он нам не помогает!»

Командующего Отдельным Кавказским корпусом беспокоили постоянные попытки турецких лазутчиков проникнуть в земли черкесов и абхазцев с целью «возмущения горских народов». Султанские посланцы пробирались в Черкесию на небольших быстроходных судах черноморских контрабандистов. Последние везли с Черноморского побережья Кавказа в столицу Блестательной Порты невольников в большом числе. Обратно — оружие, порох и свинец, соль.

Чтобы прекратить работоторговлю и враждебные к России сношения турок с горцами, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский 21 ноября 1830 года обратился с отношением к адмиралу А.С. Меншикову, начальнику Морского штаба. Царский наместник предлагал создать эскадру плоскодонных военных судов для крейсерства у берегов Кавказа. Иными словами, он предлагал Морскому ведомству России начать военную блокаду Черноморского кавказского побережья силами русского флота, базировавшегося в Севастополе.

Для лучшего базирования русских крейсеров Паскевич предлагал занять Геленджикскую бухту, которая могла стать базой для сторожевых судов с неглубокой осадкой, прекрасно заменив собой портовую Анапу. Гавань Геленджика имела удобную якорную стоянку и прекрасно защищалась самой природой от свирепствовавших зимой на Черном море штормовых ветров.

Предложение царского наместника внимательно рассмотрели в Морском штабе. В феврале следующего года его начальник князь Меншиков делает доклад Императору Николаю I о необходимых мероприятиях, которые необходимо осуществить на Черноморском флоте, для содействия сухопутным войскам на морском побережье Кавказа. Принимается решение занять десантом Геленджикскую бухту. Для перевозки десантных сил создается специальный отряд легких судов. Из состава Севастопольской эскадры выделяются корабельные силы для ведения крейсерства.

Проведение десантной операции возлагается на вице-адмирала Константина Юрьевича Патаниоти, военного командира Севастопольского порта. 25 июля отряд в составе фрегатов «Эривань», «Пегас», бригов «Меркурий», «Кастор», «Ганимед» и еще нескольких малых судов вошел в бухту Геленджика. На другой день высаженный после небольшой перестрелки с местными горцами русский десант приступил к возведению приморского полевого укрепления.

Стремясь защитить грузинские земли и город Тифлис с его окрестностями в частности, царский наместник открывает военные действия против воинственных джаро-белоканских лезгин. В феврале 1830 года против них проводится первая военная экспедиция. Она заканчивается быстрым и бескровным покорением этих горских вольных обществ.

Кавказская война стала главной заботой Паскевича-Эриванского. На первых порах он стал стремиться ограничить зону влияния и действий сторонников Гази-Магомеда (Гази-муллы). Это ему в немалой степени удается. Вместе с царскими кавказскими войсками против Гази-Магомеда действовала конница влиятельнейших феодалов Дагестана: шамхала Тарковского и Аслана, хана Казикумыкского и Куринского.

На Кубани создавались укрепленные линии с целью воспрепятствовать набегам заречных вольных черкесов, или, как их тогда называли, «закубанских народов».

Однако в то время полностью справиться со сторонниками идеи создания мусульманского правления в Ичкерии (Чечне) и части горного Дагестана российской администрации и царскому наместнику на Кавказе не удалось. Военные действия в восточной части северокавказских горных земель сразу же принимают затяжной характер. Вряд ли опытный в военных и дипломатических делах генерал-фельдмаршал Паскевич, блестящий царедворец Императора Николая I, мог предвидеть, что начавшаяся Кавказская война продлится еще несколько десятилетий.

Одновременно наместника обременяли большие заботы по управлению огромным Кавказским краем... Из города Тифлиса было сложно управлять военными операциями на северных склонах Кавказского хребта, прежде всего в Ичкерии и горном Дагестане. И тогда наместник и главнокомандующий Императора Николая I на Кавказе в мае 1830 года переносит свою штаб-квартиру в город Пятигорск.

Время царского наместничества генерал-адъютанта И.Ф. Паскевича-Эриванского было целой эпохой в истории владычества Российской империи на Кавказе. Им была выработана собственная политика в отношении горских народов Северного Кавказа, во многом отличавшаяся от кавказской политики А.П. Ермолова. Паскевич писал Императору Николаю Павловичу:

«Чем более делаю я наблюдений, тем более удостоверяюсь, что направления политики и отношений наших к горцам были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала мщение, а недостаток твердости и нерешительности в общем — обнаруживали слабость и недостаток сил. Опыт моего четырехлетнего управления оправдал мою политику, которая состояла единственно в том, что в частности я был снисходителен, но в общем угрожал твердостью и решимостью. От этого при всей малости войск наших, занятых войной против персиян и турок, горцы удержаны в покое и, исключая частные набеги, ничего важного не предпринимали».

Военные действия против немирных горцев опытный царский администратор старался сочетать с мерами привлечения на сторону России местных князей, горских старейшин, авторитетных лиц из числа мусульманского духовенства.

КНЯЗЬ ВАРШАВСКИЙ

20 апреля 1831 года графа Паскевича-Эриванского срочным порядком вызывают в Санкт-Петербург. Генерал-фельдмаршал, имевший дружескую переписку с широким кругом важных лиц в столице, мог с большой долей уверенности догадываться, что дело связано с польским «возмущением».

Паскевич в немалых подробностях знал, что на западных территориях Российской империи — в Царстве Польском — идет настоящая война. Начавшись в Варшаве вооруженным восстанием, она скоро превратилась в серьезное дело для русской армии. Вице-канцлер граф Карл Васильевич Нессельроде писал в Тифлис наместнику о том, что Государь «решился задавить гнусный мятеж в Польше».

Снабдив генерала от кавалерии Г.А. Эмануэля и генерал-адъютанта Н.П. Панкратьева необходимыми инструкциями по управлению Кавказским краем и военных действий против горцев, Иван Федорович Паскевич через четыре дня выехал из Тифлиса. Около пяти тысяч человек — горожан и людей военных — провожало его в колясках и верхом верст за восемь от города. Это была дань уважения царскому наместнику за все его труды на Кавказе, куда ему уже было не суждено вернуться.

Генерал-фельдмаршал прибыл в Санкт-Петербург 8 мая и сразу был принят Императором Николаем I. Скоро в столицу пришло долгожданное сообщение о победе русских войск над польскими в сражении под Остроленкой. Затем пришла печальная весть о смерти главнокомандующего русской действующей армией в Царстве Польском генерал-фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского. Русская армия на войне осталась без испытанного и талантливого военного вождя.

У Императора Николая I не было большого выбора — вернее, свой выбор он сделал сразу же после получения донесения о смерти любимого им Дибича. В результате одного фельдмаршала заменил другой фельдмаршал, недавно прибывший с Кавказа. Для отъезда нового главнокомандующего в Польшу российский Государь приказал снарядить быстроходный балтийский пароход «Ижору».

Отправляясь на театр новой войны, полководец Иван Федорович Паскевич-Эриванский просил Государя не судить о его действиях прежде трех месяцев. Прибыв по Балтийскому морю в порт Мемель, новый русский главнокомандующий через земли королевства Пруссии (Восточную Пруссию) 13 июня оказывается в городе Пултуске. Картину он там увидел, можно прямо сказать, безрадостную.

В Пултуске и его окрестностях в бездействии при главной штаб-квартире под ружьем стояла 44-тысячная русская действующая армия, собранная генерал-фельдмаршалом И.И. Дибичем-Забалканским. Но войска после смерти полководца не утратили уверенности в себе после одержанных над польскими мятежниками побед. Ко всему прочему ожидалось немалое подкрепление в числе девяти тысяч, которое находилось уже в пути из Брест-Литовска. Правда, армия стояла почти без продовольствия.

И прежде всего Паскевич-Эриванский принял необходимые меры, чтобы вполне обеспечить русскую армию провиантом. Он считал всегда так: если есть продовольствие, значит, нет голодающих солдат, нет реквизиций у местного населения и их недовольства, враждебности; есть только сочувствие или нейтралитет, а в ряде случаев и прямое содействие дисциплинированным русским войскам. Здесь Иван Федорович Паскевич никогда не ошибался, и самым убедительным доказательством этому были войны, проведенные им на территории Персии и Азиатской Турции.

Когда русские войска в главных силах выступили из Пултуска, в солдатских ранцах и полковых обозах находилось провианта на 14 дней, «мяса в живом скоте» — на десять дней, водки — на пять дней. Число обозных подвод русской армии в походе возросло до 2073.

В городе Ломже он приказывает построить укрепления на гарнизон численностью в 3—4 тысячи человек. Ломжа, как крепость, должна была стать опорным пунктом для русских войск, действовавших в Плоцком воеводстве и в близкой Литве, где большинство местного дворянства составляла польская шляхта, а польское население в городе Вильно было весьма значительно. Из отряда генерала Муравьева в Ломже было оставлено два егерских и два драгунских полка при 10 полевых орудиях.

Генерал-фельдмаршалу графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому придаются и другие войска региона, и в результате он получает под свое командование в Царстве Польском огромную полевую действующую армию. Она состоит из 158 с половиной пехотных батальонов, 240 эскадронов регулярной кавалерии, 116 казачьих сотен и 674 артиллерийских орудий. Всего до 137 тысяч человек войск, в том числе 42 тысячи конницы. Эти силы почти в три раза превосходили его Отдельный Кавказский корпус.

Противник в лице польской армии обладал почти вдвое меньшими силами. У поляков было войск не менее 64 тысяч человек, в том числе свыше 11 тысяч кавалерии, при 166 полевых орудиях. А с учетом регулярных польских войск, действовавших в Литве, — около 75 тысяч человек. Из этих войск под польской столицей Варшавой было сосредоточено около 40 тысяч человек при 100 артиллерийских орудиях. Поляки имели три сильные крепости — Варшаву, Модлин и Замостье.

Самое интересное в сложившейся ситуации состояло в том, что регулярная польская армия являлась частью Российской императорской. Польская армия была «вращена» недавним царским наместником в Царстве Польском братом Царя Великим Князем Константином Павловичем. Великий Князь по положению являлся и ее главнокомандующим.

Теперь главнокомандующим мятежников в Польше являлся генерал Скржинецкий, старшим в Литве — дивизионный генерал Гелгуд. Под командованием последнего находились отряды Дембинского и Хлаповского. После проигранного Остроленского сражения предводитель польской армии не решался на новые решительные действия против русских.

Скржинецкого больше всего заботило «поддержание своего значения в Варшаве».

Польская регулярная армия, построенная на патриотических призывах, была сильна моральным духом, но слаба как военная организация. В ней была слаба воинская дисциплина, молодое офицерство принадлежало к самым различным политическим партиям, новобранцы преобладали над старыми опытными солдатами.

Предложенная в Сейме Польши депутатом паном Шанявским идея поголовного вооруженного ополчения населения страны реализована быть просто не могла. Под властью Варшавы к моменту прибытия нового русского главнокомандующего находились только четыре воеводства левого берега Вислы. К тому же приближалось время жатвы, и теперь крестьян было трудно оторвать от сельскохозяйственных работ на войну.

Однако призыв ксендзов католической церкви в Польше в ряде мест нашел свой отклик. По этому призыву в некоторых местностях были созданы ополченческие отряды, больше напоминавшие вооруженные толпы крестьян, чем воинские формирования. Да и вооружение их состояло из пик, кос и топоров, огнестрельного оружия почти не имелось.

Главной целью польской кампании 1831 года являлось взятие столицы царства города Варшавы. Эта цель перед русской армией была поставлена еще И.И. Дибичем-Забалканским. Еще до прибытия нового главнокомандующего в штаб-квартиру в Пултуске по распоряжениям начальника армейского штаба генерала графа Карла Федоровича Толя был наведен понтонный мост через реку Вислу, и один русский корпус уже находился на правом берегу Вислы.

Для этого генерал Толь воспользовался немецкими (прускими) судами, груженными хлебом. Их отправили по распоряжению прусского королевского правительства вверх по Висле. Берлин, хотя его войска не участвовали в боях против польских повстанцев, во многом помогал Санкт-Петербургу в тех событиях.

К слову сказать, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич получил от своего предшественника в лице генерала Толя такого деятельного помощника, что лучше не пожелаешь. Мы уже не раз упо-

минали его в этой книге. Георгиевский кавалер, герой Отечественной войны 1812 года, Толь был главным квартирмейстером кутузовской армии. Он отличался редкой распорядительностью и исполнительностью, хорошо изучил театр военных действий в Польше. На него главнокомандующему можно было положиться в труднейших ситуациях.

Необходимые запасы провианта удалось собрать довольно быстро. Всего было собрано продовольствия для армии на девятнадцать суток, но с уменьшенной дачей в день. Теперь предстояло форсировать реку Вислу главными силами. Однако польская армия, равная на этом участке по силам русской, активно препятствовала этому, опираясь на сильные укрепления Варшавы и ее пригородов, города-крепости Модлина.

Тогда полководцем Паскевичем-Эриванским принимается решение преодолеть широкую реку у самой прусской границы, в 207 верстах ниже Варшавы по Висле, то есть севернее ее. Всего через десять дней после прибытия нового главнокомандующего к действующей армии та главными силами выступила из Пултуска.

Русская армия возобновила боевые действия, начав движение в четырех походных колоннах. Авангардной командовал граф И.О. де Витт, левой — князь И.А. Шаховской, правой — Великий Князь Михаил Павлович и отдельной — граф П.П. Пален 1-й. Даже в отдельности каждая колонна представляла собой грозную для поляков силу.

В ходе наступления главнокомандующий составил еще особый аррьергардный отряд в составе шести пехотных полков, одного гусарского и одного казачьего полков. Во главе аррьергарда предусмотрительный Паскевич-Эриванский поставил хорошо знакомого ему по Кавказу опытного генерала Н.Н. Муравьева (будущего Муравьева-Карского). Теперь генерал-фельдмаршал мог быть уверен, что польские войска не нанесут ему сильный удар с тыла.

Для занятия Брестского шоссе и защиты минского направления составляется особый отряд под командованием генерала Е.А. Головина численностью в пять с половиной тысяч человек при 14 орудиях. Однако армейская разведка не смогла установить даже примерной численности польских войск (а

их оказалось 22 тысячи при 42 орудиях), действовавших против этого отряда русской армии. В результате Головину пришлось начать отступление к городу Минску.

В окрестностях селения Калушино произошло сильное столкновение сторон. Героями дня стали русский 14-й егерский полк, прославившийся при взятии турецких крепостей Анапа и Варна, и ротмистр Прушинский из Польского уланского полка. Прушинский во главе 30 улан, выдавая себя за разбег польской армии, совершил редкий по дерзости разведывательный рейд к городу Карчеву и принес генералу Головину важные сведения.

Хотя селение Калушино осталось за поляками, нанести поражение русскому отряду они не смогли. Более того, неприятельскому командованию в этом деле в лице генерала Скржинецкого не удалось главное — отвлечь внимание царского главнокомандующего от Варшавы. Или хотя бы часть его выступивших в поход на польскую столицу войск.

Заняв 26 июня город Плоцк, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич с войсками русской гвардии остановился на несколько дней. Он всеми своими действиями старался дезинформировать командование противника через его разведку о своем неременном «желании» именно здесь форсировать реку. Поляки вполне поверили в такие намерения и приготовления русских.

Тем временем отправленная вперед главная походная армейская колонна под командованием генерала графа Палена подошла к населенному пункту Оську. Там русские заняли два острова на реке, поставили на них сильные артиллерийские батареи из 70 орудий и навели надежную переправу из пяти мостов. Перед ними были устроены небольшие полевые предмостные укрепления. Окрестности берутся под охрану казачьими разбедами. Вся эта операция была проведена быстро и безо всякого неприятельского противодействия.

На реке Висле русские имели несколько судов. Их вооружили пушками малых калибров, а экипажи составили из моряков Гвардейского флотского экипажа, прибывших в Польшу из Санкт-Петербурга. Так была образована небольшая речная военная флотилия.

А поляки тем временем деятельно готовились атаковать город Плоцк, чтобы отбить русские авангардные войска от вислинских берегов. Предусмотрительный граф Паскевич-Эриванский, не желая отвлекаться боями местного значения от главной цели, неожиданно для польских военачальников оставил Плоцк и двинулся к Оську. Поляки в немалой растерянности не решились даже преследовать совершенно неожиданно для них отступивших русских, да еще саму императорскую гвардию.

Корпус генерала Палена переправился через Вислу на противоположный берег 5 июля. 7-го и 8 июля переправу совершили остальные войска русской армии. Причем форсирование Вислы по наведенным мостам произошло без единого выстрела. Сильное в тактическом отношении движение — маневр русской армии поставил польское командование в весьма невыгодное положение.

Теперь многочисленная польская армия оказалась задействованной на трех направлениях, более того — фактически «разорванной» на три части. Первая польская группировка действовала против отряда генерала Ридигера в Люблинском воеводстве. Вторая противостояла русским войскам, которыми командовал генерал Головин, на Брестском шоссе. А третья, так называемая «варшавская», в результате маневра главных сил русской армии с их беспрепятственной переправой через реку Вислу оказалась в роли «наблюдателя» за действиями главнокомандующего противника.

Ход войны в Польше показал: генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич в проведенной операции по форсированию Вислы у Оська добился решающего стратегического успеха. Спыхватившийся польский главнокомандующий генерал Скржинецкий не успел даже к моменту окончания переправы русских войск у Оська. Это было равносильно проигранному сражению на подступах к польской столице.

Постоянные марш-броски русских полевых войск в Польшу требовали больших запасов главного солдатского пропитания — сухарей. А они за Вислой в солдатских ранцах кончились. Тогда по совету опытного в таких делах Паскевича в полках и батареях применили кавказский способ заготовления запасов сухарей.

По приказу главнокомандующего армией в Оське было устроено 540 печей для превращения свежеспеченного хлеба в солдатские сухари. Трудилось при печах пять тысяч человек во главе с командиром лейб-гвардии Гренадерского полка генерал-майором Шиповым. Таким образом в сухари было превращено до 10 тысяч четвертей муки. Коммерсанты из Восточной Пруссии просили на такое дело за хорошую плату срок в четыре месяца. Паскевич же обошелся своими силами. Всего через пять дней русская действующая армия имела запасов сухарей на целых полмесяца и вновь обрела свою прежнюю подвижность.

Поляки попытались провести «демонстрацию» своих сил у русских переправ в Оське. Однако действия их кавалерии под командованием генерала Лубенского успеха не имели. Противнику не удалось увлечь часть сил противника на свое преследование.

Не удалась полякам и операция силами корпуса генерала Ромарино (две пехотные и одна кавалерийская дивизии при 42 орудиях), выступившего из Варшавы для нанесения удара по русским войскам генерала Розена. В ходе боя 17 августа при Рогозницах и Мендзыржеце полякам удалось потеснить русских бесстрашными атаками кавалерии и пехоты, но победы они не добились. Особенно отличились егерские полки русских и их артиллерия. Продолжение боя не случилось — генерал Ромарино поспешил на выручку осажденной Варшаве.

От Бреста-Куявского царский главнокомандующий сделал быстрый фланговый марш к городу Ловичу, лежащему всего в 12 милях от Варшавы, и сумел занять его без боя. Теперь сильная сохачевская позиция польских войск неожиданно оказалась под угрозой сильного бокового удара, и оборона Варшавы давала сильную трещину совсем не там, где она ожидалась генералом Скржинецким.

Русские войска окружили Лович окопами, соорудили несколько батарейных позиций. Его каменные строения могли быть использованы для ведения уличных боев. Город был за считанные дни превращен в тыловую базу русской действующей армии.

Видя, что сохачевская позиция удачно обойдена противником, польский главнокомандующий генерал Скржинецкий во

главе армии в 55 тысяч человек сделал единственно правильный в такой ситуации ответный ход. Он со своими войсками подошел к городу Ловичу и прикрыл собой Варшаву. Поляки расположились на позиции между рекой Бэур и Большим Неборовским лесом.

Получив такие сведения от высланной вперед конной разведки, генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский со своей стороны тоже переменил фронт русских войск. Теперь две многотысячные воюющие армии, укрепившиеся в поле, разделяла всего лишь небольшая речушка Равка, вся в болотистых берегах.

Пока длилось такое «мирное» противостояние, крупные маневренные отряды русских войск шли с востока к берегам Вислы. При этом далеко не везде поляки оказывали им вооруженное сопротивление. Польский Сейм (парламент), сильно недовольный бездействием генерала Скржинецкого, сместил его с поста главнокомандующего польской армией. В вину ему ставились едва ли не все неудачи польской национальной армии.

Генерал Скржинецкий был третьим по счету главнокомандующим польской национальной армии. Вместе со своими предшественниками на этом посту — генералами Хлопницким и Радзивиллом — он был обвинен в измене и посажен в тюрьму. Воинственно настроенные поляки, прежде всего варшавяне, требовали их казни, но правительство во главе с Адамом Чарторыйским (главным правителем) отмалчивалось.

Тогда толпа разъяренных горожан с оружием в руках ворвалась в варшавскую тюрьму и самосудом казнила арестованных генералов. Начались народные выступления против национального правительства. Адам Чарторыйский оставил пост главного правителя и тайно бежал из своей столицы в Париж.

Скржинецкий был заменен генералом Дембинским. 3 августа в Варшаве произошел государственный переворот, и главой в погибающей Речи Посполитой был назначен генерал граф Иван Петрович Круковецкий, он же был генерал-губернатором Варшавы. Специальным указом польский Сейм подчинил себе главнокомандующего национальной армией.

Не желая находиться в подчинении у «разноголосых» парламентариев, генерал Дембинский, оскорбленный таким решением Сейма Польши, подает в отставку. Тогда его замещает генерал Казимир Малаховский, участник Русского похода наполеоновской армии в 1812 году. Свой генеральский чин он получил после переправы остатков французской армии через Березину.

Это привело к тому, что утром 3 августа польская армия внезапно сожгла единственный здесь деревянный мост через реку Равку и снялась с занимаемой позиции. Русский главнокомандующий тотчас пошел вдогон за неприятелем, быстро настиг его арьергардные войска и в непродолжительном бою разбил их. Часть поляков сдалась в плен, часть просто рассеялась по округе.

Польская армия, пожертвовав своим арьергардом, отошла под самые стены Варшавы и приготовилась к защите огромного столичного города. На те дни собственно Варшава имела 6-тысячный гарнизон и была укреплена тремя рядами окопов с батарейными позициями. Да и вся столица Польши представляла собой огромный военный лагерь. Варшавский арсенал позволил вооружить многие тысячи людей из числа городских ополченцев, снабдить их в достатке боеприпасами.

Для постоянного и надежного сообщения с отрядами генералов Крейца, Ридигера и Розена, подошедших с боями к правобережью Вислы, царский главнокомандующий приказал устроить в Гуре-Кальварии постоянный понтонный мост через реку, обеспечив его надежной охраной. Теперь столица Царства Польского оказалась как бы в полукольце русского окружения.

Пользуясь случаем, что часть неприятельских войск действовала вдали от Варшавы, к востоку от нее, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский решил предпринять генеральный штурм города. Его назначили на 25 августа. На военном совете армии главнокомандующий, выслушав мнения всех собравшихся относительно лучшего способа овладения польской столицей, предпочел атаку укреплений предместья Воля.

Такое решение полководца удивило многих участников военного совета. То есть Паскевич предлагал штурмовать наисиль-

нейший пункт варшавской оборонительной линии. Воля была по своему местоположению узлом всей системы обороны поляков, но ее падение неминуемо влекло за собой падение самой столицы Польши. В случае успеха это привело бы в скором времени к полному «замирению» всего Царства Польского, поскольку главные силы неприятельской армии оказывались разгромленными под стенами Варшавы.

В процессе подготовки штурма предместья Воля (защитники Варшавы об этом уже проведали) главе польского правительства генералу Круковецкому из штаб-квартиры русской армии отправили письмо с предложением изъявить добровольную покорность России и ее Государю. Таким шагом русский полководец намеревался избежать больших людских потерь с обеих сторон и неизбежных жертв среди жителей Варшавы в ходе операции по ее овладению.

В письме русский главнокомандующий передавал волю своего Государя Императора Николая Павловича, предлагавшего восставшим полякам амнистию. В Санкт-Петербурге все еще надеялись «замирить» Царство Польское без кровопролитного штурма его столицы.

Однако варшавское правительство на письмо генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского ответило отказом. Ставший фактическим диктатором генерал Круковецкий отвергнул «унизительные», как это было расценено поляками, условия русской стороны.

В польском стане надеялись, что 60 тысяч патриотически настроенных вооруженных защитников столицы в трех линиях оборонительных полевых укреплений выстоят против 73-тысячной русской армии. И не только выстоят, но и разгромят штурмующие русские войска. Теперь генеральный штурм Варшавы становился неизбежным со всеми его труднопредсказуемыми последствиями.

В полдень 24 августа русские войска, выстроенные в боевой порядок, вплотную подошли к Варшаве. Наступление на город готовилось на фронте между Вольской и Ерусалимской заставами. Две трети пехоты выделялось в резерв для развития успеха. Кавалерия располагалась сзади и на флангах инфантерии. Во главе штурмующих колонн шли добровольцы из

гвардейских пехотных полков — Преображенского, Семеновского, Измайловского, Павловского. Они выступали в роли «застрельщиков», идущих на приступ пехотных батальонов...

На следующий день, в 3 часа утра, перед самым рассветом генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич-Эриванский верхом, в сопровождении небольшой свиты, объехал полки и батареи, отряжаемые на приступ. Полководец обращался к бойцам своей армии с напутствиями, будучи при этом немногословен. После этого по условному сигналу начался генеральный штурм Варшавы.

Сто орудийных расчетов, дружно подъехав линией на 300 сажень к вражеским укреплениям, быстро развернулись и открыли по ним прицельный, беглый огонь. Артиллерийский обстрел длился целых два часа и прекратился только тогда, когда замолчали в ответной стрельбе последние пушки поляков. Батареи противника оказались подавленными, а их позиции — сильно разрушенными пушечными ядрами и бомбами. По жилым кварталам русская артиллерия бомбардировку не вела.

Русский главнокомандующий, лично руководивший приступом, приказал пехотным батальонам штурмовать ближайшие вражеские редуты. Солдаты с криками устремились в рукопашный бой, невзирая на частый встречный ружейный огонь. Презрев упорное сопротивление польских пехотинцев, атакующие русские быстро овладели тремя первыми земляными редутами и укрепились в них. Первыми в них ворвались солдаты и офицеры российской гвардии. Это был немалый начальный успех сражения за столицу Царства Польского.

Однако само хорошо укрепленное городское предместье Воля, где оборону держали пять батальонов польской пехоты при 12 орудиях, сопротивлялось долго и упорно. Здесь ожесточенный бой велся буквально за каждую пядь земли. Когда русские солдаты в атаке взобрались на наружный вал, неприятель засел в окопах внутри предместного укрепления, в большом каменном костеле и роще, где польские стрелки нашли надежное укрытие за деревьями.

Штурмующей русской пехоте пришлось выбивать поляков и из этих окопов, и из костела, и из рощи. Всюду шли уже не

огневые, а рукопашные схватки. Но все же к 11 часам дня укрепления Воли со всем многочисленным гарнизоном и сильными артиллерийскими батареями пали под натиском русских войск.

Паскевич внимательно следил за развитием событий и старался не допустить в сражении случайностей и оплошностей. Устремившихся было вперед, к ближайшей городской заставе, атакующих пехотинцев по его приказу вернули назад. Как оказалось, это было сделано вовремя. Польские военачальники, собрав в единый атакующий кулак 12 пехотных батальонов, начали сильную вылазку из города на Вольское предместное укрепление.

Цель этой неприятельской атаки была ясна — поляки пытались любой ценой восстановить оборонительное кольцо Варшавы как единое целое. Однако русские батареи картечным огнем в упор отразили ряды атакующих, отбросив их назад. Новой вылазки из-за городских стен после этого не последовало.

После падения укрепленного предместья Воля сражение за Варшаву закончилось повсеместно в 6 часов вечера. Генерал-фельдмаршал разослал в действующие войска диспозицию для второго приступа польской столицы.

Ночь прошла спокойно. Даже выдвинутые вперед сторожевые посты не беспокоили друг друга ружейными выстрелами. Перед рассветом на русские аванпосты прибыл генерал-квартирмейстер мятежной армии Царства Польского Прондзинский с личным поручением председателя правительства Польши. Русский главнокомандующий согласился на встречу с генералом графом И.П. Круковецким. Она состоялась в 9 часов утра в придорожной польской корчме между Волей и Варшавой в присутствии Великого Князя Михаила Павловича.

Генерал Круковецкий с ходу начал высказывать категоричные требования польского Сейма. Парламент Польши словно не осознавал, что дни свободной Варшавы сочтены, что если не сегодня, то завтра город будет обязательно взят штурмом. В графе Круковецком, потерявшем чувство реальности, словно бы заговорила «шляхетская спесь», в противном случае переговоры, начатые по его настоятельной просьбе, пошли бы в совершенно другом русле.

Генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский не без удивления смотрел на раскричавшегося неприятельского генерала. Он со всей решительностью остановил его и потребовал безусловной сдачи города, капитуляции польской армии и «возвращения польского народа к повиновению законной власти». Срок давался полякам всего лишь до часу пополудни. После этого русская армия будет продолжать штурм.

Ошеломленный таким категорическим ответом генерал Круковецкий со своей свитой вернулся в осажденную Варшаву. Вскоре вместо ожидаемого положительного ответа в назначенный час он прислал в русскую штаб-квартиру своего адъютанта с просьбой отсрочки штурма еще на один час. Необходимость такой отсрочки для неприятельского командования ничем не объяснялась.

В такой просьбе генералу Круковецкому отказали. В штаб-квартире русского главнокомандующего стало совершенно ясно, что противник начал просто тянуть время, чтобы лучше подготовиться к отражению приступа и дожидаться подхода корпуса генерала Ромарино. Входившие в его состав три дивизии, по донесениям конной разведки, спешили, как могли, на помощь варшавскому гарнизону.

По войскам русской армии, назначенным на повторный штурм, был дан приказ начать приступ. С обеих сторон разгорелась сильная артиллерийская канонада. Иван Федорович Паскевич все время старался находиться на передовой, чтобы лично наблюдать за ходом битвы за Варшаву. Так он поступал и на персидской, и на турецкой войнах.

Подъезжая к батарее, которая вела огонь по укреплениям предместья Чиста, главнокомандующий получает боевую контузию. Вражеское ядро на излете ударило его в левую руку, и он на полчаса потерял сознание. За ближайшим земляным редутом оказавшийся поблизости полковой врач пустил кровь генерал-фельдмаршалу и сделал перевязку.

Такая контузия к разряду опасных для жизни не относилась, но в таком состоянии глава русской армии не мог полноценно руководить только что начавшимся сражением. По этому поводу среди современников было немало кривотолков, но в любом случае только сам Паскевич-Эриванский был от-

ветствен за все последующие свои действия, как главнокомандующий, перед Государем Императором собственной совестью военного человека и сослуживцами-подчиненными.

Подозвав к себе начальника Главного штаба действующей армии генерала Толя, контуженный генерал-фельдмаршал поручил ему проследить за точным исполнением письменных и устных приказаний, отданных командирам корпусов. И добавил к сказанному, чтобы никакой перемены в плане атаки Варшавы без его личного разрешения не делалось. Затем главнокомандующий, чувствуя сильную физическую слабость, отъехал к полкам Гренадерского корпуса, стоявшего в резерве в 100 сажнях позади укреплений Воли.

Ожесточенное сражение тем временем продолжалось. Русская пехота при огневой поддержке артиллерии штурмовала еще не взятые варшавские предместья. После упорного боя стрелки и посланная на их усиление кавалерия взяли приступом еще два городских редута и стали перебежками подбираться к городскому валу — последней оборонительной черте столицы Царства Польского.

В польском Сейме, заседавшем с раннего утра до позднего вечера, забили тревогу после получения такого известия. Было ясно, что через непродолжительное время русские войска ворвутся в собственно городские кварталы. Вновь на русских позициях под белым флагом появился посланник Прондзинский, но уже с полномочиями условиться о подписании окончательного договора.

Тогда царский главнокомандующий отправил в город своих посланцев, дав им самые четкие инструкции на переговоры с противной стороной. Прондзинского предупредили со всей ясностью, что штурм Варшавы прекратится только после подписания безоговорочной капитуляции вооруженных сил поляков. Вскоре стало ясно, что Сейм Польши и назначенные им военачальники попытались пойти на военную хитрость.

Не прошло и двух часов после очередного прибытия польского парламентаря, как из неприятельских укреплений началась все усиливающаяся артиллерийская и ружейная пальба. Тогда генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский, разгневанный на

такое «восточное» поведение предводителей противной стороны, приказал продолжить успешно ведомое наступление. Беглым шагом с барабанным боем пехотинцы и гренадеры снова устремились вперед.

За ними следовали в резерве гвардия, выстроенная в полковые колонны, и многочисленная кавалерия. Эти войска находились в полной готовности по первому же приказу главнокомандующего устремиться в прорыв. Один вид резервных сил русской армии устрашал защитников столицы Польши. Их резервные пехотные батальоны уже давно оказались на передовой.

Поляки защищались отчаянно. Но городские редуты брались штыковой атакой так скоро, что теперь уже польские артиллеристы не успевали с них увозить в тыл орудия и устраивать из них новые батареи. Поэтому в рядах обороняющейся польской армии количество артиллерийских орудий неумолимо сокращалось с каждым павшим оборонительным укреплением.

Большой успех штурмующих не заставил себя долго ждать. Несмотря на упорнейшее сопротивление поляков и подоспевших из города резервных батальонов, русскими были взяты Вольская и Ерусалимская заставы и городской вал между ними. Это случилось под самый вечер, и теперь путь атакующим уже ничто не преграждало, если не считать каменных домов Варшавы.

Один из участников Варшавского штурма, воспитанник Императорского сиротского дома П.Е. Заварицкий, офицер лейб-гвардии Финляндского полка и будущий его командир, награжденный за польскую кампанию двумя боевыми орденами, писал о штурме Воли:

«2 часа пополудни.

Воля взята после трехчасовой атаки, долго и упорно держались поляки в укреплениях, костел изстрелян нашими ядрами. Долго не умолкал батальный огонь, два раза бросались поляки, желая обратно завладеть Волею, но храбрые наши войска и батарея с 103 орудий заставили их отступить к городу с великою потерей: 3000 поляков убито и 2000 положили оружие; первый линейный полк, именовавшийся полком

Ксенжа Миколая, дрался упорно и почти весь был истреблен. До сего времени взято три укрепления, в них поставлены орудия и обращены на вторую линию. Сегодня не были в деле Гвардейский и Гренадерского корпуса 1 и 2 дивизии, сии войска составляли резерв.

Сумерки.

Наши батареи целый день переговаривались с неприятельскими батареями, теперь все умолкло...

...Паскевич проезжал мимо нашей бригады и был очень весел, благодарил за службу, хвалил охотников первой нашей бригады, которые с армейскими взяли два укрепления, обещал нам, что и мы будем так же в деле, — солдаты кричали ура!..»

Несколько гренадерских батальонов ворвались в сам город, где и заночевали на Ерусалимской аллее. Около полуночи русские воины овладели линией варшавских укреплений от Маримонтской до Черняковской заставы на расстоянии 12 верст. Паскевич, прибывший к переднему краю боя за варшавские кварталы, приказал проделать в высоком городском валу амбразуры для батарейных позиций.

Через эти амбразуры русские пушки могли обстреливать из орудий старую часть Варшавы с ее архитектурными украшениями и многочисленными костелами. Теперь городские укрепления «оборачивались» против защитников польской столицы. Польским войскам не могли помочь даже баррикады на варшавских улицах.

Дело до дальнейшего продолжения битвы за Варшаву не дошло. Поляки так и не дождались подхода на выручку столичному гарнизону сильного по составу корпуса генерала Ромарино. И поэтому польская армия не отважилась на дальнейшее сопротивление, которое ничего хорошего просто не сулило. Продолжение боев уже в городской черте становилось бессмысленным.

Польский Сейм после бурного заседания утвердил капитуляцию со всеми ее условиями. Главнокомандующему польской армией приказывалось к пяти часам утра очистить Варшаву и ее укрепленный пригород Прагу, а все войска отвести к городу Плоцку. В том числе и корпус генерала Ромарино, уже находившийся недалеко от Варшавы.

Спасая польскую столицу от разрушений и кровопролития, депутаты Сейма тем самым проголосовали за продолжение войны против России. Покидавшие Варшаву польские войска оружия перед русской армией одновременно не складывали. По предварительной согласованности сторон эта процедура должна была произойти вне пределов столицы царства, что позволяло победителям избежать лишних вооруженных конфликтов и гибели людей.

Упомянувшийся офицер лейб-гвардии Финляндского полка П.Е. Заварицкий так описывает вступление русской гвардии в Варшаву:

«Наш полк первым вошел в Варшаву, сзади нас егеря, а там лейб-гренадеры, без торжества, без музыки, знамена в чехлах. Нам приказали занять Прагу. Пройдя отрядом по улице Новый Свят, Краковским предместьем и спустясь по улице Беднарска, мы остановились у Пражского моста. У окон и у ворот стояли жители... на большинстве лиц их мы видели выражение неприязни и ненависти к нам. У моста стоял Краковецкий (Круковецкий, граф. — А. Ш.), генерал-губернатор Варшавы, около нас толпились... толпы любопытных. 48 часов дано войску (польской армии. — А. Ш.) на свободный выход из Варшавы, польские солдаты ходили в Прагу и из Праги...»

Досадно было смотреть на эти гордо-подлые лица офицеров, которые брэнча саблями проходили и проезжали мимо нас, с некоторыми говорили мы, с какою злобою было говорено каждое их слово, многие из них проходили мимо Великого Князя, не отдавая никакой чести, и смотрели с пренебрежением, досадно было смотреть, сердце было не на месте, каждый солдат горел местью. Краковецкий с двумя адъютантами стоял около нашего полка, пьяная толпа стояла с оружием у Праги и не хотела пускать нас...»

В 8 часов утра полки русской гвардии торжественно вступили в капитулировавшую Варшаву. На всякий случай были предприняты все необходимые меры предосторожности. Трофеями знаменитого штурма стали 132 орудия и все, что имелось в городе и его укреплениях у польской регулярной армии. Горожанам, имевшим оружие, было приказано сложить его в варшавской ратуше.

Варшава была взята 26 августа, в годовщину Бородинского сражения. Приступ, начатый 25-го числа, продолжался 36 часов.

В ходе штурма русские войска потеряли 539 офицеров, 10 005 нижних чинов. Поляки потеряли 7800 убитыми и ранеными, 3000 — пленными и 132 орудия. Такие цифры приводит в «Истории русской армии» историк А.А. Керсновский.

Вечером генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский отправил первое донесение в Санкт-Петербург, к Императору Николаю I. Для роли победного курьера был выбран ротмистр князь Суворов, внук генералиссимуса всех российских войск графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, князя Итальянского. Донесение было предельно кратко:

«Варшава у ног Вашего Императорского Величества».

Высочайшей наградой Ивану Федоровичу Паскевичу за победный штурм Варшавы стало возведение его в «княжеское достоинство с проименованием Варшавского и титулом Светлейшего». Теперь полководец полностью именовался на всех торжествах, приемах и официальных документах так: генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский.

Однако на этом милости Императора Николая I к победителю не исчерпались. Малолетний сын генерал-фельдмаршала был Высочайше пожалован в первый офицерский чин — прапорщиком с назначением в Эриванский пехотный полк, носивший имя его отца.

За свои выдающиеся заслуги перед Российской империей генерал-фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский и светлейший князь Варшавский вскоре станет членом Государственного совета России. В скором времени ему предстоит также принять еще одну высокую должность — генерал-инспектора всей пехоты русской армии.

Высокие отличия получают полки, участвовавшие во взятии польской столицы. Георгиевские знамена за Варшаву получают 4-й гренадерский Несвижский и 7-й гренадерский Самогитский, 13-й пехотный Белозерский и 14-й пехотный Олонецкий, 18-й пехотный Вологодский, 31-й пехотный Алексопольский и 32-й пехотный Кременчугский полки.

Лейб-гвардии Драгунский полк награждается Георгиевским штандартом... Русская армия давно не знала такого массового награждения воинских частей за военную кампанию.

Однако взятие Варшавы еще не означало конца антиросийского восстания в Польше. Генерал Рыбинский сменил генерала Малаховского на посту главнокомандующего польской армией и на первых порах был настроен весьма решительно.

Боевые действия продолжились повсеместно, но с неизменным успехом для русского оружия. События в польской войне разворачивались стремительно.

Уже вскоре главные силы польской армии попадают в окружение под городом-крепостью Модлин. Корпус генерала Ромарино, счастливо избегавшего окружения и последующего разгрома, вытесняется за российскую государственную границу, в соседнюю Австро-Венгрию. Там поляки складывают оружие перед австрийцами (тем пришлось припутнуть несговорчивого Ромарино русскими войсками) и оказываются, автоматически, в эмиграции.

Корпус генерала Ружицкого, потерпев несколько сильных поражений от войск генерала Ридигера, не потерял, однако, стройности своих рядов и большей части сил. Он отступил с польских земель через город Краков (принадлежавший Австро-Венгрии) в Галицию, где австрийцы его также разоружили.

Последний удар мятежная польская армия получила под крепостью Модлин. 16 сентября генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич сам прибыл сюда, чтобы лично руководить последним сражением войны в Польше.

Русские войска, перейдя реку Нарев, начали настойчивое преследование отступающего противника. Остатки польской армии отступали через Плоцкие леса, так и не отважившись на последнее сражение, которое должно было стать по ходу войны решающим для сторон, и в любом случае — последним.

Финал боевых действий в Царстве Польском был таков. 23 сентября остатки польской регулярной армии перешли российскую государственную границу с Пруссией. Там поляков уже поджидали на всякий случай крупные силы прусских войск. Однако беглецы думали только о том, как бы сдаться

кому угодно, только не русской армии, и не оказаться после этого в далекой сибирской ссылке.

На территории Пруссии польская армия численностью около 20 тысяч человек (остальные или попали в плен, или попросту разбежались, укрывшись в лесах и на хуторах) с 96 орудиями сложили оружие перед прусскими королевскими властями. После этого регулярная армия Царства Польского, как таковая, перестала существовать (хотя далеко не вся она пала на поле брани или попала в плен к русской армии). Это известие окончательно опечалило всю мятежную Польшу.

С получением такого известия безоговорочно капитулировали гарнизоны сильных крепостей Модлин (25 сентября) и Замостье (9 октября), хотя они были хорошо подготовлены к длительной осаде. Польские крепостные гарнизоны были распущены по домам. Модлин, устаревший как крепость, вскоре был переименован в Новогеоргиевск, который к 1914 году, к началу Первой мировой войны, стал одной из мощнейших русских крепостей на западной границе государства.

Последние вооруженные отряды поляков, еще укрывавшиеся в лесах, самораспускались. Оружие или сдавалось местным властям, или пряталось. Русские власти каких-либо карательных мер к тем, кто добровольно складывал оружие, не применяли. Местные ополченцы, после сдачи оружия, распускались по домам, но с предупреждением об ответственности за повторные враждебные действия против царских властей.

Однако это не распространялось на многих руководителей польского мятежа. Так, генерал граф И.П. Круковецкий, генерал-губернатор Варшавы, после ее взятия был сослан на поселение в город Казань. Больших невзгод он там не перенес. После возвращения из казанской ссылки вновь поселился в польской столице, где и умер.

Всероссийский Император Николай Павлович по-императорски отомстил мятежной Польше. Он пожаловал всем участникам военных действий против польских повстанцев и регулярной армии Царства Польского (составной части Российской империи) военный орден Польши «Виртути Милитари» — крест-«оборотень». Высочайшим указом высший польский воен-

ный орден было «повелено считать... за медаль». Такого мировая военная история еще не знала.

Российский монарх своим Высочайшим указом меняет управление в Царстве Польском. Вместо столь ненавистной ему конституции Польши с ее республиканским содержанием он «дарует» побежденным силой русского оружия полякам Органический статут 1832 года.

Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский тоже, но по-своему, «обидел» Польшу. Он приказал отправить в Москву, в кремлевскую Оружейную палату богатые трофеи. Это были боевые знамена разгромленной польской национальной армии, королевский трон, дворцовый флаг, а также «ковчег с покойницей конституцией» Польши.

НАМЕСТНИК ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

Окончание войны в Польше изменило судьбу Ивана Федоровича Паскевича. Граф Эриванский и светлейший князь Варшавский по воле всероссийского Императора превратился из наместника Кавказа в наместника Царства Польского. И одновременно в главнокомандующего всеми немалыми военными силами России на польской территории. Исполнение этих двух государственных должностей требовало «скорбного труда» и «каторжного терпения».

Иными словами, русский полководец становится полновластным хозяином вчера еще мятежного края. Светлейший князь Варшавский в награду за одержанную победу, по воле Императора Николая I, на четверть века был теперь «прикован к Царству Польскому».

При нем учреждается совет из главных чиновников польского края, заменивших прежних министров. Вместо Сейма Императором был утвержден Центральный Совет Царства Польского из сановников, назначенных лично Николаем I. Во всех официальных сферах деятельности, при ведении делопроизводства был введен в обязательном порядке русский язык. В прусской и австрийской частях Польши немецкий язык являлся официальным уже несколько десятилетий.

В целях предупреждения в дальнейшем возникновения тайных обществ в Царстве Польском Императорским указом закрываются «рассадники польского свободомыслия». Ими оказались университеты в Варшаве и Вильно, а также Кременецкий лицей. Вместо них в Киеве основывается университет Святого Владимира.

Забот по управлению «замыренного» края хватало. Мирные годы прославленного полководца, проживавшего теперь во дворце царского наместника в Варшаве, протекали в постоянных хлопотах о гражданском благоустройстве польских земель. Больше всего светлейший князь Варшавский старался изгладить из сознания местных жителей невзгоды «возмущения». Оно стоило Польше многих тысяч жизней погибших, искалеченных и оказавшихся в эмиграции. Война всегда сопрягалась с сожженными селениями, вытоптаннами полями, разрушенными мостами через реки, вырубленными лесами...

После подавления «возмущения» в Царстве Польском русская армия стала «окапываться» в нем. По повелению русского монарха развернулось строительство Варшавской цитадели. Император Николай I на сей счет высказался так:

— С возведением оной рушится вся надежда поляков когда-либо исторгнуться из Русской власти — и тогда они трепещи!..

Российский монарх не «забывал» о поляках. Через три года после подавления Польского восстания 1831 года император Николай I прибыл в Варшаву. Он хотел на месте ознакомиться с положением дел в «умиротворенном» крае. На приеме делегации от местного населения, состоявшей преимущественно из польских аристократов и шляхетства, глава Российской империи заявил прямо:

— ...По повелению моему воздвигнута здесь цитадель (крепость Александровская для русского гарнизона. — А. Ш.), и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город...

Одновременно начинается возведение современных в фортификационном отношении крепостей в Новогеоргиевске и Ивангороде. Последняя крепость сооружалась на собственных землях царского наместника — в 1840 году Государь подарил ему казенное имение Демблин.

Отчуждение земли под крепостное строительство вело к конфликтам с крупными польскими земельными магнатами. В отношении их светлейший князь Варшавский поступал просто, начальственно. Так, в 1835 году он прямо заявил возмущенному графу Яну Езерскому:

— Пора более уважать не говорю законную власть, но русский мундир и зеленый цвет его...

Наместник как мог заботился об экономическом развитии вверенных ему земель. Однако благополучие традиционно бедным российским провинциям подвластного ему царства давалось с большим трудом. Польские дворяне-шляхтичи были намного беднее российских дворян-помещиков. В таком же положении оказалось и польское крестьянство. Государственные налоги собирались с немалыми усилиями чиновничьего аппарата.

Беда была и в другом. «Вольнодумство» в Царстве Польском было распространено как нигде в России. Во время правления Паскевича военные суды не пустовали, но полководец-«царедворец» по возможности старался не перегибать палку. Виселицам он определенно предпочитал ссылку в далекую Сибирь или отдавание местных крамольников в солдаты. Интересно то, что на многое наместник просто закрывал глаза.

Показателен в этом отношении случай с «опаснейшим бунтовщиком» европейского масштаба Михаилом Александровичем Бакуниным. Он поддерживал самые тесные отношения с революционным подпольем во всех трех частях Польши — российской, австрийской и прусской. Это вскрылось в ходе следствия по делу варшавской «Организации 1848 года» и дополнилось «Исповедью», которую написал Бакунин Императору Николаю I, сидя заключенным в Петропавловской крепости.

Паскевич внимательно прочитал бакунинское «покаяние», но хода расследованию по его содержанию не дал. Одной из главных удач генерал-фельдмаршала князя Варшавского на посту правителя Царства Польского, несомненно, стало предотвращение новой вспышки восстания в 1848 году.

Его разнообразная и многоликая деятельность на посту главноуправляющего польскими губерниями Российской империи

давала положительные результаты. Так, в декабре 1850 года он имел полное право написать монарху, что теперь поляки менее опасны, чем «демагоги Западной Европы»:

«Поляк сейчас виден, если имеет злой умысел; он становится дерзок на улице, заносчив и беспрестанно посылает памфлеты, карикатуры, воззвания к народу и даже к армии; это безвредно, и так мы к этому привыкли, что даже не удивляемся».

Император Николай I был опытным и способным государственным мужем. Поэтому переназначение полководца-наместника с Кавказа в Польшу случайным назвать просто невозможно. Государь Николай Павлович Благословенный хорошо разбирался в достоинствах своих царедворцев и фаворитов. В этом его можно сравнить, пожалуй, только с Императрицей-воительницей Екатериной II Великой.

Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич, как русский полководец, после побед в Персии, Азиатской Турции и Польше находился в зените своей славы. Гусарский поэт генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов (он не относился к числу почитателей николаевского царедворца) так писал о нем с большим откровением:

«Не имея повода питать глубокого уважения к фельдмаршалу князю Варшавскому, я, однако, для пользы и славы России не могу не желать ему от души новых подвигов. Пусть деятельность нашего Марса, посвященная благу победоносного русского воинства, окажет на него благотворное влияние. Пусть он, достойно стоя в челе победоносного русского воинства, следит за всеми усовершенствованиями военного ремесла на Западе и ходатайствует у государя, оказывающего ему полное доверие, о применении их к нашему войску...»

УСМИРЕНИЕ ВЕНГРИИ И ТРАНСИЛЬВАНИИ

«Мирные годы» боевого, прославленного генерал-фельдмаршала Российской империи прервала венгерская революция 1848—1849 годов. И о нем не могли не вспомнить, поскольку военное поприще было все же подлинным призванием

графа Эриванского, светлейшего князя Варшавского, полного кавалера Военного ордена Святого Георгия.

Венгерская революция стала прямым следствием французской революции 1848 года, отозвавшейся вооруженными столкновениями монархических властей многих европейских стран с местными революционерами-радикалами: в «лоскутной» Италии, еще не ставшей единым государством, Прусском королевстве, в Австро-Венгерской империи.

1848-й был годом революций и надежд, ожиданий и разочарований.

При первом же известии о революционных событиях в Западной Европе всероссийский Император Николай I пришел в тревогу. Хотя при получении известия из Парижа о том, что там свергнут король Луи Филипп, младший из династии Бурбонов, он не выдал своего беспокойства. Большой «любитель эффектных жестов», он распахнул двери в зал, дал умолкнуть музыке и, обращаясь к присутствовавшим гвардейским офицерам, произнес свою знаменитую в истории фразу:

— Господа! Седайте лошадей; во Франции провозглашена республика...

В посольства Российской империи в западноевропейских столицах из Санкт-Петербурга поступает секретный циркуляр. В нем говорилось об отношении России к событиям 1848 года:

«...Ни в Германии, ни во Франции Россия не намерена вмешиваться в правительственные преобразования, которые уже свершились или могли бы еще последовать... Пусть народы Запада ищут в революциях этого мнимого благополучия, за которым они гоняются. Пусть каждый из этих народов по своему произволу избирает себе тот образ правления, который признает наиболее ему свойственным. Россия, спокойно взирая на таковые попытки, не примет в них участия, не будет противиться оным...»

Она (Россия. — А. Ш.) не потерпит, чтобы чужеземные возмутители раздували в пределах ее пламя мятежа, чтобы под предлогом восстановления исчезнувших народностей покусились отторгнуть какую-либо из частей... единства Империи. Если, наконец, из хаоса всех политических переворотов, всех возбужденных ныне вопросов и взаимных прав, всех

противоположных стремлений суждено возникнуть войне, то Россия в свое время рассмотрит, соответственно или нет ее выгодам вмешиваться и до какой именно степени в распри между тем и другим государством, тем и другим народом.»

Революционные события 1848 года развивались столь стремительно и в таких масштабах, что Российская империя больше не могла взирать со стороны на происходящее в Европе. В тот год у Императора Николая I заботы оказались только «европейские».

Российского самодержца больше всего озаботили военные события в пограничных с польскими губерниями империи Венгрии и Трансильвании, в которой большую часть населения тогда составляли мадьяры (венгры). 15 марта 1848 года массовым народным восстанием в городе Пеште началась так называемая буржуазная венгерская революция. Она проходила под лозунгами «...парижских братьев — свобода, равенство и братство».

В ее подготовке самое активное участие приняли члены движения «Молодая Венгрия», организованного поэтом Шандором Петефи. Сочиненные им песни, такие, как «На виселицу королей» или «Нации», распевались по всей стране. Венгерская революция была направлена против правления Вены, против феодально-крепостнического строя и гнета австрийской императорской династии Габсбургов.

Одновременно началось антиавстрийское восстание в Трансильвании. Там почти поголовно взялись за оружие секлеры — трансильванские мадьяры. Их поддержали местные румыны во главе с Балческу. Революционные венгерские войска в Трансильвании возглавил талантливый польский генерал Юзеф Бем. Войска Вены под командованием генерала Пухнера были разгромлены, и секлеры заняли столицу края город Клуж.

Подавить восстание в Венгрии сразу не удалось. Австрийские войска и хорватская армия под командованием императорского полководца бана И. Елачича терпели поражения от венгров. Более того, в восставшей против австрийского владычества стране за самый короткий срок была создана сильная и боеспособная национальная армия, которая нанесла более мно-

гочисленному противнику ряд серьезных поражений. Население Венгрии оказывало своим войнам-гонимым всяческую поддержку.

События в империи династии Габсбургов в скором времени стали эпицентром всего европейского революционного движения. Шутка ли — венгры, давно уже в истории лишенные своей государственности, создали собственное национальное правительство во главе с публицистом Лайошем Кошутом и национальную армию. К весне 1849 года ее численность доходила до 90 тысяч человек, не считая местных ополченцев.

Но ради все той же справедливости надо отметить: Венгрия пользовалась в рамках империи Габсбургов значительной самостоятельностью. Австрийский император одновременно являлся и коронованным королем Венгрии.

В Венгрии многие годы искоренялось и «омадьяривалось» все, что имело несчастье быть невенгерским. Да и сама империя до своего полного распада в 1918 году называлась Австро-Венгерской. Особенно это касалось славянского населения Закарпатья, исповедовавшего православную христианскую веру. Дело дошло до того, что даже русские православные священники говорили проповеди по-венгерски (русский язык в Мукачевской епархии был восстановлен только в 1850 году). Таково было требование местных властей.

В Санкт-Петербурге при Императорском дворе высказывали большую озабоченность развитием военных событий во владениях Габсбургов. Император Николай I в письме от 16 марта писал польскому наместнику генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, находившемуся теперь на самом «переднем крае»:

«Мы должны оставаться в оборонительном, почти в кардонном расположении... обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале».

Можно утверждать, что российский монарх опасался тогда только одного — чтобы венгерская революция через галицийскую границу с Австро-Венгрией не перешла на русскую часть Польши. А она среди российских владений считалась самой «взрывоопасной», о чем свидетельствовала немалая

история самых различных польских «возмущений» и враждебных проявлений к Российской империи.

Император Николай I рассматривал успехи революционной Венгрии в войне против Вены как непосредственную угрозу «собственному дому». Его предстояло защитить от соседского «пожара», поскольку в польских провинциях России уже началось некоторое словесное «брожение». В письме своему наместнику в Варшаве от 8 апреля Государь писал со всем присущим ему, откровением:

«...Верно, не вмешивался бы, ежели б, своя рубаха не была ближе к телу, ежели бы не видел в Беме и прочих мошенниках в Венгрии не одних врагов Австрии, но врагов всемирного порядка и спокойствия... которых истребить надо для нашего же спокойствия».

Венгерская революция «дышала» на западные границы Российской империи. 24 апреля 1848 года последовал Высочайший манифест Императора Николая I:

«Смуты и мятежи на западе с тех пор не укротились. Преступные обольщения, увлекающие легкомысленную толпу обманчивым призраком такого благоденствия, которое никогда не может быть плодом своеволия и самоуправства, проложили себе путь на Восток в сопредельные нам, подвластные турецкому правительству, княжества Молдавское и Валахское, одно присутствие войск наших совместно с турецкими восставило и удерживает там порядок. Но в Венгрии и Трансильвании усилия австрийского правительства, разрозненные другой еще войной с врагами внешними и внутренними в Италии, не могли доселе восторжествовать над мятежом; напротив, укрепясь скопищами польских изменников 1831 года и других разноплеменных пришельцев, изгнанников, беглых и бродяг, бунт развился там в самых грозных размерах».

Высочайший манифест от 24 апреля примечателен тем, что всероссийских монарх предельно ясно выразил свое личное отношение к бунту в австрийской Венгрии. Не только личное отношение, но и указание на то, чем венгерские события опасны для России.

Как известно, Император Николай I не хотел оказывать прямой военной помощи Венскому двору. Он, как и его бли-

жайшее окружение, был убежден, что юный император Франц Иосиф, занявший престол после отречения своего дяди Фердинанда, справится с венгерскими бунтовщиками собственными силами. Ведь на протяжении многовековой европейской истории австрийская армия относилась к числу одной из самых опытных и многочисленных армий на континенте.

Однако события на Венгерской равнине, берегах Дуная и в Трансильвании разворачивались для европейских монархов самым нежелательным образом. Восставшие венгры и их армия продолжили серию поражений, нанесенных ими австрийским войскам. Более того, армия повстанцев стала угрожать самой столице Австрии городу Вене. После начала первых наступательных движений венгерской революционной армии в этом направлении в австрийской столице началась самая что ни на есть паника.

В Вене прекрасно знали, у кого просить скорой военной помощи. Не случайно Император России Николай I, ярый противник всяких революций и убежденный сторонник монархических форм правления, именовался недоброжелателями «жандармом Европы». Он в таких случаях был готов к самым решительным силовым действиям и не останавливался в случае надобности перед их применением, будь это в собственной империи или за ее пределами.

Из австрийской столицы в двадцатых числах апреля в Варшаву к царскому наместнику-полководцу, доверенному лицу Государя России, летит срочная депеша от канцлера князя Шварценберга. Вена официально просила у генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича с перечислением всех его титулов и проименований о подаче немедленной военной помощи. Просила защитить австрийскую столицу.

Между Варшавой и Санкт-Петербургом расстояние было более чем в тысячу верст. Польский наместник граф и светлейший князь Паскевич мог рассчитывать получить ответ от Императора не ранее, как через 12—15 дней. Это в лучшем случае, если дожди не размоют дороги. И в такой непростой внешнеполитической ситуации полководец Императора решил действовать на собственный страх и риск, но в огром-

ной уверенности, что Государь одобрит его действия в военной поддержке императорского дома Габсбургов.

В Польше стояли сильные русские войска, главнокомандующим которых являлся царский наместник. Своим приказом он поднимает по тревоге и посылает на защиту австрийской столицы по железной дороге пехотную дивизию генерала Панютина. Силы отправлялись немалые: 10 тысяч штыков при 48 артиллерийских орудиях. Переброска этой сводной дивизии из Кракова в Вену стала первым опытом перевозки русских войск по железной дороге.

Защищать город Вену русским войскам не пришлось. Венгерская революционная армия не стала штурмовать столицу ненавистной ей Австрийской империи. Тем временем граф Эриванский и светлейший князь Варшавский получает от Императора Николая I письмо, посланное, как говорится, «вдогонку». Российский монарх подтверждал правильность действий своего наместника в Польше.

В императорском письме со всем «антиреволюционным» откровением говорилось: «Не щади каналов, ежели Вена и потеряна, дело ты исправишь, уничтожай гнездо бунта...»

Самые высокопоставленные сановники Венского двора зачистили в близкую Варшаву. Они всячески обхаживали польского наместника, чье слово перед монархом-самодержцем огромной Российской державы могло оказаться в минуту крайней опасности для династии Габсбургов решающим. Понимал свою значимость и сам генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич, надеявшийся, что австрийская армия управится с массовым восстанием венгров собственными силами.

Однако военные дела у Венского двора шли все хуже и хуже. Наконец даже сам Император Николай I понял, что русской армии следует «спешно» спасти соседнюю империю. Которая, к слову сказать, во всех коалиционных войнах была для Российского государства очень ненадежным союзником.

Генерал Лидерс, командир 5-го армейского корпуса, занимавшего Дунайские княжества, с санкции Санкт-Петербурга двинул в соседнюю Трансильванию два небольших отряда полковников Энгельгардта и Скарятинна общей силой в пять батальонов. Однако австрийцы не оказали им даже малейшей

помощи. После боя со «скопищами» трансильванских венгров у Германштадта русские отряды отступили в Валахию.

Решение об участии России в вооруженном подавлении национально-освободительного восстания в Венгрии принималось на самом высоком уровне. 21 мая в Варшаве состоялась личная встреча российского Государя с австро-венгерским императором Францем Иосифом Габсбургом. Последнему в столице Царства Польского была устроена торжественная встреча с разводом караула варшавского гарнизона.

Два европейских монарха договорились между собой сразу, разногласий между ними не оказалось. Прежде всего по той простой причине, что австрийский монарх был согласен буквально на все, лишь бы заполучить русскую военную помощь и спасти свою древнюю династию. Венгерскую революцию было решено подавить совместными усилиями. Очевидец встречи двух монархов писал:

«Доверенное лицо австрийского императора генерал-лейтенант граф Кабога на приеме публично бросился на колени перед царским наместником Польши князем Паскевичем и, целуя ему руки, умолял спасти Австрийскую империю».

Английский дипломат лорд Пальмерстон писал 28 марта, комментируя положение Австрийской империи династии Габсбургов, в Лондон следующее откровение:

«...Она держится в настоящую минуту за Россию, как плохой пловец за хорошего... Мы не можем помешать России в этом деле... но с течением времени... я не сомневаюсь, что мы выживем русских из княжеств (Дунайских — Молдовы и Валахии. — А. Ш.)».

Россия обязывалась без промедлений выставить против восставшей Венгрии огромную по численности армию в 240 тысяч человек. Из них 140 тысяч должны были походными колоннами перейти венгерскую границу. 60 тысяч войск направлялись в Галицию. А еще 40 тысяч оставались в придунайских княжествах Валахии и Молдове, граничивших с Трансильванией, в качестве резерва.

В южной части Царства Польского началось сосредоточение главных сил русской армии, предназначенных для «усмирения» Венгрии. Это были 2-й, 3-й и 4-й армейские корпуса — де-

вать пехотных и четыре кавалерийские дивизии при 450 орудиях. Их сосредоточение закончилось в апреле месяце.

Австрия брала на себя продовольственное снабжение русской экспедиционной армии. Королевство Пруссия пропускало через свою территорию по Верхнесилезской железной дороге из города Кракова воинские эшелоны с 30 тысячами русских солдат. С буржуазными и прочими революциями в XIX столетии европейские правители-монархи боролись «всем миром».

Руководство действиями русской армии против революционной армии Венгрии возлагалось на прославленного русского генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича. Таково было единодушное пожелание императоров российского и австрийского. Польский наместник сразу же, прямо на карте Центральной Европы, разработал план наступательной операции русской армии. Согласно ему действующие войска делились на две походные колонны — правую и левую. Направлением главного удара была венгерская столица на берегах Дуная город Пешт.

Однако большой самостоятельности две походные колонны не имели. Перед наступательным движением на Пешт им предстояло соединиться уже на венгерской территории у города Эпериеш под единым командованием графа Эриванского и светлейшего князя Варшавского. Именно ему, а никому другому, было доверено спасение военной силой венгерского дома Габсбургской династии.

Правая походная колонна русских войск входила в Венгрию под командованием генерала Ф.В. Ридигера, пожалованного недавно (в 1847 г.) в графское достоинство. В ее составе числилось 32 тысячи человек при 120 орудиях. Колонна выступала от города Неймарка и шла на соединение с главными силами русской экспедиционной армии через Люблю.

Главная — левая походная колонна русской армии во главе с самым генерал-фельдмаршалом Паскевичем (70 тысяч человек, 240 орудий) начинала свой заграничный поход от городов Змиграда и Дуклы, с территории Галиции.

Одновременно значительные силы русских войск направлялись в горную Трансильванию. Здесь действовали объединен-

ные отряды генералов Лидерса и Гротенгельма общей численностью в 38 тысяч человек. Войска из Дунайских княжеств с востока и юга в Трансильванию пока не входили.

Император Николай I писал главнокомандующему русской экспедиционной армией перед началом ее похода на подавление венгерской революции:

«Необходимо, чтобы с первого удара наше дело было переломлено в пользу правого дела. Надо, чтоб как громом грянуло, и все было кончено...»

Опытнейший полководец Паскевич, много повоевавший на своем веку, прекрасно знал боевые возможности вооруженных сил австрийского императора-союзника Франца Иосифа. Главнокомандующий писал своему Государю, что в его расчеты будет всегда «путаться» австрийская армия. В успешности ее действий против венгров он просто не мог быть уверен, чему свидетельств имелось больше, чем просто достаточно.

Союзники-австрийцы сразу же показали свое отношение к русской армии — спасительнице Вены. Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич почти сразу же стал откровенно жаловаться в Санкт-Петербург на трудности в снабжении войск провиантом. Он писал, что клятвенно обещанных министром-президентом Австрии князем Феликсом Шварценбергом продовольственных «магазинов нет» на всем пути следования русской экспедиционной армии.

...Левая походная колонна русских войск выступила 16 июня, правая — через два дня. Вступление экспедиционной армии России на венгерские земли совершалось при чрезвычайной торжественной обстановке, в присутствии самого Императора Николая I. Подавление антимонархического восстания в Венгрии российский самодержец считал своим правым делом.

Северная армия революционной Венгрии насчитывала всего около 10 тысяч человек. По другим источникам — 17 тысяч ополченцев, естественно плохо обученных и плохо вооруженных. Боевой настрой венгерских воинов-добровольцев не мог это компенсировать. Командовал армией генерал Высокский. Наступающие русские войска имели полное превосходство над Северной армией венгров в артиллерии.

Русский главнокомандующий не нашел в генерале Высоцком достойного противника. Премудрый в военном противоборстве Паскевич постоянно создавал для противника угрозу обхода его флангов казачьими полками, двигая при этом свои войсковые колонны только вперед. Со стороны поход русской армии по земле Венгрии выглядел на первых порах довольно странным — она наступала без выстрелов. Северная венгерская армия под командованием генерала Высоцкого отходила от нее без всякого сопротивления.

Только 22 июня у местечка Шамоша кавалерийский авангард колонны Паскевича имел небольшое дело с неприятелем, которое ограничилось непродолжительной перестрелкой. Без боев занимают важные в стратегическом отношении города Мишкольц и Токай на реке Тиссе. Последний по своему местоположению становится главной операционной базой царской армии.

Венгерские революционные войска, стараясь всячески избежать больших столкновений с русскими, искусно маневрировали на своей территории. В последующем генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича часто упрекали в том, что, имея сильную кавалерию, он не проводил в Венгрии с ее равнинами операции на окружение. Которые в последующем должны были приводить к разгрому революционной армии Венгрии по частям. Действительно, русский полководец не стремился к такому исходу военных действий, хотя для того имел почти все возможности.

Генерал-фельдмаршал Российской империи в тех событиях показал себя превосходным тактиком. Он «просчитал» следующее: в складывающейся ситуации давление мощных по силе русских походных колонн и их маневрирование на Венгерской равнине перед Дунаем довольно скоро вынудят главнокомандующего армией противника Артура Гергея к капитуляции перед русскими, но не перед своими врагами-австрийцами.

В Европе революционная венгерская армия могла получить помощь только от поляков, в немалом числе вступавших в ее ряды. Это были в своем большинстве эмигранты, бывшие военнослужащие армии Царства Польского, которые вынужденно оставили родину в 1831 году.

С бескровным взятием города Мишкольца следующим важным пунктом боевых операций должен был стать придунайский город Пешт, столица Венгрии. Там полководец Паскевич предполагал встретить отступавшую от города Коморна Верхнедунайскую армию Артура Гергея, которая действовала против Вены, и сразиться с ней. До сей поры армия Гергея успешно противостояла австрийцам — их самой сильной армии под командованием барона Гайнау.

Продвижение русской армии по Венгрии проходило успешно и беспрепятственно. Она находилась всего в семи дневных переходах от Дуная, при этом не совершая стремительных марш-бросков не только по причине наличия при ней большого числа артиллерии и обозов.

Однако дела со снабжением действующих войск становились все хуже и хуже. Австрийский императорский главнокомандующий генерал Гайнау заявил русским посланцам, прибывшим в его штаб-квартиру и напомнившим о заверениях князя Шварценберга, доверенного лица главы династии Габсбургов:

— Прежде всего надлежит позаботиться об обеспечении моей армии, а потом уже — русской...

Более откровенно высказаться союзникам было трудно. Командованию русскими экспедиционными войсками пришлось «выкручиваться» как только было можно, чтобы обеспечить людей пропитанием. Огромной по численности армии польского наместника пришлось «кормиться» реквизициями продовольствия у местного населения, что популярности русским воинам при всей их дисциплинированности на венгерской земле не прибавило. А даже наоборот.

Вскоре настоящим бичом русских войск стали болезни, особенно вспыхнувшая эпидемия холеры. За первые пять дней пребывания русских войск на берегах реки Тиссы от этой эпидемии слегло 15 тысяч человек. Холера в буквальном смысле этого слова обескровила 4-й пехотный корпус, который превратился в огромный лазарет.

Тем временем австрийцы постоянно начали отступать от ранее утвержденного сторонами плана союзных военных действий. Австрийские войска опаздывают к городу Вайцену, где

русские передовые отряды 3—5 мая вели бои с Верхнедунайской армией венгерского главнокомандующего Артура Гергея. Благодаря этому армия противника, умело маневрировав, избежала угрозы окружения союзниками.

Вайценское сражение лишней раз убедило генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича в том, что успех в Венгерской войне можно добыть «не баталиями, а маневрами» при преследовании армии противника. И в итоге добиться полной победы малой кровью, если, разумеется, не считать санитарных потерь от эпидемии холеры.

Граф Эриванский и светлейший князь Варшавский правильно расценивал расстановку противоборствующих сил и перспективу войны в Венгрии. Он прямо, со всей откровенностью писал Императору Николаю I, что австрийское правительство вместо того, чтобы «стараться помириться с народом венгерским, раздражает его прокламациями...».

Венгерский поход все же не стал легкой экспедиционной прогулкой для русской армии. Пример тому — столкновение сторон между селениями Тур и Самбок, состоявшееся 8 июня. Венгерскими войсками начальствовал их главнокомандующий Артур Гергей. Наиболее жарким делом в том сражении стали события у Самбока, где венгерский генерал Дежефи, командир 10-го корпуса, лично повел в атаку кавалерийскую дивизию в составе 17 эскадронов при 12 орудиях, поддержанную пехотной бригадой.

Здесь на пути венгров стал созданный по приказу генерал-фельдмаршала Паскевича особый сводный отряд под командованием генерал-лейтенанта графа Алексея Петровича Толстого. Однако в самом бою приняла участие только часть сил отряда — Елизаветградский гусарский, Лубенский гусарский, Харьковский уланский, казаки и две артиллерийские батареи. Все эти силы генерал Толстой построил в две боевые линии и стал поджидать приближения противника.

Корпусной генерал Дежефи начал атаку русской позиции только после того, как подтянулась вся его кавалерия. Однако 12 венгерских орудий быстро проиграли артиллерийскую дуэль 14 русским пушкам. После этого Дежефи нанес удар во фланг русским несколькими эскадронами польских улан, вхо-

дивших в состав его корпуса. Затем в атаку были брошены кавалерийские эскадроны венгров, которые один за другим выносились на поле битвы из-за леса.

Произошло несколько конных сшибок, и в рубке русские кавалеристы не уступили атакующему противнику ни занимаемую позицию, ни свои батареи. Исход боя решила стремительная атака двух сотен казаков и Харьковского уланского полка, которых повел вперед лично сам генерал-лейтенант граф А.П. Толстой. За тот бой под селением Самбок он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

21 июля при городе Дебрецене произошел бой русских войск с одним из авангардных отрядов противника — корпусом генерала Надя Шандора. Он имел восемь тысяч человек и 41 полевое орудие. Русский главнокомандующий обрушился на венгерские войска своими главными силами, имея 62 тысячи человек и 298 орудий. Надь Шандор сумел избежать полного разгрома, но при этом потерял в бою половину своего корпуса.

...План полководца Ивана Федоровича Паскевича по «силовому давлению» на венгерскую революционную армию с постоянной для нее угрозой окружения сделал свое дело. Руководители буржуазной революции в Венгрии довольно скоро поняли всю бесперспективность вооруженной борьбы одновременно на два фронта — против армии России и военных сил австрийской монархии.

Это стало понятно в Пеште особенно после того, как царский генерал Лидерс разбил в горной Трансильвании (в Семиградь) войска генерала Юзефа Бема, едва ли не самого решительного и удачливого революционного генерала. Тот имел под своим командованием 32 тысячи человек, главным образом местных повстанцев-секлеров, и 110 орудий. Трансильвания была полностью очищена от австрийских войск, за исключением одной-единственной крепости Карасбург.

Русский генерал Лидерс имел корпусные войска численностью около 35 тысяч штыков и сабель. В них находился и цесаревич, наследник российского престола, будущий Император Александр II, в звании «командира гвардейского пехотного

корпуса». Русские войска вошли в Трансильванию двумя походными колоннами. Первое поражение венгры потерпели у города Брассо (по-немецки Кронштадт).

После этого последовали новые победы русского оружия. Венгерские войска терпели поражения в Карпатских горах даже в случаях внезапных нападений на русские колонны. Энергичный генерал Юзеф Бем во главе четырех тысяч секлеров прорвался в соседнее Дунайское княжество Молдову, но местное население из румын-молдаван и не думало восставать на стороне Венгрии.

Трансильванские войска венгров были окончательно разбиты в бою под Германштадтом и при Мюленбахе. Бему с остатками своих войск, потерявших артиллерию, пришлось укрыться в соседней Турции. Там он принял ислам, поступил на службу в султанскую армию и впоследствии воевал против России на Кавказе в ходе Восточной (или Крымской) войны 1853—1856 годов в чине турецкого паши (генерала).

Венгерская революция лишается еще одного своего выдающегося деятеля. Поэт Шандор Петефи — адъютант генерала Юзефа Бема — безвестно погибает в схватке с донскими казаками в бою при Шесбурге. Так с исторической сцены событий в Венгрии сходят три главных «актера» революции — Кошут, Петефи и поляк Бем.

Бои русского корпуса генерала Лидерса в Трансильвании за время Венгерского похода оказались самыми упорными. В них стороны понесли наибольшие потери. Действия русских войск в Южных Карпатах стали образцом ведения наступательных операций в горах. На Венгерской равнине второго революционного генерала типа Бема у пештского правительства не оказалось. Не произошло там и генерального сражения противоборствующих сторон.

Верховный правитель Венгрии и инициатор создания венгерской национальной армии Лайош Кошут 11 августа подписал отречение от власти, передав ее всецело главнокомандующему Артуру Гергею. Кошут эмигрирует за границу, будучи в Австрии, приговорен к смертной казни. Так военный министр революционной Венгрии становится ее фактическим диктатором. Тем самым судьба буржуазной революции против прав-

ления династии Габсбургов, так успешно начавшейся, была решена.

Уже 12 августа на военном совете в крепости Вилагоше по предложению нового диктатора страны принимается решение о сдаче венгерской революционной армии русской. И только ей, чтобы избежать массовых репрессий, массовых смертных казней военнослужащих-мадьяр. Именно этого открыто жаждало венское правительство императора Франца Иосифа.

13 августа национальная армия Венгрии сложила свое оружие на равнине между местечком Зараня и деревней Селлок. Это случилось вблизи города Арад на территории современной Румынии.

Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич, фактический победитель в венгерской войне, писал в донесении Императору Николаю I после сдачи венгерской армии под командованием Артура Гергея при крепости Вилагоше:

«Вы победили Венгрию, она у ног Ваших, и война оканчивается...»

Война против революционной Венгрии длилась всего два месяца и стоила России 708 человек погибшими и 2447 ранеными. Боевые потери очень небольшие по сравнению с тем, какой урон понесла австрийская императорская армия, так и не одержавшая над восставшими венграми громких побед.

Для той войны это были действительно скромные боевые потери... Если, конечно, не считать 10 885 умерших из 85 387 человек, переболевших холерой. А последняя цифра составляла больше половины численности русской экспедиционной армии, действовавшей против революционной Венгрии. Такова была настоящая цена венгерской войны для Российского государства.

Пленные генералы, офицеры и солдаты-гонимые венгерской национальной армии по договору между Венским двором и Санкт-Петербургом передавались австрийской стороне, поскольку Венгрия являлась частью ее владений. Так настоял в ходе переговоров с Императором Николаем I глава Габсбургской династии Франц Иосиф.

Из тринадцати венгерских генералов, сдавшихся в плен, девять было повешено, а четверо — расстреляно. Из 475 венгерских офицеров, представших перед австрийским венгерским судом в городе Арад, 231 приговорили к смертной казни, в дальнейшем замененной долгосрочным тюремным заключением. Различными наказаниям были подвергнуты многие рядовые солдаты-гонимые. В своем большинстве они были добровольцами венгерской национальной армии.

Из руководителей восставшей против австрийского владычества Венгрии помилованным императором Францем Иосифом оказался один Артур Гергей, сдавший венгерскую национальную армию в плен русской под крепостью Вилагоше. Его отправили на поселение подальше от родины — в австрийский город Клагенфурт без права выезда оттуда. Историки по сей день спорят о причинах такой снисходительности к военному министру венгерского национального правительства и главнокомандующему революционной армией, «взбунтовавшейся» против владычества Вены.

Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич и наследник российского престола цесаревич Великий Князь Александр Николаевич попытались было заступиться за сдавшихся в плен русской армии венгерских генералов и офицеров. Но такое «высокое» заступничество оказалось тщетным. На их просьбы министр Венского двора Виссенберг ответил весьма кратко и красноречиво:

«От русских зависит судьба венгерцев. Мое австрийское сердце не может этого стерпеть...»

В русской действующей армии все участники Венгерского похода получили боевую наградную медаль с надписью на обороте: «За усмирение Венгрии и Трансильвании». На лицевой стороне был изображен российский герб — двуглавый орел и славянской вязью были выведены слова: «Разумейте языцы и покоряйтесь». Серебряная наградная медаль носилась на двойной, комбинированной Андреевско-Владимирской ленте.

Для штаб-офицеров и генералов отчеканили серебряную медаль. На лицевой стороне ее под лучезарным «всевидящим оком» изображен двуглавый российский орел, терзающий

трехглавого змея. По окружности идет надпись: «Разумейте языцы и покоряйтесь». На оборотной стороне медали идет другая надпись: «Российское победоносное войско поразило и усмирило мятеж в Венгрии и Трансильвании в 1849».

Не осталась в долгу перед своими спасителями и Австрия. За особую воинскую доблесть русские офицеры и солдаты награждались золотыми и серебряными медалями с изображением императора Франца Иосифа. Надпись на таких медалях гласила: «За храбрость».

Император Николай I Павлович вновь, как и при завершении польской кампании 1831 года, оказался щедр на награды царским войскам. Георгиевские знамена, самые почетные в русской армии, получили 39-й пехотный Томский и 40-й пехотный Кольванский, 58-й пехотный Прагский и 60-й Замосцкий, 1-й Донской казачий полки, Кубанский казачий дивизион...

Взятые русской армией генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича в качестве боевых трофеев знамена Венгерской национальной армии были доставлены в Россию. Они хранились там более столетия как почетнейшие из всевозможных военных трофеев, как доказательства доблести русского воинства.

В 1941 году, перед самым началом Великой Отечественной войны, по решению Сталина правительство Советского Союза вернуло Венгрии, тогдашней союзнице гитлеровской Германии, боевые знамена армии революционной Венгрии. Трофейные знамена с большими воинскими почестями были встречены в Будапеште. Этими боевыми стягами освящались венгерские войска, которые вскоре перешли советскую государственную границу в наступающих колоннах немецко-фашистских войск...

Главнокомандующий русской экспедиционной армией в Венгерском походе с триумфом вернулся в Варшаву, столицу Польского наместничества. Там графу Эриванскому и светлейшему князю Варшавскому была устроена самая торжественная встреча. Имя русского полководца еще раз прогремело по Европе, и его снова славили во всех столицах европейских монархий.

НА ЗАКАТЕ ДНЕЙ

В Варшаве Паскевич вновь вернулся к прежним наместническим заботам. Дел для него в Царстве Польском хватало. И чисто гражданских, управленческих и по командованию вверенными ему Государем войсками, расквартированными на польской территории. Россия здесь традиционно держала во все исторические времена немалые военные силы для прикрытия своей западной государственной границы.

В это время произошло знаменитое чествование И.Ф. Паскевича, с описания которого мы и начинали наше повествование.

...На Востоке между тем собиралась новая гроза — очередная русско-турецкая война. Умудренный жизненным опытом, Иван Федорович Паскевич смотрел на ее приближение с явным неудовольствием, считая бесполезной и прозорливо предвидя для российского Отечества нежелательные результаты и последствия.

В некогда огромной и могущественной Оттоманской империи все усиливались желания вновь скрестить оружие с Россией. Но Турция уже не была тем сильным в военном отношении государством, чтобы в одиночку объявлять «священную войну» своему северному соседу. В Стамбуле (Константинополе) не расставались с мечтой вернуть себе бывшие владения в Закавказье, Крыму, Северном Причерноморье, на черноморских берегах Кавказа...

В середине XIX столетия внешнеполитическая ситуация в Европе для николаевской России изменилась в самую худшую сторону. Теперь за воинственно настроенной Турцией зримо стояли ее союзницы в лице Франции, Великобритании и... Австрии. Вхождение Австрии в круг недругов России было едва ли не самым для нас обидным. Такой черной «неблагодарностью» Вена и двор династии Габсбургов готовились отплатить недавней своей спасительнице России.

Можно только представить себе, что пережил в душе русский полководец, победитель в венгерской войне генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич при получении таких известий не только из российской столицы. Было совсем не случайным, что

он, хорошо знавший и любивший военную историю России, никогда не доверял союзническим заверениям Австрии. Как военный вождь, Паскевич во все времена своей долгой полководческой биографии опасался таких союзников.

Оттоманская империя со всей торжественностью подобных случаев 4 октября 1853 года объявила России очередную войну. В стратегических планах султанского командования значились захват Крыма (но не восстановление там Крымского ханства, как было прежде) и всего Кавказа. Не только Закавказья, но и Северного Кавказа. Некоторые султанские военачальники грозились зайти в Россию еще дальше этих мест.

Так началась Восточная, или, чаще называемая, Крымская война 1853—1856 годов. Начиналась как новая русско-турецкая, а обернулась войной коалиции европейских держав против Российской империи, оказавшейся в одиночестве.

На первых порах военные действия даже в приграничье особой активностью не отличались. Но все резко изменилось после того, как русский Черноморский флот одержал «полную» Синопскую победу в последнем в мировой истории морском сражении парусного флота. Синопским морским сражением, по сути, завершилась многовековая эпоха парусного флота и войн на море парусных флотов.

В бухте турецкого города-крепости Синоп на южном, турецком берегу Черного моря был полностью разгромлен и сожжен флот Османской империи. В Лондоне и особенно в Париже забили тревогу, и Восточная война «в одночасье» превратилась в европейскую, коалиционную, в которой у России союзников не оказалось.

Подобных коалиционных войн на Европейском континенте давно не было.

Российская империя в ответ на ввод в Черное море многочисленного англо-французского флота с сильным десантом на борту 9 февраля 1854 года объявила войну Англии и Франции. У Санкт-Петербурга в той ситуации, когда российская дипломатия оказалась бессильной, не было другого выхода.

...Первоначально боевые действия развернулись на дунайском правобережье, в Закавказье и на Черном море, но вдали от берегов Крыма и Севастополя, ставшего в той войне горо-

дом русской военной славы. Турция и Россия пока только еще стягивали на театры военных действий свои войска, проводили мобилизацию для пополнения армейских рядов.

На Балканах султанской армии под командованием полководца Омер-паши численностью почти в 150 тысяч человек противостояла русская Дунайская армия. Ее численность была почти вдвое меньше неприятельской — всего 82 тысячи бойцов. Но главная слабость русской армии на Дунае была не в этом.

Во главе Дунайской армии стоял престарелый генерал «придворной службы» князь М.Д. Горчаков, в котором задатки боевого военачальника, увы, давно атрофировались за ненадобностью. По многочисленным оценкам современников, это был угодливый и подобострастный царедворец, не доверявший ни своему начальству, ни подчиненным ему армейским командирам и солдатам. Было похоже, что на столь высоком армейском посту он не доверял даже собственному штабу и самому себе.

Хуже того, как показало само начало войны, генерал от артиллерии Горчаков в должности главнокомандующего русской армией на Балканах оказался полностью неспособным к самостоятельным действиям. Но, как ни странно, при всем при том князь пользовался доверием Императора Николая Павловича.

Поэтому русские действующие войска, вступившие в Дунайские княжества Молдову и Валахию, повели ограниченные боевые действия. Это было непривычно в том плане (в сравнении с прежними войнами на Дунае), что в их действиях отсутствовал оперативный размах. Русские войска, становившиеся на зимние квартиры, оказались разбросанными на широком фронте.

Бездействие русской стороны подтолкнуло турецкое командование к активным операциям. В бою при Четати 23 декабря 1853 года едва не разбитым оказался Тобольский пехотный полк — нападавшие численно превосходили его в шесть раз. Лишь героизм тобольцев и своевременное прибытие к Четати егерей Одесского полка не позволили туркам одержать победу, при этом они из 18 тысяч человек потеряли свыше трех тысяч, а из 24 орудий — шесть.

Российский Государь уже вскоре понял свою непростительную ошибку с назначением главнокомандующим Дунайской армией генерала от артиллерии князя М.Д. Горчакова. На главном театре военных действий требовался значительно более деятельный человек, наделенный полководческим талантом и авторитетный в рядах вооруженных сил России. После недолгих размышлений выбор Императора Николая I вновь пал на польского наместника, полководца, известного всей Европе и особенно в Османской Порте.

Ивану Федоровичу Паскевичу шел тогда уже восьмой десяток лет. Хотя здоровье его оставляло желать лучшего, он, как человек сугубо военный, без долгих раздумий принял высокое царское предложение. Иначе полный Георгиевский кавалер в звании генерал-фельдмаршала, граф Эриванский и светлейший князь Варшавский поступить просто не мог, коль его Отечество вступало в большую европейскую войну.

В конце марта 1854 года престарелый, но бодрый с виду генерал-фельдмаршал отправился из столицы Царства Польского города Варшавы на Дунай. 3 апреля новый главнокомандующий русской Дунайской армии прибыл в город Фокшаны. Там уже находились тылы действующей южнее вверенной ему армии.

Фокшаны становятся на первых порах главной штаб-квартирой нового главнокомандующего. Паскевич предложил Императору переправиться на Нижнем Дунае и сперва овладеть неприятельскими крепостями на болгарском берегу реки. Николай I утвердил назначенную его «отцом-командиром» переправу русской армии одновременно в трех местах — в Браилове, Галаце и Измаиле.

Оттуда с конным конвоем, состоявшим из сотни кавказских казаков-линейцев (будущих кубанцев и терцев), сотни азербайджанских всадников и полсотни конных горцев, Паскевич через столицу Валахии город Бухарест прибыл в расположение действующих войск. Состав конвоя образно напомнил Паскевичу годы его наместничества на Кавказе.

Весной армия генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича успешно форсировала полноводный по весне Дунай и сразу же закрепились на его противоположном берегу.

По единодушной оценке специалистов, операция по переходу русских войск через Дунай 14 марта 1854 года была проведена блестяще. Форсированием реки полководец руководил из Фокшан.

Начало активных боевых действий против султанской армии полководца Омер-паши ознаменовалось взятием нескольких турецких приречных крепостей — Исакчи, Тульчи, Мачина и богатых военных трофеев. Успешное начало наступления на линию турецких крепостей на севере Болгарии было многообещающим.

Однако важнейшую неприятельскую крепость на берегах Дуная — Силистрию русские войска с ходу взять не смогли. Теперь по всем законам войны турецкую крепость предстояло подвергнуть осаде, которая обещала быть продолжительной. Силистрия по сравнению с ранее павшими крепостями выглядела более сильной и с многотысячным, боеспособным гарнизоном. К тому же русская Дунайская армия не могла сосредоточить под ней большие силы.

Опасаясь иметь почти 20-тысячный силистрийский гарнизон у себя в тылу, русский главнокомандующий запретил дальнейшее продвижение армии вперед. План последующего завоевания причерноморских крепостей повис в воздухе. Исследователи склонны считать, что такое решение почти 80-летний Иван Федорович Паскевич принял по той причине, что его физические и моральные силы были на исходе.

Престарелый генерал-фельдмаршал России оказался в крайнем озабоченном расположении духа. «Спасенная» им от венгерской революционной армии Австрия сосредотачивала сильные войска в операционной линии русской Дунайской армии. Разведка приносила на сей счет только неутешительные сведения. Кроме того, к близкой к дунайской Силистрии, находившейся в осадном кольце, черноморской портовой Варне направлялась союзная корабельная армада с сильным англо-французским десантом на борту.

Таким образом, русская Дунайская армия могла вполне реально оказаться в положении между молотом и наковальней. Ситуация складывалась такой, какой ее предвидел и опасался светлейший князь Варшавский, не раз предупреждая в пись-

мах о том Императора Николая I и российское Военное ведомство.

Англо-французский десант, по всем данным, спешил на помощь безуспешно начавшей войну на Дунае султанской армии Омер-паши. Сразу в трех столицах — Стамбуле, Париже и Лондоне — всерьез опасались, что после взятия Силистрийской крепости русская армия победоносно двинется только на юг через Болгарию с ее славянским православным населением на прорыв через Балканские горы. Как это блестяще сделал в последней русско-турецкой войне полководец Иван Иванович Дибич-Забалканский. В Западной Европе не хотели еще большего усиления позиций России на Балканах.

Новому командующему Дунайской армией пришлось сразу же по прибытии на место принимать самые ответственные решения. Паскевич отзывает из Малой Валахии, со своего крайнего правого фланга, отряд генерала Липранди, который мог легко оказаться во вражеской западне. Этот фланговый отряд русской армии, оказавшись в Малой Валахии в полукольце турецких и австрийских войск, в случае их совместного наступления мог погибнуть.

Паскевич все же принял решение продолжить наступательные действия. 18 апреля русские войска занимают город Черноводу, после чего начинают окружение Силистрийской крепости с самыми серьезными намерениями взять ее приступом.

К плотной осаде османской крепости Силистрия русский полководец приказал приступить только 29 апреля. По всей видимости, предвидя скорый отход армии России с Дуная на свою территорию, генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич не пошел на «совершенное обложение» сильной турецкой крепости, оставив ей операционное сообщение с другой неприятельской крепостью Шумлой. Под Силистрию были стянуты силы пяти армейских дивизий.

Была проведена разведка боем возможностей и укреплений вражеского гарнизона. 17 мая три русских пехотных батальона под прикрытием артиллерийского огня провели пробный штурм крепости, проведенный не по приказу командующего, а по инициативе частных начальников. Те хотели

взять сильную Силистрию «кавалерийским наскоком». Турки отбили атаку пехоты противника, которая обошлась нападавшим потерями в 900 человек, при этом был убит начальник 8-й пехотной дивизии генерал Сельван.

Озабоченный неудачей, главнокомандующий Паскевич 28 мая лично провел рекогносцировку вражеской дунайской крепости. Вместе с сопровождавшими его людьми он попал под артиллерийский обстрел из Силистрии, во время которого получил контузию. Врачам она виделась неопасной для жизни, но сопровождалась лихорадочным состоянием, весьма серьезным для человека преклонного возраста.

По настоянию врачей граф Эриванский и светлейший князь Варшавский 1 июня переехал для поправки здоровья в город Яссы. Но командование Дунайской армией ему пришлось передать все тому же генералу от артиллерии Горчакову. Однако Иван Федорович Паскевич, как полноправный главнокомандующий, оставил при этом за собой право главных распоряжений относительно ведения военных действий подчиненной ему Дунайской армии.

Паскевич, хорошо разбиравшийся в сложившейся на юге России стратегической обстановке, уже прекрасно понимал, что энергичная осада Силистрийской крепости бесполезна. Союзники Турции уже высаживались в больших силах в портовой Варне и устраивали там военный лагерь. К августу в Варне скопилось до 35 тысяч англо-французских войск, и это было еще не все. Объединенный паровой военный флот Англии и Франции господствовал в Черном море, поскольку на нем паровых военных кораблей Россия почти не имела.

Ко всему этому Австрия, заключив выгодную для Вены с Турцией конвенцию, готовилась занять своими войсками Дунайские княжества — Валахию и Молдову.

Это привело бы к столкновениям между австрийскими и русскими войсками.

Теперь все сводилось к одному-единственному вопросу: как следовало поступать с блокированной турецкой крепостью Силистрией? Штурм ее бастионов неминуемо приводил к совершенно бесполезным в той ситуации потерям в людях. Они неизбежно, учитывая силу крепостных укреплений и количе-

ство артиллерии, должны были быть большими. Опытный Паскевич предвидел, что даже захваченную Силистрию пришлось бы в скором времени отдать неприятелю без боя.

По настоянию генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича высшее военное командование в Санкт-Петербурге в лице самого Императора Николая I приняло единственно верное тогда решение. Оно заключалось в отказе от штурма крепости Силистрия и выводе русских войск из Дунайских княжеств.

Такое решение едва не опоздало на берега Дуная. В ночь с 8-го на 9 июня, когда русские осадные войска уже изготовились к генеральному штурму силистрийских укреплений, главнокомандующий Дунайской армией прислал из Ясс генералу от артиллерии князю М.Д. Горчакову приказ полностью снять осаду с главной турецкой крепости и с войсками начать отход от нее. А под крепостной оградой были уже успешно проведены взрывы фугасов и горнов; шесть пехотных полков были готовы пойти на приступ. Отступление русских от Силистрии прошло скрытно от турецкого гарнизона.

В конце июня 1854 года начался и в конце августа завершился полный вывод русских экспедиционных сил — более 100 тысяч человек — из Дунайских княжеств. Маневр отхода большой действующей армии совершался по предписаниям генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича оперативно, организованно и весьма успешно. По дорогам современной Румынии одновременно перемещались в одном направлении огромные массы русских войск с артиллерией и артиллерийскими парками, армейскими тылами и многочисленными обозами, госпиталями, переполненными больными холерой.

Ободренное таким неожиданным поворотом дела, турецкое командование сосредоточило около Рущука до 30 тысяч войск, 26 июня переправило их через Дунай у города Журжи. Османы вознамерились нанести удар на Бухарест и захватить столицу княжества Валахия. Однако Паскевич предусмотрительно прикрыл город отрядом в девять тысяч человек при 24 полевых орудиях под командованием генерала Соимонова.

Произошел бой, и турки, при всем своем превосходстве в силах, оказались наголову разбиты. Они потеряли до пяти тысяч человек, в то время как победители — 1015 человек уби-

тыми и ранеными. Султанский полководец Омер-паша отказался от намерения взять у русских Бухарест.

Предвидение Ивана Федоровича Паскевича, как большого полководца, состояло в следующем. Человек, выигравший для Российской державы четыре войны, словно предчувствовал, что заботливо выведенные им в Россию кадровые войска русской армии очень скоро востребуются совсем в другом месте для продолжения войны. Таким театром военных действий для войск теперь уже бывшей Дунайской армии оказалось южное российское порубежье, Крымский полуостров.

Показателен тот факт, что в Дунайских княжествах не был оставлен ни один человек из 27 тысяч больных и раненых воинов. С русскими войсками ушли в Россию болгарские, сербские и часть румынских повстанцев, действовавших против турок-османов. Часть из них уходила в Россию вместе с семьями, чтобы осесть в ней...

Отвод русской Дунайской армии на российскую территорию проходил в сложнейших санитарных условиях. Уходивших буквально по пятам преследовала эпидемия холеры, которую завезли в город Варну десантные французские войска. Оттуда холера «пошла гулять» по дунайским берегам и дальше.

С полным выводом войск Дунайской армии генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич окончательно передал главное командование князю Горчакову. Других кандидатур на эту должность в русском генералитете Император Николай I продолжал «упорно не видеть». Паскевич уезжает в свое гомельское поместье, а оттуда — в Варшаву, вновь вступив в управление Царством Польским.

На польской земле у царского наместника больше всего оказалось дел военных. Расквартированная здесь русская Западная армия стерегла недавних союзников России по войне в Венгрии австрийцев по всей линии государственной границы. Обстановка на ней из мирной превратилась фактически в предвоенную.

А тем временем выведенные по настоянию полководца И.Ф. Паскевича русские войска спешили из Бессарабии в Крым. Там начала высаживаться англо-французская экспедиционная армия, которая будет подкреплена пехотой сул-

тана Турции и армией Сардинского королевства. Одновременно началась блокада военно-морской крепости Севастополь, главной базы русского Черноморского флота, со стороны моря.

Когда на подступах к черноморской крепости Севастополь разгорелись первые бои, царский наместник в Польше поспешил туда из мирной Варшавы. Он ехал в действующие в Крыму русские войска в качестве добровольного военного советника. Ехал по зову своего сердца. К тому же он являлся в вооруженных силах России генерал-инспектором всей пехоты русской армии.

В конце 1854 года престарелый генерал-фельдмаршал побывал на Крымском театре военных действий. И в безынициативных действиях русского командования увидел для себя безрадостную картину. В конце того года к городу-крепости Севастополю уже подбирались войска союзников — англичан и французов. Теперь они базировались на близкую к Севастополю Балаклаву.

В главной базе русского Черноморского флота Ивану Федоровичу Паскевичу довелось перетерпеть жесточайший шторм на море, разразившийся 5 ноября и который своими «делами» навечно вписался в историю Крымской войны.

В тот день страшной силы шторм наделал больше всего бед вражескому флоту и экспедиционным войскам Англии и Франции на крымской земле. Среди прочего, тогда страшный морской ураган выбросил на берег французский линейный корабль «Генрих IV». А на прибрежные скалы — огромный британский пароход «Принц», нагруженный запасом теплого белья для всей английской армии, которой предстояло воевать в условиях крымской зимы. Шторм натворил много и других бед в балаклавской бухте.

Наместник Царства Польского в день 5 ноября и сопровождавший его князь Урусов находились на небольшой «гостевой» яхте, мирно стоявшей в севастопольской бухте. Сидя во время разыгравшегося шторма в большой каюте, они увидели вдруг над собою в иллюминаторе бушприт парохода «Громоносец», навалившегося своей громадой на яхту. Пароход стоял на якоре в бухте неподалеку от яхты.

К счастью, изменившийся на какую-то минуту штормовой ветер разъединил два судна. В противном случае огромный пароход просто раздавил бы собой небольшую яхту. После окончания урагана оба князя дали себе обет, что больше не будут жить ни на яхте для почетных гостей, ни на самом современном пароходе, а только преспокойно на суше, которую не поколеблет никакой ураган на море...

Иван Федорович Паскевич, которому пришлось вскоре по неотложным делам наместничества возвратиться в Варшаву, болезненно следил за развитием севастопольских событий. Весть о внезапной кончине его благодетеля Императора Николая Павловича как громом поразила генерал-фельдмаршала — ведь для российской истории Паскевич был и остается николаевским полководцем и приближенным к нему лицом.

В этом царского наместника можно было понять. Паскевич терял лучшего своего друга в жизни, если таковым можно было назвать венценосного Николая Павловича. Утрата была и в другом. Железной рукой подавив восстание поляков в 1831 году, николаевский полководец затем без малого четверть века в меру своих сил и таланта управлял «умиротворенным» Царством Польским в полном соответствии с государственными идеалами самодержца России.

Скорбная для наместника Царства Польского весть из столицы империи ускорила (так считали лечащие врачи) развитие и его болезни. Болезнь определялась как скирра — одна из форм рака желудка. Могучий организм генерал-фельдмаршала еще боролся со страшным недугом. Полководец-наместник, по временам чувствуя себя относительно хорошо, продолжал заниматься служебными делами. Но теперь его больше интересовали вести не из Санкт-Петербурга, а из Крыма.

Известие о вступлении союзных англо-французских войск в город русской воинской славы Севастополь вконец сразило Ивана Федоровича Паскевича. И он окончательно слег в постель. Об этом свидетельствуют очевидцы из числа людей, близких к нему и присутствовавших при последних днях жизни прославленного русского полководца.

20 января 1856 года светлейший князь Варшавский граф И.Ф. Паскевич-Эриванский закрыл глаза навеки. Символично,

что это случилось в тот самый день, когда англичане взорвали корабельные доки в разрушенном осадной войной городе-крепости Севастополе.

По всей Российской империи, в русской армии было объявлено, что из жизни ушел великий полководец России.

В предсмертном завещании Ивана Федоровича Паскевича, с юности связавшего собственную судьбу с российским воинством, понимавшего душу простого солдата, значилось следующее.

Прославленный полководец завещал на смертном одре в Государственный инвалидный капитал (был такой в старой России) на пособия изувеченным и тяжело раненым русским воинам огромную сумму в 50 тысяч рублей серебром из собственного личного состояния.

На эти немалые деньги и банковские проценты с них генерал-фельдмаршал Паскевич просил организовать содержание до 200 человек увечных нижних чинов. То есть это было пенсией для солдат-инвалидов России, которые по самый 1917 год назывались и в документах, и в народе «увечными воинами».

Тело покойного наместника Царства Польского, великого полководца России целую неделю стояло для прощальной церемонии в замковой церкви Варшавы. Оттуда 28 января с царскими почестями тело было перевезено в село Ивановское (ныне Дембин) Люблинской губернии, где и было погребено в фамильном склепе рода Паскевичей.

От Варшавы до Ивангорода народ — простой люд, местное дворянство, солдаты и офицеры местных гарнизонов, собиравшийся по обеим сторонам дороги, в скорбном молчании выходил навстречу траурной процессии. Ночью окрестные жители поляки являлись к дороге с зажженными факелами и при проезде печальной колесницы с гробом полководца обнажали свои головы.

Иван Федорович Паскевич за время своего долгого, 25-летнего полновластного наместничества в Царстве Польском сумел заслужить уважение простого народа. Не случайно Император Николай I всегда ценил в полководце большой талант управителя огромным краем. Сперва — Кавказским, затем — российской частью Польши...

С Высочайшего соизволения Императора Александра II всеместно в войсках Российского государства объявили, что:

«...Его светлости господина генерал-фельдмаршала, генерал-адъютанта, главнокомандующего действующей армией, генерал-инспектора всей пехоты, шефа пехотного и егерского имени его полков, наместника в Царстве Польском, члена Государственного Совета, имеющий портрет его императорского величества алмазами украшенный и ордена: Святого апостола Андрея Первозванного алмазами украшенного, Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1-го класса большого креста, Святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени большого креста, Святого Александра Невского украшенного алмазами, Белого Орла, Святой Анны 1-й степени алмазами украшенного, иностранных: прусских: Черного Орла, украшенного алмазами и Красного Орла первых степеней, персидского Льва и Солнца 1-й степени на золотой цепи и турецкой Луны кавалер; имеющий золотую шпагу, алмазами украшенную с надписью: «За поражение персиян при Елисаветполе», золотую шпагу «За храбрость», золотую шпагу, алмазами украшенную, пожалованную его величеством королем Прусским и польский знак отличия за военные достоинства 1-й степени князя Ивана Федоровича Варшавского, графа Паскевича-Эриванского не стало».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Такими знали современники двух русских генерал-фельдмаршалов графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканского и князя Ивана Федоровича Варшавского, графа Паскевича-Эриванского, как боевые соратники по русской армии, так и те люди, которые в то время олицетворяли собой российскую общественность.

Ныне их потомки напряженно всматриваются в даль времен, пытаются по-новому, без политических шор, оценить действующих лиц нашего прошлого.

Надеемся, что эта книга позволит современному читателю вспомнить и зримо представить себе эти незаурядные в российской истории личности.

Из их деятельности можно извлечь еще много полезных уроков.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X—XII. — Тифлис, 1836.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I—IV. — СПб., 1840—1841.

Бестужев И.В. Крымская война 1853—1856 гг. — М., 1956.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. — М., 1994.

Богданович М.И. Восточная война 1853—1856. В 4-х т. Т. I. — СПб., 1876.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. I—III. — СПб., 1859—1860.

Борисенок Ю. Хозяин мятежного края: Штрихи к образу фельдмаршала Паскевича. — Родина, 1994, № 12.

Бородино. 1812. Сборник статей. (Абалихин Б.С. и др.) — М., 1987.

Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. Т. X. — Тифлис, 1886.

Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. I, II. — СПб., 1823—1824.

Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции. — М., 1867.

Гейрот. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. — СПб., 1872.

Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. — М., 1998.

Георгиевские кавалеры. Т. I. — М., 1993.

Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. — Л., 1988.

Гордеев А.А. История казаков. В 4-х ч. Ч. III. — М., 1992.

Грачев В.И. Письма французского офицера из г. Смоленска в 1812 г. 2-е изд. — Смоленск, 1911.

Давыдов Д.В. Военные записки. — М., 1982.

Достопамятные черты из жизни генерал-фельдмаршала, князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, и храбрых его сподвижников, заключающие в себе все военные события трех достопамятных кампаний: Персидской, Турецкой и Польской, прославивших русское

оружие. С присовокуплением исторического обозрения польской революции, разных высочайших рескриптов, приказов фельдмаршала. Ч. I—VI. — М., 1833.

Дубровин Н. Восточная война 1853—1856. Обзор событий... — СПб., 1878.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и оборона Севастополя. — СПб., 1900.

Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. VI. — СПб., 1888.

Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1845 гг.) — СПб., 1882.

Дюпюи Р.-Э., Дюпюи Р. Всемирная история войн. Т. III. — СПб.—М., 1997—1998.

Епанчин Ю.А. Батарея Раевского. — Вопросы истории. 1991, № 2—3.

Епанчин Ю.А. Два сражения генерала Н.Н. Раевского. — Военно-исторический журнал, 1987, № 10.

Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826—1827 гг. Донесения и письма. — Русская старина, 1872, № 7, 9.

Ермолов А.П. Записки. Ч. II. — М., 1868.

Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в 1812. — М., 1953.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. — СПб., 1908.

Земцов В.Н. Битва на Москва-реке. — М., 1999.

Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. Ч. I—III. — М., 1831.

Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. II. — СПб., 1836.

Иностранцев А. Отечественная война 1812 г. Операции второй Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. — СПб., 1914.

Подгорная Н.И. Кавалеры Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней (1769—1916). — Рига, 1993.

Каллаш В.В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. — М., 1912.

Керсновский А.А. История русской армии. Т. II. — М., 1993.

Ключевский В.О. Исторические портреты. — М., 1991.

Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей. XVIII — начало XX в. — М., 1997.

Кухарук А. Вместо Парижа — на Будапешт! — Родина, 1999, № 11.

Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. II. — СПб., 1886.

Лукьянович. Описание Турецкой войны 1828 и 1829. В 3-х ч. — СПб., 1844, 1844, 1847.

Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828—1829 годах. — Ярославль, 1972.

Меньков П.К. Записки в 3-х т. Т. I. Дунай и немцы. Восточный вопрос 1853—1856. — Б. м., б. г.

Меньков П.К. Записки в 3-х т. Т. III. Очерки Польской кампании князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского. — Б. м., б. г.

Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX века. — М., 1990.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. Ч. I—IV. — СПб., 1843.

Общие сведения о кавказских городах. Вып. I. — Тифлис, 1868.

Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научных конференций. Бородино, 1988—2000 гг.

Перцев В. Жизнеописание генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского. — Варшава, 1870.

Петров А.Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. I, II. — СПб., 1893—1894.

Петров А.Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853—1854 гг. Т. I. — СПб., 1890.

Под стягом России: Сборник архивных документов. — М., 1992.

Полевой Н.А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. — СПб., 1845.

Поливанов А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853—1854 и 1877. — СПб., 1894.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. — СПб., 1885.

Прочко И.С. История развития артиллерии. — СПб., 1994.

Дневник Павла Пущина 1812—1814. — Л., 1987.

Романовский И. Кавказ и кавказская война. — СПб., 1860.

Русские государи. Их происхождение, интимная жизнь и политика. — М., 1993.

Рубцов Ю.В. Их подвигами дивился мир. — М., 1997.

Руновский А. Записки о Шамиле. — СПб., 1860.

Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. — Тифлис, 1901.

Сапожников С.А. Шевченко, Бларамберги и Мавромихали. — М., 1999.

Таратыгин Ф.А. Известные русские военные деятели. Краткое их жизнеописание. — СПб., 1911.

Тарле Е.В. Крымская война (1853—1856 гг.) Т. I. — М.—Л., 1950.

Тарле Е.В. Избр. соч. Т. I. Нашествие Наполеона на Россию. — М., 1994. 1812 год в воспоминаниях современников. — М., 1945.

Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. — СПб., 1912.

Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801—1901. Т. IV. — Тифлис, 1908.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. — М., 1961.

Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. — М., 1995.

- Харбота Т. Битвы мировой истории. — М., 1993.
 Харькевич В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска включительно. — Казань, 1898.
 Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. — Л., 1941.
 Шеремет В.И. У врат Царьграда: Кампания 1829 г. и Адрианопольский мир. — Военно-исторический журнал, 2000, № 2.
 Шишов А.В. Век Екатерины. — М., 1998.
 Шишов А.В. Во славу русского оружия. — М., 1993.
 Шишов А.В. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. — Военный вестник, 1993, № 8.
 Шишов А.В. Империя. — М., 1998.
 Шишов А.В. Наполеон I: «Русские стяжали право быть непобедимыми». — Военно-исторический журнал, 1997, № 5.
 Шишов А.В. Сражение за Малоярославец — сражение за стратегическую инициативу в войне. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. — Малоярославец, 1994.
 Шишов А.В. 100 великих военачальников. — М., 2000.
 Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. I—VII. — СПб., 1888—1904.

СОДЕРЖАНИЕ

Авторское предисловие	3
-----------------------------	---

**Генерал-фельдмаршал
ГРАФ ИВАН ИВАНОВИЧ ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ**

Силезские истоки	7
Знакомство с новым Отечеством	10
Первые отличия и первые награды	13
Переход в Генеральный штаб	15
Молодой герой Отечественной войны 1812 года	17
Признанный военачальник в заграничных походах	29
Укрепление позиций при дворе	40
Начальник Главного штаба	42
Графская корона за миссию на Кавказе	51
Хочешь мира — готовься к войне	61
В преддверии главного дела жизни	70
Главнокомандующий	82
Триумф	123
Мирная передышка	129
Последняя кампания фельдмаршала	135
Смерть	180

**Генерал-фельдмаршал
КНЯЗЬ ИВАН ФЕДОРОВИЧ ВАРШАВСКИЙ
ГРАФ ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ**

Пролог	187
Малороссийские корни	189
Начало карьеры	192
На первых генеральских должностях	205
Славный 1812-й	207

РУССКИЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛЫ

Заграничные походы	233
На пути наверх	239
Усмирение Персии	243
Борьба за мирный договор	290
Дождь наград и графский титул.....	308
Укрепление позиций. Гибель Грибоедова	310
Разгром Турции	318
Генерал-фельдмаршальский жезл	425
Князь Варшавский	433
Наместник Царства Польского	454
Усмирение Венгрии и Трансильвании	457
На закате дней	475
Вместо эпилога	488
Использованные источники	489

ISBN 5-227-01286-5

9 785227 012869

Научно-просветительное издание

Алексей Васильевич
ШИЦОВ

РУССКИЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛЫ
ДИБИЧ-ЗАБАКАНСКИЙ
ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ

Ответственный редактор С.А. Сапожников

Редактор Т.С. Ковалева

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор И.С. Соловьева

Изд. лиц. АР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.04.2001

Формат 60x90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31

Уч.-изд. л. 25,79 + 3 альбома = 28,96

Тираж 3 000 экз. Заказ № 906

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14